N ALERT!

ical condition of this item is such that extreme care should be given to its use. W
owing library consider making it available for building use only. When returning it
kaging to minimize further damage in shipping.

me is being sent to you for a limited 2-week loan period, calculated from date of shi
no renewal permitted and you may receive an automatically generated recall notice or
ed a save on it for binding on our online circulation system, LCS. The item will be
mending upon return.

tempt to meet the need of remote library users, we are making every effort to share o
library loan. If this approach does not prove workable, our alternative will be not
n items in the future. Your cooperation in handling this transaction will be appreci

PLEASE HANDLE WITH CARE

ommend
se

.

rded

llection
nd

Y
ITY
NOIS
73
02
-8

POOR CON

The
that the
use adde

The
There wi
since we
for prio

In
through
poor con

Printed in Soviet Union

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ VII.

ИЗДАНІЕ. Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 4 Сентября 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ. соб. домъ, № 40.

891.73
M18
I 1902
V. 7-8

Томъ VII.

И ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ ВОИНЪ.

Романъ.

И ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ ВОИНЪ.

(Романъ честнаго человѣка).

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкинъ.

I.

Я, моя семья и первые проблески моего духа.

Какъ бы это ни показалось на первый взглядъ парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что акту моего рожденія или, вѣрнѣе, первому моему появленію на жизненной сценѣ въ значительной степени посодѣйствовалъ совершенно посторонній факторъ: бурмистръ Кондратъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряла меня родная мать, сопровождавшая всегда слезами и причитаніями воспоминанія о моемъ рожденіи, при чемъ отецъ, если это происходило при немъ, сопѣлъ и насупливалъ брови. Такъ гласило и преданіе всей нашей деревни и, наконецъ, этимъ именно объясняетъ глупое населеніе послѣднее мое мнимое „кро-

вопивство"; какъ будто требовать отъ должниковъ точности въ исполненіи законныхъ обязательствъ есть кровопивство. Признаюсь откровенно, я всегда былъ ярымъ противникомъ всякихъ сумасбродныхъ теорій о какомъ-то всеобщемъ счастіи насчетъ чужого кармана, мечтать о которомъ—удѣлъ всѣхъ праздныхъ лѣнтяевъ и недоучекъ, ибо отлично понималъ, что всѣ міровыя отношенія основаны на общемъ принципѣ борьбы за существованіе. Такимъ образомъ я всегда отрицалъ всякія подачки, льготы и иныя филантропическія затѣи, только развращающія и безъ того уже лѣнивую и развратную массу, и требовалъ точности и аккуратности въ исполненіи законныхъ договоровъ, контрактовъ и прочихъ обязательствъ, что на жаргонѣ завистливой, глупой и алчной бѣдноты называется „кровопивствомъ".

— Кондратъ его раньше срока на свѣтъ выгналъ, отъ Кондрата онъ и кровь нашу пить сталъ!

О, глупая, глупая бѣдность!

Бурмистръ Кондратъ былъ умный и трезвый мужикъ и вѣрный слуга пана, за что все село и ненавидѣло его хуже чорта. Если онъ и явился невольнымъ виновникомъ моего преждевременнаго появленія на свѣтъ, то только потому именно, что честно исполнялъ свой долгъ бурмистра и съ достоинствомъ относился къ своей обязанности.

Въ то время наше село было вотчиной богатаго пана Жонгаловича, а мои родители, какъ и все остальное населеніе села,—его крѣпостными. Панъ былъ строгій и аккуратный, почти безвыѣздно жилъ въ селѣ и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ все населеніе, отлично зная, что только строгостью удержишь хохла въ повиновеніи. Честный и умный Кондратъ былъ его правою рукой.

Разъ утромъ, какъ разъ наканунѣ Новаго года, когда мать моя была на девятомъ мѣсяцѣ беременности мною, бурмистръ постучалъ въ окно нашей хаты и приказалъ матери отправляться на панскій дворъ мыть полы. Мать,—тихая и смирная женщина,—быстро собралась, но отецъ, бывшій почему-то не въ духѣ, заворчалъ и потребовалъ отъ Кондрата, чтобы тотъ освободилъ мать въ виду ея положенія.

— Не могу,—отвѣчалъ Кондратъ:—и радъ бы, да нельзя! У пана завтра много гостей будетъ, такъ нужно хорошо все прибрать... А ваша жинка,—сами знаете,—первая мастерица на этотъ счетъ!

Отецъ замолчалъ, но когда ушла мать, онъ вышелъ изъ хаты и, встрѣтивъ Кондрата, вновь сталъ приставать къ нему отпустить мать. Тотъ разсердился, пошло слово за слово и отецъ, обыкновенно степенный и тихій, обозвалъ его собакой. Результатомъ этого, конечно, было то, что отца повели на панскую

конюшню... Услышавъ его крикъ, мать, несшая въ этотъ моментъ большую вязанку дровъ, задрожала, споткнулась и грохнулась на земь. Въ этотъ же моментъ, въ унисонъ со стонами матери и криками отца на конюшнѣ, раздался и мой первый, младенческій крикъ.

Такимъ образомъ, благодаря стеченію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мнѣ пришлось увидѣть впервые свѣтъ не въ грубой, мужицкой хатѣ, а въ роскошныхъ панскихъ палатахъ. Правда, пребываніе мое тамъ было очень кратковременно... Панъ, узнавъ о случившемся, страшно разсердился на мать, ругалъ ее за испачканный полъ, а меня даже, какъ говорятъ, пихнулъ носкомъ сапога и велѣлъ немедленно унести насъ обоихъ,—тѣмъ не менѣе суевѣрный человѣкъ имѣлъ бы полное право видѣть въ этомъ особое предзнаменованіе. Я самъ, конечно, не придаю этому никакого значенія, но мать моя почему-то всегда надѣялась видѣть во мнѣ нѣчто лучше простого, грубаго мужика и предсказывала мнѣ не мужицкую долю. Было ли это дѣйствительно „внушеніе свыше“, какъ увѣряетъ почтенный отецъ Іуда, нашъ сельскій пастырь (о, если бы намъ побольше такихъ пастырей!), или просто въ ней говорилъ материнскій инстинктъ, которому нѣтъ никакого реальнаго объясненія,—только ожиданія ея сбылись вполнѣ, ибо изъ крѣпостного я въ концѣ концовъ сдѣлался владыкою родного села!

Много, конечно, тяжелаго и больного пришлось мнѣ испытать отъ людей до того, много пережить горя; но если и не смотрѣть на него какъ на выше посланную чашу испытанія, какъ увѣряетъ отецъ Іуда, — то и тогда я не ропщу. Я знаю, что каждый шагъ въ жизни долженъ браться съ боя, что даромъ никто ничего не уступитъ, что борьба есть законъ жизни,—ну, а въ борьбѣ нельзя претендовать на особую деликатность. Поэтому я и не ропщу, не поминаю зла, ни къ кому не питаю ненависти и охотно прощаю все, мнѣ волей или неволей причиненное. Къ сожалѣнію, не всѣ относятся такъ, и я отлично знаю, что есть много людей, ненавидящихъ меня до глубины души, готовыхъ утопить въ ложкѣ воды за то, конечно, что въ борьбѣ за жизнь я оказался сильнѣе ихъ и вышелъ побѣдителемъ.

О, зависть, зависть!

Вообще, нельзя сказать, чтобы мое появленіе на свѣтъ было встрѣчено особенно привѣтливо. Панъ, какъ я уже сказалъ, далъ мнѣ пинка, а глупыя сосѣдки и вся родня, окружавшая мать немедленно послѣ того, какъ ее дотащили въ хату изъ панскихъ хоромъ, стала охать и причитать, что я-де родился не къ добру. Глупые и суевѣрные люди выводили такое нелѣпое заключеніе изъ того, что я родился преждевременно, когда сѣкли отца и раздавались его всхлипыванія о пощадѣ. Въ

особенности настаивала на этомъ старая Солоха.

— Не къ добру родился онъ,—кричала эта старая, дряхлая вѣдьма:—и не будетъ отъ него проку: или помретъ, или „гаспидомъ“ будетъ.

Но чуткое материнское сердце вѣщало иное.

Она съ любовью прижала меня къ груди, поглядѣла и, цѣлуя, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, добрые люди, не помретъ мой сыночекъ и гаспидомъ не будетъ... Онъ будетъ богатымъ и разумнымъ.

Мать увѣряла, что я, какъ бы понявъ ея слова, въ отвѣтъ заморгалъ глазками и дрыгнулъ ножкой.

Возраженіе матери, повидимому, нисколько не повліяло, однако, на глупое предубѣжденіе этихъ старыхъ воронъ, такъ какъ и впослѣдствіи онѣ относились гораздо дружелюбнѣе и родственнѣе къ моей старшей сестрѣ Галѣ и брату Тарасу, чѣмъ ко мнѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, за всякую шалость, обзывали меня аспидскимъ сыномъ или Иродовымъ сѣменемъ. Но за то тѣмъ мягче, тѣмъ любовнѣе становилась ко мнѣ мать, тѣмъ больше ласкала и баловала, такъ что вообще въ семьѣ я слылъ за мамина „мазунчика“.

Впослѣдствіи я узналъ, что это предубѣжденіе противъ меня имѣло еще другое основаніе, коренилось главнымъ образомъ въ подозрѣніи, будто виновникомъ моего рожденія

былъ не мой отецъ, Семенъ Кожухъ, а красивый экономъ нашего пана, шляхтичъ Облупинскій. Отецъ, повидимому, тоже раздѣлялъ общее предубѣжденіе и былъ не чуждъ этого подозрѣнія, такъ какъ, вообще мягкій и добрый человѣкъ, онъ, какъ и всѣ, больше долюбливалъ сестру и брата, спускалъ имъ многое, за что доставалось мнѣ, и въ порывахъ гнѣва ругалъ меня „байстрюкомъ", какъ никогда не ругалъ ни сестру, ни брата. Хотя, конечно, для самолюбія человѣка болѣе лестно вести свой родъ отъ шляхтича, чѣмъ отъ простого мужика, тѣмъ не менѣе я долженъ признаться, что ни утверждать, ни отрицать ничего не могу, такъ какъ, съ одной стороны, нѣкоторое сходство ничего еще не значитъ и можетъ быть случайнымъ, а, съ другой стороны,—мать никогда не говорила мнѣ объ этомъ и всякіе намеки на интимность съ панычемъ Облупинскимъ встрѣчала энергичнымъ протестомъ.

— Чтобъ вамъ обоимъ съ Облупинскимъ подохнуть вмѣстѣ... Чтобъ вамъ кишки перевернуло!—заканчивала она обыкновенно.

Могу сказать только, что въ этомъ подозрѣніи не было ничего невозможнаго. Моя мать, несмотря на свои 27 лѣтъ, всякую работу и двоихъ дѣтей, была еще очень недурна и свѣжа. Какъ она сама, да и всѣ говорили, въ ея жилахъ, несомнѣнно, текла благородная кровь, такъ какъ мать ея, моя покойная

бабушка, за миловидность была взята ко двору и выдана замужъ за бездѣтнаго вдовца, дѣдушку Панаса, на восьмомъ мѣсяцѣ беременности моею матерью. Кромѣ того, моя мать была во многомъ выше моего отца, такъ какъ все дѣвичество провела въ дворовыхъ дѣвушкахъ, гдѣ получила понятіе о другой, болѣе утонченной жизни, чѣмъ простая мужицкая, и узнала многое такое, о чемъ отецъ и понятія не имѣлъ, что и дало ей возможность прибрать весь домъ къ своимъ рукамъ. Къ тому же любить особенно отца она и не могла еще и потому, что за него вышла только по настоянію дѣда Панаса, который, полюбивъ ее какъ родную и трепеща за ея цѣломудріе, упросилъ пана отдать ее замужъ, какъ только стукнуло ей 16 лѣтъ.

Теперь, я думаю, будетъ кстати познакомиться читателю поближе съ моею семьей и съ нѣкоторыми членами моей близкой родни, которымъ суждено играть не послѣднюю роль въ моемъ повѣствованіи. Собственно, семья наша состояла изъ шести лицъ: бездѣтнаго (если не считать моей матери) и вдоваго дѣда Панаса, отца, матери, шестью годами старше меня сестры, Гали, и брата Тараса, родившагося два года спустя послѣ меня, какъ двѣ капли въ отца, что, повидимому, особенно располагало къ нему послѣдняго. Какъ я уже говорилъ, панъ, въ насмѣшку надъ бездѣтностью дѣда Панаса, когда умерла его первая жена,

женилъ его на беременной уже моею матерью дворовой дѣвушкѣ. Черезъ годъ послѣ того, бабушка, испугавшись волка, выкинула мертваго ребенка и вплоть уже до самой своей смерти оставалась бездѣтной. За то дѣдъ сильно привязался къ Марысѣ—моей матери, полюбилъ ее какъ родную и, какъ только умерла бабка, перешелъ въ нашу семью.

Несмотря на все убожество нашей жизненной обстановки, никто, кромѣ меня и матери, повидимому, вовсе не тяготился ею,—по крайней мѣрѣ, я никогда не слышалъ, чтобы дѣдъ Панасъ или отецъ вслухъ мечтали о лучшей долѣ или лучшей обстановкѣ. Конечно, оба они,—и дѣдъ, и отецъ,—желали бы быть и вольными, и богатыми; но такъ какъ и то, и другое они считали вполнѣ несбыточнымъ, невозможнымъ, то не только никогда не говорили о чемъ-нибудь подобномъ, но, вѣроятно, и не думали даже. Все, что допускали самыя крайнія, самыя розовыя мечты ихъ, не шло дальше пристройки новой горенки къ сѣнямъ нашей хаты, да и то откладывалось ими въ дальній ящикъ, на то далекое будущее, когда одинъ изъ насъ подростетъ и придется сыграть свадьбу. Ежедневныя же, будничныя желанія, которыми жилъ отецъ, были—избѣжаніе панскаго гнѣва и хорошій урожай. Совсѣмъ не то моя мать, а благодаря ей и я, ея пѣстунъ и любимецъ. Мать никогда не могла забыть счастливыхъ и отрадныхъ для нея дней

дѣвичества, когда она была въ числѣ панской дворни, когда за ней ухаживали красивые лакеи въ ярко-красныхъ жилетахъ и голубыхъ сюртукахъ съ большими мѣдными пуговицами, и даже щеголи панычи,—когда ея руки не знали тяжелой, грубой мужицкой работы, а ей самой не приходилось возиться со скотомъ. свиньями и стряпней. Она никогда не могла забыть высокихъ, роскошныхъ палатъ съ громадными зеркалами и блестѣвшими, какъ зеркала, полами, не могла забыть всей роскоши двора, видѣнныхъ ею баловъ, пировъ, красивыхъ, богатыхъ нарядовъ и вкусныхъ объѣдковъ, порой выпадавшихъ на ея долю и не имѣвшихъ, конечно, ничего общаго съ нашимъ чернымъ, какъ земля, и кислымъ хлѣбомъ, борщемъ и горохомъ. Эти воспоминанія были ея отрадой, ея жизнью, ея душой, ея святыней, открытою изъ постороннихъ только мнѣ одному. И я жадно вслушивался въ ея разсказы, жадно ловилъ ихъ тайный смыслъ, страстно воспринималъ ея симпатіи, ненавидѣлъ все ей противное. Такимъ образомъ, я еще въ раннемъ дѣтствѣ получилъ отвращеніе къ бѣдности и грубой мужицкой долѣ, постигъ прелесть богатства и высокаго положенія на ступеняхъ общественной лѣстницы и незамѣтно затаилъ въ душѣ желаніе достичь и того, и другого. Несомнѣнно, что эти воспоминанія, эти разсказы матери имѣли громадное вліяніе на образованіе моего характера, надѣляли ме-

ня вкусами и желаніями, чуждыми окружавшей средѣ, и такимъ образомъ явились импульсомъ всей моей послѣдующей жизни. Да, своимъ положеніемъ, своимъ богатствомъ, я много обязанъ родной матери, заронившей въ мою еще юную, дѣвственную душу божественную искру самосовершенствованія!

Чѣмъ бы я былъ безъ нея?!

Чѣмъ тяжелѣе и безотраднѣе была дѣйствительность, чѣмъ труднѣе выпадали минуты жизни, тѣмъ страстнѣе отдавалась мать своимъ воспоминаніямъ, тѣмъ охотнѣе прибѣгала къ разсказамъ объ ея заманчивомъ прошломъ. Въ такія мгновенія ея глаза горѣли, на обыкновенно блѣдныхъ щекахъ выступалъ румянецъ, грудь порывисто и глубоко дышала, а я, затаивъ дыханіе и не сводя съ нея глазъ, страстно ловилъ ея слова подъ жужжанье веретена, крикъ сверчка, храпъ дѣда Панаса на печи и монотонное завываніе Гали, няньчившей Тараса. Разсказы обыкновенно заканчивались вздохами, а затѣмъ жгучими слезами, и тогда я бросался къ матери, обвивалъ ея шею ручонками, просилъ не плакать, обѣщалъ быть богатымъ и знатнымъ и дать ей такимъ образомъ все ею любимое, и рыдалъ и бился у ней на груди до тѣхъ поръ, пока она не душила мои рыданія своими поцѣлуями.

Живо я помню эти картины!

Въ каждое свое посѣщеніе двора,—несла ли мать туда яйца, масло, пряжу, куръ или

что-нибудь другое изъ установленныхъ паномъ для его крѣпостныхъ обязательныхъ еженедѣльныхъ приношеній, шла ли на дворовую службу чистить садъ, мыть полы и т. д.,—она почти всегда брала меня съ собой. Правда, мнѣ никогда не удавалось попасть въ самый „палацъ“ и приходилось сидѣть или въ людской, пока мать сдавала экономкѣ принесенное, или любоваться громадными окнами, стройными колоннами, легкими балконами палаццо, изъ глубокихъ, тѣнистыхъ, уставленныхъ большими статуями аллей стараго парка, но и это было для меня наслажденіемъ, и я съ восторгомъ всегда рвался изъ нашей душной и грязной хаты на панскій дворъ. Въ людской я видѣлъ красивыхъ и ловкихъ дворовыхъ, слышалъ веселый смѣхъ и шутки, узнавалъ подчасъ весьма интересныя дворовыя приключенія и тайны,—словомъ, могъ жить болѣе широкою жизнью, чѣмъ жизнь нашей хаты; изъ тѣнистыхъ же аллей парка, подъ сѣнью вѣковыхъ гигантовъ, или у ногъ бѣлоснѣжной, красивой статуи я могъ вперять взоръ въ громадныя окна дворца, ловить въ нихъ движенія и силуэты его обитателей, а остальное дополнять воображеніемъ.

Воображеніе развилось у меня рано и сильно, чему, можетъ-быть, способствовали и сказки дѣда Панаса. Мечтать, жить среди призраковъ и призрачныхъ условій, быть героемъ фантастическихъ приключеній стало для меня насла-

жденіемъ, даже больше—потребностью. Само собою разумѣется, что центромъ всего этого былъ панскій дворецъ, его дворъ и широкій тѣнистый садъ. Я мечталъ, зарываясь въ бурьянъ или высокую траву панскаго сада, гдѣ дѣдъ исполнялъ роль помощника садовника; зимою же, когда кромѣ насъ, дѣтей, въ хатѣ оставался и дѣдъ, я забирался къ нему на печь, закрывалъ глаза и мечталъ, притворяясь спящимъ.

Храпъ дѣда превращался въ прекрасную, стройную музыку; низкія стѣны бѣдной хаты раздвигались и превращались въ роскошныя мраморныя залы дворца съ громадными окнами, громадными зеркалами и блестящими полами... Свободно и смѣло хожу я по нимъ, одѣтый не въ грязное рубище... Я превратился въ красиваго двороваго казачка въ красномъ жилетѣ и голубой шапкѣ съ широкимъ бѣлымъ галуномъ... Я ѣмъ самыя вкусныя и сладкія блюда. Меня цѣлуютъ и ласкаютъ красивыя пани, одѣтыя въ самые дорогіе наряды; ихъ мягкія, нѣжныя и бѣлыя руки треплютъ меня по щекамъ и крѣпко прижимаютъ къ упругой, полной груди... Я слышу, какъ бьется и трепещетъ ихъ сердце. Меня всѣ любятъ, мнѣ все удается, на меня сыплются неисчислимыя блага. Отецъ, мать... Но у меня нѣтъ ни отца, ни матери,—я совсѣмъ и не ихъ сынъ; у меня нѣтъ ни брата, ни сестры Гали, ни дѣда Панаса,—никого, никого... Я дѣлаю невѣроятные подвиги:

мужики бунтуютъ противъ пана; его окружаютъ со всѣхъ сторонъ; я вижу въ разъяренной толпѣ и отца, и тетку Солоху, и многихъ другихъ; минута—и пана не станетъ, только чудо можетъ спасти его... Но вотъ являюсь я съ блестящимъ, какъ зеркало, мечомъ, съ крикомъ рублю въ куски тетку Солоху, разбиваю все въ пухъ и прахъ, спасаю пана и панъ отдаетъ за меня, какъ въ старыхъ казацкихъ пѣсняхъ, родную красавицу дочь. Эти сны-видѣнія, эти страстныя галлюцинаціи варьировались мною на разные лады, каждый разъ иначе, смотря по тому, кто въ данное время сдѣлалъ мнѣ что нибудь непріятное, кому я чувствовалъ потребность отомстить или оказать какую-нибудь услугу... Перваго я уничтожалъ въ прахъ, второго мое доброе дѣтское сердце осыпало всяческими милостями. Но начало и финалъ всегда были одни и тѣ же: я всегда видѣлъ себя дворцовымъ казачкомъ, всегда рубилъ въ куски ненавистную Солоху, спасалъ пана и получалъ руку и сердце прекрасной панянки.

Очень можетъ быть, что эта напряженная дѣятельность мозга мѣшала моему физическому развитію и способствовала нѣкоторымъ образомъ общей слабости, хилости и болѣзненности всего организма. На видъ я былъ крайне тщедушный, слабый ребенокъ, съ блѣдными, впалыми щеками и большими синими кругами подъ глазами, вялый и апатичный, не любившій ни дѣтскихъ игръ, ни рѣзвости и смѣха,

и казался даже моложе краснощекаго здоровваго Тараса, любимца отца. Привычка думать про себя дѣлала меня нелюдимымъ и сосредоточеннымъ, заставляла бѣгать веселія и шума любить тишину и уединеніе, для чего я всегда и прятался на печь, притворяясь спящимъ. Все это, а также и то, что въ критическія минуты я обыкновенно прибѣгалъ къ материнской юбкѣ и рыдалъ благимъ матомъ, крайне раздражало отца, называвшаго меня не иначе какъ „маминой плаксой“ и вообще глядѣвшаго на меня какъ-то презрительно, какъ на существо, изъ котораго въ будущемъ не выйдетъ хорошаго работника: этотъ,—по его мнѣнію,—высшій идеалъ человѣка. Еще хуже относилась ко мнѣ ненавистная, крючконосая Солоха, приходившая положительно въ ярость при видѣ моего хилаго, болѣзненнаго лица и преслѣдовавшая меня за мнимую сонливость.

— Говорила я вамъ,—кричала она своимъ пронзительнымъ голосомъ, заставъ меня съ закрытыми глазами,—повидимому, спящимъ—на печкѣ:—говорила, что проку съ него не будетъ, такъ вотъ же такъ и выходитъ: не будетъ ничего съ лядащаго,—такъ всю жизнь проспитъ!...

Какъ было понять или догадаться этой глупой, сварливой бабѣ, что то, что она называла сномъ, было въ сущности страстною духовною жизнью?!... Одна мать только являлась въ такія минуты на мою защиту и въ то время, когда отецъ обыкновенно поддакивалъ Солохѣ,

она брала меня къ себѣ, цѣловала и говорила:

— Не вашъ онъ, а мой, такъ вы оставьте его въ покоѣ. Нашли хорошее занятіе, нечего сказать, преслѣдовать больное, невиннсе дитя! Ну, и пусть себѣ спитъ, если ему хочется, на то оно и малое; а выростетъ,—будетъ оно у меня цаця!...

II.

Ярость и злоба несутъ достойное наказаніе.

Я прожилъ уже много лѣтъ на свѣтѣ, много видѣлъ людей всякаго рода и званія, отъ высокопоставленныхъ, пользующихся всеобщимъ почетомъ, до грязныхъ подонковъ глупой черни, способныхъ вселять лишь ужасъ и отвращеніе; но, признаюсь, никогда не доводилось встрѣчать мнѣ человѣка антипатичнѣе тетки Солохи. Одинъ внѣшній видъ ея: длинная, какъ скелетъ, сухая фигура съ громаднымъ ястребинымъ клювомъ вмѣсто носа и страшными черными глазами, которыми она, казалось, насквозь пронизывала человѣка,—способенъ былъ напугать всякаго, а необычайно злой языкъ, вѣчно трещавшій какъ трещетка, вѣчно расточавшій хулы и проклятія, вѣчно кого-нибудь донимавшій, могъ уложить въ гробъ самаго здороваго человѣка. О, что это былъ за языкъ! Даже всесильный и строгій Кондратъ трепеталъ его и, заслышавъ язвительныя замѣ-

чанія или злыя пожеланія, сыпавшіяся какъ горохъ на его голову, когда онъ проходилъ мимо,—обыкновенно ускорялъ шаги, сплевывалъ и, крестясь, только произносилъ про себя: „Ну, и вѣдьма жъ, прости Господи!“

Что могъ онъ подѣлать съ этой ужасною бабой, когда она не боялась никого и ни передъ чѣмъ не останавливалась!

Солоха была родная сестра моего отца, старше лѣтъ на пятнадцать; къ несчастію матери и моему, ея хата стояла рядомъ съ нашею, что давало возможность этой старой вѣдьмѣ донимать насъ съ утра до ночи и вмѣшиваться во всѣ наши семейныя дѣла, такъ какъ недалекій и робкій отецъ находился подъ ея сильнымъ вліяніемъ и всегда считалъ ее правою. Послѣднее, конечно, не могло нравиться матери, имѣвшей полное, законное право быть хозяйкой въ своей хатѣ, и служило всегда исходнымъ пунктомъ вѣчныхъ ссоръ ея съ Солохой, кончавшихся обыкновенно тѣмъ, что отецъ, ругаясь, убѣгалъ изъ хаты, а на помощь являлся угрюмый Михайло, Солохинъ мужъ, и уводилъ ее домой.

— Тебѣ что здѣсь?..—ворчалъ онъ обыкновенно:—иди домой!—и тащилъ ее за рукавъ сорочки. Но злая баба, даже уходя, не умолкала: съ пѣной у рта набрасывалась она уже на него и орала во все горло...

— Мнѣ что?... Брата жаль, дѣтей маленькихъ—вотъ что! Загубитъ она ихъ, по міру

пуститъ, лѣнтяйка! На панскомъ дворѣ объѣдки сбирала и отъ нашей работы отвыкла... Дѣти голыя да голодныя, въ хатѣ грязь, вездѣ непорядокъ!.. Панскій прихвостень она, а не работница!

Конечно, мать, проведшая свою молодость въ иныхъ условіяхъ, получившая воспитаніе не въ мужицкой хатѣ,—не могла быть идеальною работницей, какою бы, можетъ-быть, желалось отцу и Солохѣ, часто помогавшей матери и потому считавшей себя въ правѣ читать ей наставленія и дѣлать выговоры. Нервная и впечатлительная, она не могла хладнокровно слушать такой брани и выбѣгала обыкновенно за Солохой на улицу, гдѣ онѣ обѣ поднимали цѣлый содомъ. Часто, впрочемъ, причиной подобныхъ ссоръ служило и то, что Солоха—съ единственною, конечно, цѣлью досадить матери—набрасывалась на меня и доводила меня своею бранью и злыми угрозами до слезъ. Она начинала обыкновенно въ такихъ случаяхъ съ укоровъ въ лѣни, апатіи и сонливости, не понимая, что подъ ними скрывались высшія духовныя потребности и инстинкты, а затѣмъ набрасывалась на мать за то, что мать любила меня больше другихъ,—точно можно предписывать законы материнскому чутью и сердцу и указывать, какъ и кого любить и на комъ изъ дѣтей сосредоточивать свои надежды.

— Охъ, Солоха!—кротко возражала ей иногда моя мать на эти нападки:—попридержи языкъ, побойся Бога!... Наказалъ онъ уже тебя

за него тѣмъ, что сына отдали въ солдаты, и еще, гляди, накажетъ!

Но это разумное и кроткое замѣчаніе, вмѣсто того, чтобы вразумить и остановить злую бабу, подливало только масла въ огонь и служило всегда прологомъ бурной сцены. Солоха никогда не могла забыть сына Остапа, еще до моего рожденія сданнаго паномъ въ рекруты за буйный и дерзкій нравъ. Мать говорила мнѣ, что, со дня сдачи сына, Михайло сталъ еще угрюмѣе, а Солоха, молившаяся о немъ какъ о мертвомъ, еще сварливѣе и чуть было даже не повѣсилась съ горя, но,—признаться, къ великому моему сожалѣнію,—во-время была вынута изъ петли подоспѣвшими людьми. Напоминаніе обо всемъ этомъ, хотя бы сдѣланное и кроткимъ тономъ, приводило ее положительно въ ярость и она всегда оставляла въ покоѣ меня и набрасывалась на мать съ невообразимою руганью, мѣшая въ одну кучу и ее, и бурмистра Кондрата, и паныча Облупинскаго, и даже самого пана.

— Чего сама прикидываешься овечкою, а язвишь и колешь мое сердце, уже и такъ разбитое этою панскою лаской!—визжала она во всю мочь, точно кто-нибудь могъ повѣрить, что у нея было сердце!

Боже, до чего была зла эта вѣдьма и до чего я ее ненавидѣлъ!

Въ своей черной, озлобленной душѣ она таила страстную, невыразимую злобу ко всему,

что̀ было выше, богаче и знатнѣе, что не пахло мужикомъ и не отвѣчало грубымъ мужицкимъ вкусамъ,—къ каждому пану, панычу, даже старостѣ и бурмистру. Все это, по мнѣнію этой ужасной бабы, были не люди, а „иродовы дѣти“, „чортовые ляхи“, кровопійцы, которымъ ея услужливое воображеніе подготовляло на „томъ свѣтѣ“ самыя страшныя и жестокія мученія. „Будутъ они, иродовы дѣти, въ огнѣ горѣть, а мы имъ дрова подкладывать! Будутъ они напиться просить, а мы имъ смолу кипящую подносить!“—злобно, звѣрски рычала она, давая волю своему страшному языку и заставляя отца дрожать отъ страха, какъ бы кто не услышалъ и не донесъ пану. Въ такія минуты Солоха очень живо напоминала тѣхъ вѣдьмъ, которыхъ рисуютъ горящимъ въ аду на изображеніяхъ страшнаго суда: ея крикливый голосъ, порывистые жесты, вытянутый клювомъ носъ, разинутый ротъ, въ особенности горѣвшіе какъ уголья глаза—бросали меня въ дрожь и я начиналъ ревѣть.

— Собачьихъ ляховъ тебѣ жалко, — накидывалась тогда она на меня:—аспидовъ, а?... Что ревешь?—Мать брала меня къ себѣ на колѣни, цѣловала и говорила: „Не плачь, сыночку, не слушай ее!... Ее Богъ накажетъ за ея злость!“

О, какъ я просилъ Бога своимъ дѣтски-чистымъ сердцемъ, чтобы Онъ наказалъ ее поскорѣе, и какъ я былъ радъ, когда это дѣйствительно случилось.

А случилось это, когда мнѣ шелъ уже восьмой годъ.

Сѣрый, зимній день близился къ концу. Тарасъ съ отцомъ уѣхали съ утра въ сосѣднюю деревню, а Галя гдѣ-то бѣгала, такъ что въ хатѣ остались только мы съ матерью, да дѣдъ Панасъ храпѣлъ и сопѣлъ на печи. Мать пряла и подъ шумъ веретена рисовала мнѣ заманчивую картину бала въ панскомъ дворцѣ, которую я, по обыкновенію дополнялъ своимъ воображеніемъ, какъ вдругъ съ шумомъ распахнулась дверь и на порогѣ, вмѣстѣ съ клубами холоднаго воздуха, появилась, блѣдная какъ смерть, Солоха. Какъ она страшно походила на вѣдьму! Глаза ея дико блуждали, ротъ что-то силился говорить, но губы только безсильно дрожали, грудь дышала какъ кузнечные мѣхи и вся она съ ногъ до головы дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Я въ ужасѣ прижался къ матери; мать, вѣроятно, думая, что предстоитъ новая стычка, вскочила и, ставъ въ оборонительное положеніе съ веретеномъ въ рукѣ, стала кричать на нее, чтобъ она затворила дверь... Но опасенія матери оказались напрасными,—Солоха и не думала о стычкѣ... Она повалилась на лавку и голосила во все горло: „Ой, смерть моя! Ой, ратуйте, добрые люди!... Пропала моя головонька!“

Наша хата быстро наполнилась родными и сосѣдками въ слезахъ, такъ какъ все вообще населеніе села любило Солоху, вполнѣ отвѣ-

чавшую его вкусамъ. Кромѣ того, Солоха слыла лучшею лѣкаркой и повитухой и вмѣсто того, чтобы собирать себѣ и своимъ роднымъ изрядныя деньги, „увлекалась филантропіей“ и лѣчила за „доброе слово“ или за „что кто дастъ“. Такъ всегда безсердечные люди, не имѣющіе святой привязанности къ своей семьѣ, дѣлаютъ разныя услуги чужимъ людямъ, а своимъ дарятъ однѣ непріятности, какъ, напримѣръ, Солоха,—ну, а жадная толпа, любящая вообще всякую даровщинку, дѣлаетъ ихъ своими идолами.

Я всегда понималъ это и потому всегда ненавидѣлъ популярность.

Оказалось, что панъ, тогда вдовецъ, еще не успѣвшій жениться вторично, взялъ къ себѣ Солохину дочь, шестнадцатилѣтнюю красавицу Олесю. Напрасно успокаивала мать глупую бабу, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного для Олеси, что ей, напротивъ, предстоитъ только хорошее впереди, можетъ открыться даже блестящая будущность, такъ какъ бывали примѣры, что паны женились даже на своихъ любовницахъ, и во всякомъ случаѣ осыпали ихъ подарками,—глупая баба голосила только свое. Ничего не слушая, не глядя ни на кого, лежа ницъ на лавкѣ, она только причитала:

— Бѣдная моя пташечка, соловейко мой сладкій! Ростила я тебя, доглядывала, цвѣла ты у меня какъ роза пышная и на то только, чтобы ляхъ поганый, паскудный иродъ, истоп-

талъ красу твою, оплевалъ твою честь дѣвичью... Лучше-бъ я не родила тебя, лучше-бъ утопила до всхода солнца!

А вся собравшаяся бабья толпа ревмя-ревѣла и вторила своими причитаніями.

— Вырвали у меня одного сокола, — продолжала Солоха, поднимаясь и качаясь точно пьяная:—отъ самаго сердца оторвали и отдали въ московскую службу... Такъ мало еще этого, мало! Дочь погубилъ, сѣдины мои опорочилъ! О, куда же я дѣну глаза свои, куда скрою стыдъ свой, куда дѣнусь съ печалью? Нѣтъ такой глубины въ синемъ морѣ, нѣтъ ея въ темной безднѣ, развѣ въ могилѣ сырой! — причитала Солоха подъ неугомонный ревъ расходившихся бабъ.

— Не гнѣви ты Бога! — перебила ее мать.

— Бога?!—взвизгнула Солоха.—Гдѣ же Онъ, твой Богъ, что Онъ допускаетъ такое лютое горе людямъ, исполняющимъ его завѣты? Гдѣ Онъ?—И цѣлый потокъ богохульства полился изъ ея нечистыхъ устъ, пока не прервалъ его приходъ Михайлы. Онъ былъ блѣденъ и тяжело сопѣлъ.

— Иди, Солохо, — сказалъ онъ, подойдя къ ней и положивъ руку на ея плечо: — иди!

— Куда же мнѣ идти? — спросила она, воя и не глядя на него:—куда идти?

— Домой, Солохо!

— Что я буду тамъ дѣлать? Нѣтъ у меня дома, какъ у птицы гнѣзда, когда пташекъ

поѣстъ черный воронъ! — и Солоха снова заголосила.

— Иди же!—настаивалъ, повидимому, страшно растерянный Михайло, съ трудомъ сдерживая слезы. — Иди! Тамъ наши внуки, тамъ сынъ Андрійко съ женой.

Солоха дико захохотала.

— Внуки... дѣти!.. И ихъ возьмутъ у насъ, и ихъ разорвутъ!... Не на радость сошлись мы съ тобой, Михайло! Какіе мы родители, если не можемъ защищать дѣтей своихъ!... Какой ты отецъ?... Собака — и та кусаетъ, когда берутъ ея щенятъ...

Посинѣвшій Михайло заскрежеталъ зубами и, схвативъ Солоху въ охапку, потащилъ ее изъ хаты. За ними повалила вся толпа ревѣвшихъ бабъ, ушла и мать и даже дѣдъ Панасъ, такъ что въ хатѣ остался я одинъ. Признаться, я очень завидовалъ судьбѣ Олеси и, по дѣтской наивности, искренно жалѣлъ, что я—не дѣвочка, а мальчикъ... Но мало-по-малу грустныя мысли заползли въ мою дѣтскую головку, сердце охватила какая-то жгучая тоска и я даже заплакалъ. Тихо усѣвшись въ углу на лавкѣ, я началъ думать о своей горькой долѣ, о блескѣ и счастьи, выпадающихъ на долю счастливцевъ, какъ, напримѣръ, Олеси, смотрѣлъ на свои босыя ноги и рваное рубище и горько плакалъ. Я вдругъ почувствовалъ себя какимъ-то одинокимъ, забытымъ и заброшеннымъ... У всѣхъ были свои радости,

свое счастье,—у Тараса, у Гали,—одинъ только я жилъ думами, потому что не могъ жить этой грязною дѣйствительностью. Слезы лились все сильнѣе и сильнѣе, плачъ мой готовъ былъ перейти въ страстное рыданіе, какъ вдругъ вбѣжала перепуганная Галя.

— Гдѣ мама?—спросила она, вся блѣдная и дрожащая:—и чего плачешь? Развѣ знаешь уже?

— Что знаю?—кисло отвѣтилъ я, такъ грубо потревоженный.

— Что Олеся утопилась!

Я вытаращилъ глаза, но черезъ минуту уже бѣжалъ съ Галей къ озеру, прилегавшему къ парку. За нами и съ нами бѣжала почти вся деревня и неслись раздиравшіе душу крики Солохи, которую нѣсколько дюжихъ мужиковъ удерживали силой дома, чтобъ она сама не вздумала броситься въ прорубь. Когда мы добѣжали, то на льду, тѣснясь къ проруби, стояла уже цѣлая толпа народа, въ какомъ-то ужасномъ молчаніи, и только нѣсколько одинокихъ голосовъ передавали грустную повѣсть. Дѣйствительно, глупая Олеся,—прости Господи ея душу! — предпочла блестящей, можетъ быть, долѣ — сообщество раковъ и раннюю смерть. Кое-кто разсказывалъ, какъ, предвидя ея злой умыселъ, за ней гнались всѣ дворовые и даже самъ панъ, но Олеся летѣла какъ быстрая серна и, добѣжавъ на глазахъ настигавшей уже ее погони до проруби, перекрестилась, что-то закричала и бросилась въ прорубь...

Только вода всплеснула... Толпа мужиковъ стояла въ молчаніи, тихо и мрачно понуривъ головы, а бабы—крестясь и тихо плача. Ужасная прорубь зіяла точно открытая рана, пугая воображеніе чернымъ цвѣтомъ водной глубины, отдававшей чѣмъ-то таинственнымъ и страшнымъ, какъ смерть... По тѣлу пробѣгалъ морозъ; мнѣ казалось, что вотъ-вотъ покажется вся синяя Олеся, протянетъ ко мнѣ руки и утащитъ съ собой, и какой-то трепетъ страха охватывалъ меня... Я уже упрашивалъ Галю проводить меня домой, какъ къ самой проруби подошелъ Михайло.

Боже мой, этотъ дюжій гигантъ, этотъ ужасный, угрюмый человѣкъ, никогда, вѣроятно, даже отъ рожденія не знавшій слезъ, теперь плакалъ... Слезы крупными каплями катились по его грубому, смертельно блѣдному лицу и застывали длинными ледяными сосульками на черныхъ усахъ. Признаюсь, мнѣ было больше страшно, чѣмъ жалко видѣть его плачущимъ... Медленными шагами, снявъ шапку, подошелъ онъ къ самому краю, медленно окинулъ взоромъ окружавшихъ, затѣмъ опустилъ глаза внизъ, точно вглядываясь въ дно озера; и долго стоялъ такъ, не шевелясь и плача. Наконецъ, онъ поднялъ руку и перекрестилъ прорубь...

— Благословляю тебя, Олеся, моя родная дочь!.. Если Богъ милосердный, Онъ проститъ тебя, какъ прощаю я и твоя мать, какъ про-

щаютъ тебя всѣ добрые люди. Упокой, Господи, твою чистую душу!..

Перекрестивъ еще разъ, онъ утеръ рукавомъ глаза, повернулся и медленно пошелъ къ селу, а весь народъ, зарыдавъ, сталъ крестить ужасную прорубь, пригсваривая: „Упокой ее, Господи!“

Помню, что ночь прошла особенно скверно. Безконечно добрая мать просидѣла напролетъ у изголовья Солохи, у которой открылся вдругъ сильный жаръ съ бредомъ. Галя съ Тарасомъ неуставая ревѣли, а я долго никакъ не могъ справиться со своимъ страхомъ и постоянно просыпался отъ страшныхъ видѣній. Отецъ былъ очень угрюмъ, ничего не ѣлъ и почти до свѣта шептался о чемъ-то съ дѣдомъ Панасомъ и кое-кѣмъ изъ друзей и сосѣдей, но изъ ихъ шепота я могъ уловить только нѣсколько болѣе громкихъ восклицаній отца о томъ, что „жить такъ нельзя“, что лучше въ могилу идти и т. д., въ этомъ родѣ,—въ немъ жила-таки частичка Солохинаго буйства,—что особенно горячо поддерживалъ крайне вспыльчивый, косноязычный дьячокъ Панфилъ, повторяя сотни разъ своимъ козлинымъ голосомъ:

— Неукоснительно лучше смерть принять!— и трясъ своими двумя косичками.

Утромъ насъ, дѣтей, разбудилъ приходъ Михайла. Отца не было — онъ отправился кормить скотъ, — и только дѣдъ сидѣлъ на лавкѣ, чиня старый лапоть, когда дверь хаты

задрожала подъ могучимъ Михайлинымъ кулакомъ. Войдя и перекрестившись на образа, Михайло быстро опустился на колѣни предъ дѣдомъ, проговоривъ только:

— Благослови, дѣду!

— На что̀ тебя благословлять? – дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ спросилъ дѣдъ; а мы, дѣти, повскакавъ съ просонья, таращили глаза на эту невиданную сцену.

— Благослови, прошу тебя... развѣ я не стою твоего благословенія? — глухо прохрипѣлъ въ отвѣтъ Михайло.

Дѣдъ поблѣднѣлъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ всталъ съ лавки и протянулъ свою сухую, желтую, сморщенную руку.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — торжественно произнесъ онъ, крестя, наклоненную голову Михайла, и голосъ его дрожалъ такъ же, какъ и крестившая рука... Благословляю тебя и пусть тебя Богъ благословитъ!

Михайло припалъ лицомъ къ босымъ ногамъ дѣда, поцѣловалъ его руку и, не говоря ни слова, вышелъ изъ хаты; мнѣ показалось, что онъ опять плакалъ. Крайне заинтересованные всею этой непонятною сценой и взволнованнымъ видомъ дѣда, мы на перебой забрасывали его недоумѣвающими вопросами, но дѣдъ сердито закричалъ на насъ и пошелъ кликнуть отца. Отецъ тоже перепугался, выслушавъ разсказъ о странномъ поведеніи Михайла, долго чесалъ голову, кричалъ ни съ

того, ни съ сего на насъ, хотя мы сидѣли всѣ очень тихо, вообще имѣлъ очень растерянный видъ, и, наконецъ, убѣжалъ, сказавъ дѣду, что пойдетъ искать Михайла. Онъ вернулся еще болѣе перепуганный и растерянный.

— Нигдѣ его нѣтъ, какъ въ воду пропалъ!— сказалъ онъ дѣду.

Дѣдъ перекрестился.

— Борони Богъ и Пресвятая Богородица!.. не такой онъ человѣкъ, Семене, чтобъ наложить на себя руки!

— На себя не наложитъ, это такъ! — возразилъ отецъ:—но за то...

Ужасный крикъ пана: „Ко мнѣ, люди!“ — прервалъ его рѣчь. Прямо предъ нашими окнами, откуда-то внезапно взявшійся Михайло бросился съ коломъ въ рукахъ на совершавшаго свою обычную раннюю прогулку по селу пана, съ дерзкимъ крикомъ: „собаци собачья смерть!“ Панъ лежалъ на снѣгу съ перешибленной рукой, закрывъ голову другой и поднявъ ногу, какъ бы желая оттолкнуть ею свирѣпаго Михайлу, а тотъ заносилъ уже вновь свой колъ, когда вѣрный Кондратъ быстрѣе молніи схватилъ его сзади за горло и своими могучими руками повалилъ рядомъ съ паномъ.

Картина была ужасная! Дѣдъ, отецъ и всѣ мы стояли какъ вкопанные, прильнувъ къ оконнымъ стекламъ, и машинально крестились, глядя, какъ Кондратъ и панскіе челядинцы вязали сильно боровшагося дюжаго Михайлу,

а выскочившій шинкарь Іось топталъ его въ то же время по лицу каблукомъ, крича во все горло: „собака! хамъ! какъ ты смѣешь нападать на пана!“ Улица моментально наполнилась народомъ, и панъ, поднявшись съ помощью Кондрата и опираясь на его плечо, въ понятномъ волненіи набросился на собравшихся...

— А, такъ вы такъ, хамы проклятые!—кричалъ онъ толпѣ, сильно вспыливъ. — Вы всѣ за одно, я знаю!... Покажу-жъ я вамъ!... Заплясшете вы у меня! Докажу-жъ я вамъ, что я — вашъ панъ и что воленъ во всемъ, что вся ваша поганая шкура принадлежитъ мнѣ... Только въ одной проклятой душѣ вашей не воленъ я, хамы, потому что она принадлежитъ не мнѣ, а чорту!...

— Врешь, Иродъ, собака!..—ревѣлъ ему въ отвѣтъ Михайло:—врешь!... Душа наша Божья!... Ты самъ — чортъ поганый, и жена твоя—чертиха и твои дѣти—чертенята!...

— На конюшню!—громовымъ голосомъ крикнулъ панъ, весь трясясь и захлебываясь. — Нѣтъ, стой! Здѣсь, предъ цѣлою деревней, чтобы всѣ знали и видѣли! Розогъ! Цѣлый возъ розогъ!!...

Собралась громадная дворня, явились розги... Народъ стоялъ потупившись и утирая слезы, струившіяся по блѣднымъ щекамъ, — ему былъ дорогъ преступный Михайло. По грубому, мужицкому понятію, это было, ко-

нечно, не преступленіе, а подвигъ,—еще вчера Солоха ставила въ примѣръ собаку, защищающую своихъ щенятъ. Уподобившійся такой собакѣ ея возлюбленный лежалъ на землѣ и кричалъ толпѣ: „Благословите на смерть, добрые люди! На смерть иду!“ А глупый сынъ его Андрей съ женой и дѣтьми валялись въ слезахъ на снѣгу и причитывали: „Тату, тату, на кого вы насъ покидаете!...“ — и проклинали свою долю. Солохи не было: она лежала въ безпамятствѣ.

Но вотъ взвились розги, раздался крикъ, и у меня закружилась голова и подкосились ноги. Когда я очнулся, на улицѣ все уже было тихо,—не было ни розогъ, ни крику, ни толпы... Только снѣгъ прямо противъ нашихъ оконъ былъ окрашенъ кровью, и на немъ лежалъ покрытый холстиною трупъ умершаго подъ розгами Михайла: возлѣ него сидѣлъ дѣдъ и другой старикъ, караулившіе въ ожиданіи слѣдствія, а смѣшной, косноязычный Панфилъ читалъ своимъ козлинымъ голосомъ молитву.

III.

Въ которой я несу жестокое наказаніе за свою дѣтскую чистоту и искренность.

Солоха пролежала, къ моему счастью, цѣлыхъ шесть недѣль и такимъ образомъ все это время я былъ свободенъ отъ ея злобы,

криковъ и брани. Она не видѣла ни ужасной, но вполнѣ заслуженной смерти Михайла, ни того, какъ его трупъ потрошилъ, къ ужасу всей суевѣрной деревни, докторъ, не слышала допросовъ чиновника, производившаго слѣдствіе, о результатѣ котораго я такъ и не узналъ никогда ничего. Все это время она провела между жизнью и смертью и очень можетъ быть, что не привези отецъ въ критическій моментъ знаменитаго знахаря Левка изъ далекой деревни, она отдавала бы уже отчетъ Богу въ своей неугасимой злобѣ и преступной жизни.

Признаюсь, все это время я жилъ надеждой, что мнѣ придется увидѣть Солоху въ длинномъ деревянномъ гробу, который заколотятъ острыми гвоздями, унесутъ и зароютъ въ глубокую могилу, а для предохраненія отъ ея загробной злобы и мстительности, вколотятъ въ спину большой осиновый колъ. Этою надеждой я увлекался до того, что въ своемъ воображеніи собственноручно обтесывалъ колъ и вколачивалъ его Солохѣ въ спину, читая общеизвѣстный заговоръ противъ вѣдьмъ и колдуновъ, и очень опечалился, когда предписанныя Левкомъ обливанія неожиданно оказали свое дѣйствіе и Солоха стала приходить въ себя. Конечно, я знаю, что нехорошо желать смерти ближнему, но въ данномъ случаѣ это мое желаніе было тѣмъ естественнымъ желаніемъ законнаго наказанія преступнику, которое присуще каждому богобоязненному и

благонамѣренному гражданину. А развѣ не заслуживала Солоха своей неукротимою злобой, неуваженіемъ къ старшимъ, плохимъ воспитаніемъ дочери, результатомъ котораго было самоубійство, и, наконецъ, прямымъ подстрекательствомъ Михайла къ насилію, слѣдствіемъ котораго явилась его ужасная смерть, — не заслуживала ли она названія преступницы и самаго тяжкаго наказанія? Очень можетъ быть, что человѣкъ, изломанный жизнью, привыкшій къ явленіямъ зла, царящаго въ мірѣ, поколебался бы въ своемъ приговорѣ, или даже нашелъ бы какія-нибудь заслуживающія снисхожденія обстоятельства, — находятъ же ихъ для убійцъ и воровъ наши филантропы-присяжные,—но мое дѣтски-чистое, невинное сердце, всецѣло открытое одному хорошему, не способное ни на какой безчестный компромиссъ, могло отвѣтить одно: да, заслуживала!

Добрая мать съ своей безконечною вѣрой въ людей, съ своимъ постояннымъ оптимизмомъ возлагала большія надежды на все происшедшее и на самую болѣзнь Солохи, предполагая своимъ чистымъ сердцемъ, что злая баба отрезвится и оправится, перестанетъ рычать и накидываться на всѣхъ и на все. Она не разъ громко высказывала такую увѣренность вслухъ, но грубые люди, въ томъ числѣ и мой отецъ, любившій въ Солохѣ свою же грубость, буйство и злобу, обыкновенно накидывались за это на мать, превознося злую

бабу, которую косноязычный дьячокъ Панфилъ возводилъ даже въ мученицы...

О, бѣдная мать! съ какимъ бы правомъ могла ты воскликнуть, рыдая отъ этой брани и колкихъ намековъ: „Прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ!...“

Въ первый же день, какъ только Солоха оправилась на столько, что могла встать съ постели и подвязать запаску, иллюзіямъ матери суждено было разсѣяться прахомъ... Выйдя на улицу, она прямо пошла къ кабаку, гдѣ, по случаю воскреснаго дня, толпился народъ и находился Кондратъ, котораго панъ, за его подвигъ, великодушно, по пански, отпустилъ на волю и наградилъ деньгами, оставивъ бурмистромъ за жалованье, и предерзко, не говоря ни слова, плюнула ему въ лицо...

— Я тебя запорю, дохлая чертовка!—вспылилъ, понятно, Кондратъ, вытирая платкомъ оплеванные глаза и хватая Солоху за руки.

— Запори! На, убей!—заорала она ему въ отвѣтъ.—Кровопивецъ, Іуда! Убей! Я у Бога выпрошу твою подлую душу и сама снесу ее чорту!.. своими же руками я задушу тебя изъ могилы!

Она протянула свои костлявыя руки. Видъ ея былъ до того страшенъ, голосъ такъ звучалъ грозно, что немного суевѣрный Кондратъ отступилъ, остолбенѣвъ, сталъ креститься и ушелъ, плюя и повторяя: „вѣдьма!“—оставивъ ее въ покоѣ...

— А, испугался, панское отродье!—заорала ему вслѣдъ Солоха.—Охъ, кабы эти байбаки, трусы!..—И она указала на оторопѣвшихъ мужиковъ.

Боже! что если-бъ въ самомъ дѣлѣ она носила штаны?!...

Въ тотъ же вечеръ она накинулась ни съ того, ни съ сего на Галю за ея красивое лицо и яркій румянецъ.

— Цвѣти, цвѣти, какъ маковъ цвѣтъ,—рычала она:—пану на сладость, а роднѣ на срамоту!—и довела бѣдную дѣвочку до слезъ. Затѣмъ стала вспоминать свою Олесю, сына и мужа, и ругала, на чемъ свѣтъ стоитъ, пана, пугая этимъ, какъ всегда, отца. Наконецъ, страшная ругань перешла у ней въ тихій плачъ. Она сидѣла тихо, не двигаясь, глядя куда-то въ уголъ печи, и только крупныя слезы текли одна за другой по ея мертвенно-блѣдному, сухому лицу. Мнѣ даже жалко ее стало,—такъ былъ несчастенъ ея видъ; но вдругъ она подняла глаза вверхъ и какимъ-то глухимъ, точно могильнымъ голосомъ крикнула, какъ будто рыдая:

— Боже! пошли мнѣ въ десять разъ худшее, если на то Твоя воля, но дай же такъ, чтобы намъ, людямъ, жилось легче!

Я думаю, она немного помѣшалась. Въ концѣ концовъ вышло какъ разъ наоборотъ тому, что предполагала мать. Годы проходили и Солоха становилась все сварливѣе, злѣе,

ея нападки ядовитѣе. Но что всего хуже— вліяніе ея на отца возросло до невозможнаго: отецъ положительно сталъ глядѣть на нее какъ на что-то непогрѣшимое, совѣтовался съ нею обо всемъ, по поводу каждой мелочи, не перечилъ ей даже намекомъ, не говоря уже объ обращеніи, которое походило на какое-то благоговѣніе. Мать, знавшая себѣ цѣну, сознававшая въ душѣ свое превосходство надъ Солохой, не могла, конечно, относиться къ этому хладнокровно, спокойно сносить отцовскую грубость и жестокость, когда въ то же время съ Солохой онъ обращался какъ бы съ природною паней, и влѣдствіе этого учащались у насъ въ хатѣ ссоры и распри даже между отцомъ и матерью. Бѣдная мать плакала все чаще и чаще; жизнь ея становилась все невыносимѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и ея любовь ко мнѣ, единственному существу, ей сочувствовавшему, понимавшему и страстно дѣлившему всѣ ея симпатіи и антипатіи.

Галя тянула въ сторону отца и Солохи, въ хатѣ которой и проводила большую часть времени, за что я дразнилъ ее „теткиной дочкой“, въ особенности возмущаясь грубостью, съ какою она позволяла себѣ частенько огрызаться на мать, а Тарасъ былъ моей положительною противоположностью, что, конечно, не могло располагать къ нему мать. Въ противоположность мнѣ, онъ былъ здоровый, толстый мальчикъ, съ толстыми, красными ще-

ками, необычайно подвижной, крикливый драчунъ, пѣстунъ отца и Солохи, у котораго не было ни капельки какихъ бы то ни было интересовъ внѣ общей мужицкой доли, на сторонѣ которой лежали всѣ его симпатіи. Онъ былъ, что называется, мужицкій ребенокъ и выглядѣлъ такимъ съ головы до ногъ: грубый, крикливый, дерзкій, всей душой преданный лошадямъ, коровамъ, своему полю и хатѣ и всѣмъ сердцемъ отдающійся мужицкимъ играмъ и потѣхамъ. Солохѣ, понятно, чрезвычайно нравилось въ немъ мужицки-грубое лихачество и дерзкое удальство, которое она называла казачествомъ, но которое въ сущности есть отрицаніе всякихъ приличій, благонравія и даже, пожалуй, уваженія къ старшимъ, и своими поддакиваніями, похвалами, а также постояннымъ порицаніемъ моей задумчивости и отвращеніемъ къ бѣснованіямъ, она сильно способствовала развитію въ немъ этого казачества. Можно положительно безъ преувеличеній сказать, что не было въ селѣ такого высокаго дерева, на которое бы Тарасъ въ сообществѣ съ своими друзьями, такими же сорванцами, Стецькомъ, внукомъ Солохи, сыномъ единственно оставшагося ей сына Андрея, и долговязымъ Кузькой, сыномъ дьячка Панфила, не взлѣзалъ, гоняясь за птичьими гнѣздами; не было такой собаки, которую бы они не подразнили; не было такого коня, съ котораго бы они не летали, по нѣскольку разъ расшибая въ кровь носы.

Но послѣднее ему было ни почемъ; онъ считалъ это даже молодечествомъ и обыкновенно, поревѣвъ и размазавъ затѣмъ по лицу слезы, смѣшавшіяся съ кровью и соплями, принимался вновь за свое, а на всѣ угрозы и порой даже сильные подзатыльники разсерженной матери отвѣчалъ своимъ неизмѣннымъ, дерзкимъ, насмѣшливымъ: ов-ва!

Все свое время, какъ и Галя, онъ проводилъ или у Солохи, или летая по селу съ неизмѣнными друзьями-сорванцами, выкидывая при этомъ какія-нибудь пакостныя штуки. Въ рѣдкія посѣщенія нашей хаты онъ дразнилъ обыкновенно меня „бабой“, „соплякомъ“ и иными обидными прозвищами, заимствованными у Солохи, за что я мстилъ ему ногтями; а когда онъ собирался въ отвѣтъ пустить въ ходъ силу, на помощь мнѣ всегда являлась мать.

— Что ты, Солохино отродье,—такъ мѣтко называла его мать:—накидываешься на ребенка!—и отпускала ему обыкновенно препорядочнаго тумака; но, получивъ таковой и даже морщась порой отъ боли, этотъ сорванецъ все-таки храбрился и въ отвѣтъ кричалъ насмѣшливо свое неизмѣнное: „ов-ва“.

— Постой же, чортовъ сынъ, я поправлю, если не болитъ!—сердилась мать на его „ов-ва“, поднимая руку для удара, но его и слѣдъ простылъ.

Такъ вотъ каковъ былъ мой братецъ!

Могъ ли я любить его общество, имѣть влеченіе къ его играмъ и потѣхамъ, кончавшимся для меня всегда плачевно, такъ какъ Тарасъ, обыкновенно, не могъ обойтись безъ того, чтобы не устроить мнѣ какой-нибудь пакости, при посредствѣ своихъ друзей, а въ случаѣ игры „въ судьбу", когда злой рокъ дѣлалъ меня воромъ, а его судьей или катомъ, онъ отсыпалъ мнѣ неисчислимое количество жесточайшихъ ударовъ,—могъ ли я не мѣнять это на разсказы и ласки матери? Правда, вслѣдъ за всякой своею пакостью, вызывавшею мои слезы, онъ бросался мнѣ на шею, увѣрялъ въ своей любви, дарилъ свои дудки и даже предлагалъ къ моимъ услугамъ свой вихоръ, который я могъ тогда безнаказанно теребить вволю,— но могло ли все это вознаградить меня, могло ли привлекать меня, замѣнять мнѣ нѣжную, милую мать? И могла ли подобная мать не предпочитать меня,—задумчиваго, тихаго, любящаго, всецѣло жившаго ея жизнью,— буйному и дерзкому сорванцу, всѣмъ сердцемъ преданному ея злѣйшему врагу, ненавистной Солохѣ.

Но не долго продолжалось золотое, беззаботное время моего дѣтства подъ теплымъ крыломъ матери, среди чудныхъ грезъ и видѣній. Скоро, по настоянію Солохи и къ вящему торжеству ея, несмотря на протесты матери, жалѣвшей мои слабыя, хилыя силы, отецъ запрегъ меня въ тяжелую деревенскую работу.

И раньше еще приходилось мнѣ исполнять то то, то другое по хозяйству: возить, напримѣръ, навозъ, гонять скотъ и т. п.,—но пока только въ крайнихъ случаяхъ, при положительной необходимости, когда всѣ прочіе были по горло заняты; словомъ, раньше я являлся работникомъ какъ тотъ ракъ, что, по пословицѣ, на безрыбьи становится рыбой. Но теперь отецъ, такъ сказать, оффиціально призналъ меня работникомъ и возложилъ на мои еще дѣтскія плечи тяжелыя обязанности каторжной жизни земледѣльца. Съ весны я долженъ былъ выѣзжать на ночную пастьбу лошадей въ поле, помогать отцу за плугомъ въ качествѣ „погоныча“, боронить съ утра до ночи, а въ сѣнокосъ ворошить и возить сѣно. Каждую слезу мою, вызванную непосильною, ненавистною мнѣ работой, каждую ошибку, происходившую отъ обычной моей задумчивости и привычки мечтать о заманчивой дворовой службѣ, отецъ встрѣчалъ всегда суровымъ взглядомъ, а порою, и очень часто, бранью, не то и колотушкой. Я знаю, что въ душѣ онъ все-таки любилъ меня и въ простотѣ своей думалъ принести мнѣ всѣмъ этимъ пользу въ будущемъ, но отъ этого мнѣ, конечно, не могло быть легче.

Не подозрѣвая, что въ душѣ моей зрѣли иныя потребности и совершенно чуждыя ему и условіямъ жизни наклонности, онъ, со словъ Солохи, глядѣлъ на меня какъ на лѣнтяя и

малоспособнаго малаго, ставя мнѣ всегда въ примѣръ краснощекаго и буйнаго Тараса. Бѣдный отецъ! что если-бъ онъ зналъ, насколько я былъ выше Тараса, насколько мои стремленія и вкусы были совершеннѣе его общихъ всѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ земледѣльческихъ инстинктовъ? Объ этомъ знала только одна мать, на колѣняхъ которой я выплакивалъ свое дѣтское горе, поклявшаяся употребить всѣ усилія, чтобы такъ или иначе вырвать меня изъ этой растлѣвающей среды, изъ этихъ ужасныхъ, забивающихъ всѣ духовныя стороны человѣка, условій.

Время шло, а я все стоналъ подъ тяжелымъ ярмомъ, надѣтымъ на меня отцомъ. По мѣрѣ того, какъ подросталъ Тарасъ, мои обязанности переходили къ нему, а на меня возлагались еще болѣе сложныя и тяжелыя, и бывали минуты, когда я страстно завидовалъ буйному Тарасу, рожденному для одной деревенской работы, съ наслажденіемъ мазавшему дегтемъ телѣгу, съ восторгомъ гонявшему быковъ за тяжелымъ плугомъ или скакавшему на неосѣдланныхъ лошадяхъ. Его врожденныя буйство и дерзость не мало способствовали ухудшенію моего положенія, такъ какъ, пользуясь своимъ физическимъ превосходствомъ, въ отсутствіе матери онъ никогда не упускалъ случая выкинуть мнѣ за работой пакость или досаждать своими глупыми насмѣшками. Разъ, когда мы подмазывали телѣгу,—онъ обыкно-

венно бралъ на себя мазанье (его любимое дѣло было пачкотня), а меня заставлялъ подваживать оси,—онъ мазнулъ меня по лицу дегтемъ.

Мать была далеко, заступиться за меня не могъ никто, и я, горько заплакавъ, сталъ высказывать Тарасу, какъ неблагородно обижать слабѣйшихъ, и, отдавшись порыву горя и чувству одиночества, рисовалъ ему картину моихъ страданій и преслѣдованій со стороны всѣхъ. Такъ какъ мои слова и слезы видимо растрогали буйнаго сорванца, да и мнѣ самому было какъ-то пріятно это неожиданное жалобное изліяніе, то я продержалъ его до тѣхъ поръ, пока Тарасъ, весь въ слезахъ, не бросился ко мнѣ на шею и не сталъ стирать съ моего лица дегтя рукавомъ рубашки.

— Иди себѣ! Вы—всѣ злые, какъ Солоха... Знаешь, что за меня никто не заступится, потому и обижаешь, а, небось, другого побоишься!...

— Не плачь же, Ивасику, ей-Богу, не плачь и прости... А я, ей-же Богу, говорю тебѣ, никого не побоюсь!—возразилъ онъ, цѣлуя и вытирая меня.

— Что ты врешь—не побоишься! Ты, можетъ, скажешь, что и Кондрата не боишься?

— Ов-ва, твой Кондратъ!—и онъ отпустилъ тутъ нецензурное выраженіе.

— Что-жъ, ты и его вымажешь?—насмѣхался я надъ нимъ.

Тарасъ расхохотался, — такъ понравилась ему эта мысль.

— Ей-же Богу, вымажу, только бы мнѣ запопасть его, собачьяго сына!..—прыгалъ онъ отъ буйнаго восторга.

Тарасъ воспринялъ ненависть къ Кондрату отъ отца, Солохи и вообще всѣхъ сельчанъ, и я зналъ, что онъ не постоитъ выкинуть ему пакость. Вотъ отлично, если-бъ онъ въ самомъ дѣлѣ ее выкинулъ и получилъ достодолжное возмездіе, какъ бы я тогда хохоталъ надъ нимъ, припоминая ему всѣ обиды, насмѣшки и послѣднее мазанье меня дегтемъ.

— Не хвастайся, Тарасъ, не хвастайся!—началъ я его подзадоривать.

О, если-бъ я зналъ, чѣмъ кончится для меня это подзадориванье глупаго и буйнаго сорванца!

Немного спустя, Тарасъ дѣйствительно вымазалъ Кондрата дегтемъ. Наблюдавшій за молотьбой на панскомъ гумнѣ Кондратъ, по обыкновенію, заснулъ съ храпомъ на мягкой соломѣ и въ это время три друга-сорванца неслышно подкрались къ нему съ мазницей. Стецько стоялъ на-сторожѣ, Кузька держалъ мазницу, а Тарасъ, съ трудомъ сдерживая визгъ восторга, влѣпилъ ему въ глаза и въ усы цѣлую кучу дегтя. Быстро сорвавшійся Кондратъ сталъ тереть глаза и улепетывавшимъ, какъ пули, сорванцамъ несомнѣнно удалось бы улизнуть, не споткнись Тарасъ, съ

разбѣга наскочившій на бревно, и не расшиби себѣ ногу. Отецъ рубилъ въ лѣсу дрова и въ хатѣ оставались только я да мать, когда, какъ вихрь, влетѣвшій Стецько передалъ намъ эту страшную новость.

— Господи! онъ погубитъ насъ всѣхъ!—крестилась мать, а я даже остолбенѣлъ отъ страха.

Почти вслѣдъ за этимъ раздался знакомый намъ отчаянный визгъ и показался вымазанный, страшно разсерженный, Кондратъ въ сопровожденіи громадной хохотавшей толпы мужиковъ, держа за вихоръ Тараса. Тарасъ визжалъ какъ поросенокъ и, несмотря на раненную ногу, дѣлалъ неимовѣрныя усилія и руками, и ногами, извивался какъ угорь, чтобъ освободиться отъ страшнаго плѣна.

— Скажи, чортовъ сынъ, кто былъ съ тобою,—я видѣлъ трехъ?—сердито трясъ его за вихоръ Кондратъ, но Тарасъ въ отвѣтъ только визжалъ, болталъ ногами и старался укусить державшую его руку.

Такъ какъ никакія угрозы и перспектива сѣченія не дѣйствовали и Тарасъ не выдавалъ своихъ друзей, а только визжалъ и брыкался, то Кондрату оставалось догадываться самому, и онъ, естественно, легко могъ заключить, что однимъ изъ помощниковъ Тараса былъ я, его братъ. Одна мысль объ этомъ бросила меня въ дрожь и, боясь страшныхъ для себя послѣдствій и не имѣя никакихъ причинъ по-

крывать дерзкихъ сорванцовъ, я чистосердечно указалъ на нихъ Кондрату. Стецько былъ немедленно вытащенъ изъ-подъ печи, а за Панфиломъ побѣжалъ гонецъ, такъ какъ Кондратъ не имѣлъ права самъ наказывать „вольнаго“ Кузьку.

— Будете-жъ вы до второго пришествія помнить сегодняшній день!—грозилъ сорванцамъ задыхавшійся отъ обиды Кондратъ въ ожиданіи розогъ.

Но въ это время прибѣжала на ихъ визгъ работавшая въ огородѣ Солоха. Узнавъ въ чемъ дѣло, она поблѣднѣла отъ страха за своихъ любимцевъ и стала плача просить отпустить ихъ. Она знала, что Кондратъ шутить не любитъ.

— Видишь, онъ уже ногу разбилъ!—указывала она на Тараса, стоявшаго теперь тихо, какъ столбъ, въ ожиданіи страшнаго наказанія,—можетъ быть, даже участи Михайла.

— Это его Богъ наказалъ, а теперь я накажу!..—отвѣчалъ Кондратъ.

Всѣ ожидали ругани, самой ядовитой брани и крика, но, къ общему изумленію, Солоха упала на колѣни.

— Я ноги буду цѣловать твои, только прости ихъ, дѣтей...—рыдала она:—а то ты убьешь ихъ, они вѣдь маленькіе. Не дѣлай зла, можетъ Богъ зачтетъ тебѣ это въ заслугу на страшномъ судѣ своемъ. Развѣ ты такъ-таки совсѣмъ каменный?!—И она плача обнимала его ноги.

Жалостныя-ли слова, или необычный униженный видъ ея, пріятно щекотавшій самолюбіе Кондрата, подѣйствовали на него, только онъ сначала, какъ и всѣ, изумленный, вдругъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, встань, баба, встань... Если ужъ такъ просишь, то я имъ прощаю... Я вовсе не злой и не гадюка, какою вы всѣ меня воображаете... Но пусть же помнятъ, чортовы дѣти!—И онъ полу-шутя, полу-серьезно пребольно оттаскалъ сорванцовъ за вихры.

Имъ прошло даромъ, но меня, неповиннаго, ожидала лютая кара. Поймавъ меня въ огородѣ, Солоха спустила мои штаны и стала жарить меня крапивой, приговаривая за каждымъ ударомъ: „не доноси!“—до тѣхъ поръ, пока не прибѣжала на мой крикъ мать и не вырвала изъ рукъ разъяреннаго звѣря.

Я давно ненавидѣлъ Солоху, но всегда помнилъ наше родство,—помнилъ, что, какъ бы тамъ ни было, она все-таки была мнѣ родною теткой,—лицомъ, къ которому, хотя наружно, я долженъ былъ относиться съ уваженіемъ и ни въ какомъ случаѣ не выказывать своей ненависти открыто. Семья, семейныя отношенія, узы крови—всѣ эти святыя вещи каждому благомыслящему человѣку—были дороги моему сердцу еще съ дѣтства, и какъ бы тяжело ни приходилось мнѣ отъ Солохи, какой бы страшною руганью ни осыпала она меня, какъ бы ни мучила мои дѣтскіе

годы, я всегда ограничивался однѣми слезами и не позволялъ себѣ ничего рѣзкаго и буйнаго. Но послѣ такого возмутительнаго поступка ея со мною, послѣ такого неслыханнаго звѣрскаго мученія—ни за что, ни про что, когда, въ сущности, я былъ достоинъ скорѣе похвалы, чаша терпѣнія моего лопнула и, признаюсь, въ моемъ сердечкѣ закипѣло желаніе мести. Я знаю, что это нехорошее, преступное чувство, но я былъ не ангелъ, а изстрадавшійся, слабый мальчикъ, не успѣвшій еще выработать въ себѣ твердыхъ нравственныхъ правилъ, и какъ мнѣ теперь ни больно, но я не считаю себя въ правѣ скрыть это отъ читателя. Искренно и чистосердечно каюсь я въ этомъ нехорошемъ чувствѣ, въ полной увѣренности, что добрые люди поймутъ мое положеніе и, помня, что и солнце не безъ пятенъ, найдутъ мнѣ оправданіе.

Закипѣвшее чувство мести, признаюсь, не давало мнѣ покоя и часто даже по ночамъ я метался безъ сна, лихорадочно обдумывая, чѣмъ бы отомстить Солохѣ, чтобы дать ей почувствовать всю ея несправедливость и жестокость и вмѣстѣ съ тѣмъ самому не быть, конечно, въ отвѣтѣ. Услужливое воображеніе рисовало мнѣ много плановъ самыхъ остроумныхъ, блестящихъ, вполнѣ достигавшихъ цѣли отрезвленія вѣдьмы, но такъ какъ осуществленіе ихъ требовало, прежде всего, чтобъ я былъ паномъ или, по крайней мѣрѣ, бур-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

мистромъ, то они такъ и остались страстными мечтами, еще больше разжигавшими закравшуюся въ сердце месть. Я былъ тогда еще настолько чистъ и невиненъ душой, что могъ сдѣлать зло только въ воображеніи, и много, много безсонныхъ, лихорадочныхъ ночей промчалось прежде, чѣмъ я додумался до реальной, осуществимой мести: я задумалъ сжечь всѣ лѣчебныя травы Солохи, которыми она дорожила больше всего на свѣтѣ, послѣ своей семьи и любимцевъ, и которыя собирала годами. Это было вполнѣ осуществимо, да, къ тому же, ставило меня внѣ всякихъ подозрѣній,—стоило только не упустить случая, когда никого не будетъ въ Солохиной хатѣ. И—кто знаетъ?—не выручи счастливый случай, и я, можетъ быть, сдѣлалъ бы это и заклеймилъ бы такимъ образомъ свои молодые годы преступленіемъ, виновникомъ котораго никто не считалъ бы меня.

А совѣсть?

IV.

Я дѣлаю свой первый самостоятельный шагъ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, какъ разъ послѣ того, какъ всѣ члены нашей семьи встали отъ обѣденнаго стола, а я, притаившись въ сѣняхъ, доѣдалъ превкусный кусокъ хлѣба, обмазанный густою сметаной,—добрая

мать всегда потихоньку надѣляла меня какими-нибудь лакомствами,—вошла Солоха и позвала сопутствовать ей всѣхъ насъ на поиски какого-то зелья. Галя и Тарасъ, конечно, обрадовались возможности побѣситься, а я, признаться, пошелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Меня вообще пугалъ лѣсъ, какъ средоточіе вѣдьмъ, лѣшихъ, волковъ и разбойниковъ, которыхъ я боялся больше смерти, почему и держался все время вблизи Солохи.

Сестра, братъ и ихъ неизмѣнные друзья, Стецько и Кузька, разбрелись во всѣ стороны, изрѣдка перекликаясь самыми ужасными голосами; я же, слѣдя за Солохой, чтобы не потерять ее изъ вида, волей-неволей забрелъ за ней въ ужасные кусты и кочки, царапалъ себѣ лицо и рвалъ рубашку, проклиная на чемъ свѣтъ стоитъ эту медицинскую экскурсію. Незамѣтно для меня мы очутились съ нею въ ужасномъ черномъ яру, дикой лощинѣ, обрамленной скалами съ пещерами, въ которыхъ, по общему увѣренію, жили черти, лѣшіе и иная мерзость, и, какъ на зло, надъ нами носились тучи воронъ съ своимъ зловѣщимъ карканьемъ.

Понятно, что, вмѣсто поисковъ травы, я крестился, читалъ молитвы и цѣловалъ свой крестикъ. Мнѣ вдругъ блеснула мысль, что Солоха нарочно завела меня сюда, чтобъ отдать чертямъ, и мое робкое сердечко затрепетало въ страхѣ. Этотъ страхъ перешелъ въ

неописуемый ужасъ, когда внезапно появившаяся изъ дикой заросли страшная, оборванная, худая фигура, живо напоминавшая чорта, повалилась Солохѣ въ ноги.

— Мамо! мамо!—раздалось въ моихъ ушахъ:—развѣ ты не узнаешь своего родного сына, своего Остапа, мамо?

Прислонясь спиной къ высокому дубу, стояла Солоха, блѣдная и испуганная не менѣе меня, вытаращивъ свои ужасные глаза и дрожа съ ногъ до головы. Она что-то хотѣла сказать, но языкъ ей не повиновался и блѣдныя губы безсильно дрожали, а тотъ, рыдая, все продолжалъ свое:

— Глянь же на меня!..—молилъ онъ и плакалъ:—развѣ я такъ измѣнился, что ты не можешь узнать меня? Развѣ не признаетъ меня твое материнское сердце, мамо?

— Богъ мой! Пречистая Дѣва!—зарыдала вдругъ Солоха:—ты ли это, Остапъ, сынъ мой? Ты не мертвый? Остапъ, соколъ мой, кровь моя, мое сердце!

— Я, мамо, я!—И онъ цѣловалъ ея босыя, грязныя ноги.

Солоха и Остапъ возились долго, какъ бѣсноватые. Стоя на колѣняхъ, онъ ловилъ ея ноги, а она, наклонясь, искала устами его лицо, его блѣдныя губы и черные глаза. Прижавъ къ груди сына, она безумно цѣловала его черную, взъерошенную, нечесанную голову, обливая ее слезами и шепча что-то дикое

и безсмысленное, какіе-то обрывки фразъ и невозможныя сравненія, когда онъ, прижавшись къ ней, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ отъ глухого рыданія. Наконецъ, онъ вырвался и снова бросился къ ея ногамъ.

— Ты убѣжалъ, мой голубь сизокрылый?— спросила Солоха, склоняясь къ нему на траву.

— Убѣжалъ! Ой, мамо, мамо...—И онъ отрывистыми фразами, неясными, неопредѣленными восклицаніями передавалъ ей свое житье-бытье.—Все болитъ... все тѣло... все побито, поломано!...—причитывалъ онъ съ глухимъ рыданіемъ, протягивая свои желтыя, исхудалыя, исцарапанныя въ кровь руки.

— Гдѣ, гдѣ?—точно въ опьяненіи, въ забытьи, спрашивала Солоха и страстно, безумно цѣловала его руки, и грудь, и ноги.

— Не на радость родился я, мамо, не на радость и тебѣ, и себѣ!... Горе одно!..

— Сыну мой бѣдный, сыну несчастный!

— Сколько разъ я уже думалъ, что не доведется мнѣ увидѣть твои ясныя очи и родную землю... Сколько разъ я просилъ себѣ смерти у Бога!

— Ты видишь ли и слышишь ли это, Боже?—какъ-то злобно прошипѣла Солоха, поднявъ голову кверху; но по синему небу высоко кружились только черныя точки, точно плывя и догоняя другъ друга.

— Гдѣ же ты дѣнешься теперь?

— Пойду въ степи или на Донъ,—тамъ много бѣглыхъ, такихъ, какъ я, и живутъ себѣ

вольно. Только для тебя завернулъ я сюда и ждалъ ночи, чтобы постучаться къ тебѣ въ хату, но самъ Богъ привелъ тебя ко мнѣ, мамо!—И онъ, рыдая, прижималъ къ себѣ Солоху и осыпалъ ее поцѣлуями.

Признаюсь, я не такъ былъ занятъ этою сценой нежданной встрѣчи злой бабы съ преступнымъ сыномъ, какъ вызванными ею мыслями и соображеніями. Я отлично зналъ съ дѣтства, что побѣгъ—страшное преступленіе, строго преслѣдуемое закономъ,—преступленіе, за которое „гоняютъ сквозь строй", и что бѣглые вообще страшные люди. Все это отлично было извѣстно въ любой хатѣ, и мнѣ еще ребенкомъ приходилось слушать разсказы о разныхъ случаяхъ бѣгства и строгомъ за него наказаніи, которому въ нашемъ селѣ было довольно очевидцевъ. Такимъ образомъ теперь для меня было несомнѣнно и ясно, что Остапъ совершилъ преступленіе, что онъ—большой преступникъ, котораго Солоха должна была скорѣе прогнать отъ себя, чѣмъ обнимать и цѣловать, не будь она сама въ душѣ такою же преступницей. Я былъ такъ поглощенъ этими мыслями, что и не замѣтилъ, какъ Солоха встала.

— Кто это?—спросилъ Остапъ, провожавшій Солоху, указывая на меня, до сихъ поръ спрятаннаго кустомъ.

— Не бойся, не бойся, мой голубь! Это нашъ...—отвѣтила Солоха:—твой племянникъ.

Посиди же здѣсь, подожди, а я принесу тебѣ хлѣба.

Я побѣжалъ, еле поспѣвая,—такъ быстро летѣла Солоха, приказавшая мнѣ держать языкъ за зубами. Она прямо забѣжала къ матери, разсказала шепотомъ все случившееся и спросила: нѣтъ ли свѣжаго хлѣба, такъ какъ у ней былъ черствый, давно испеченный. Мать немедленно вынесла двѣ громадныя ковриги, предложила денегъ, но у Солохи были свои, и та бросилась уже бѣжать, когда мать окликнула ее.

— Постойте, Солоха! У меня пекутся коржи, я сейчасъ ихъ вынесу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заторопилась та:—я не могу ждать.

— Ну, я пришлю съ Ивасикомъ!—крикнула ей мать.

Я бѣжалъ, нагруженный вкусными, осыпанными макомъ, коржами.

Вотъ плотина, вотъ послѣдняя хата слѣпого Грыця,—вотъ начало парка... Налѣво—дворъ, направо—дорога въ ужасный лѣсъ, гдѣ ждали меня преступникъ и злая Солоха... Еще нѣсколько шаговъ, и село осталось бы за мною.

— Не сказать ли все пану?

Эта мысль, незамѣтно таившаяся во мнѣ все время, осѣнила меня вдругъ, сразу, внезапно, какъ ударъ молніи, и невольно заставила меня остановиться. О, тогда Солоха получитъ свое! Она попомнитъ свою крапиву и мнѣ незачѣмъ будетъ жечь ея травы. Эта

мысль наполнила мой мозгъ, проникла въ кровь, охватила всего и неудержимо влекла впередъ, туда, за красивую чугунную ограду, гдѣ виднѣлись громадныя окна и стройныя колонны, гдѣ текла такая чудная, заманчивая жизнь, безъ Солохъ, безъ каторжной, грубой работы... Но что-то неясное, смутное,—что-то такое, чему я не могу найти названіе, что-то похожее на робость и неувѣренность,—точно удерживало меня, и я отлично помню, какъ сильно билось мое сердечко.

Я не думалъ, не соображалъ, не анализировалъ; я весь отдался инстинкту и влеченію своего чистаго сердца... Я чувствовалъ, какъ осѣнившая мысль охватывала меня все сильнѣе, побѣждая все, туманя разсудокъ, становясь чѣмъ-то неотразимымъ, какъ потребность, невыносимымъ, какъ сильная жажда, и я не думалъ, не могъ думать о послѣдствіяхъ для себя.

— Куда идти: направо или налѣво?

Что-то неясное, смутное вновь проснулось во мнѣ и моментально погибло.

— Если встрѣчу кого на дворѣ, то скажу!

Я пошелъ налѣво; у воротъ стоялъ вѣрный слуга пана, старикъ Стась.

. . . . . .

Когда Стась, выслушавъ меня и погладивъ по головкѣ, ушелъ къ пану, а я остался одинъ, меня внезапно охватилъ ужасъ. Теперь я понялъ, что меня не простятъ ни Солоха,

ни отецъ, что меня ждетъ впереди что-то страшное, и я побѣжалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не очутился въ бурьянѣ нашего огорода. Тамъ я долго лежалъ, плача и притаившись, забывъ о коржикахъ и чутко прислушиваясь къ поднявшейся въ селѣ тревогѣ и къ топоту скакавшихъ лошадей. Я зналъ, куда и зачѣмъ это скачутъ, и всѣ послѣдствія моего поступка все ярче и реальнѣе рисовались предо мною. Я видѣлъ грозное лицо отца, испуганный видъ матери, слышалъ крикъ Солохи...

— Что дѣлать? Къ кому идти?

. . . . . .

Мать пряла, что-то напѣвая, и въ испугѣ вскочила, увидавъ мой блѣдный, встревоженный видъ.

— Что съ тобою, Ивасику? Богъ мой!

— Мамо!—началъ я, дрожа, но рыданія заглушили мой голосъ.

— Что же съ тобою, сыну? Говори!

— Мамо, я все сказалъ пану!

— Что?

— Я сказалъ Стасю про Остапа!

— Несчастное дитя!—Мать всплеснула руками, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.—Что ты надѣлалъ?—И она долго стояла неподвижно.

— Мамо, мамо! Спаси меня!

Она все стояла, какъ бы не слыша и не понимая ничего, но вдругъ схватила меня за руку и побѣжала къ пану. Панъ оставилъ

меня при дворѣ, принявъ въ число своей дворни.

Когда я, наконецъ, вышелъ отъ пана, котораго мать на колѣняхъ умоляла спасти меня отъ мести родныхъ за мой поступокъ и который погладилъ меня по головкѣ и назвалъ добрымъ хлопцемъ, во дворъ въѣзжала телѣга съ Остапомъ, окруженная конвоемъ, а за воротами сильно выла Солоха. Связанный по рукамъ и ногамъ, Остапъ лежалъ неподвижно, плача и смотря куда-то вверхъ, блѣдный, еще болѣе взъерошенный и оборванный.

— Прощай, мамо! Прощай навѣкъ!—крикнулъ онъ ей, а Солоха всплеснула руками и закричала:

— Сынъ мой, сынъ мой!

Мнѣ, признаться, стало жаль ихъ обоихъ. Вдругъ Солоха различила меня за рѣшеткой и перестала даже выть отъ изумленія.

— Ивасю, это ты?

Я молчалъ... Мнѣ было какъ-то неловко.

— Ивасю! Что ты тутъ дѣлаешь?

Я молчалъ.

Она прямо смотрѣла на меня, вытаращивъ глаза и мрачно сдвинувъ брови. Слезы дрожали у ней на рѣсницахъ и стояли на блѣдныхъ щекахъ. Казалось, она вовсе не дышала.

— Слушай!... Но нѣтъ, этого быть не можетъ! Слушай... неужели это ты сдѣлалъ?

— Будешь теперь помнить свою крапиву!— смѣло отвѣчалъ я, чувствуя себя необычайно

бодро въ своемъ новомъ положеніи, котораго, наконецъ, добился.

Солоха всплеснула руками, покачала головой не сводя съ меня глазъ, но вдругъ протянула свою сухую, костлявую руку и раскрыла свой ужасный ротъ:

— Будь же ты проклятъ отъ нынѣ и во вѣки!... Пусть дѣти твои проклянутъ и отвернутся отъ тебя!

Но что же могло значить проклятіе злой, разъяренной вѣдьмы?

V.

Впередъ!

Панъ былъ тучный, круглый, какъ шаръ, мужчина небольшого роста, съ громаднымъ животомъ, на кривыхъ короткихъ ногахъ, съ толстой шеей и обвислымъ, жирнымъ подбородкомъ. Несмотря на свое пристрастіе придавать себѣ грозный видъ, сдвигая и хмуря рѣдкія брови, тараща сѣрые, бѣгавшіе глазки, покручивая длинный усъ и говоря отрывисто съ хрипомъ, онъ сильно побаивался своей второй жены, гордой, высокой красавицы, на половину моложе его, изъ истинно-шляхетскаго рода Незапхальскихъ, родствомъ съ которымъ панъ очень гордился. Онъ былъ чистый сангвиникъ, подвижной, веселый кутила, страстный охотникъ и ловеласъ, не брезгавшій дере-

венскими красотками, легко подчинявшійся чужому вліянію до того, что имъ управлялъ его старый камердинеръ Стась.

Совсѣмъ не то была пани. Въ противоположность отчасти неряшливому пану, съ утра одѣтая въ дорогія шелковыя или бархатныя ткани, усыпанная жемчугомъ и каменьями, соперничавшими съ блескомъ ея чудныхъ черныхъ глазъ, недоступная, холодная, сдержанная, она даже съ паномъ рѣдко говорила иначе, какъ въ полъ-оборота, да и то зачастую въ третьемъ лицѣ. Лучшею характеристикой ея отношеній къ дворнѣ можетъ служить то, что не только мы, вся дворня, отъ мала до велика, но даже самъ всемогущій Стась — трепетали ея малѣйшаго движенія и дрожали, исполняя ея порученія, выслушивая ихъ не иначе, какъ съ наклоненною головой и опущенными долу глазами и втихомолку звали ее „вѣдьмой“.

Хотя, конечно, дворня боялась и пана, но къ этой боязни не примѣшивалось ничего враждебнаго; боязнь его была, такъ сказать, естественнымъ страхомъ предъ старшимъ, предъ всемогущимъ начальникомъ, нераздѣльная съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью, на которыхъ и зиждилась.

Панъ былъ очень вспыльчивъ и всѣмъ частенько доставалось отъ его вспыльчивости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ и миловать, снисходилъ иногда до шутокъ и смѣха, за то его и любили. Но пани, не знавшую даже

именъ дворни, для которой она всегда была только „ты“ или „онъ“, подъ ледянымъ спокойствіемъ, вѣчною ровностью и сдержанностью которой всѣ провидѣли страшное презрѣніе, вполнѣ, впрочемъ, заслуженное, граничившее чуть ли не съ отрицаніемъ человѣческаго подобія,—всѣ боялись ненавидя.

У пана было двое дѣтей отъ перваго брака: паничъ Михась и панна Зося, только-что начинавшая лепетать первыя слова, и я былъ приставленъ къ паничу и его учителю, старому французу Ратоплану. Я обязанъ былъ чистить сапоги и платье, убирать комнаты, а въ свободное время играть съ паничемъ, замѣнять ему лошадку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Часто приходилось мнѣ подпрыгивать, какъ настоящему рысаку, отъ ударовъ кнутикомъ, задыхаться въ петлѣ и сильно почесывать то мѣсто, куда разилъ меня деревянный палашъ; но страшнѣе всего становилось мое положеніе, когда паничъ, вообще сильно увлекавшійся всѣмъ, воображалъ меня осужденнымъ къ ста ударамъ плетью. Несмотря на самыя грозныя увѣренія панича, что я слуга и обязанъ повиноваться безпрекословно,—подъ вліяніемъ ужаса я забывалъ все, не слышалъ и летѣлъ съ мольбой о защитѣ къ французу, всегда принимавшему мою сторону.

— Фи, Михась,—говаривалъ въ такихъ случаяхъ Ратопланъ, качая головой, точно клюя своимъ длиннымъ носомъ воздухъ:—фи, какъ

вамъ не стыдно... Это Божье созданіе и такъ уже обижено, вы и такъ уже счастливѣе его, а хотите еще мучить!—и гладилъ меня по головкѣ.

Паничъ всегда краснѣлъ на это, на глазахъ появлялись слезы, и онъ бросался мнѣ на шею, а старикъ Ратопланъ доставалъ табакерку, напихивалъ табакомъ свой громадный клювъ и, улыбаясь, говорилъ:

— Это хорошо, такъ, такъ... Это хорошо, мое дитя, вѣдь онъ тоже человѣкъ!

Паничъ вообще былъ добрый, хотя и недалекій мальчикъ.

Пани не любила дѣтей пана, и такъ какъ она была единственнымъ и неограниченнымъ законодателемъ всего дома, такъ какъ всѣ ея желанія и симпатіи становились общимъ закономъ для всѣхъ, и, понятно, прежде всего для самого пана, то паничъ Михась былъ точно забытъ или оставленъ. Для него съ учителемъ были отведены двѣ изъ заднихъ комнатъ палаццо, куда почти никто не заглядывалъ и гдѣ шла своя особая, совсѣмъ отдѣльная отъ остальной, своеобразная жизнь, героями которой мы были трое. Выпадали иногда цѣлые дни, въ особенности зимой, когда ни Михась, ни учитель не видали ни пана, ни пани и даже не выходили изъ своихъ комнатъ; учитель, вообще, вѣчно возился съ книгами, и тогда единственнымъ звеномъ, связывавшимъ ихъ съ общей жизнью палаццо, былъ я, приносившій изъ

людской всѣ новости о происшествіяхъ дня. Безъ особаго каждый разъ позволенія или приглашенія паничъ не могъ выходить въ залы, на половину пана или пани, и часто ему приходилось довольствоваться моими разсказами о происходившемъ, наѣздахъ гостей, шумныхъ пирахъ, роскошныхъ обѣдахъ, волшебныхъ балахъ, гдѣ бѣшено кружились подъ звуки дворовой музыки чудныя пани, прелестныя, какъ ангелы, въ объятіяхъ ловкихъ кавалеровъ, и гдѣ я, одѣтый въ красивую ливрею, разносилъ съ другими слугами питье и сласти. Забившись гдѣ-нибудь въ уголъ своей скучной классной комнаты, въ вечерней полутьмѣ,—когда Ратопланъ въ сосѣдней комнатѣ жадно клевалъ своимъ клювомъ громадные фоліанты,—поджавъ ноги, опершись головой на руки и не спуская съ меня страстно горѣвшихъ глазъ, паничъ дрожа выслушивалъ мои разсказы, весь горѣлъ, плакалъ и проклиналъ свою мачиху, съ воцареніемъ которой въ домѣ прошли его счастливые дни... О, пусть только онъ выростетъ, пусть только станетъ большимъ,—онъ, прямой наслѣдникъ!... О, онъ тогда покажетъ ей... Онъ ее выгонитъ, непремѣнно выгонитъ!

Онъ завидовалъ мнѣ, а я бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы быть на его мѣстѣ.

Ни проклятія и угрозы панича, ни наговоры дворни не вліяли на меня и не могли вселить во мнѣ враждебнаго чувства къ пани; мое чистое сердечко вообще не способно было

поддаваться ненависти,—напротивъ, вмѣстѣ съ страхомъ я чувствовалъ къ пани какое-то безпредѣльное, безотчетное уваженіе, какъ къ чему-то недосягаемому, чуть ли не сверхъестественному, и всѣми силами рвался къ тому, чтобы заслужить ея одобреніе. Быстрѣе птицы бросался я поднимать падавшее изъ ея рукъ, подносить стулья, подавать воду, но всѣ мои усилія долгое время были тщетны и долгое время ея чудные глаза едва-ли могли бы отличить меня въ числѣ другой ливрейной дворни.

А какъ я былъ правъ, что не поддавался злому вліянію и чувству!

Разъ утромъ, когда вообще лѣнивый паничъ учился изъ рукъ вонъ плохо, въ классную, гдѣ былъ и я въ то время, вошла неожиданно пани въ сопровожденіи толстаго ксендза и нѣсколькихъ молодыхъ шляхтичей. Поцѣловавъ тепло сына, она сказала своимъ провожатымъ:

— Вотъ онъ, мой сынъ, мой милый мальчикъ, дороже котораго у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ... Ну, какъ онъ учился сегодня?—заботливо спросила она француза.

Ротопланъ, крайне недовольный лѣнью панича, вообще всегда избѣгавшій лжи, прямо отвѣтилъ правду и добавилъ, что даже я, случайно присутствовавшій при урокѣ, понялъ его объясненія и схватилъ кое-что, а Михась только болталъ ногами.

— О, какъ это терзаетъ мое сердце!—жалобно простонала опечаленная пани, а ксендзъ и шляхтичи стали читать Михасю наставленія... Они говорили ему, что онъ не похожъ на шляхтича, если допускаетъ, чтобы простой мужичокъ бралъ перевѣсъ надъ нимъ, и что грѣшно терзать сердце такого ангела-матери.

Упрекъ въ томъ, что онъ не похожъ на шляхтича, сильно подѣйствовалъ на самолюбиваго и вспыльчиваго, какъ и отецъ, панича; онъ вскочилъ, весь блѣдный, выпрямился и закричалъ:

— Неправда!... я такой же шляхтичъ, какъ и вы, а, можетъ-быть, даже и лучше!... И грѣшно вамъ называть человѣка ангеломъ: она — не ангелъ и не мать мнѣ,—мать моя въ гробу,— а она мачиха!

Всѣ остолбенѣли. Мальчикъ дрожалъ, глотая слезы; у пани сверкнули глаза и щеки покрылись густымъ румянцемъ. Наступило неловкое молчаніе, только одинъ ксендзъ нашелся:

— Иди сюда, хлопче!—сказалъ онъ мнѣ:— какъ тебя зовутъ?

— Ивась, ваша вельможность.

— Ну, Ивась, хорошо говоритъ твой паничъ? Скажи по совѣсти? Не стыдно ли ему?

— Стыдно и грѣшно, вельможный пане!— чистосердечно отвѣтилъ я.—Пани наша—святой ангелъ Божій!... Мы всѣ молимъ за ея доброту Бога, и я хоть сейчасъ брошусь въ огонь за пани.

Я такъ увлекся своимъ чистымъ чувствомъ, что, забывъ объ общей черной злобѣ, приписалъ его всѣмъ.

Мои слова, видимо, понравились пани. Она взглянула въ мою сторону съ мягкой улыбкой и, обнявъ панича и сдѣлавъ упрекъ своей свитѣ за то, что раздражали самолюбиваго, гордаго ребенка, сказала учителю:

— А знаете, что мнѣ пришло на мысль,— учите-ка его,—она указала на меня:—вмѣстѣ съ Михасемъ... это будетъ доброе дѣло... Можетъ-быть, изъ него и толкъ выйдетъ, и онъ послѣ отблагодаритъ насъ за это, да и Михась будетъ прилежнѣе заниматься изъ соревнованія.

— Ангелъ! Что за сердце!—вскричали шляхтичи, а Ратопланъ доже привскочилъ.

— Это и моя идея, сударыня!—быстро заговорилъ онъ:—я самъ хотѣлъ доложить вамъ объ этомъ... Онъ, видимо, очень способный мальчикъ!

— Ну, и отлично! А ты доволенъ?—обратилась ко мнѣ пани.

Вмѣсто отвѣта я бросился въ ноги.

— Что ты, что ты!—заговорила быстро пани, закрывая юбкой свои ножки:—на ужъ, поцѣлуй руку, если непремѣнно хочешь благодарить!

— Нѣтъ, святая пани,—я недостоинъ цѣловать вашу бѣлую ручку!—отвѣтилъ я, увлеченный своимъ искреннимъ чувствомъ, валяясь у ея ногъ.

— А развѣ ты достоинъ цѣловать такую божественную ножку? Я бы жизнь отдалъ, чтобы прикоснуться къ ней губами!—отрѣзалъ на мои слова одинъ изъ шляхтичей, панъ Кондратовичъ.

Всѣ громко засмѣялись, а, видимо, довольная пани, слегка хлопнувъ его вѣеромъ, сказала ему уходя:

— Ахъ, какой донъ-Жуанъ! Что можно, сударь, такому чистому созданію,—указала она на меня:—того нельзя такому сорви-головѣ, какъ вы!

До сихъ поръ я говорилъ только о казовыхъ сторонахъ моей новой жизни, но была въ ней оборотная сторона,—сторона горячихъ слезъ, отравлявшая болью мои свѣтлыя, дѣтскія радости, какъ пчелиное жало—благодушно лакомящагося чистымъ, свѣтлымъ медомъ.—Я жилъ уже не въ грязной хатѣ, не возился съ дегтемъ, не стоналъ подъ ярмомъ каторжнаго труда, противнаго моей природѣ, не ходилъ въ лохмотьяхъ, не слышалъ брани Солохи... Мои свѣтлые дѣтскіе сны сбылись во всей своей прелести... Я смѣло ходилъ по волшебнымъ заламъ, смѣло глядѣлся въ громадныя зеркала, ощупывалъ своими руками самыя дорогія ткани и вещи, на ногахъ моихъ сверкали лакомъ крытые сапожки, мой жилетъ горѣлъ огнемъ, пуговицы и галуны ливреи слѣпили глаза... Я слышалъ панскія рѣчи и шутки, я видѣлъ блестящую, почти сказочную, пре-

лесть шумныхъ баловъ, я дышалъ всѣмъ тѣмъ, чего давно просила моя дѣтская грудь,—однако, я часто лилъ горячія слезы и чувствовалъ себя несчастнымъ. О, конечно, не въ ненасытности или жадности моей таилась причина этого; я ничего не желалъ для себя тогда бо̀льшаго, ни къ чему не рвался, вполнѣ довольный достигнутымъ. Корень моихъ слезъ лежалъ въ людской злобѣ,—въ той черной, завистливой злобѣ, которая никогда не прощаетъ человѣку его счастливыхъ дней и всегда стремится отомстить болью за его счастье.

Что можетъ быть злѣе толпы?! Одинъ только благородный Стась изъ цѣлой дворни не мучилъ и не издѣвался надо мной и защищалъ отъ другихъ,—для всѣхъ же остальныхъ—вислоухихъ болвановъ лакеевъ, нахаловъ кучеровъ, пьяницъ поваровъ и глупыхъ, вертлявыхъ, какъ вороны, горничныхъ—я былъ постояннымъ и единственнымъ предметомъ жестокой травли. Вся эта грязная орава, эта грубая сволочь, только и глядѣвшая, какъ бы гдѣ стянуть что-нибудь, самымъ нахальнымъ образомъ ругавшая между собой за глаза и пана, и въ особенности пани, поднимавшая ихъ на смѣхъ,—словомъ, развратная, безпринципная сволочь обрушилась на меня съ перваго же дня.

Къ моему счастью, благодаря матери, я зналъ настолько польскую рѣчь, что могъ свободно понимать приказанія, и съ этой сто-

роны, слѣдовательно, былъ неуязвимъ, но за то я не умѣлъ держать себя, какъ слѣдовало, не зналъ, какъ многое исполнить, былъ совершеннымъ наивнымъ новичкомъ въ дѣлахъ комнатной службы, и на это-то налегли мои мучители. Длинные, вислоухіе болваны, полные грубаго самодовольства и тщеславія, гордые своимъ всезнаніемъ, вмѣсто того, чтобы учить меня толкомъ, продѣлывали надо мной жестокія шутки, подводя на разныя пакости, которыя я наивно выполнялъ, обманутый мягкимъ, дружескимъ тономъ, каковой обыкновенно пускался въ ходъ въ такихъ случаяхъ, и только боками своими убѣждался, что совѣтъ былъ злой. Въ наивности я ѣлъ ваксу, мазалъ дегтемъ шляхетскія ботинки, подавалъ самоваръ съ холодною водой и дѣлалъ массу другихъ несообразностей, пока горькимъ, тяжелымъ опытомъ не научился своимъ обязанностямъ. Дворня, набранная вся изъ мѣстнаго мужичья, сохранившая связи съ деревней, отдававшая ей свои грубыя симпатіи, возненавидѣла меня съ перваго же дня за Солоху и Остапа, старалась напакостить то тѣмъ, то другимъ. Хуже и больше всѣхъ допекалъ меня верзила лакей Ясь и, когда его жестоко выпороли за данный имъ мнѣ совѣтъ—войти въ залъ съ мороженнымъ въ шапкѣ на головѣ и прыгая на одной ножкѣ,—это былъ мой первый выходъ въ залъ, что я и объявилъ пану, когда онъ, вспыливъ, приказалъ меня сѣчь,—

дворня стала считать меня самымъ злѣйшимъ врагомъ. У меня вырывали хлѣбъ и бросали собакамъ, въ мой обѣдъ плевали, въ работѣ мѣшали,—словомъ, меня мучили и терзали, какъ могли. Правда, послѣ того, какъ я сталъ учиться у Ратоплана по приказанію пани,—ошеломленная этимъ буйная сволочь стала осторожнѣе со мною и не дѣлала открыто своихъ пакостей, но за то скрытая злоба ея возросла еще больше. Прозвище же Каинъ, раньше данное, они замѣнили ироническимъ „паничъ", сопровождая его всегда гнуснымъ, поганымъ прилагательнымъ, привести которое не позволяетъ мнѣ чувство приличія.

Не меньшее озлобленіе ко мнѣ чувствовало и все мужичье села, всѣ эти поклонники Солохи, начиная съ дьячка Панфила и кончая даже моею родней. Первые дни своего пребыванія въ палаццо я страстно ждалъ свиданія съ матерью, горя естественнымъ для ребенка желаніемъ щегольнуть своимъ новымъ блестящимъ костюмомъ и узнать, между прочимъ, что дѣлается дома,—и сломя голову побѣжалъ ей на встрѣчу. Мать только-что сдала свое приношеніе экономкѣ и, завидя меня, такъ и всплеснула высоко руками.

— Ивасику! сыночку мой милый!—радостно удивилась она, тараща глаза на широкіе галуны и красный жилетъ, и убѣдившись, что это дѣйствительно я, ея любимый сынъ, она добавила, горячо цѣлуя меня:—Боже, какой же ты гарный... чистый паничъ!

Затѣмъ она снова начала осыпать меня поцѣлуями, пачкая мукой, которою вся была обсыпана, и продолжала:

— Ой, Ивасику, снѣгиречекъ мой! много ты бѣды надѣлалъ, но я очень благодарна Пресвятой Владычицѣ, что она вывела тебя на хорошую дорогу, и по-прежнему люблю тебя. Вѣдь не по злобѣ же ты все сдѣлалъ, а по своей простотѣ дѣтской. Да и Солоха эта, такая проклятая, все тебя допекала... Ну, что же? хорошо тебѣ?

Я разсказалъ ей про отношеніе дворни. Мать сильно опечалилась, даже заплакала.

— Ой, бѣдный ты, Ивасику, бѣдный!... И всѣ тебя такъ клянутъ и не любятъ. Отецъ... тотъ и слышать о тебѣ ничего не хочетъ, точно ты и не сынъ ему, такъ что ты и не ходи къ намъ пока, а то еще изобьетъ тебя,—знаешь вѣдь, какой онъ,—и Тараса противъ тебя подучаетъ. А дѣдъ даже захворалъ отъ огорченія...—И бѣдная мать заплакала, обнимая меня.

Я, конечно, тоже заплакалъ.

— А правда, сыночку, люди говорятъ, что Солоха прокляла тебя?—спросила она испуганно, и когда я, плача, подтвердилъ это, она поблѣднѣла и стала креститься.—Боже мой, Боже мой!... Проклятая вѣдьма, что она надѣлала... - испуганно шептала мать крестясь сама и крестя мою голову.—Бѣдное дитятко!

А я громко зарыдалъ, испуганный ея видомъ и шепотомъ.

— Не плачь, не бойся, Ивасику, сыночку мой наилюбый! — стала она утѣшать меня, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ:—я у Владычицы замолю это проклятіе, я на колѣняхъ вымолю тебѣ святое благословеніе, и сама благословляю тебя!—И, цѣлуя, она положила на меня благословеніе, на вѣки нерушимое.

VI.

Я открываю глаза и чистымъ, преданнымъ сердцемъ побѣждаю злую клику.

Конечно, меня не могла особенно печалить злоба всей солохиной клики, но, признаюсь, моему дѣтскому, наивному самолюбію было немного досадно, что я не могу явиться предъ всею враждебной толпой во всемъ блескѣ дворовой ливреи. Я былъ увѣренъ, что одинъ мой видъ ошеломитъ всѣхъ, какъ ошеломилъ мать, что всѣ станутъ мнѣ завидовать и сразу раскаятся въ своихъ прежнихъ обидныхъ прозвищахъ сопляка, байбака и т. п. Когда же я сталъ учиться у Ратоплана, къ этому присоединилось естественное желаніе съ другими подѣлиться своими знаніями и показать Тарасу и его друзьямъ, что есть нѣчто почтеннѣе и выше знанія конскихъ примѣтъ и умѣнья держать возжи. Это желаніе охватывало меня все сильнѣе и сильнѣе, и я увѣренъ, что, по-

теряй я надежду выполнить его когда-нибудь, мое новое положеніе потяряло бы для меня прежнюю прелесть. Меня тянуло въ деревню до того, что иногда я испытывалъ просто скуку, но боязнь отца удерживала меня проситься въ отпускъ. Это мое дѣтское тщеславіе, въ которомъ чистосердечно каюсь, понесло свое наказаніе, послѣ котораго у меня открылись глаза, и я увидѣлъ, что съ деревней у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что каждый изъ насъ, что называется, особь статья. Тогда только я понялъ, что мнѣ не должно быть никакого дѣла до мнѣній деревни, и что добиваться лучшаго человѣкъ обязанъ ради самого себя, ради своего человѣческаго достоинства.

Прошло много времени, много успѣлъ я уже узнать отъ долгоносаго Ратоплана, прежде чѣмъ навернулся случай безъ всякаго риска показаться мнѣ въ деревнѣ въ качествѣ панскаго гонца.

Былъ чудный, мягкій вечеръ... Солнце готовилось спуститься за лѣсъ и бросало на землю свои прощальные багрово-золотые лучи, отъ которыхъ мой жилетъ алѣлъ еще ярче, а галуны отливали золотомъ, когда я ѣхалъ на великолѣпномъ дворовомъ конѣ съ панской запиской къ ксендзу, жившему на противоположномъ концѣ деревни. Я нарочно пустилъ коня легкимъ шагомъ, желая продлить эффектъ и прислушаться къ толкамъ и впечат-

лѣніямъ, и отлично помню, какъ сильно трепетало мое маленькое сердечко, и какъ я пріосанивался, воображая себя чуть ли не сказочнымъ принцемъ. Помню, впрочемъ, что мнѣ было въ то же время какъ-то жутко, и я сильно не желалъ встрѣчи съ отцомъ или съ Солохой.

Но деревенская улица была почему-то пуста и я встрѣчалъ только маленькихъ ребятишекъ, таращившихъ на меня глаза и шептавшихъ въ удивленіи хорошо долетавшія до моего слуха слова: „смотри, смотри, Ивась ѣдетъ!“—что пріятно щекотало мое наивное самолюбіе. Два-три лица показались въ окнахъ хатъ, да нѣсколько собакъ съ лаемъ набросилось на коня—вотъ и все, что встрѣтило меня по дорогѣ, признаюсь къ немалой моей досадѣ. Но на обратномъ пути я еще издали замѣтилъ въ бурьянѣ три знакомыя фигуры—Тараса съ друзьями—и, пріосанившись, остановилъ противъ нихъ коня въ тотъ именно моментъ, когда они готовились пустить великолѣпнаго громаднаго змѣя.

— Здравствуй, Тарасъ!—немного гордо, но мягко сказалъ я брату, повернувшись къ нему всѣмъ своимъ жилетомъ.—Увы! моимъ гордымъ надеждамъ суждено было разлетѣться въ прахъ: ни яркій жилетъ, ни серебряные галуны и блестящія пуговицы не произвели желаннаго впечатлѣнія. Грубые, дикіе сорванцы, привыкшіе къ своимъ лохмотьямъ, не обратили

на нихъ ни малѣйшаго вниманія, точно и не замѣтили, а мое дружеское привѣтствіе встрѣтили залпомъ самыхъ обидныхъ прозвищъ.

— Дураки!—огорчился я, обиженный и раздосадованный.—Вы ругаетесь потому, что завидуете мнѣ.

— Мы тебѣ завидуемъ?—иронически засмѣялся Тарасъ, оттопыривъ, по своему обыкновенію, нижнюю губу.

— Ну, да, завидуете... моему платью! На, смотри, какое оно,—не такое, какъ ваше! Завидуете, что я при панахъ, а вы—мужики.

— Ось твое платье съ твоими панами, смотри!—отрѣзалъ Тарасъ, повернувшись спиной и сдѣлавъ одинъ изъ самыхъ непозволительныхъ жестовъ.

— Что, отвѣдалъ? вкусно? — загоготали оба его друга, Стецько и Кузька. Меня страшно взорвало. Я чувствовалъ себя разочарованнымъ и обиженнымъ, — чувствовалъ, какъ еще ниже сталъ въ глазахъ этой грубой деревенщины. Мнѣ хотѣлось и унизить ихъ, и наказать, и сдѣлать что-нибудь такое, что сразу поставило бы меня выше ихъ. Разсчитывая на свою безопасность на лошади, я ловко хлестнулъ Кузьку хлыстомъ. Это повлекло за собою большую бѣду для меня. Какъ съ цѣпи сорвавшіеся звѣри, бросились сорванцы ко мнѣ и въ то время, когда дерзкій до нахальства Тарасъ схватилъ подъ уздцы лошадь и повисъ на нихъ, Кузька и Стецько схватили мою ногу, стараясь

изо всѣхъ силъ стянуть меня съ сѣдла. Я поднялъ крикъ, испуганная лошадь поднялась на дыбы вмѣстѣ съ уцѣпившимся за нее, какъ бульдогъ, Тарасомъ и, подъ злобный хохотъ сбѣгавшагося на мой крикъ мужичья, я въ одинъ моментъ какъ-то очутился на землѣ, въ пыли, подъ градомъ кулачныхъ ударовъ.

— Ай да молодцы, ай да хлопцы! — ревѣла одобрительно толпа, когда я, корчась отъ боли, молилъ о пощадѣ разсвирѣпѣвшихъ негодяевъ, входившихъ все въ бо̀льшій азартъ, и сквозь этотъ общій ревъ, какъ визгливый кларнетъ, выдѣлялось неистовое козлиное блеяніе дьячка Панфила.

— Лупи, Кузька, лупи, сыну, лупи молодчика, выбей ему панскую квашу! — визжалъ этотъ недостойный своего званія служитель храма, а подзадориваемые негодяи забили бы меня до смерти, не явись мнѣ на помощь Солоха, вѣроятно, побужденная къ тому боязнью за послѣдствія для своего Стецька. Ворвавшись неожиданно, она быстро растолкала бившихъ меня негодяевъ и подняла меня съ земли.

— Будетъ съ него! Что вы, забить хотите его, что-ли? —накинулась она на нихъ. — А вы что подзадориваете? — огрызнулась она на хохотавшую толпу.—Давайте лошадь... Садись!— и она подсадила меня на сѣдло.

Мое пышное платье было все въ пыли и мѣстами даже разорвано, во всемъ тѣлѣ я чувствовалъ жгучую боль, точно оно было у меня

изломано, а толпа дико хохотала и осыпала меня самою ужасною бранью. По щекамъ моимъ текли слезы, но въ душѣ стояла только одна больная обида за мое такъ грубо поруганное человѣческое достоинство. Я все, кажется, могъ простить, но только не эту унизительную сцену, и сознаніе, что я безсиленъ, что я ничего не могу сдѣлать, еще больше терзало меня. Отъѣхавъ немного, я не выдержалъ и обратился къ визжавшему Панфилу:

— Постой, хапокнышъ проклятый, — смѣло крикнулъ я ему: — достанется тебѣ отъ пана, я все ему скажу.

Но Панфилъ пустилъ въ меня и пана такою бранью, что даже простой мужикъ, — не церковный служитель,—считалъ бы ее для себя грѣхомъ.

Во дворѣ, на разспросы дворни по поводу моего истерзаннаго вида, я сказалъ, боясь насмѣшекъ, что упалъ съ лошади; но я зналъ, что раньше или позже всѣ узнаютъ настоящую причину, и тогда мнѣ не будетъ проходу. О, эта глупая, подлая дворня!... Я забился въ уголъ темной гостиной, одинъ, и тихо плакалъ. Меня терзала вся вынесенная мною сцена; я какъ-то невольно сталъ вспоминать всѣ выпадавшія до сихъ поръ на мою долю обиды, всѣ пакости дворни, и плакалъ все сильнѣе. Мало ли вынесъ я мученій,—въ особенности отъ этого подлаго нахала Яся,—а когда этотъ дерзкій извергъ узнаетъ происходившее сегодня, онъ

меня заѣстъ насмѣшками! Боже, что бы я далъ, чтобъ избавиться отъ всего этого, зажать глупые рты дворни, избавиться отъ Яся! О, если бы Богъ открылъ глаза пани, какъ преданъ я и какъ они всѣ и этотъ Ясь въ особенности относятся къ ней и пану!

— Кто это плачетъ?

Я вскочилъ. Предо мной стояла сама пани.

— Кто тутъ?

— Я!—отвѣтилъ я сквозь слезы.

— Чего ты плачешь? — спросила она, всматриваясь въ меня наклонившись, такъ какъ въ комнатѣ было темно.

Я молчалъ и только плакалъ.

— Говори же, кто тебя обидѣлъ, ну?...

Все, что кипѣло у меня въ груди, что невольно таилось въ ней, страстно вырвалось наружу; все перенесенное, выстраданное полилось рѣкой. Я бы и не могъ себя сдерживать, если бы хотѣлъ, — у меня кружилась голова, подкашивались ноги, и я весь дрожалъ и трясся... Словъ своихъ я и тогда не помнилъ, — это былъ какой-то страстный монологъ, экспромптъ, болѣзненный крикъ наболѣвшей, изстрадавшейся души, жалоба и молитва вмѣстѣ... Я говорилъ въ общихъ чертахъ о моихъ, страданіяхъ, о моей преданности пани, какъ я готовъ за нее выложить всю душу, отдать по каплѣ кровь, и какъ за это мучитъ меня дворня, всегда ее ругающая и проклинающая, и, рыдая, я упалъ къ ея ногамъ, прося спасти меня...

— Встань!—мягко сказала она, и ея теплая, мягкая ручка коснулась моей щеки.—Кто же тебя обижаетъ больше другихъ?

Ея голосъ привелъ меня въ себя и я только теперь сталъ сознавать все происшедшее. Я жаловался вообще, а не на кого нибудь. Это было изліяніе, а не жалоба... На кого же мнѣ жаловаться?—конечно, на Яся...

— Ясь, вельможная пани!

Въ тотъ же вечеръ Ясь смѣнилъ пышную ливрею на лохмотья свинопаса. Дворня была побѣждена.

VII.

Мой первый визитъ.

Разъ у пана гостей не было; за обѣдомъ сидѣлъ одинъ неизмѣнный ксендзъ, и пани, вскинувъ на меня глазами, когда я мѣнялъ ей тарелку, сказала, обращаясь къ ксендзу, шепотомъ, настолько громкимъ, что я все-таки разслышалъ:

— Это замѣчательно хорошій мальчикъ! Онъ очень преданъ...

А ксендзъ, которому я всегда оказывалъ глубокое почтеніе, цѣлуя его руку не иначе, какъ подхвативъ ее на обѣ ладони, отвѣтилъ:

— Я самъ замѣтилъ это. Онъ очень почтителенъ! — И затѣмъ добавилъ съ глубокимъ вздохомъ:—душевно сожалѣю, что онъ не принадлежитъ къ лону нашей святой церкви.

Панъ, смаковавшій жирную индѣйку, переспросилъ, о комъ идетъ рѣчь, и такъ какъ мнѣніе ксендза, а въ особенности пани, было для него закономъ, то онъ, хотя до сихъ поръ не обращалъ на меня никакого вниманія, быстро и громко говорилъ:

— Да... да... да! Совершенно вѣрно: замѣчательный мальчикъ! О, я давно его замѣтилъ, давно! — И затѣмъ, всмотрѣвшись въ меня и какъ бы вспомнивъ, почти закричалъ: — Вѣдь вы знаете, онъ разбойника обнаружилъ! Помню, помню!.. За то я и взялъ его. Мать просила избавить его отъ мести... Замѣчательный мальчикъ!... Ну, что твоя мать?—обратился онъ ко мнѣ, вытирая салфеткой лоснившійся жиромъ подбородокъ.

— Молитъ Бога за ласки вашей вельможности...—отвѣтилъ я.

— Да, да, да! Хорошая женщина!.. Славный сынъ!.. Скажи ей... Нѣтъ, постой... Стась! — закричалъ панъ.

— Я здѣсь, ваша вельможность! — отвѣтилъ почтительно Стась за панскимъ кресломъ.

— А, здѣсь? Ладно. Скажи эконому, что я велѣлъ освободить его мать, — панъ указалъ на меня: — отъ еженедѣльнаго сбора. Понимаешь? скажи: за заслуги сына! Слышишь?

— Точно такъ, ваша милость!

— Такъ и скажи!—И, довольный эффектомъ, а, главное, брошеннымъ на него взоромъ, которымъ пани отплатила за эту внимательность

къ ея похвалѣ, панъ весело приказалъ мнѣ встать, когда я повалился, по установленному обычаю, въ ноги... А затѣмъ повернулся къ остальной прислугѣ:

— Видите и помните! Сумѣю награждать заслуги... Но... — И онъ погрозилъ пальцемъ.

Такимъ образомъ мое положеніе упрочилось и улучшилось; послѣ Стася я сталъ вторымъ лицомъ по положенію и катался, какъ сыръ въ маслѣ. Напуганная дворня волей-неволей принуждена была таить свою черную злобу, которая точила ихъ низкія души. Нѣкоторые даже стали лебезить предо мною и заискивать. По своей добротѣ я охотно прощалъ таковымъ, забывалъ всѣ прошлыя пакости и насмѣшки, относился къ нимъ дружески и даже оказывалъ иногда разныя услуги. На алчное мужичье не могла, конечно, не подѣйствовать оказанная матери, ради меня, панская милость, и деревня, хотя и не переставала относиться ко мнѣ враждебно, не могла уже смотрѣть на меня по-прежнему, какъ на ничтожность. Враждебность же отца, по словамъ матери, почти улеглась. Придя благодарить пана за милость, она горячо цѣловала меня.

— Видно, сильно мое материнское благословеніе, сыночку любимый! — сказала она: — что всякое зло, тебѣ сдѣланное, превращается въ добро... Тебя побили негодяи,—ахъ! задала-жъ я тогда Тарасу,—а панъ тебя наградилъ.

— За меня Яся прогнали. Я теперь первый послѣ Стася!—гордо добавилъ я, заглушая этимъ обидныя воспоминанія объ уличной катастрофѣ.

— Слышала, слышала, дитятко! Какъ же! — радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ гордо подхватила мать. — Знаю! И отецъ теперь доволенъ панской лаской... уже не клянетъ тебя! Ты забѣги къ намъ, не бойся!—цѣловала она меня, когда я поморщился на ея приглашеніе:—нельзя вѣдь, дитятко... все же онъ отецъ тебѣ!

— Хорошо, мамо! Если ты хочешь, для тебя я все сдѣлаю!—отвѣтилъ я.

Мать такъ и замерла въ поцѣлуѣ.

— Ахъ, ты мой любый, мой красавчикъ золотой!—страстно зашептала она. —Нечего дѣлать, сыночку: нужно тебѣ повидаться съ отцомъ. Забѣги, но не ходи къ намъ,—тебѣ въ деревнѣ нечего дѣлать. Погоди, они сами,—придетъ время,—будутъ забѣгать къ тебѣ и кланяться въ ноги.

Не была ли мать пророчицей?

Въ первое же воскресенье я отправился домой. Боже! какъ чужда, какъ отвратительна показалась мнѣ наша грязная хата, вся ея убогая обстановка, этотъ нищенскій обѣдъ изъ единственнаго пшеннаго кулиша съ чернымъ, кислымъ хлѣбомъ!

Неужели же я жилъ и дышалъ въ этой хатѣ, довольствовался этою грубостью и вонью?...

Я почтительно поцѣловалъ руку дѣда и отца. Дѣдъ поцѣловалъ меня, а отецъ встрѣ-

тилъ довольно сурово... Оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, онъ сказалъ:

— Выпороть бы тебя слѣдовало, да такъ, чтобъ ажъ чортъ поперхнулся отъ страха... Много горя и бѣдъ надѣлалъ ты! Человѣка сгубилъ, старухѣ-теткѣ всадилъ ножъ въ сердце...

— Довольно уже съ него! Что его мучить за прошлое... Оно, вѣдь, дитя было неразумное: много оно понимало? Цѣлый вѣкъ не видалъ сына — и вмѣсто добраго слова...— вступилась было мать, но отецъ сурово перебилъ ее:

— Молчи! Не тебѣ говорятъ...—обернулся онъ къ ней. — Чего застрекотала, какъ сорока? Нужно же ему правду сказать — на будущее время предохранить отъ зла... Не годится такъ поступать человѣку!—обратился онъ опять ко мнѣ. — Кто выдаетъ своихъ, кто переходитъ на чужую сторону, тотъ все равно, что Іуда проклятый! Проклятіе тому отъ людей на этомъ и вѣчный огонь на томъ свѣтѣ. Ты—мужикъ, а не ляхъ или панъ. Зачѣмъ же ты, какъ Іуда, продалъ своихъ? Они и такъ богаты и знатны, а мы бѣдны и голы. Живемъ въ кабалѣ, мочимъ сухой хлѣбъ слезами и никого нѣтъ у насъ, чтобы заступиться за насъ, а ты еще, какъ Каинъ, пошелъ противъ своего брата...

Дѣдъ шепталъ: „Такъ, такъ, хорошо, Семене!“ Чувствительный Тарасъ обливался слезами, а Галя сидѣла вся красная. На меня, конечно, не могла подѣйствовать эта своеоб-

разная мораль, возводящая въ доблесть таксе преступленіе, какъ укрывательство преступника, разъ этотъ преступникъ—мужикъ. Но я чувствовалъ себя крайне неловко. Во время всей этой сцены щеки мои горѣли, какъ мой жилетъ...

— Да онъ вѣдь былъ маленькій! — попробовала было опять мать.

— Молчи! — еще грознѣе крикнулъ отецъ:— самъ знаю! Въ томъ ему и прощеніе, что онъ былъ маленькій, а не то — своими бы руками зарѣзалъ его...

— Семене! — всплеснула мать руками:—свое дитя?!.. зарѣзалъ?!..

— Да,—заревѣлъ отецъ: — свое дитя! Пусть ляжетъ лучше въ землю, чѣмъ ростетъ ледащимъ (негоднымъ) на нашу муку. И такъ уже терпѣнія не хватаетъ выносить все! А тутъ еще, чтобъ твои же дѣти, да и кровь твою пили! Слышишь, сыну?!—грозно сдвинувъ брови, крикнулъ онъ мнѣ: — въ первый и послѣдній разъ, только ребяческой твоей глупости ради, прощаю тебѣ. Но смотри!...

— Кланяйся же отцу, кланяйся, сыну!...—подталкивала меня мать, желая скорѣе покончить эту сцену примиренія.

— Не нужно, не нужно... — замахалъ отецъ руками, удерживая отъ земного поклона: — зачѣмъ? Обѣщай только не дѣлать такъ въ другой разъ... Вотъ присягни на образъ, на Христа распятаго...

Дрожа отъ страха, я перекрестился и присягнулъ.

Одно впечатлѣніе этого перваго моего посѣщенія могло заглушить всякое желаніе навѣщать родныхъ, но у меня уже его вовсе и не было и я твердо рѣшился послѣдовать совѣту матери: ждать той поры, когда во мнѣ будутъ нуждаться. Время летѣло незамѣтно и быстро, я росъ и развивался, отдавшись весь дворовой службѣ и ея интересамъ, приводя въ то же время въ восторгъ старика Ратоплана своими успѣхами. Не знаю, что именно во мнѣ подкупало этого неудачника, относившагося вообще ко всему съ какимъ-то слезливымъ добродушіемъ, жалѣвшаго кривыхъ собакъ и слѣпыхъ индюшекъ, искренно точившаго слезы, когда околѣлъ его чижъ, — только онъ всегда хорошо относился къ моимъ занятіямъ, всегда ставилъ меня въ примѣръ паничу, защищалъ отъ его необузданности. Иногда онъ разспрашивалъ меня о житьѣ семьи, кивалъ какъ-то слезливо головой, и, несмотря на то, что въ такихъ случаяхъ всегда гладилъ меня по головѣ, я съ трудомъ сдерживалъ здоровый молодой смѣхъ, — до того комично становилось его лицо съ громаднымъ носомъ, дѣлавшимъ его, какъ двѣ капли воды, похожимъ на сыча. А онъ все продолжалъ гладить меня, ничего не замѣчая, доставалъ свою табакерку, набивалъ свой клювъ табакомъ, вытиралъ его краснымъ платкомъ и говорилъ:

— Э-э... Было и у насъ когда-то, да мы живо передѣлали. Будешь учиться—все узнаешь...

Я учился и все узналъ, какъ и то, что слезливый Ратопланъ, какъ всякій французъ, несмотря на свое добродушіе, носилъ въ себѣ задатки якобинца.

Нервный, впечатлительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣнивый, паничъ сначала долго дулся на меня за мои успѣхи, возмущался и обижался, когда меня ставили въ примѣръ ему, но мало-по-малу примирился и только старался щеголять своими иностранными языками, злорадно торжествуя, когда я просилъ переводить то то, то другое, отданное мнѣ на иностранномъ языкѣ приказаніе. Мало-по-малу, однако, и это улеглось въ немъ, такъ какъ за подобное хвастовство я мстилъ ему отказомъ отъ игръ подъ предлогомъ работы, уходя и оставляя его скучать въ четырехъ стѣнахъ, и въ концѣ концовъ онъ сблизился со мной до того, что сталъ относиться ко мнѣ почти какъ къ родному.

Панъ, послѣ оказанной мнѣ милости, сталъ чаще обращать на меня вниманіе, снисходилъ иногда до шутокъ, щипалъ за щеку и вообще до того отличалъ меня отъ другихъ, что разъ, когда Стась, простудившись, провалялся на печи въ кухнѣ четыре дня, онъ изъ всей дворни выбралъ меня для своихъ услугъ. Въ теченіе этихъ четырехъ дней я раздѣвалъ и одѣвалъ его, подавалъ ему умываться, при чемъ

онъ всегда хвалилъ мою ловкость и расторопность и довѣрялъ мнѣ даже свои сердечныя тайны,—строго наказавъ, конечно, молчаніе,—приказывая позвать къ нему то ту, то другую изъ дворовыхъ дѣвокъ.

Но важнѣе этого было для меня все возраставшее расположеніе всемогущаго ксендза, а, главное,—самой пани. Ксендзъ, посѣщавшій дворъ ежедневно, каждый разъ тихонько разспрашивалъ меня подробно обо всемъ происходившемъ, не исключая даже любовныхъ шашень пана, и былъ всегда очень доволенъ моею искренностью и правдивостью, громко хвалилъ меня и пророчилъ пану и пани, что изъ меня выйдетъ „золотой“ для нихъ человѣкъ. Сама же пани, не обращавшая ни малѣйшаго вниманія даже на Стася, заговаривала иногда со мной и даже улыбалась, выслушивая мои наивныя признанія въ преданности, а это, конечно, не могло укрыться отъ внимательныхъ глазъ завистливой дворни и, понятно, служило такимъ образомъ къ вящему моему торжеству. Одной угрозы: „я скажу пани!“—было достаточно, чтобы привести всю эту злую сволочь въ трепетъ, заставить ее прикусить свой дерзкій, колючій языкъ и даже лебезить предо мною, еще безусымъ подросткомъ.

VIII.

Я дѣлаюсь добрымъ геніемъ пани.

Какъ ни боялась дворня высказываться открыто въ моемъ присутствіи, какъ тщательно ни скрывала отъ меня своихъ мыслей, видя во мнѣ врага всѣхъ ея гнусностей и неблагонадежности, все же изъ разныхъ ея намековъ, полу-словъ, улыбочекъ я понялъ, что она подозрѣваетъ пани въ особенной близости къ пану Ромуальду Врублевскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не замѣтить, что Стась, потерявши свое громадное значеніе со вступленіемъ въ домъ нашей пани, всегда какъ-то особенно подозрительно слѣдитъ за ея съ нимъ прогулками. Часто видѣлъ я, какъ въ дни пріѣзда пана Ромуальда Стась подозрительно шептался съ горничной Антосей, своей племянницей, какъ она бѣгала зачѣмъ-то въ садъ, когда пани гуляла, и, чуя своимъ преданнымъ чистымъ сердцемъ возможность непріятности для моей дорогой благодѣтельницы, я далъ себѣ слово слѣдить въ свою очередь за ея врагами и сберечь ее отъ ихъ злобы. Хотя Стась относился ко мнѣ всегда хорошо, не видя во мнѣ, вѣроятно, соперника, такъ какъ онъ зналъ, что панъ любитъ его больше меня,—тѣмъ не менѣе совѣсть не позволяла мнѣ допустить безпрепятственно злыя ковы противъ моей благодѣтельницы, и, чуждый какихъ бы то ни было

корыстныхъ или честолюбивыхъ цѣлей, единственно по внушенію своей природы, я сталъ добрымъ геніемъ пани.

Я сталъ слѣдить за всѣмъ со всею строгостью и пылкостью преданнаго, любящаго юноши. Когда пріѣзжалъ панъ Ромуальдъ и пани ходила съ нимъ гулять, я, какъ тѣнь, неслышно крался въ кустахъ, прячась за стволы деревьевъ и не спуская съ нихъ преданнаго взора, чтобы предостеречь въ случаѣ опасности или накрыть тайнаго шпіона. Часто я замѣчалъ изъ своей засады хитрую Антосю, но, шпіоня, эта тварь принимала всегда такой скромный, дѣловой видъ, рвала цвѣты для комнатныхъ вазъ или искала чего-нибудь, будто потеряннаго, съ такою беззаботностью, что придраться къ ней положительно было невозможно, да къ тому же между пани и паномъ Ромуальдомъ ничего, кромѣ оживленныхъ разговоровъ, не происходило.

Разъ вечеромъ я неслышно подкрался такимъ образомъ къ китайской бесѣдкѣ, откуда доносился шепотъ, и увидѣлъ неожиданную сцену: панъ Ромуальдъ стоялъ на колѣняхъ, обнявъ пани и страстно цѣлуя ея платье и ножки, а пани, обнявъ его голову, говорила:

— Ты не повѣришь, Ромуальдъ, какъ я несчастна съ этимъ звѣремъ... Вѣдь меня насильно за него выдали, ради его богатства... Я ненавижу его! Онъ мѣняетъ меня на первую попавшуюся дѣвку, думая, что я ничего не

знаю... Боже, какъ я несчастна!—И въ голосѣ ея мнѣ послышались слезы.

Мнѣ стало жаль бѣдную пани и я нашелъ совершенно естественнымъ отвѣтъ пана Ромуальда.

— О, извергъ! Мѣняетъ тебя! Когда за одинъ взглядъ твой можно, не задумываясь, отдать все на свѣтѣ!

— Ты не обманываешь? Ты любишь?—спрашивала страстнымъ шепотомъ пани, откидывая съ его лба волосы и заглядывая ему въ глаза.

— Тебя?.. люблю ли?—И панъ Ромуальдъ отчаянно, не своимъ голосомъ, взвизгнувъ, душилъ пани въ своихъ объятіяхъ, осыпая поцѣлуями ея волосы, руки и платье.

Какъ ни увлекательна была эта сцена молодой, скромной и беззаботной любви, но, признаюсь, къ живому интересу у меня примѣшивался какой-то неопредѣленный страхъ... Вотъ-вотъ, казалось, панъ Ромуальдъ укуситъ пани или произойдетъ что-нибудь неожиданно неладное... Вдругъ пани быстро вскочила на ноги и высвободилась изъ сильныхъ рукъ возлюбленнаго.

— Нѣтъ-нѣтъ, дорогой мой... не теперь... постой...—заговорила она.

— Когда же?... когда?—моляще затянулъ панъ Ромуальдъ.

— Я приду ночью сюда же, слышишь?... Ты жди меня... такъ около часу, а теперь пойдемъ!

И, поцѣловавшись разъ сто, они ушли...

Первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣться кругомъ, нѣтъ ли гдѣ шпіона, этой хитрячки Антоси; но, повидимому, ея нигдѣ не было. Я осмотрѣлъ всѣ кусты и заросли, заглядывалъ даже въ листву деревьевъ, но ничего подозрительнаго не нашелъ. Тѣмъ не менѣе какое-то тайное предчувствіе побуждало меня не успокаиваться, а, напротивъ, тщательно слѣдить за врагами, и тревога моя возросла еще сильнѣе, когда я увидѣлъ, что прибѣжавшая Антося долго шепталась со Стасемъ. Боже, что бы я далъ за то, чтобы знать, о чемъ они шептались!

Пани сказалась больной, заперлась въ спальню и не вышла къ чаю, такъ что вечеръ панъ провелъ втроемъ съ ксендзомъ и паномъ Ромуальдомъ, играя въ карты, и сильно сердился, что ему не везетъ. Послѣ ужина ксендзъ скоро собрался домой, панъ ушелъ къ себѣ, а я тихо прокрался изъ классной, гдѣ спалъ обыкновенно, въ столовую.

Рядомъ со столовой находилась каморка Стася, и, спрятавшись за большимъ дубовымъ буфетомъ, я непремѣнно увидѣлъ бы Антосю, если-бъ она, выслѣдивъ пани, пришла сообщить Стасю, услышалъ бы до слова весь ихъ разговоръ и, такимъ образомъ, получилъ бы возможность разсѣять ихъ низкія ковы. Помню, какъ тревожно билось мое сердце, точно хотѣло выскочить изъ груди,

когда я лежалъ на стражѣ за буфетомъ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему звуку. Маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно качался, Стась ворочался и кашлялъ, попугай спросонья встрепенулся и зашумѣлъ крыльями, а я все ждалъ, какъ рыцарь въ сказкѣ, оберегающій сонъ красавицы-царевны. Вдругъ сердце точно замерло, духъ захватило, и я окаменѣлъ на мѣстѣ. Скрипнула дверь,—одна, другая... Чьи-то босыя ноги ступаютъ осторожно по полу... ближе и ближе... Антося!

— Вставайте... скорѣе... она съ нимъ!—зашептала эта гадина.

— Ты не врешь? — вскочилъ, какъ ужаленный, Стась.

— Чтобъ мои глаза лопнули! Пропади я на этомъ мѣстѣ!... Сама видѣла... Ахъ, ужъ и цѣлуются!—захихикала подлая дѣвка.

— Чего ты регочешь, дура?!—нетерпѣливо перебилъ ее Стась.—Говори толкомъ, гдѣ?

— Въ саду, въ китайской бесѣдкѣ!...

— Да не показалось ли тебѣ? Хорошо ли ты видѣла? Вѣдь я пану скажу!—все еще сомнѣвался Стась.

— Чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти!

Прокрасться, выйти на балконъ, спуститься въ садъ было для меня дѣломъ одной минуты. Я летѣлъ, какъ вѣтеръ, не помня себя, не чувствуя земли подъ ногами, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, и вихремъ ворвался въ бесѣдку.

— Спасайтесь! Стась ведетъ пана!

— Что... что... что такое? — въ одинъ голосъ спросили влюбленные, оба дрожащіе и перепуганные.

— Стась ведетъ сюда пана! Антося выслѣдила.

— Боже! — вскрикнула пани.— Бѣги, Ромуальдъ! Бѣги...—нетерпѣливо толкнула она его, видя его колебаніе:—бѣги!

Панъ Ромуальдъ перескочилъ барьеръ и скрылся въ саду.

— Это ты, Ивась... голубчикъ мой?—все еще волнуясь, спросила пани.

— Я, вельможная пани!

Она погладила меня. Я хотѣлъ повернуться и уйти, но ея рука удержала меня.

— Стой здѣсь!—И она сѣла. По тону голоса я узналъ, что пани пришла въ себя.

Я почтительно сталъ у входа, вытянувшись, какъ часовой на часахъ, и въ тотъ же почти моментъ что-то хрустнуло, брызнулъ яркій, ослѣпительный лучъ свѣта, и на порогѣ появился красный, запыхавшійся панъ въ однихъ чулкахъ и бѣльѣ, подъ накинутымъ на плечи халатомъ, съ потайнымъ фонарикомъ въ одной и пистолетомъ въ другой рукѣ.

— Кто здѣсь?—громко окликнулъ онъ.

— Что вамъ угодно?—точно перепуганная и изумленная неожиданностью, спросила пани, поднимаясь.—Что это значитъ?!

Панъ сдѣлалъ ужасно глупое лицо. Онъ стоялъ ошеломленный, раскрывъ ротъ и удивленнымъ, растеряннымъ взоромъ обводилъ бесѣдку, пани, меня, и во всѣ стороны вращалъ зрачками, опустивъ, какъ плети, руки, вооруженныя фонаремъ и пистолетомъ.

— Ты одна?—растерянно, нерѣшительнымъ, сконфуженнымъ голосомъ переспросилъ онъ, слегка икнувъ отъ волненія.

— Одна ли? Вы видите, что нѣтъ.—И пани указала на меня рукой.—Я боюсь одна ходить ночью по саду и взяла казачка съ собою. Но вы... чего здѣсь... И этотъ видъ!.. Боже, и оружіе!.. О, да тутъ какая-то драма!—иронически засмѣялась она.—Что это значитъ?

Панъ стоялъ, какъ въ воду опущенный, страшно побагровѣвъ. Онъ сконфузился и растерялся до того, что не могъ говорить, и только икнулъ во всю глотку.

— Что же вы молчите? Что это значитъ, наконецъ?!—переходя изъ презрительнаго въ обиженный и негодующій тонъ, наступала пани.—Какъ вы смѣли? Какъ вы могли такъ забыться?! Или у васъ тутъ, можетъ быть, было назначено свиданіе съ какой-нибудь Гапкой? Такъ извините,—язвительно, вся дрожа отъ негодованія, добавила она:—я вѣдь не знала!

— Я думалъ... мнѣ сказали...—испуганно заговорилъ панъ, озираясь во всѣ стороны, не зная куда дѣваться отъ язвительнаго тона

пани и отъ ея намековъ на его невѣрность.— Стась мнѣ сказалъ...

— Что-о?... Что онъ вамъ сказалъ?—широко раскрывъ свои чудные глаза, гордо и настойчиво спросила пани.

— Будто панъ Ромуальдъ...

Но пани не дала ему договорить. Отступивъ на шагъ, точно пораженная его словами, выпрямившись какъ стрѣла, откинувъ назадъ голову и смѣло смотря на уничтоженнаго пана, она воскликнула.

— Боже, что я слышу! Вы осмѣлились подозрѣвать меня?... меня!? Вы повѣрили навѣтамъ презрѣннаго слуги на жену! Вы, обманывающій меня на каждомъ шагу, осмѣлились еще оскорблять меня подозрѣніями!— наступала она на отступавшаго пана, заломивъ свои чудесныя, бѣлыя, словно выточенныя руки.— Съ этого дня я не жена ваша и завтра же моя нога не будетъ въ этомъ домѣ!

— Ванда, прости! — заревѣлъ панъ, падая на колѣни и простирая впередъ свои короткія, жирныя руки. — Ради неба молю тебя: прости!

— Ступайте прочь къ своему Стасю!—выпрямилась пани гордо, указывая рукою на выходъ.

— Я его убью, повѣшу, уничтожу... только прости... Я все сдѣлаю, чего ты захочешь, я...

— Ступайте прочь, или я уйду!— И пани направилась къ выходу.

Панъ загородилъ собою выходъ.

— Стась! — заревѣлъ онъ не своимъ голосомъ.

На порогѣ показался Стась, весь блѣдный и дрожащій.

— Ха-ха-ха!—болѣзненно захохотала пани:— доблестный рыцарь явился съ оруженосцемъ.

— Молись! — заревѣлъ на него панъ, не помня себя.

Стась упалъ на колѣни.

— Пане...—началъ онъ дребезжащимъ, тихимъ голосомъ:—вельможный пане! Я васъ на рукахъ носилъ! Я вамъ служилъ правдой! Пане! я, какъ собака, оберегалъ васъ!...

— Молись, каналья, а не то умрешь какъ собака!—бѣшено перебилъ его панъ, со всего размаха хвативъ по скулѣ.

— Вы деретесь въ моемъ присутствіи... еще оскорбленіе! Боже! На моихъ глазахъ вы грозите сдѣлать преступленіе!—закричала пани.— Что вы! Боже мой, спаси меня!—И она грохнулась въ истерикѣ на скамью.

Панъ бросился къ ней, приказавъ мнѣ бѣжать за водой. Впрочемъ, не знаю, видѣлъ ли онъ меня; онъ только кричалъ: „воды, воды!“—а я уже самъ бѣжалъ за нею. Стась исчезъ, какъ видѣніе...

На другой день Антосю послали пасти гусей, а Стася нашли повѣсившимся на прекрасной яблонѣ, которую панъ приказалъ не

медленно срубить и сжечь. Такъ кончилъ свою карьеру этотъ нѣкогда вліятельный дворовый человѣкъ.

Я заступилъ его мѣсто. Я сталъ первымъ лицомъ въ дворнѣ. Но, откровенно говорю, пользуясь своимъ положеніемъ, никому не мстилъ за прошлое, хотя, конечно, могъ бы легко отомстить всѣмъ.

Пани приблизила меня къ себѣ, освободила отъ всякой черной работы, сдѣлала своимъ пажемъ и вполнѣ и во всемъ довѣрялась мнѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ ставя меня въ примѣръ другимъ и хваля мою расторопность и ловкость. Я всегда сопровождалъ ее въ ея прогулкахъ верхомъ, передавалъ тайныя порученія и записки пану Ромуальду и смѣнившему его вскорѣ другому пану и всѣмъ послѣдующимъ фаворитамъ, которымъ я и счетъ потерялъ, такъ какъ пани не отличалась постоянствомъ и мѣняла шляхтичей, какъ свои перчатки. Вмѣстѣ съ тѣмъ я оберегалъ ее отъ всякихъ непріятныхъ случайностей, чистосердечно и искренно передавалъ ей всѣ услышанные или подхваченные на-лету толки и мнѣнія и вѣрно караулилъ въ часы любовныхъ свиданій, такъ что пани за моей спиной чувствовала себя совершенно безопасной и, понятно, не могла не чувствовать благодарности и не отличать меня отъ другихъ.

Все это не могло не отразиться на отношеніяхъ ко мнѣ самого пана, почти на че-

тверенькахъ ползавшаго теперь передъ пани. Такъ какъ пани стала держать себя съ нимъ еще холоднѣе и недоступнѣе и панъ положительно приходилъ въ трепетъ, краснѣлъ и икалъ отъ одного ея взгляда, боясь иногда промолвить даже слово, то невольно я сталъ какъ бы звеномъ или посредникомъ между нимъ и пани, что не могло не привязывать его ко мнѣ. Съ доброй улыбочкой, называя меня всегда „милый Ясикъ“, панъ частенько обращался ко мнѣ съ вопросами о томъ, гдѣ или что дѣлаетъ пани, посылалъ узнавать о ея здоровьи, справляться о томъ, согласна ли она принять его, выйдетъ ли къ обѣду и т. д., и такимъ образомъ все больше и больше привыкалъ ко мнѣ. Мало-по-малу эта привычка выросла въ потребность имѣть меня подъ рукой, обращаться то за тѣмъ, то за другимъ, чему много способствовала тупость остальной прислуги, среди которой не было ни одного человѣка, способнаго угодить пану, и такимъ путемъ со временемъ я сталъ для него тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣкогда Стась.

У меня завелись и деньги... Мои дѣтскія грезы исполнились и на меня дѣйствительно сыпалось золото. На другой же день послѣ сцены въ бесѣдкѣ, панъ Ромуальдъ при встрѣчѣ тихонько всунулъ мнѣ въ руку цѣлыхъ пять дукатовъ, и когда я, въ порывѣ восторженной благодарности, поцѣловалъ его руку, онъ сказалъ мнѣ тихонько:

— Будь только молодцомъ, я дамъ еще больше...—И сдержалъ свое слово. Отъ него и всѣхъ прочихъ фаворитовъ пани на меня такъ и сыпалось..... Летѣли годы, мѣнялись фавориты и моя тайная касса росла да росла.

Помню, когда я впервые перекидывалъ свои собственные, жаромъ горѣвшіе, дукаты,— у меня захватывало духъ отъ восторга, кружилась голова и подкашивались ноги. Я положительно не зналъ, что съ ними дѣлать, пряталъ ихъ въ сапогъ, зарывалъ въ землю, лазилъ на чердакъ, гдѣ засовывалъ въ щели крыши, и, все не вѣря, что они не станутъ добычей какого-нибудь наглеца, даже ночью срывался иногда съ постели, вихремъ летѣлъ туда, куда ихъ въ сотый разъ запряталъ, доставалъ и запрятывалъ въ новое мѣсто. Я положительно страдалъ въ своей наивной тревогѣ и послѣ многихъ дней мученія рѣшилъ, наконецъ, довѣриться матери.

— Мамо!—сказалъ я, какъ только увидѣлъ ее во дворѣ:—у меня есть много дукатовъ... куда ихъ спрятать?

— Много дукатовъ?—всплеснула мать руками отъ удивленія:—что ты говоришь?

— Ей-Богу же, мамо! Вотъ они...—и я осторожно вынулъ ихъ изъ кармана:—куда ихъ спрятать? Я все боюсь вора...

Мать была до того поражена, что даже не спросила, какъ они мнѣ достались...

— Да, куда спрятать?—зашептала она.—Ахъ, сыночку!... только бы отецъ не узналъ, а то онъ сейчасъ отберетъ и пуститъ ихъ на семью, а тебѣ копить нужно для себя.

— Конечно, мамо, для себя! Какъ же отецъ узнаетъ, когда мнѣ ихъ тихонько дали?... Только не знаю, куда спрятать!

— Давай мнѣ, я спрячу... Положу въ кубышку и зарою въ огородѣ—подъ липой... Помнишь липу?

Я довѣрчиво отдалъ и въ тотъ же день навѣстилъ хату... О, какъ давно я уже ее не видалъ, грязную, вонючую, отвратительную! Какъ я измѣнился, выросъ, поумнѣлъ за все это время!... Отца не было, дѣдъ храпѣлъ на печи, Тарасъ возился чего-то возлѣ телѣги, Галя, уже невѣста, пряла и пѣла:

Зелененькій барвиночку
Стелися низенько...
А ты милый, чернобрывый,
Присунься близенько!

Великодушно забывъ все прошлое, я тепло поцѣловался съ братомъ, глядѣвшимъ какъ-то сконфуженно на меня, чувствуя, вѣроятно, разницу въ нашихъ положеніяхъ, и съ сестрой, пообѣщавъ ей достать красивую ленту, что, повидимому, ей очень понравилось.

Мать повела меня въ огородъ и указала мѣсто, куда зарыла деньги; я обѣщалъ отдавать ей на храненіе все, что получу когда-нибудь, что и исполнялъ всегда.

Мы уже шли къ хатѣ, когда къ намъ подошелъ Тарасъ и, указывая на солнце, сказалъ матери:

— Теперь, мамо, уже не стоитъ ѣхать,— солнце заходитъ...

— Солнце не ходитъ, Тарасъ! — наставительно перебилъ я его, и сталъ излагать ему и матери теорію вращенія земли и другія данныя изъ физической географіи. Я увлекся, говорилъ живо и образно и, вѣроятно, очень понятно, такъ какъ даже мать поняла и только качала головой, говоря:

— О, какой же ты разумный, Ивасикъ! Чего ты только не знаешь!

Я говорилъ о звѣздахъ, о планетахъ и о млечномъ пути,—говорилъ, отчего дуетъ вѣтеръ и о многомъ другомъ. Мать качала головой, а Тарасъ стоялъ, какъ вкопанный, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза. Онъ не пришелъ въ себя даже тогда, когда я сталъ прощаться, и все выглядѣлъ огорошеннымъ, потерявъ своихъ трехъ китовъ, на которыхъ, какъ онъ думалъ, стоитъ земля.

Я былъ въ отличномъ настроеніи и, придя во дворъ, сейчасъ же упалъ пани въ ноги.

— Чего тебѣ, Ясю?—добродушно спросила она.

— Вельможная пани! окажите милость: подарите мнѣ одну изъ вашихъ ленточекъ!— сказалъ я.

— Зачѣмъ тебѣ?—лукаво улыбнулась пани:— развѣ у тебя завелась своя дивчина?

Я почтительно улыбнулся на эту шутку.

— Нѣтъ, вельможная пани! У меня сестра есть... уже невѣста,—скоро замужъ отдавать пора...

— О, Ясю, смотри!—шутливо пригрозила пани и набросала мнѣ цѣлую охапку лентъ, съ которою я стремглавъ бросился къ Галѣ.

— На!—гордо и радостно бросилъ я ей ленты на голову, неожиданно ворвавшись въ хату, такъ что всѣ даже перепугались. Галя взвизгнула отъ восторга и что есть силы обняла мою шею.

— А, что,—не говорила я вамъ,—ликуя, вступилась мать, переводя восторженные глаза съ сестры на меня и обратно:—не говорила, что Ивасикъ рожденъ намъ всѣмъ на радость? Гдѣ же ты ихъ взялъ?

— Сама пани дала!—гордо отвѣтилъ я.

— Пани?!—удивлялась мать.

Это придало еще больше прелести и блеска лентамъ. Галя даже дрожала, перебирая ихъ своими мозолистыми, некрасивыми руками.

Когда я уже вышелъ изъ хаты, кто-то дернулъ меня за рукавъ.

— Подожди минуточку, Ивасику... мнѣ...

— Чего тебѣ, Тарасъ?

— Мнѣ...—началъ онъ сконфуженно:—ты... какъ это...

— Да что такое?... говори!—нетерпѣливо перебилъ я его:—меня ждутъ во дворѣ...

— Ты сегодня разсказывалъ о солнцѣ и все такое... Это въ книжкахъ прописано?

— Конечно!—захохоталъ я.—Ахъ, какой же ты глупый!... Въ книжкахъ, и многое другое еще... про все напечатано въ книжкахъ!—И я собрался идти.

— Постой, постой! А ты всякую книжку можешь читать?

Я опять расхохотался.

— Конечно! если умѣю одну, то прочту и другую. Я даже по-французски умѣю!—гордо добавилъ я.

— А это трудно?

— Что?

— Да читать.

— Если у кого есть на то способности, тотъ скоро научится... Ты вѣдь знаешь: у кого способности къ мужицкой работѣ, тотъ скоро выучится работать, а у кого къ наукѣ... На все нужно имѣть способности!

— Правда, правда!..—зашепталъ какъ-то задумчиво Тарасъ. Только впослѣдствіи узналъ я причину этихъ глупыхъ вопросовъ. Оказалось, что мой импровизированный урокъ изъ физической географіи сильно подѣйствовалъ на Тараса, и онъ, къ моему удивленію, не спрашивая себя, зачѣмъ и есть ли у него способности, задумалъ учиться у дьячка Панфила. Онъ настоялъ на этомъ у отца, — тѣмъ болѣе, что его поддерживали Панфилъ и Солоха, и всю зиму учился вмѣстѣ съ Кузькой.

О, какъ я впослѣдствіи пожалѣлъ объ этомъ урокѣ, сознавая себя виновникомъ гра-

мотности брата, не принесшей ему ничего, кромѣ, зла... Но развѣ я зналъ?

IX.

Продукты филантропическихъ бредней и сентиментальнаго воспитанія.

У меня еще только едва начали пробиваться черненькіе усики, а я уже, благодаря всему вышеизложенному, стоялъ на такой высотѣ при панскомъ дворѣ, до какой никогда не достигалъ даже покойникъ Стась,—прости Господи его грѣшную душу! Я носилъ общую лакейскую ливрею,—правда, сшитую щеголевато и красивѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ,—но я не былъ уже простымъ комнатнымъ мальчикомъ или лакеемъ, носящимъ блюда и подметавшимъ паркетъ: я былъ довѣреннымъ лицомъ пани и пана, ихъ „правою рукой", какъ иногда въ шутку величалъ меня панъ, своего рода домашнимъ секретаремъ, одно слово котораго значило для нихъ во сто кратъ больше, чѣмъ самыя торжественныя клятвы цѣлой дворни. Я могъ всего добиться отъ пана и пани, выпросить и повернуть что угодно по своему желанію, мнѣ всегда низко кланялся вольный и богатый Кондратъ, снимая на виду у всѣхъ свою великолѣпную смушковую сѣрую шапку и называя не иначе, какъ „пане Ясь";

конторскіе паничи считали за честь знакомство со мною.—Словомъ, я сталъ уже, очевидно, силой, которую должны были признать самые злѣйшіе, отъявленные враги мои!

Боже! сколько мнѣ ихъ создала людская злоба, зависть и алчность!

Отъ такого быстраго, почти сказочнаго превращенія, въ теченіе только нѣсколькихъ лѣтъ, простого деревенскаго мальчика во вліятельнаго, старшаго двороваго служителя, почти панскаго друга,—у слабаго, самолюбиваго, недалекаго эгоиста могла бы легко закружиться голова и онъ, несомнѣнно, зарвался бы и свихнулся. Его погубили бы легко развивающіяся въ такихъ случаяхъ заносчивость и самомнѣніе, и онъ, какъ неопытный аэронавтъ, почти задохнувшійся отъ слишкомъ быстраго поднятія и потерявшій равновѣсіе въ своей утлой лодочкѣ, грохнулся бы на земь съ заоблачной высоты и разбился бы вдребезги... Но задатки, вложенные въ мое сердце доброю матерью еще въ раннемъ дѣтствѣ, спасли меня отъ этой участи. Я никогда не забывалъ своего прошлаго, тѣхъ дней, когда ребенкомъ я только мечталъ о теперешнемъ счастіи и жадно вглядывался изъ темнаго парка въ громадныя окна тогда мнѣ еще недоступнаго палаццо.

Я никогда не забывалъ, что своимъ поднятіемъ изъ мрачной грязи и ничтожества обязанъ панской добротѣ и великодушію, что панъ и пани—мои благодѣтели, что имъ я обя-

занъ почтительностью, повиновеніемъ и строгою преданностью, какъ духовнымъ отцу и матери... И дѣйствительно, ничего и никогда у меня не было такого, чѣмъ бы я не поступился для своихъ благодѣтелей, что бы задумался сложить покорно у ихъ ногъ, будь то самыя страстныя и сильныя чувства... Вездѣ и всегда, при всякомъ случаѣ, я былъ покоренъ, почтителенъ и преданъ, а этого, конечно, не могли не цѣнить панъ и пани.

И паничъ Михась привыкалъ и любилъ меня все сильнѣе и сильнѣе. Онъ любилъ меня, какъ единственнаго друга-сверстника, единственнаго повѣреннаго его думъ, юныхъ фантазій и грезъ, надеждъ и желаній. Много способствовала этому его врожденная доброта и какая-то женственная жалостливость; онъ весь былъ въ свою покойную мать, — какъ говорили, женщину необычайно добрую, гуманную и великодушную, что признавала за ней даже Солоха. Эти врожденныя черты характера сильно развились въ Михасѣ подъ вліяніемъ слюняваго, плаксиваго Ратоплана, такъ что самыми ранними мечтами его стали мечты о какомъ-то донъ-кихотскомъ всеобщемъ благодѣтельствованіи... Иначе не могу я назвать его филантропическія бредни и думы о разныхъ переустройствахъ и благодѣяніяхъ, когда онъ станетъ законнымъ владѣтелемъ селъ, его прогулкахъ и поступкахъ въ родѣ Гарунъ-аль-Рашида, образомъ котораго онъ страстно восторгался.

Ратопланъ, привязавшійся къ нему совершенно по собачьи, вложившій въ него, такъ сказать, всю свою душу, какъ старая дѣва, пичкалъ его всякими сентиментальностями, разсказами о разныхъ сумасбродныхъ фантазерахъ-благодѣтеляхъ и ихъ дикихъ теоріяхъ, поддерживая въ немъ пылъ къ мечтамъ и фантазіямъ. Страстный, болѣзненный, нервный мальчикъ увлекался, какъ дѣвочка, горѣлъ и таялъ, слушая разныя глупости, и дошелъ, наконецъ, до какого-то обоготворенія глупаго француза, въ которомъ только и видѣлъ авторитетъ и мнѣніемъ котораго дорожилъ больше, чѣмъ мнѣніями отца и матери.

Въ своихъ фантазіяхъ Михась удѣлялъ мнѣ полную массу благъ: онъ дѣлалъ меня вольнымъ и богатымъ, своимъ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ, съ которымъ у него будетъ-де все общее и т. д., и т. д., все въ этомъ же родѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ меня своимъ помощникомъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ и передѣлкахъ, за мою-де практичность и знаніе жизни и, понятно, удѣлялъ мнѣ часть ореола своей будущей славы; а когда я обливалъ его съ ногъ до головы какимъ-нибудь трезвымъ замѣчаніемъ, разбивавшимъ вдребезги его химерическія утки, онъ волновался, сердился, упрекалъ меня въ черствости и холодности, даже эгоизмѣ, и, въ подкрѣпленіе своихъ химеръ, читалъ какое-нибудь красивое, звучное стихотвореніе. Вообще

Михась любилъ стишки, пописывалъ иногда и самъ, сильно злоупотребляя риѳмами и грѣша противъ версификаціи, но читалъ ихъ мнѣ всегда почти со слезами на глазахъ и съ порывистыми жестами.

— Хорошо, Ясю? нравится тебѣ?—лихорадочно спрашивалъ онъ меня, дрожа и сверкая глазами, и когда я отвѣчалъ ему, что не берусь быть судьей, такъ какъ стихоплетеніе не мое дѣло,—человѣка, обязаннаго трудомъ добывать себѣ хлѣбъ,—а панская забава, въ которой я ничего не понимаю,—Михась выходилъ изъ себя.

— Ахъ ты эгоистъ, холодная душа!—сердился онъ, чуть не плача, на что я невольно весело смѣялся.

Нелюбовь его къ мачихѣ не только не уменьшалась съ годами, но, напротивъ, все увеличивалась и переходила въ какую-то слѣпую, затаенную ненависть, которая сквозила въ каждомъ его жестѣ, взглядѣ, и за которую пани платила ему только холоднымъ презрѣніемъ. Панъ, вообще никогда ничего не замѣчавшій, въ особенности такихъ тонкихъ вещей, какъ душевныя движенія, приписывалъ поведеніе Михася съ мачихой застѣнчивости, сосредоточенности и неловкости, и если сердился на него, то только за мужицкую грубость и неотесанность, не подозрѣвая настоящаго. Свою ненависть Михась распространялъ и на всѣхъ близкихъ лицъ къ пани, всѣхъ ея поклонни-

ковъ, дѣлая только исключеніе для меня, такъ какъ я скрывалъ отъ него свои настоящія чувства, притворяясь, что вполнѣ сочувствую ему, и для ксендза, уважать котораго невольно побуждала его страстная набожность. Впрочемъ, это уваженіе получило скоро страшный ударъ, подкосившій и набожность.

Въ тотъ день, когда Михасю исполнилось 16 лѣтъ, домъ былъ полонъ гостей и пани съ нѣжнымъ поцѣлуемъ въ присутствіи всѣхъ подарила ему дорогіе золотые часы съ великолѣпною цѣпочкой... Михась встрѣтилъ и поцѣлуй, и подарокъ, по обыкновенію, очень холодно, хотя въ душѣ былъ очень радъ своимъ часамъ, то и дѣло вертѣлъ ихъ и разглядывалъ, гордясь, повидимому, больше всего тѣмъ, что подобнымъ подаркомъ онъ оффиціально признанъ уже не мальчикомъ, а чѣмъ-то въ родѣ большого... Всѣ чувствовали себя очень весело, панъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа и весело смѣялся, пани тоже все шутила съ молодыми шляхтичами и день обѣщалъ пройти особенно пріятно, но къ несчастію, вышло совсѣмъ наоборотъ.

Въ числѣ гостей была и пани Плонская обладавшая великолѣпнымъ голосомъ... Вечеромъ, послѣ долгихъ и жалобныхъ упрашиваній пановъ и увѣреній, что она не въ голосѣ, она стала пѣть и почему-то все жалобные и плаксивые романсы, производившіе, благодаря ея чудному голосу и умѣнью, чрезвычайно сильное

впечатлѣніе... Паны то и дѣло хлопали въ ладоши и кричали „браво“, а Михась, которому рѣдко выпадало на долю слышать пѣніе, которое онъ, какъ и музыку, любилъ страстно, просто горѣлъ и таялъ... Подъ конецъ пани Плонская затянула необыкновенно грустный романсъ о смерти нищаго и его ропотѣ на какое-то міровое зло, и спѣла его замѣчательно хорошо; паны, незадолго передъ тѣмъ хохотавшіе, повидимому, были сильно потрясены и взволнованы...

— Чудо! прелесть! божественно!—раздалось кругомъ, когда она кончила.

Въ этотъ моментъ я подавалъ пану трубку и взглянулъ въ уголъ въ сторону Михася. Я положительно не узналъ его: онъ стоялъ блѣдный, дрожащій, съ полу-открытымъ ртомъ, съ горѣвшими глазами... Подавъ трубку, я сейчасъ же вышелъ на крыльцо, чтобы позвать кого-то къ пану, какъ меня позвалъ Михась.

— Ты слышалъ?..—какимъ-то глухимъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ меня еще издали.

— Что такое?

— Пѣніе... этотъ романсъ про нищаго!

— Да, слышалъ... Хорошо!..

— Хорошо! — крикнулъ Михась:—хорошо?— кладя мнѣ руки на плечи.—Не въ этомъ дѣло!.. А это правда... все правда... настоящая правда! Да, да, нищій умираетъ съ голоду, когда другой бросаетъ на вѣтеръ тысячи, и, можетъ

быть, въ этотъ самый часъ кто-нибудь такъ умираетъ и въ послѣднiй разъ смотритъ на это заходящее солнце, а у насъ пиръ, веселье, музыка, балъ!..—Онъ былъ совсѣмъ какъ сумасшедшiй.

— Что-жъ? не нужно ли созвать въ палаццо нищихъ?—невольно улыбнулся я на этотъ бредъ.

— Что?—переспросилъ онъ, не разслышавъ въ волненьи.

— Я говорю, не созвать ли нищихъ сюда на балъ, или, что еще лучше, отдать имъ палаццо и деревню, а самимъ сдѣлаться нищими?

Мой трезвый, ироническiй отвѣтъ ошеломилъ взволнованнаго панича: онъ вытаращилъ глаза, долго всматривался въ меня, точно не понимая ничего или соображая, и, наконецъ, сказалъ, направляясь черезъ дворъ въ садъ.

— Ты золъ, Ясь, и глупъ!..

Я громко разсмѣялся. Кто изъ насъ двоихъ былъ именно глупъ въ настоящую минуту?!..

Не успѣлъ Михась сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ему изъ-за угла вышла попрошайка-нищая съ маленькою дѣвчонкой. Въ послѣднее время ихъ расплодилось множество и каждая улица такъ и кишѣла нищими... Баба протянула къ нему руку, и, падая въ ноги, что-то причитала о бѣдности и голодѣ...

— Пошла вонъ!.. какъ ты смѣешь ходить сюда!—крикнулъ я, вспомнивъ панское прика-

заніе не пускать во дворъ нищихъ, зачастую самыхъ отчаянныхъ воровъ.

— Стой, стой!.. не слушай его...—заговорилъ быстро Михась къ собравшейся бѣжать нищей:—на, возьми... продай себѣ!—И онъ снялъ цѣпочку съ часами и подалъ ихъ оборванной бабѣ.

Я стоялъ, какъ столбъ, отъ изумленія... Баба нерѣшительно держала въ рукѣ цѣнный подарокъ, краснѣя, заминаясь, не рѣшаясь его принять и протягивая его обратно Михасю.

— Бери, бери!—закричалъ тотъ не своимъ голосомъ:—бери... У меня нѣтъ денегъ, бери ихъ, они нужны тебѣ...—И онъ убѣжалъ, сломя голову.

Баба стояла въ нерѣшительности, точно въ испугѣ... Придя въ себя, я приказалъ ей слѣдовать за собою, ввелъ въ сѣни палаццо, а самъ направился въ залъ и доложилъ обо всемъ пани. Панъ сильно разсердился, также и ксендзъ, и многіе изъ гостей, услышавъ мой разсказъ, и только одна пани замѣтила, что у Михася великодушное, доброе сердце, что вызвало со стороны шляхтичей громкія похвалы ея сердцу...

— Это ваше божественное вліяніе на него!—кричали и панъ Рамуальдъ Врублевскій, и вся прочая молодежь.—Ваше сердце видитъ одно доброе и прощаетъ оскорбленіе.

— Это глупство!—ревѣлъ панъ.

— И дерзость!—вторилъ ксендзъ:—материнскій подарокъ отдать какой-то потаскушкѣ!..

Часы были немедленно отобраны и вмѣсто нихъ пани выслала нищей, къ ея радости, нѣсколько грошей, а за Михасемъ были посланы люди съ приказаніемъ разыскать его немедленно.

— Спасибо тебѣ, Ивасю!—сказалъ мнѣ панъ:—безъ тебя пропали бы часы!—И онъ потрепалъ меня по щекѣ.

— Бравый хлопецъ!—вскинула пани на меня глазами, обращаясь къ шляхтичамъ, и они всѣ въ одинъ голосъ осыпали меня похвалами, а ксендзъ, даже погладилъ по головѣ, приговаривая:

— Такъ, такъ, Ивасику... всегда защищай добро своихъ господъ...

Я никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо.

Тутъ пришелъ Михась, котораго насилу разыскали, и, взглянувъ на его блѣдное съ посинѣлыми, дрожащими губами лицо, я сразу почувствовалъ, что будетъ бѣда.

— Ты что за филантропіи разводишь, мальчишка!—накинулся на него панъ, какъ только онъ появился на порогѣ.

Михась молчалъ. Это еще больше взбѣсило пана и, весь побагровѣвъ, не слушая кроткихъ увѣщаній пани, нѣжно и томно умолявшей его быть помягче, онъ схватилъ сына за плечо и, тряся, грозно крикнулъ:

— Отвѣчай! ты какъ смѣлъ дарить часы какой-то потаскушкѣ?!

— Развѣ они были не мои? развѣ они не были мнѣ подарены? — спросилъ тотъ задыхаясь.

— Да, они были тебѣ подарены, болванъ, но для того, чтобы ты носилъ ихъ! Они были подарены тебѣ матерью въ день твоего рожденія, и ты долженъ былъ беречь ихъ, какъ зѣницу ока,—понимаешь, какъ зѣницу ока!.. дорожить ими, цѣнить ея любовь и вниманіе!...

— Во всякомъ случаѣ они были мои и я думалъ, что имѣю право распорядиться ими, какъ найду лучше...

— Что, что, болванъ?!—уже гораздо тише окрикнулъ его панъ, гнѣвъ котораго обыкновенно проходилъ такъ же быстро, какъ и вспыхивалъ, а весь этотъ день онъ былъ въ особенно хорошемъ настроеніи.—Что ты говоришь?.. Глупости!... Хорошее употребленіе, которымъ наносишь оскорбленіе матери!... Проси у нея прощенія!..

Михась повернулся лицомъ къ матери и, не поднимая глазъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Прошу прощенія... Я не думалъ, что оскорблю васъ, если подарю часы бѣдной женщинѣ, которая, можетъ быть, умерла бы съ голоду... Но во всякомъ случаѣ...

Голосъ его сильно задрожалъ, злая улыбка искривила его синія губы, а съ опущенныхъ рѣсницъ закапали слезы.

— Кто ему набилъ такими глупостями голову!—гнѣвно воскликнулъ панъ, а ксендзъ и гости расхохотались.

— Я охотно прощаю тебя, мой милый,—нѣжно перебила пани и гнѣвные возгласы пана, и общій хохотъ:—если тобой руководило доброе чувство и чувствительное сердце!—И она протянула къ Михасю руку съ часами.

— О, ангельская доброта! — закричали всѣ кругомъ, а панъ даже разсердился, увѣряя, что пани сама портитъ Михася своею чувствительностью... А тотъ, такой же блѣдный, дрожащій, съ крупными слезами на щекахъ, стоялъ не двигаясь и глядѣлъ съ изумленіемъ на часы въ рукахъ матери, только теперь узнавъ, что они были отобраны у бабы...

— Бери же, болванъ, да смотри—выбрось изъ головы своей филантропіи, а не то!...—погрозилъ панъ пальцемъ.

Михась не двигался.

— Ну, благодари!..

— Нѣтъ, отецъ,—сказалъ онъ твердо, поднимая свои черные, злые глаза:—я не возьму ихъ.

По тону голоса я понялъ, что въ немъ проснулись его гордость и упрямство.

— Не возьмешь?—опять вспылилъ панъ:—почему?

— Не возьму... я ихъ подарилъ, и они уже не мои!

Минута, и панъ навѣрное прибилъ бы сына... Всѣ такъ и ахнули, услышавъ дерзкій

отвѣтъ, но ксендзъ, понявъ опасность, подскочилъ къ Михасю и, заслонивъ его собою, сурово спросилъ его:

— Какъ тебѣ не стыдно дѣлать такія вещи?

— Что же я сдѣлалъ дурного, отче?—спросилъ упрямецъ, дерзко смотря ему въ глаза.

— Какъ что?—изумился ксендзъ: — отдать нищей?...

— Но вы сами же, отче, учили въ костелѣ быть милосерднымъ...—перебилъ тотъ его.

— Да, да, да,—запыхтѣлъ ксендзъ, побагровѣвъ:—но ты могъ дать ей на хлѣбъ, а то...

— Она—мой ближній, отче!

— Вацъ-панъ, кажется, мнѣ проповѣдь читаетъ!—задыхаясь и глотая слова, заговорилъ онъ, грозя пальцемъ:—мнѣ, служителю алтаря и проповѣднику слова Божія,—проповѣди, когда Вацъ-пану слѣдовало бы еще помнить о розгахъ, и хорошихъ розгахъ!

Напоминаніе о розгахъ взорвало обидчиваго и гордаго мальчика, болѣзненно самолюбиваго... Онъ отступилъ на шагъ, весь поблѣднѣвъ и дрожа и, еле выговаривая слова, выпалилъ, прямо и дерзко смотря на ксендза, при чемъ посинѣвшія губы дерзко улыбались:

— Я убѣдился, что ваша имость больше помните о розгахъ, чѣмъ о милосердіи!

Ксендзъ отступилъ пораженный и чуть дыша отъ ярости... Гости всплеснули руками, панъ громко крикнулъ: „розогъ!“—и Михась бросился бѣжать, но, споткнувшись о порогъ,

грохнулся на земь, ударился головой объ уголъ печи и съ глухимъ стономъ, какъ трупъ, растянулся на полу.

Поднялся невообразимый переполохъ: пани и нѣсколько дамъ попадали въ обморокъ на руки кавалеровъ, а всѣ прочіе въ испугѣ бросились къ Михасю, у котораго въ кровь было разбито лицо, но всѣ ихъ усилія привести его въ чувство были тщетны. Докторъ констатировалъ столбнякъ и Михасю пришлось долго пролежать въ кровати, витая между жизнью и смертью. Все время его болѣзни Ратопланъ не отходилъ отъ него, какъ собака, цѣловалъ потихоньку его руки и вѣчно слезилъ, отчего его красный клювъ сталъ подъ конецъ совсѣмъ синебагровымъ.

— Тебѣ не жаль его?—окликнулъ меня этотъ красный клювъ, когда я, дежуря тою же ночью по приказанію пани, задумался у постели Михася и не перемѣнялъ долго компрессовъ на головѣ, отъ чего больной началъ стонать.

— Какъ не жаль, мосье...—отвѣчалъ я встрепенувшись и дѣлая видъ, будто собираюсь плакать:—очень, очень жаль...

Французъ сейчасъ же успокоился и сталъ гладить меня по головѣ, приговаривая: „не плачь, не плачь,—я знаю, ты хорошій... Иди, усни,—я посижу за тебя,—ты усталъ вѣрно...“

Я отнѣкивался, но Ратопланъ настоялъ, и когда я уходилъ, онъ проговорилъ не то ко мнѣ, не то въ пространство:

— Это первый ударъ жизни за чистое чувство, а сколько ихъ еще будетъ!... Бѣдный мальчикъ!...

Да, дѣйствительно, бѣдный мальчикъ, когда его воспитываетъ слезливый фантазеръ!...

Этотъ случай имѣлъ большое вліяніе какъ на характеръ Михася, такъ и на его судьбу. По выздоровленіи онъ сталъ положительно угрюмъ, избѣгалъ всякаго общества, даже какъ будто и моего, и проводилъ все время то за чтеніемъ, то въ какой-то мечтательной задумчивости или въ разговорѣ съ Ратопланомъ, къ которому привязался еще сильнѣе.

Вообще въ немъ произошла большая перемѣна, сквозившая даже въ его обращеніи; но что такое именно происходило въ этой больной, бродившей, сентиментальной душѣ,— оставалось мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ Михась, повторяю, сталъ какъ будто избѣгать меня и не дѣлился уже со мною своими думами и фантазіями. Что же касается пана и пани, то, послѣ всего происшедшаго, они оба рѣшили отправить Михася въ Кіевъ, гдѣ бы онъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ Ратоплана, готовился непосредственно для поступленія въ университетъ, какъ только позволитъ его здоровье, такъ какъ докторъ предписалъ ему покой и запретилъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года отвозить въ городъ.

X.

Сентименты Кондрата.

Предсказаніе чуткой сердцемъ матери сбылось вполнѣ и мужичье деревни само забѣгало ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ, прося то защиты, то покровительства, помощи, одолженія. Чаще всего прибѣгали ко мнѣ за помощью молодые парубки и дивчата, желавшіе связать себя цѣпями Гименея по влеченію, низко кланялись, иногда даже въ ноги, и носили деньги. Панъ любилъ устраивать браки крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію, игнорируя всякія сентиментальности и часто для шутки назначалъ уморительные браки неправящихся другъ другу или соединялъ двѣ враждующія семьи. Все это опредѣлялось заранѣе въ кабинетѣ съ глазу на глазъ со мной, такъ какъ панъ не могъ знать всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, ихъ взаимныхъ отношеній и семейнаго положенія; при моей помощи все записывалось на бумажку и затѣмъ панъ выходилъ въ сѣни къ призваннымъ парубкамъ, читалъ съ бумажки свою волю и весело хохоталъ, смотря на кислыя подчасъ лица и длинныя носы подневольныхъ жениховъ.

— Ничего, ничего...—хохоталъ онъ:—стерпится, слюбится... Да смотри, чтобы черезъ годъ былъ сынъ, а не то.... ты вѣдь знаешь,

я шутить не люблю и такого тебѣ подсыплю любовнаго жару!..

Но тутъ хохотъ и одышка мѣшали ему говорить и онъ только захлебывался, весь трясясь и багровѣя. Понятно, что въ такихъ случаяхъ многое, если даже не все, зависѣло отъ меня, и я дѣйствительно могъ, что называется „казнить или миловать". Боже! какъ я былъ счастливъ, какъ радостно билось мое сердце, какъ гордо держалъ я свою голову, когда впервые у моихъ ногъ валялось все, нѣкогда меня ругавшее, презиравшее, участвовавшее такъ или иначе въ гнусномъ побоищѣ, имѣвшемъ для меня, по волѣ всемогущаго Провидѣнія, хорошія послѣдствія, на которыя, конечно, враги мои не разсчитывали... Какъ мало было у нихъ гордости, самолюбія, чувства собственнаго достоинства, если, послѣ всего стараго, они, какъ ни въ чемъ ни бывало, пришли ко мнѣ валяться, чуть не плача, у моихъ ногъ!.. О, я тогда уже понималъ, какъ низка, какъ пошла эта чернь,—алчная, жадная, завистливая. Но все-таки не могъ удержаться отъ брезгливаго чувства и не сказать:

— А помните, какъ вы всѣ... прежде?..

Мои слова была заглушены просьбами о прощеніи и проклятіями своей прежней глупости.

Но я, конечно, не вѣрилъ всему этому,— не вѣрилъ потому, что уже зналъ людей. Я зналъ, что нѣтъ ничего лукавѣе, злѣе, льсти-

вѣе, подлѣе и гаже человѣка. Я зналъ, что чѣмъ ниже кланяются мнѣ, чѣмъ больше льстятъ, тѣмъ больше нуждаются во мнѣ, но тѣмъ сильнѣе ругаютъ за глаза. Я зналъ и то, что чѣмъ больше я сдѣлаю кому-нибудь добра, тѣмъ сильнѣе меня будутъ тѣ же ненавидѣть... И тѣмъ не менѣе я дѣлалъ добро, я рѣдко кому отказывалъ въ услугѣ... Зачѣмъ, спроситъ читатель? Но развѣ можно отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ свѣтитъ яркое солнце, зачѣмъ золотая луна освѣщаетъ мракъ ночи, зачѣмъ поетъ птица?.. Такимъ родила уже меня мать, такимъ воспитала у своей любящей груди.

Мои услуги другимъ часто переходили въ благодѣянія... Я не только помогалъ нуждающимся протекціей и вліяніемъ у пана, но помогалъ и матеріально, своими собственными кровными деньгами... Я давно взялъ уже свои деньги изъ кубышки матери и раздавалъ ихъ въ ссуду нуждающимся, за умѣренные проценты, разумѣется... Конторскимъ паничамъ и болѣе состоятельнымъ людямъ я отдавалъ безъ всякой гарантіи, кромѣ честнаго слова; для голытьбы же я требовалъ только словеснаго удостовѣренія Кондрата, что деньги могутъ быть взысканы. И я раздавалъ, спасая этимъ многихъ изъ самаго безвыходнаго положенія, не спрашивая, враги ли мнѣ они или друзья, и зная отлично, что, вымоливъ у меня ссуду, провалявшись въ моихъ ногахъ со слезами на глазахъ, восхваляя меня до небесъ,—большин-

ство, если не всѣ, пойдутъ сейчасъ же ругать меня жидомъ и кровопійцей за мнимо-высокій процентъ!

Развѣ я просилъ ихъ, чтобъ они брали у меня? Развѣ не они сами валялись у моихъ ногъ?

Разъ, вечеромъ, я возвращался отъ ксендза, котораго ходилъ навѣстить по панскому порученію, такъ какъ у него наканунѣ, послѣ сытнаго панскаго обѣда, гдѣ подавался жареный гусь съ яблоками, — любимое блюдо ксендза,— сдѣлались судороги въ желудкѣ. Я уже заворачивалъ къ дворовымъ воротамъ, какъ вдругъ неожиданно меня нагнала Галя, вся красная и запыхавшаяся.

— Постой, Ивасику, постой!—еле переводя духъ, кричала она мнѣ вдогонку.

Я давно ее не видѣлъ. Остановившись, я невольно залюбовался на ея хорошенькое личико.

— Чего тебѣ, Галя?

— Ивасику! голубчику! сдѣлай милость!— зашептала она, повиснувъ мнѣ на шеѣ и осыпая поцѣлуями:—будь добрымъ братикомъ...

— Чего же тебѣ?... говори...

— Ивасику, голубчику, милый мой, помоги....

— Да что такое? Передыхни, что ли, да говори толкомъ.

Но Галя какъ-то сконфуженно улыбнулась.

— Видишь...

— Ну?..

— Ахъ, Ивасику, какой ты сердитый сталъ... право! — надула она свои губки:—и сказать ничего нельзя!..

— Да ты же ничего и не говоришь, дура!— мягко сказалъ я, смѣясь вмѣстѣ съ нею.—Въ чемъ дѣло?.. говори...

— Ты знаешь Федя?—вдругъ выпалила она, опустивъ глазки и пряча головку въ мое плечо.

Я догадался.

— Какого же это?

— Федя Забійниса.

— Этого оборвыша изъ нищенской семьи?— возмутился я.

— Ну, такъ что же?—обидчиво заговорила Галя:—онъ, правда, бѣдный: у него коровы нѣтъ,—только яловка... но онъ хорошій такой...

— Что же въ немъ хорошаго? брови черныя, что ли?

Галя начала плакать.

— Ну, и злой же ты! Я думала, какъ къ брату, а ты!.. Онъ меня сватаетъ... и я такъ его люблю!..

— А что мать?—спросилъ я, недовольный этимъ страннымъ выборомъ.

— Мать не знаетъ еще... Я къ тебѣ, чтобы ты помогъ...—продолжала она все хныкать на моемъ плечѣ.

— Ну, что же... Я прежде всего переговорю съ матерью, какъ она...—обрадовался я возможности такого выхода, заранѣе предчувствуя,

что мать будетъ противъ этого сумасбродства красивой дочери, у которой, благодаря положенію брата, могутъ найтись женихи и почище голаго Федя.

Не успѣлъ я собраться, чтобъ, улучивъ свободную минутку, переговорить съ матерью, какъ ко мнѣ явился неожиданно Кондратъ и послѣ длиннаго вступленія о томъ, о семъ, сталъ униженно просить помочь ему въ сватаньи на Галѣ. Признаюсь, я невольно разсмѣялся такому совпаденію и мысленно радовался за Галю. „Ай-да дѣвка!—думалось мнѣ:—не промахъ!“ Кондратъ подозрѣвалъ, а, по всей вѣроятности, и зналъ даже, что сердце дѣвочки уже занято, зналъ, можетъ-быть, даже и кѣмъ и возлагалъ всѣ надежды на мои и родителей увѣщанія, на свое положеніе вольнаго человѣка и богатство. Пообѣщавъ ему сдѣлать все возможное, я разсказалъ все матери и, какъ я предчувствовалъ заранѣе, мать была противъ сватанья голаго Федя, но за то сильно обрадовалась Кондрату. Правда, Кондратъ былъ вдовцомъ, не молодъ, отъ первой жены у него осталось двое дѣтей, за то онъ былъ богатъ, относительно, конечно, пользовался вліяніемъ и властью и, ко всему этому, былъ свободенъ.

Какая бы мать не обрадовалась такому зятю?

Хотя я никогда и ни о чемъ не просилъ пана для своей семьи, не заикался о ней даже,

зная, какъ панъ этого не любитъ, требуя, чтобы всѣ его подданные строго выполняли свои обязанности, вытекавшія изъ ихъ положенія, тѣмъ не менѣе мое положеніе, моя близость къ пану или, лучше сказать, боязнь меня, моей мести, невольно вынуждала Кондрата оказывать моимъ родителямъ разныя послабленія и льготы, какими никто не пользовался въ селѣ. Несмотря на это, отецъ по-прежнему ненавидѣлъ Кондрата и, узнавъ отъ матери о его сватаньи, не только не обрадовался, но, къ общему удивленію, грубо сказалъ:

— Это дѣло Гали, какъ она хочетъ... я же думаю, что ей не слѣдовало бы выходить за такого сукина сына, да еще вдовца къ тому...

Нечего и говорить, что сумасшедшая Солоха была вся на его сторонѣ и злобно ликовала.

— Ты что-жъ это?—не выдержала мать:— родному дитяти счастья не желаешь? Ты его, можетъ-быть, и за Федя отдашь?

— Если дѣвка его хочетъ, пускай идетъ! Да и чѣмъ Федь плохъ?... что бѣденъ развѣ? да вѣдь и мы не богачи, а онъ работящій и хорошій мужикъ!

— Хорошій, хорошій,—подхватила Солоха:— да и Галѣ онъ полюбился... Пускай сватаетъ, я корову свою дамъ! Только вѣдь ей счастья, что милаго цѣловать!...

Солоха, по обыкновенію, ко всему приплетала свое недовольство общимъ положеніемъ.

Галя подпрыгнула отъ восторга при этихъ словахъ, но мать, какъ она мнѣ разсказывала, твердо сказала, что этому не бывать, и залилась горькими слезами.

Такимъ образомъ, въ семьѣ моей начались бурныя сцены между матерью съ одной стороны и отцомъ, Галей, Тарасомъ, и Солохой—съ другой; пошли ругань и ссоры,—словомъ, цѣлый содомъ, невольно донимавшій и меня, такъ какъ мать все чаще и чаще забѣгала ко мнѣ плакаться и отводить душу. Съ другой стороны, пилилъ мою душу своимъ любовнымъ нытьемъ этотъ хрычъ Кондратъ, втюрившійся на старости лѣтъ, какъ котъ, въ краснощекую Галю, приходившій ко мнѣ вздыхать и охать, жаловаться на отца и Солоху и просить постоять за него горой.

— Только бы, пане Ивасю, вы не были противъ, а я бы уже выпросилъ ее себѣ у пана и силкомъ бы взялъ!—сказалъ онъ мнѣ разъ.

Дѣйствительно, можно бы было кончить такимъ образомъ, да я вспомнилъ угрозу отца и всю сцену клятвы моей,—правда, вынужденной,—на образъ. А что если отецъ придетъ къ пану и прикажетъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ просить пана не отдавать Галю Кондрату? Панъ, конечно, никогда не отказалъ бы мнѣ, а ослушаться отца, сдѣлать по своему собственному разуму, по своей совѣсти, я бы тогда еще не рѣшился,—отецъ былъ мнѣ страшенъ въ своей суровости и рѣшительности.

Да къ тому же,—кто его знаетъ,—въ этой стрекозѣ Галѣ сидѣла-таки частичка Солохина духа! Кромѣ того, что дѣвчонка могла дѣйствительно привести въ исполненіе свою угрозу: „выцарапать буркалы“ этой „старой собаци“, какъ она звала Кондрата,—она, подзадориваемая такимъ сорви-головой, какъ Тарасъ, и безъ того грозившимъ всадить Кондрату шило,—при помощи отца, Солохи и всей ихъ клики могла надѣлать чортъ знаетъ что!

— Нѣтъ, погоди. „Це дило треба разжуваты“!—отвѣтилъ я Кондрату старой поговоркой.—Можетъ-быть, мнѣ и матери удастся еще уломать дуру.

Кондратъ тяжко вздохнулъ,—до того была тяжела ему эта отсрочка на неопредѣленное время.

XI.

Праздникъ Діаны.

По совѣту лѣчившихъ ее докторовъ, пани, жаловавшаяся съ нѣкотораго времени на грудь и кашель, уѣхала на воды за границу, взявъ съ собой маленькую Зосю, а немного спустя началась извѣстная Крымская война. Кто не читалъ, если не слышалъ, разсказовъ о тяжелыхъ дняхъ этой войны, когда каждый часъ уносилъ сотни здоровыхъ, молодыхъ жизней, когда каждый взрывъ непріятельской бом-

бы подъ стѣнами Севастополя разсыпался по странѣ слезами русской матери, когда панихиды и погребальное пѣніе стали необходимымъ явленіемъ почти въ каждой семьѣ? Страшное было это время, ужасомъ разило слово „Севастополь“, адомъ казалась жизнь въ его каменныхъ стѣнахъ. Наборы рекрутъ слѣдовали за наборами, каждый день ревѣли матери, сестры, отцы и братья, провожая на войну дорогого человѣка, проходили войска и толпы ополченцевъ, неистово буйствуя по городамъ и селамъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, въ виду грозившаго имъ впереди „севастопольскаго ада“, грабя всякую живность и сѣно, внося развратъ и болѣзни въ мирныя, трудовыя семьи. О, это было тяжелое время. Все стонало, молилось и плакало... Кругомъ стало какъ-то пусто и голо, и суевѣрные люди пророчили приближеніе страшнаго суда.

— Охъ, Ивасику!—говорила мнѣ мать:—тяжелое время переживаемъ мы... наказалъ насъ Господь за грѣхи наши! Скоро ѣсть будетъ нечего, хоть съ сумой иди!—И она плакала навзрыдъ.

То же самое говорила и вся деревня, но, благодаря Богу и счастливой судьбѣ, ничто дурное и тяжелое не коснулось меня и все это я наблюдалъ изъ разсказовъ другихъ или изъ панскихъ газетъ, такъ какъ общее несчастье не переходило за стѣны палаццо, гдѣ жизнь продолжала течь такъ же плавно и

ярко, среди пировъ и веселія, какъ и всегда. Правда, панъ очень сердился, когда узнавалъ, что проходившіе казаки уносили цѣлыя копны его сѣна, убивали скотъ и птицу, но это нисколько не мѣшало ему наслаждаться жизнью. Напротивъ, съ отъѣздомъ пани, панъ вздохнулъ свободно и въ домѣ пошла широкая, разгульная жизнь совершенно холостого характера, не имѣвшая ничего общаго съ прежнею салонностью и чопорностью. Съ утра до поздней ночи раздавался теперь немолчный хохотъ и визгъ смазливыхъ дворовыхъ дѣвокъ, хлопали двери, визжали собачьи своры, гремѣли рога псарей, а старое венгерское и медъ изъ заповѣдныхъ дѣдовскихъ бочекъ лились рѣкой, какъ простая вода. Домъ былъ вѣчно полонъ гостей и могучіе, знатные паны весело убивали время за зеленымъ столомъ игрою въ „дьябелка“, травя лисицъ и зайцевъ и награждая щедрыми звонкими поцѣлуями коралловыя губки дворовыхъ Марусь и Гапокъ. У меня даже кружилась голова и захватывало духъ, выражаясь фигурально, отъ этой страстной, кипучей жизни.

Такъ какъ панъ просто дышать не могъ безъ меня, то я сопровождалъ его всюду—и на облавы, и при посѣщеніяхъ имъ сосѣдей. Дома же, я, можно сказать, буквально не отходилъ отъ него и потому, понятно, не могъ уже заниматься съ Ратопланомъ и Михасемъ, которыхъ видалъ чрезвычайно рѣдко. Да, прав-

ду сказать, мнѣ уже тогда было не до ученья; я со всею страстью отдался своему положенію приближеннаго, перваго и любимѣйшаго панскаго слуги, всецѣло увлекаясь картиной веселой, шумной жизни, а въ свободныя минуты, большею частью, когда панъ отдыхалъ, зачитывался до одури романами, которые потихоньку бралъ изъ панской библіотеки.

И я платилъ свою дань молодости!

Впрочемъ, мое зачитыванье безтолковыми романами, какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ, имѣло для меня благія послѣдствія, спасало меня отъ паденія. Среди той обстановки, въ которой я жилъ, гдѣ все дышало поклоненіемъ Эроту и Венерѣ, гдѣ соблазнъ стоялъ на каждомъ шагу, я легко могъ завязать интрижки и впасть въ грѣхъ прелюбодѣянія. Всѣ дворовыя дѣвушки, и самыя красивыя, дѣлали мнѣ глазки, заигрывали со мною и употребляли всѣ усилія, чтобы такъ или иначе завлечь меня въ свои сладкія цѣпи, благодаря моимъ чернымъ усикамъ и глазамъ, а, главное,—моему положенію, но, съ гордостью говорю, тщетно и напрасно: я остался невиненъ, какъ красная дѣвица. Да, я остался чистъ и невиненъ, несмотря на царившія кругомъ соблазны и только благодаря страстному чтенію романовъ. Зачитываясь романами, я переживалъ ихъ душою, сердцемъ, головою, всѣми фибрами тѣла. Я вѣчно поэтому виталъ среди графинь и маркизъ, среди блеска

и утонченныхъ манеръ, дышалъ чуднымъ ароматомъ салоновъ и будуаровъ, цѣловалъ мраморныя плечи и бѣлоснѣжныя ножки, утопавшія въ шелку и кружевахъ, великосвѣтскихъ красавицъ и потому естественно не могъ увлекаться грубыми, хотя и хорошенькими, Гапками и Маруськами, съ ихъ икотой и отрыжками, съ ихъ грубыми руками и ногами и къ тому же почти всегда дышавшими то чеснокомъ, то лукомъ.

Съ наступленіемъ осеннихъ дней, панъ задумалъ открыть сезонъ охоты особенно грандіознымъ пиромъ, назвавъ его праздникомъ Діаны, въ честь богини покровительницы охоты, на который позвалъ только самыхъ интимныхъ и близкихъ друзей.

Праздникъ открылся облавой на волковъ, лисицъ и зайцевъ, тянувшеюся съ утра да поздняго вечера. Въ полѣ, на извѣстныхъ мѣстахъ, были разбиты дорогіе, ковровые шатры яркихъ цвѣтовъ съ закуской и винами для пановъ и горѣли костры, на которыхъ шипѣли и бурлили громадные котлы съ пшеномъ для гонцовъ, всего населенія деревни,—взрослыхъ, дѣтей и стариковъ, волей-неволей согнанныхъ для облавы, поднимавшихъ въ лѣсу неистовый гамъ и шумъ. При перемѣнахъ паны сходились къ шатрамъ, начинала гремѣть дворовая музыка, гонцы-парубки и дивчата должны, были плясать и пѣть и такимъ образомъ среди мертваго поля открывался веселый пиръ...

Вино лилось рѣкой; самыя дорогія и изысканныя блюда смѣнялись еще болѣе дорогими и изысканными. Паны закусывали, пили, съ торжествомъ пересчитывали свои трофеи, залпами на воздухъ встрѣчали каждый трофей. Волковъ, лисицъ, а въ особенности зайцевъ было перебито множество и съ закатомъ солнца паны съ музыкой и пѣніемъ гонцовъ потянулись домой, гдѣ ихъ ждалъ пышный пиръ „классическаго стиля", какъ выражался панъ, въ золотой палатѣ, а мужиковъ—танцы на лужайкѣ парка подъ звуки деревяннаго дудка, баса, скрипки. Весь палаццо дворъ и паркъ были буквально залиты огнями... Тысячи разноцвѣтныхъ фонарей самой причудливой формы, безчисленное множество плошекъ и смоляныя бочки съ ихъ краснымъ снопомъ пламени производили волшебное впечатлѣніе, превращая и дворъ, и палацо, и паркъ въ какое-то сказочное царство... Большія залы дворца, убранныя особенно роскошно живыми благоухавшими цвѣтами, были освѣщены, какъ днемъ, а громадные столы чуть не ломились подъ грудами серебра и хрусталя съ дорогими рѣдкими закусками и фруктами. Статуи, стоявшія по угламъ и стѣнамъ, были сняты съ своихъ пьедесталовъ и вмѣсто нихъ стояли чисто вымытые и причесанные, обнаженные подростки изъ дворовыхъ дѣвокъ съ вѣтками изъ розъ и виноградныхъ листьевъ на головѣ и таліи, держа въ рукахъ высокіе, прекрасные канделябры

со множествомъ свѣчей. Онѣ сначала, понятно, упрямились и ревѣли, конфузясь, но угроза быть высѣченными скоро заставила ихъ утереть слезы и принять соотвѣтственныя позы. Красавица Приська, панская любимица, сверкая своимъ мраморнымъ обнаженнымъ тѣломъ, изображала собою Діану съ золоченымъ колчаномъ и лукомъ за плечами и полумѣсяцемъ въ волосахъ. Она красовалась, склонясь на колѣно, на столѣ, покрытомъ, какъ ковромъ, живыми цвѣтами, держа громадный серебряный кувшинъ съ завѣтнымъ венгерскимъ, которымъ наполняла кубки подходившихъ къ ней гостей, цѣловавшихъ ее за это, точно статую, куда попало... Всѣ же остальныя дворовыя дѣвки, въ такихъ же классическихъ костюмахъ, т. е. безусловно обнаженныя, только съ вѣнками на головахъ и таліяхъ, замѣняли лакеевъ, такъ какъ никому изъ мужского персонала дворни, даже мнѣ, не былъ дозволенъ входъ въ этотъ домъ нѣги, красоты и фей.

— Развратъ!—скажетъ читатель.—Очень можетъ быть... Но развѣ я могу, развѣ я смѣю осуждать моего благодѣтеля? Какъ и тогда, такъ и теперь, я понимаю святую истину, что всѣ мы люди не безъ грѣха, за который каждый изъ насъ отдастъ отчетъ Богу, и прежде, чѣмъ осуждать кого-либо, не нужно ли вспомнить великія слова: „кто изъ васъ безгрѣшенъ, брось въ нее камень!“...

Я стоялъ на лужайкѣ парка и безпечно глазѣлъ на мужицкіе танцы. Возлѣ меня почтительно стояли конторскіе паничи и Кондратъ, не спускавшій завистливаго и вмѣстѣ сердитаго взгляда съ Гали, лихо отхватывавшей казака съ черноглазымъ Федемъ подъ одобрительные крики глазѣвшихъ. „Ну и дивчина-жъ!... Ну-жъ, и хлопецъ“... только и слышалось къ вящшей досадѣ и безъ того уже сердитаго Кондрата и къ моей потѣхѣ вмѣстѣ, такъ какъ лицо его тогда становилось донельзя глупымъ и комичнымъ. Вскорѣ къ намъ присоединился и паничъ Михась. Онъ на виду у всѣхъ сталъ рядомъ со мной и, положивъ мнѣ на плечо руку, какъ обыкновенно обнимаютъ близкихъ и родныхъ людей, не сводилъ восторженныхъ глазъ съ Гали.

— Кто это, Ясю?—говорилъ онъ, указывая на нее пальцемъ.

— Моя сестра, Галя...—гордо отвѣтилъ я, не оборачиваясь.

— Ну, и сестра-жъ у тебя!.. красавица!—и Михась захлопалъ въ ладоши и крикнулъ:

— Молодецъ Галя!...

Въ тотъ же самый моментъ пущенная изъ толпы невидимою, но вѣрною рукою громадная сосновая шишка угодила Кондрату прямо въ носъ.

Толпа громко захохотала, расхохотался и Михась, да и я не могъ удержаться отъ улыбки: до того глупо и комично стало обык-

новенно важное лицо Кондрата. Онъ сердито сдвинулъ брови и сталъ озираться, чтобы найти виновника, но въ тоже время новая шишка, при новомъ, еще бо̀льшемъ взрывѣ всеобщаго хохота, хватила его въ ухо.

Теперь я замѣтилъ, кто бросилъ. Это была Тарасова штука.

Я немедленно направился въ толпу, чтобы унять дерзкаго сорванца отъ продолженія подобныхъ подвиговъ, но онъ все прятался отъ меня за мужскія спины и мнѣ пришлось искать его долго, такъ что я не замѣтилъ, какъ къ танцующимъ подошелъ панъ съ гостями.

— Кто это? Чья она?—въ восторженномъ удивленіи воскликнулъ немного подвыпившій, но твердо державшійся на ногахъ панъ, указывая на Галю.

— Кожухова. Сестра Яся, вельможный панъ...— почтительно доложилъ Кондратъ

— Ясь, Ясь! Гдѣ же ты проклятый?—закричалъ во все горло панъ.—Иди сюда!—Что это ты хранилъ подъ спудомъ такую красавицу и не говорилъ мнѣ о ней? — обратился онъ шутливо ко мнѣ, когда я прибѣжалъ на его зовъ.

— Я не зналъ, пане, что она красавица!

— Ха-ха-ха!.. Дуракъ! не зналъ, что она красавица... Да она чудо, что такое!.. Правда, панове?

— Правда, правда!.. Нимфа!—подтвердили въ одинъ голосъ паны, немного покачиваясь.

— Богиня, а не нимфа!—закричалъ панъ.— Поцѣлуй же меня, красотка!...

Но Галя стояла, не шевелясь, сильно покраснѣвъ и опустивъ голову, а Федь нахмурилъ брови и ужасно походилъ на разбойника.

— Стыдишься? Не хочешь?—ласково шутилъ панъ.—Ну, такъ постой же,—я тебя поцѣлую!— И, сильно обнявъ, онъ громко чмокнулъ ее въ губы. Глупая Галя быстро поблѣднѣла и на щекахъ у нея показались слезы. Федь еще сильнѣе нахмурился, и я видѣлъ, какъ у него блеснули зрачки глазъ.

— Хочешь ко мнѣ во дворъ изъ своей хаты?—еще ласковѣе продолжалъ панъ.

Но Галя вмѣсто отвѣта только дрожала И, совсѣмъ расплакалась.

— Вотъ дурочка! Вѣдь тебѣ здѣсь лучше будетъ. Сама увидишь... Съ нынѣшняго же вечера ты останешься здѣсь! Спроси Яся, какъ здѣсь хорошо. Правда, Ясь?—спросилъ панъ меня.

— Совершенная правда, вельможный панъ!

И мнѣ, и Кондрату чрезвычайно понравилось и было на руку это панское приказаніе. Для отца было бы страшнымъ ударомъ видѣть дочь во дворѣ, и онъ съ радостью согласился бы, отдать, ее за Кондрата, если бы мы сказали ему, что иного способа взять ее со двора нѣтъ. А упросить пана отдать Галю Кондрату намъ бы, конечно, ничего не стоило. Дѣло пошло бы отлично, не вмѣшайся подлый Федь.

Блѣдный, дрожащій отъ затаенной злобы, онъ нахально приблизился къ нему и сказалъ, падая въ ноги:

— Вельможный пане, освободите ее, бѣдную!

— Ты кто такой?—гнѣвно спросилъ панъ.

— Федь Забійнисъ, вельможный пане...

— Не то... Чего ты хлопочешь за нее? Ты кто ей?

— Я ее сватаю, вельможный пане... Мы одружились съ ней по честному христіанскому закону.

— Какъ? Безъ меня?! Безъ моего позволенія? Безъ моего согласія, подлый хамъ? Ты смѣлъ?.. Да я запорю тебя, на свиньѣ полосатой женю... Вонъ?.. Взять ее во дворъ! — рѣзко обернулся онъ къ Кондрату.

Галя отчаянно взвизгнула, Кондратъ съ восторгомъ обхватилъ ея талію своими дюжими руками. Въ то же время обезумѣвшій Федь вскочилъ на ноги... Отчаянный крикъ его возлюбленной привелъ его въ необузданную ярость; какъ хищный ястребъ, бросился онъ на своего соперника и прежде, чѣмъ кто-либо опомнился отъ ужаса и изумленія, Кондратъ лежалъ на землѣ съ перешибленнымъ носомъ, изъ котораго ручьемъ лила кровь, марая великолѣпную смушковую шапку. Освободившаяся Галя, какъ коза, влетѣла въ толпу, самъ Федь исчезъ, какъ подъ землю.

— Лови его... держи... бей въ мою голову!— закричалъ не своимъ голосомъ панъ, топоча

ногами и отчаянно размахивая своими короткими руками.

Я и оба конторскихъ панича, какъ вѣтеръ, бросились въ толпу оторопѣвшаго мужичья, но Федя нигдѣ не было видно... Я бросался во всѣ стороны, расталкивалъ бабъ, глядѣлъ въ кусты и вдругъ увидѣлъ въ концѣ аллеи убѣгавшую бѣлую фигуру Федя, освѣщеннаго зеленоватымъ блескомъ луны. Вихремъ я пустился за нимъ вдогонку, не помня себя, весь охваченный какою-то безумною храбростью, ничего не разсчитывающею, не взвѣшивающею неравенства силъ и опасностей и со всего размаха грохнулся о земь.

— Ось тебѣ... не лови!—раздался надо мною въ тотъ же моментъ глупый ироническій хохотъ дерзкаго брата.

— Какъ ты смѣлъ подставить мнѣ ногу, подлый мальчишка? — закричалъ я въ бѣшенствѣ, чувствуя сильную боль въ ушибленной головѣ и груди.—Я тебя запорю, я пану скажу!—чуть не плакалъ я; но дикій мальчишка только хохоталъ, убѣгая, и осыпалъ меня градомъ самыхъ гнусныхъ прозвищъ. Когда я поднялся, до моихъ ушей донесся новый отчаянный визгъ Гали. О преслѣдованіи Федя нечего было и думать, и я бросился на крикъ, боясь, какъ бы происшедшее не повліяло на мою карьеру.

Оба конторскіе и Кондратъ, изъ носа котораго все еще продолжала струиться кровь, тащили страшно визжавшую Галю по освѣ-

щенной парадной лѣстницѣ во второй этажъ, а къ нимъ, запыхавшись и что-то крича, бѣжалъ панъ, но у самыхъ дверей палаццо остановился какъ вкопанный... Изъ-за колонны крыльца навстрѣчу ему бросился паничъ Михась, страшно взволнованный, блѣдный и дрожащій.

— Отецъ, пусти ее, ради Бога пусти!—схватилъ онъ за рукавъ отца.

— Прочь!.. ты забылся, кто ты! — не помня себя и плюя отъ бѣшенства, закричалъ панъ, сильно дергая руку.

— Такой же шляхтичъ, какъ и ты, и твой сынъ! – отвѣчалъ горячій, какъ отецъ, Михась, и отъ волненія у него лихорадочно затрясся подбородокъ и забарабанила губа. — Пусти ее, молю тебя! молю, заклинаю! Бѣдная она! Отецъ, отецъ!..

— Прочь! я запорю тебя! — рванулся панъ такъ, что Михась отлетѣлъ въ сторону, но, быстро упавъ на колѣни, онъ обнялъ ноги отца.

— Дѣлай, что хочешь, убей меня, но пусти ее, отецъ, молю тебя! Это не по-шляхетски обижать женщину. Это недостойно нашего рода. Именемъ матери заклинаю тебя, во имя покойницы, отецъ...

Эта страстная мольба, а, главное,— напоминаніе о покойницѣ женѣ пана, которую онъ, говорятъ, страстно любилъ когда-то и которая даже, по словамъ Солохи, отца и Панфила, была „святая женщина“, сильно повліяло

на пана; онъ невольно остановился въ какой-то нерѣшительности, точно сконфуженный и не зная, что дѣлать; но въ тотъ же моментъ въ громадномъ открытомъ окнѣ второго этажа показалась Галя, запертая на ключъ своими похитителями, и, прежде чѣмъ кто-либо изъ насъ могъ догадаться о ея намѣреніи, она, какъ молнія, вскочила на подоконникъ, перекрестилась и съ крикомъ: „прости меня, Господи!“—бросилась внизъ, ударилась о желѣзный навѣсъ надъ входною дверью нижняго этажа и оттуда со стономъ скатилась на-земь.

— Святая Матерь! — въ ужасѣ вскрикнули и я, и панъ, а паничъ безъ чувствъ повалился на землю.

И какъ бы въ отвѣтъ на нашъ крикъ и стонъ Гали, изъ-за темной синевы парка разлилось по небу багровое зарево пожара.

Поднялись невообразимая суматоха, крикъ и толкотня; народъ бѣжалъ, сломя голову, къ мѣсту пожара, толкая другъ друга, ругаясь, охая и не обращая ни на что вниманія,—разсыпая кругомъ вопросы, что̀ горитъ, и, не получая ни откуда отвѣта, ускорялъ бѣгъ и ругался еще сильнѣе. У меня отъ страха отнялись и руки, и ноги, и языкъ, и я стоялъ какъ столбъ, не сводя глазъ съ пана, то и дѣло крестившагося и повторявшаго смущенно: Іезусъ-Марія. Нѣсколько мгновеній панъ какъ бы колебался, не зная, куда броситься, переводя зрачки съ Гали на зарево и съ зарева на Ми-

хася, но вдругъ быстро пришелъ въ себя и съ громкимъ крикомъ: „люди, ко мнѣ!“ — бросился къ лежавшему, точно мертвецъ, Михасю. Панъ поднялъ его, разорвалъ воротъ рубашки и снова крикнулъ: „люди!“—но на зовъ его никто не явился, такъ какъ кругомъ уже было пусто.

— Что же ты, чортъ, стоишь столбомъ! — крикнулъ панъ ко мнѣ. Я пришелъ въ себя и бросился ему на помощь, когда къ намъ уже подбѣжали дѣвки и поваръ. Соединенными усиліями понесли мы Михася, приходившаго уже въ себя, и въ то же время я услышалъ раздирающій крикъ матери, голосившей надъ Галей, проклятія Солохи, увидѣлъ отца и еще нѣсколько человѣкъ, поднимавшихъ Галю, въ числѣ которыхъ мой зоркій глазъ различилъ цыганское лицо Федя, не вѣсть откуда взявшагося, и курносаго подлеца Тараса. Всю ночь напролетъ продолжался ужасный пожаръ, остановить который не могли всѣ усилія сбѣжавшагося съ окрестныхъ деревень народа, такъ что къ утру богатое панское гумно, сплошь застроенное громадными скирдами хлѣба, представляло одно дымящееся сѣрое пепелище. Всю ночь панъ самъ энергично распоряжался тушеніемъ, смѣло шнырялъ вездѣ среди дыма и пламени, кричалъ, грозилъ, обѣщалъ награды, но всѣ усилія были тщетны; гумно было однимъ моремъ пламени, солома вспыхивала какъ порохъ, съ трескомъ разсыпая кругомъ

миріады искръ, которыя, подымаясь вмѣстѣ съ дымомъ высоко кверху, напоминали великолѣпный фейерверкъ.

XII.

Амуръ уступаетъ свою жертву Марсу.

Воспользовавшись общею сумятицей и тѣмъ, что панъ всецѣло былъ поглощенъ тушеніемъ пожара, я побѣжалъ домой провѣдать Галю. Мнѣ никогда не описать того огорченія и озлобленія, въ которомъ я засталъ всю свою семью. Дряхлый, весь дрожавшій, какъ лунь сѣдой, дѣдъ Панасъ утиралъ рукавомъ и безъ того вѣчно слезившіеся глаза; отецъ былъ блѣденъ, мраченъ и усы его тряслись. Онъ только взглянулъ на меня исподлобья и не сказалъ ни слова; я почувствовалъ, что можетъ произойти глупая сцена и какой-то трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, но въ то же время я внутренно какъ бы желалъ этой сцены, чувствуя потребность разъ навсегда выяснить, наконецъ, свое положеніе по отношенію къ семьѣ,—указать, что я уже не мужичекъ Ивасикъ, котораго можно гнуть какъ угодно, а приближенный, довѣренный слуга всемогущаго пана, изъ уваженія только къ семейному принципу не рвущій кровныхъ связей съ людьми, совершенно посторонними мнѣ и по духу, и по положенію.

Мать билась, причитая, на лавкѣ точь-въ-точь, какъ нѣкогда Солоха, оплакивавшая Олесю; глупый громадный Тарасъ ревѣлъ и клялъ пана и Кондрата, ковыряя по обыкновенію въ своемъ глупомъ носу, и только одна Солоха, вся блѣдная, даже синяя отъ злости, молча и стиснувъ свои злыя, тонкія губы, суетливо возилась съ ногой Гали, что-то прикладывая и обматывая холстомъ. Галя лежала блѣдная, слегка стонала, но въ глазахъ ея свѣтилось какое-то тупое, даже безнравственное счастье, а не страданіе, такъ какъ тутъ же возлѣ нея виднѣлась цыганская рожа Федя, котораго она безстыдно обнимала рукой.

— Ой-ой-ой, лишенько мнѣ!—плакала во все горло мать. — И чѣмъ это мы разсердили Бога?

А Тарасъ вторилъ ей своимъ звѣринымъ ревомъ:

— Чтобъ имъ солнца не дождаться обоимъ!

— Цыть!—сердито прикрикнулъ отецъ.—Довольно! Чего ревѣть! Слава Богу, что хоть жива осталась!

— Ой-ой-ой!—продолжала мать:—такая красавица и будетъ калѣка!

— Не будетъ!—рѣзко отрѣзала Солоха:—говорю вамъ, что не будетъ! Только косточка треснула, да я залѣчу... увидите. До свадьбы сростется.

— Ой, Солохо, ой... если-бъ только это была правда!... А то, вѣдь, я знаю, что ты любишь

обманывать! — продолжала мать: — знаю тебя, какая ты!..

Къ моему удивленію, Солоха не отвѣтила бранью и, точно не разслышавъ колкихъ, но правдивыхъ словъ матери, продолжала возиться съ ногой Гали, только еще плотнѣе сжавъ свои злыя губы. Но за нее вступился отецъ.

— Молчи!—рявкнулъ онъ, выходя изъ себя, такъ грубо и сердито, что бѣдная мать стала плакать тише: — довольно!... А ты что-жъ, сучій сыну, — обратился онъ вдругъ грозно ко мнѣ: — не могъ заступиться за родную сестру, не могъ ей помочь?

Я точно ждалъ этого. Все, что накипѣло, наболѣло въ моей душѣ,—все вспыхнуло разомъ. Я давно уже отвыкъ отъ подобнаго обращенія и меня страшно взорвала и эта ругань, и несправедливый тонъ отца. Весь вспыхнувъ, гордо выпрямившись, я съ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно отвѣтилъ:

— Я не какой-нибудь мужикъ, чтобы вы меня такъ ругали, да и не за что... а...

Но непомнившій себя отъ злобы отецъ перебилъ меня:

— Что?! — заревѣлъ онъ: — что? ты не мужикъ?!—Нѣтъ?! Ахъ, ты панскій прихвостень!— И съ пѣной у рта, съ вытаращенными глазами, съ плотно сжатыми кулаками, онъ бросился ко мнѣ...

Минута — и буйный отецъ навѣрное прибилъ бы меня до смерти, но въ то же мгно-

веніе добрая мать, какъ молнія, бросилась съ лавки и стала между нимъ и мною... На помощь ей поспѣшилъ дрожавшій въ испугѣ дѣдъ; боявшаяся, вѣроятно, мести пана, Солоха схватила отца за рукавъ, а бѣдная Галя умоляюще застонала:

— Тату, тату, не бейте его!

— Не смѣй его бить, лучше убей меня! — кричала отчаянно мать, но отецъ не обращалъ никакого вниманія на ея крики.

— Я породилъ его, я и убью!.. Пустите!—И, неистово борясь со всѣми, онъ осыпалъ меня страшными ругательствами и позорными эпитетами.

— Плюньте на него, Семене!.. отчурайся, какъ я.... — злобно уговаривала его Солоха, а мать кричала: — бѣги, бѣги, Ивасику, бѣги!

Я быстро скользнулъ къ дверямъ и въ сѣняхъ вздохнулъ полною грудью, почувствовавъ себя спасеннымъ и свободнымъ... О, какая же страшная пропасть лежала между мною и ими!... Только теперь я ее увидѣлъ ясно, отчетливо, осязалъ, такъ сказать, духовно... Все было кончено и порвано; мы были два разные міра, два полюса. И, какъ бы въ подтвержденіе этимъ быстро летѣвшимъ въ головѣ моей мыслямъ и сознанію, раздались слова отца, посланныя мнѣ вдогонку:

— Чтобъ твоя нога не переступала порога нашей хаты!...

Я прильнулъ лицомъ къ окну и твердо, отчетливо отвѣтилъ:

— Не бойтесь!... Я подожду, пока вы ко мнѣ прибѣжите!...

Когда я, въ понятномъ волненіи, весь горя лихорадочнымъ огнемъ отъ всего только-что вынесеннаго, вернулся къ мѣсту пожара, тушеніе было кончено, такъ какъ горѣть уже было нечему, и панъ самолично производилъ слѣдствіе о причинѣ пожара. Поджогъ былъ несомнѣненъ, но виновниковъ его не было, или, лучше сказать, прямыхъ уликъ ни на кого не было. Одинъ старикъ утверждалъ, что будто бы видѣлъ, какъ кто-то прошелъ мимо гумна съ трубкой во рту, незадолго до пожара, но это было очевиднымъ враньемъ, съ цѣлью отвести глаза, взваливъ все на „нечаянность“....

— Знаете, пане Ясю, чьи эти штуки?—шепнулъ Кондратъ, наклоняясь къ моему уху.

— Нѣтъ, Кондратъ, ей-Богу, не знаю!

— Федь!—шепнулъ онъ мнѣ опять.

Я вполнѣ повѣрилъ Кондрату, вполнѣ съ нимъ согласился. Дѣйствительно, подобное преступленіе было совершенно въ духѣ дерзкой цыганской натуры Федя. Несомнѣнно, что поджогомъ онъ отомстилъ за свою возлюбленную.

— Неужели же гумно загорѣлось само собою?—крикнулъ въ это время панъ, грозно озирая толпу и, замѣтивъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ:

— Не слышалъ ли ты чего-нибудь, Ясю?

Я низко поклонился.

— Кондратъ, ваша вельможность, имѣетъ подозрѣніе на одного.

— Кондратъ?... Ахъ, ты старая собака!... Что же ты молчишь?—набросился на него панъ.—Иди сюда, говори!...

Кондратъ выступилъ впередъ и я видѣлъ, какъ всѣ лица толпы вытянулись и поблѣднѣли.

— Вельможный панъ,—началъ Кондратъ, отвѣшивая низкій поклонъ:—я потому молчалъ, что только догадуюсь, чье это дѣло... Но вотъ и Ивась тоже думаютъ. Не можетъ быть, чтобъ отъ трубки загорѣлось... Сколько разъ проходятъ люди съ трубками и даже въ вѣтеръ, а ничего, слава Богу, не бывало, а теперь и вѣтру не было... Я такъ думаю, что это сдѣлано нарочно, по лютой злобѣ на пана...

— Кто же могъ это сдѣлать?—грозно крикнулъ панъ.—Что ты тянешь, какъ баба прядево?!...

Кондратъ опять низко поклонился.

— Я такъ думаю... да вотъ и Ивась такъ думаютъ, что это дѣло Федя...

— Какого Федя?—заревѣлъ панъ.

— А того, ваша вельможность, что еще вечеромъ при самомъ панѣ осмѣлился драться и защищать дѣвку, а потомъ убѣжалъ!...

— А, помню!... Гдѣ онъ, разбойникъ?—заревѣлъ неистово панъ, не слушая дальше Кондратовой рѣчи.—Тащи его!—и быстро пошелъ къ палаццо.

— Ты поджегъ, разбойникъ?—грозно окрикнулъ онъ, когда къ нему въ комнату ввели блѣднаго, оборваннаго Федя и, прежде чѣмъ тотъ открылъ ротъ, хватилъ его съ размаха по скулѣ и закричалъ:

— Не трудись врать, разбойникъ,—знаю!... Всыпать ему сотню, да горячихъ!...

Федь повалился въ ноги. Губы его дрожали, изъ черныхъ цыганскихъ глазъ текли крупныя слезы; грудь его то поднималась, то падала съ какимъ-то глухимъ, придавленнымъ хрипомъ, что мѣшало ему говорить ясно и связно; но панъ махнулъ рукой и преступника быстро вытащили.

Въ то время, когда на панской конюшнѣ руки Кондрата дарили его ласками болѣе горячими, чѣмъ тѣ, что онъ только-что получалъ у ложа своей возлюбленной, панъ далъ мнѣ перебѣлить исписанный клочекъ бумаги. Я перебѣлилъ:

„Его В—родію, господину испрагнику. Въ настоящее трудное время, когда дорогое, священное наше отечество такъ нуждается въ храбрыхъ защитникахъ-воинахъ, и желая принести посильную лепту на святой алтарь отечества, прошу принять отъ меня и зачислить въ ряды доблестнаго нашего воинства препровождаемаго при семъ крѣпостного моего Федя Забійниса сверхъ комплекта и не въ очередь“.

Въ тотъ моментъ, когда окровавленнаго, избитаго, еле дышащаго Федя укладывали въ

телѣгу, вбѣжала его старуха-мать, терявшая съ своимъ преступнымъ сыномъ единственнаго кормильца. Она была въ страшномъ отчаяніи. Сорвавъ съ головы платокъ, она рвала свои сѣдые волосы, каталась по землѣ, кляла, грозила Божьимъ гнѣвомъ, визжала, что сынъ ея невиненъ, молила пана спасти его, приписывая все злобѣ и навѣтамъ Кондрата. Ея отчаянные вопли проникли даже сквозь каменныя стѣны „палаццо“ и раздраженный панъ приказалъ увести ее со двора.

— Уходите, бабусю!—сказалъ я ласково:— уходите... панъ сердится!...

— Божья дытына!—крикнула она, падая, обнимая мои ноги и осыпая ихъ горячими поцѣлуями.—Ивасику! хорошій, добрый!... Я на рукахъ носила тебя... Мѣсяцъ ты мой ясный! выпроси мнѣ сына у пана, выпроси моего сокола!..

— Бабусю... бабусю!—шепталъ я растроганный, всѣмъ сердцемъ своимъ жалѣя и ее, и Федя.

— Выпроси, голубчикъ!... Я Бога молить буду... Я на колѣняхъ доползу до Почаевской Владычицы и замолю у Ней всѣ грѣхи твои... Я на томъ свѣтѣ,—я старуха уже, Ивасику, я у могилы стою,—я на томъ свѣтѣ буду молить Бога за тебя... Ивасику... Ивасику!...

Но что я могъ сдѣлать?..

XIII.

Капля долбитъ и камень.

Послѣдствіемъ описаннаго было то, что панъ отправилъ Михася въ К., гдѣ бы онъ готовился въ университетъ, а вся моя семья, начиная дѣдомъ и кончая Тарасомъ, ходила, опустивъ голову и повѣсивъ носы, заказывала молебны и ставила свѣчи святымъ угодникамъ, вымаливая здоровье для Гали, которая со дня катастрофы съ ея возлюбленнымъ лежала въ горячкѣ. Хотя я, разумѣется, не забѣгалъ даже на мигъ домой, но, благодаря матери, зналъ отлично все, что дѣлалось дома, до мельчайшихъ подробностей,—зналъ, что ехидная Солоха, пользуясь своимъ положеніемъ лѣкарки, просто поселилась у насъ и, благодаря своему вліянію на слабаго отца, забрала все въ свои руки, верховодила въ хатѣ, такъ что моей бѣдной матери просто житья не было. Отецъ за послѣднее время сталъ страшно угрюмъ и золъ, не позволялъ матери не только отстаивать свои права отъ нахальной Солохи, но даже рта разѣвать, такъ что, не будь меня, бѣдной женщинѣ не съ кѣмъ было бы даже подѣлиться своимъ горемъ, не было бы любящей груди, на которой она могла бы выплакать свои слезы.

О люди, люди!

По отношенію ко мнѣ панъ послѣ катастрофы съ Галей сталъ еще добрѣе и ласко-

вѣе. Его, повидимому, сильно тяготило, что онъ явился какъ бы невольнымъ виновникомъ несчастія съ моею сестрой, и онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, когда я являлся къ нему съ заплаканными глазами. Желая, естественно, больше привязать его къ себѣ, я ходилъ постоянно грустнымъ и заплаканнымъ, но тонъ моего голоса былъ еще почтительнѣе, когда я отвѣчалъ ему на его приказанія: „слушаю, пане“, или „что прикажете“,—и это невольно трогало его сердце и побуждало жалѣть меня. Онъ никогда не заговаривалъ со мною о случившемся, но разспрашивалъ иногда о здоровьѣ Гали, трепалъ по щекѣ, дарилъ деньги и другими способами ясно выказывалъ свое расположеніе.

Съ выздоровленіемъ Гали всѣ окружавшіе ее стали замѣчать разительную перемѣну въ ея характерѣ. Ее просто нельзя было узнать,—до того она измѣнилась. Изъ живой, буйной, веселой и своенравной она вдругъ стала апатичной, вялой, покорной и смирной, изъ рѣзвой пѣвуньи и коновода всѣхъ дѣвичьихъ проказъ на селѣ—кислой плаксой. Прежде она, бывало, то и дѣло щебетала воробьемъ на всю хату, веселя этимъ угрюмаго отца, а порой даже надоѣдая матери такимъ стрекотаньемъ,—теперь же она сидѣла сиднемъ, точно каменная, ничѣмъ не интересуясь, не волнуясь, постоянно плача, и слова отъ нея нельзя было добиться, какъ отъ дерева.

На отца сильно повліяла такая перемѣна въ любимой дочери, грустный видъ и слезы которой были ему положительно невыносимы. Онъ какъ-то быстро осунулся, одряхлѣлъ, но, что хуже всего, сталъ возвращаться домой иногда ночью и сильно подъ хмѣлькомъ, когда прежде онъ былъ замѣчательно трезвымъ мужикомъ.

Бѣдная мать въ такія минуты, трепеща, понятно, за счастье своихъ дѣтей, за послѣднія крохи несчастнаго имущества, накидывалась на отца со слезами и упреками, но отецъ встрѣчалъ ихъ равнодушно и только смѣялся, такъ какъ въ пьяномъ видѣ онъ становился необычайно веселъ и благодушенъ. Тогда онъ обыкновенно съ азартомъ повторялъ давно бродившія среди черни надежды и слухи „о волѣ“, а Галю принимался успокаивать на счетъ судьбы Федя, гадая, что тотъ можетъ отличиться на войнѣ, за что-де царь сдѣлаетъ его своимъ генераломъ, и тогда онъ сдѣлаетъ ее генеральшей, пана повѣситъ на собственныхъ воротахъ, съ Кондрата сдеретъ шкуру, а мнѣ уже-де самъ отецъ всыплетъ десять копъ просоленныхъ лозъ.

— Чего ты хочешь, пьяница, отъ Ивасика? За что ты это накидываешься на свою родную плоть собакой?—заступалась за меня мать.

— Что?—ворчалъ сердито отецъ, несмотря на свое благодушное настроеніе:—свою родную плоть, говоришь? Нѣтъ у меня сына, кромѣ

Тараса; знать его не хочу подлеца!—И онъ злобно и грубо стучалъ кулакомъ по столу, такъ что даже окна дрожали. За это разъ, не выдержавъ, мать швырнула ему въ голову большимъ горшкомъ, разлетѣвшимся вдрѐбезги.

Нужно сказать, что хотя деревня и сильно жалѣла Федя и страшно кляла Кондрата и меня за постигшее его несчастье, но вздохнула свободно, такъ какъ послѣ пожара, въ виду отсутствія виноватаго, каждый дрожалъ за себя, боясь, какъ бы подозрѣніе и страшный панскій гнѣвъ не обрушился на него именно. Только этимъ, а также ходившимъ по селу, благодаря досужей фантазіи разныхъ кумушекъ, многочисленнымъ варіантамъ случившагося, по однимъ изъ которыхъ выходило, будто Федь самъ сознался въ поджогѣ, а по другимъ, что Федь былъ наказанъ только за сцену на лужайкѣ парка, и можно объяснить, что вспыхнувшее-было всеобщее противъ насъ озлобленіе улеглось скоро и не проявило себя никакимъ преступленіемъ. Но Солоха и находившійся подъ ея злымъ вліяніемъ отецъ никакъ не могли мнѣ простить, что и я былъ за-одно съ Кондратомъ противъ Федя, котораго они считали невинною жертвой нашей злобы. Отецъ, вообще дороживший мнѣніемъ мужичья, приходилъ положительно въ бѣшенство, что я, его сынъ, считаюсь всею деревней врагомъ, несмотря на всѣ мои благодѣянія, и по своей грубой партійной логикѣ онъ

стыдился и сердился, что я принималъ участіе въ обнаруженіи преступника, „своего же брата—мужика“, въ интересахъ-де общаго врага—„пана“. Онъ чуть было не проклялъ меня, и мать говорила, что ей стоило много слезъ удержать его отъ этого.

Хотя, конечно, Галя не могла увлекаться пьяными фантазіями о генеральствѣ Федя и отвѣчала на нихъ только горькими слезами, къ крайнему сожалѣнію отца, разсчитывавшаго на совсѣмъ другое дѣйствіе своихъ словъ и принимавшагося тоже плакать, но матери были очень непріятны эти напоминанія и фантазіи. Съ одной стороны, онѣ разстраивали Галю, съ другой же, напоминая ей о погибшемъ голоштанникѣ-возлюбленномъ, тѣмъ самымъ мѣшали стараніямъ и надеждамъ матери соединить ее съ Кондратомъ. Мать совсѣмъ измѣнила свою тактику съ Галей: она была теперь съ ней необычайно ласкова, постоянно цѣловала ее, плакала вмѣстѣ съ ней и ласкала,—и только тихонько и осторожно нашептывала ей свои желанія и надежды видѣть ее и вольной, и богатой. Галя уже не протестовала по-прежнему,—буйно и горячо; много, много, если просила оставить ее пока въ покоѣ, но тѣмъ не менѣе дѣло пошло бы скорѣе, не мучь ее отецъ своими пьяными приставаніями съ мнимымъ генеральствомъ.

Въ виду этого мы трое: я, мать и Кондратъ—сговорились на невинный обманъ, имѣв-

шій цѣлью пользу бѣдной дѣвочки и способный разъ и навсегда покончить съ ея тоской. Въ одно утро, какъ было условлено, мать, вернувшись изъ панскаго двора домой, объявила, будто Федь убитъ и будто извѣстіе объ этомъ получено паномъ оффиціально стъ начальства Федя. Галя упала въ обморокъ, прохворала и протосковала нѣсколько дней, но, какъ мы и ожидали, стала гораздо спокойнѣе, рѣже плакала, только сдѣлалась еще больше вялой и сонной.

Отецъ продолжалъ выпивать, увлекаясь все сильнѣе и сильнѣе на этомъ прелестномъ поприщѣ и то и дѣло ругая и кляня меня, но оставилъ въ покоѣ Галю и генеральство Федя, махнувъ рукой на все, на всѣхъ и на себя. По мѣрѣ того какъ онъ втягивался въ свое пьянство, мать забирала верхъ въ домѣ, устраняла вліяніе Солохи; а такъ какъ отецъ въ моментъ отрезвленія не могъ не чувствовать себя виноватымъ передъ нею, а пьяный благодушествовалъ и не перечилъ ей, то подъ конецъ она совсѣмъ-таки прибрала его къ рукамъ, пуская для этого въ ходъ слезы, упреки, укоры въ пьянствѣ и проч. Съ Галей вмѣстѣ съ тѣмъ она удвоила свои ласки и нѣжность и мало-по-малу, шагъ за шагомъ, добилась успѣха.—Капля долбитъ и камень!

— Галю! пташка моя!—зарыдала разъ мать послѣ долгихъ нѣжныхъ ласкъ:—утѣшь мое сердце, успокой меня на старости! Дай мнѣ

сойти въ могилу спокойно, чтобъ я не боялась за васъ, моихъ дѣтокъ...

Галя молчала, только поблѣднѣла сильнѣе.

— Галичко, сердце мое,—еще сильнѣе зарыдала мать, цѣлуя ее:—Галю моя милая, что вы всѣ будете дѣлать безъ меня съ пьянымъ отцомъ?... Что станется съ Тарасомъ, да и съ отцомъ?... Куда онъ свою старую голову склонитъ, когда пропьетъ все безъ меня?... Пропадете вы всѣ. А я чувствую, моя доню,—охъ, чувствую!—что я уже не жилица на этомъ свѣтѣ.

— Мамо!—зашептала Галя.

— Не жилица, Галю, не жилица. Я у могилы стою. Дай же мнѣ, моя доню, сойти въ нее спокойно, чтобы сердце мое не обливалось кровью за всѣхъ васъ. Утѣшь меня, дай мнѣ пристроить тебя...

Галя поблѣднѣла такъ, что мать даже испугалась.

— Дѣлайте, мамо, что хотите... Мнѣ все равно теперь на свѣтѣ... что такъ жить, что въ воду, за Кондрата...—чуть слышно прошептала она.

Мать страстно обняла ее, цѣловала ея руки, увѣряла, что она будетъ счастлива, благодарила ее, но Галя зарыдала и, склонившись къ подушкѣ, попросила мать оставить ее теперь на время въ покоѣ. Мать воспользовалась этимъ и вихремъ примчалась ко мнѣ сообщить радостную вѣсть.

Кондратъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Онъ немедленно нарядился въ лучшую свою свиту, надѣлъ богатый поясъ и вмѣстѣ со мною направился къ пану. Панъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа и даже навеселѣ, потому что любимая его кобыла разрѣшилась утромъ благополучно красивымъ жеребенкомъ.

Войдя, мы оба въ тактъ опустились на колѣни и благоговѣйно поцѣловали панскую ногу...

— Что вамъ?—удивленно и весело спросилъ панъ.

Вмѣсто отвѣта мы еще разъ поклонились и почтительно поцѣловали его ногу, что очень понравилось ему, такъ что онъ еще веселѣе и ласковѣе спросилъ:

— Что вамъ, мои милые? Языки у васъ что ли, поотнимало? Вставайте! Полно валяться!

— Не встанемъ, пане...—отвѣчалъ Кондратъ.

— Почему? Что такое?...

— Пришелъ просить своего счастья, пане, хоть и не стою вашей милости! Пришелъ просить отдать за меня сестру Яся!

— Что, ты хочешь жениться?—удивился панъ, даже вскочивъ отъ удивленія и вытаращивъ глаза...

— Да, пане... Прошу вашего милостиваго соизволенія на то.

Панъ расхохотался до того, что чуть не упалъ... Онъ махалъ руками, задыхался, виз-

жалъ и кончилъ тѣмъ, что, весь багровый, бросился въ кресло.

— Охъ, Боже мой!... Охъ... уморилъ меня!— кричалъ онъ, еле дыша и переводя духъ.— Жениться хочетъ! Ишь ты, старая собака!—И снова началъ хохотать.—Да можешь ли ты быть хорошимъ мужемъ?—выпалилъ онъ, наконецъ.

— Если панъ благословитъ, то смогу!—отвѣтилъ Кондратъ, шутливо вторя въ тонъ пану и вмѣстѣ съ тѣмъ льстя ему, такъ какъ панъ гордился и хвастался своей физическою крѣпостью.

Ловкій отвѣтъ привелъ въ восторгъ пана: онъ весело вскочилъ, весь сіяя и сквозь смѣхъ сто разъ повторяя:

— Если я благословлю, если я благословлю!— но вдругъ такъ грозно нахмурился, что мы оба съ Кондратомъ съежились.

— Что же ты, старый хрычъ, задумалъ жениться, а меня и не думаешь звать въ сваты? Такъ-то ты мнѣ преданъ?... И ты, Ивась, мой первый человѣкъ, и ты не стыдишь его?— обратился панъ ко мнѣ, шутливо хмуря брови.

— Пане, вельможный пане! Смѣли ли мы, послѣдніе рабы ваши, даже думать о такой чести?—кланялись мы оба ему въ ноги.

— Отчего же? развѣ вы не знаете, что кого я люблю, того и жалую?.. Ну, такъ просишь въ сваты?—обратился онъ къ Кондрату.

— Пане... — могъ тотъ только прошептать отъ избытка волновавшихъ его чувствъ, кла-

няясь и ловя панскую ногу, которую осыпалъ поцѣлуями и обливалъ слезами благодарности.

— Ну, Ивасику, давай рушникъ! Живо!

Я вихремъ сорвался и подалъ пану одно изъ висѣвшихъ у умывальника богато расшитыхъ полотенецъ. Панъ перевязалъ имъ руку по украинскому обычаю и во все горло закричалъ:

— Музыка!

Явился оркестръ дворовой музыки... Пану подали великолѣпно осѣдланную лошадь... Онъ молодцовато вскочилъ на нее и ухарски заломилъ на бокъ шапку. Его окружили верхами дворовые, доѣзжачіе и псари и, подъ торжественные звуки прекраснаго марша, всѣ двинулись къ нашей бѣдной хатѣ на удивленіе всей деревнѣ, бѣжавшей слѣдомъ, недоумѣвая, что все это значитъ.

Галя сначала страшно перепугалась, а потомъ покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Мать чуть въ обморокъ не упала отъ счастья и восторга; подвыпившій отецъ крайне добродушно улыбался, стоялъ съ растопыренными пальцами и что-то бормоталъ невнятно, когда панъ громко объявилъ цѣль своего пріѣзда.

— Ну, что-жъ, согласна?—весело спросилъ панъ Галю, испуганную и пораженную до того, что она стояла, какъ столбъ.

— О, благодаримъ, благодаримъ за честь!—отвѣчала за нее мать, падая въ ноги.

— Шампана!—закричалъ панъ, вынимая изъ кармана драгоцѣнный кубокъ.

Явилось привезенное шампанское... Громко хлопнула пробка, музыка грянула тушъ и панъ громко крикнулъ:

— Пусть сама невѣста поднесетъ мнѣ изъ этого кубка—ея приданаго.

Всѣ такъ и ахнули отъ такой панской ласки. Мать дрожащими руками, вся сіяя счастьемъ, передала цѣнный кубокъ Галѣ, а та, ошеломленная всею этой сценой, какъ-то машинально, безсознательно поднесла пану вина, дрожа и краснѣя.

— Нѣтъ, голубка, такъ не годится,—сама отвѣдай прежде: можетъ ты яду мнѣ подносишь!—пошутилъ панъ.

Мать шепнула Галѣ, та обмочила губки въ винѣ, а затѣмъ панъ до-суха выпилъ его и брызнулъ въ потолокъ послѣднія капли.

— Живите счастливо!—крикнулъ онъ.—Ну, а теперь поцѣлуй меня!—И онъ крѣпко обнялъ глупенькую, дрожавшую Галю.

— Я все забылъ!—продолжалъ панъ, держа ее въ своихъ, объятіяхъ и цѣлуя ее:—все прощаю тебѣ и радъ, что ты тогда, дурочка, не убилась! Видишь, я не злой и тебѣ нечего было меня бояться!—и онъ весело засмѣялся.—Ну, Кондратъ, бери ее!—крикнулъ онъ, наконецъ.—Красавица-жъ у тебя будетъ жена, первая красавица! Отдаю ее тебѣ даромъ! Пусть будетъ вольная, какъ и ты! Пусть всѣ знаютъ, весь свѣтъ, что какъ я умѣю наказывать за зло, такъ умѣю и награждать преданность и вѣрную службу!

Говоря это, панъ махнулъ лѣвою рукой въ сторону Кондрата, и изъ рукава его посыпались серебряные рубли, затѣмъ махнулъ на начинавшую плакать Галю правою, и на нее посыпались золотые червонцы.

Вся деревня, всѣ, отъ мала до велика, долго не могли придти въ себя отъ всего этого, отъ такой чести и счастья, выпавшихъ на долю нашей семьи.

XIV.

Гдѣ Тарасъ является во всемъ своемъ блескѣ.

Все это время мать была занята приготовленіемъ приданаго, по естественной гордости, не желая, чтобы дочь вступала въ чужой домъ безъ собственной рубашки, а дурочка Галя провела въ слезахъ, остановить которыя не могли самые роскошные подарки Кондрата. Она какъ-то боялась своего жениха и просто блѣднѣла, когда тотъ съ нѣжностью подсаживался къ ней, таращилъ на нее свои масляные глазки и шепталъ то, что обыкновенно нашептываютъ въ такихъ случаяхъ.

Отецъ же безпросыпно пилъ, въ чемъ ему теперь нисколько не препятствовала добрая мать, боявшаяся, какъ бы трезвымъ онъ не выкинулъ какой-нибудь скандальной штуки съ Кондратомъ. Послѣдній съ тою же цѣлью, а, можетъ быть, просто по влеченію собственнаго

сердца, желая сдѣлать удовольствіе отцу своей невѣсты, обязательно доставлялъ каждый день водку и приказалъ шинкарю Лейзару открыть отцу безграничный кредитъ. Благодаря такой щедрости и тактикѣ, отецъ пропадалъ иногда по цѣлымъ днямъ и, когда приходилъ домой ночью, то былъ до того пьянъ, что, не ходи за нимъ, какъ собака, его Тарасъ, онъ навѣрное не нашелъ бы своей хаты, а отдыхалъ бы гдѣ-нибудь подъ плетнемъ въ образѣ праотца Ноя. Понятно, что въ такомъ состояніи, когда языкъ его не вязалъ лыка, а самъ онъ весь сіялъ благодушіемъ, Кондрату нечего было опасаться и онъ сидѣлъ сиднемъ въ нашей хатѣ и даже дружески шутилъ подчасъ съ отцомъ, если, конечно, только тотъ еще могъ шутить, а не храпѣлъ вмѣстѣ съ дѣдомъ.

Къ нашему счастью, все это время Солоха валялась у себя на печи, благодаря ломотѣ въ спинѣ, не позволявшей этой фуріи ходить даже по хатѣ, и, такимъ образомъ, у насъ царилъ полный миръ, покой и счастье, если не считать глупыхъ дѣвичьихъ слезъ Гали, такъ остроумно сравниваемыхъ народною мудростью съ водой. Впрочемъ, ей не давали много ревѣть ея подружки, для которыхъ Кондратъ не жалѣлъ сластей и лентъ и которыя поэтому съ пѣснями и смѣхомъ съ утра до ночи толпились въ нашей хатѣ и разгоняли глупое настроеніе „мокрой“ невѣсты, какъ въ шутку прозвалъ я Галю за ея плаксивость.

Благодаря всему вышесказанному, я уже безбоязненно могъ посѣщать хату, и такъ какъ добрый панъ часто отпускалъ меня, то я по нѣскольку даже разъ въ день забѣгалъ къ матери, не обращая никакого вниманія на отца. Правда, въ своемъ благодушномъ пьяномъ настроеніи онъ не забывалъ иногда злобно язвить меня, но дѣлалъ это, какъ-то добродушно улыбаясь, шутливо и вмѣстѣ безсмысленно бормоча сотни разъ: „а подлецъ ты, Ивасикъ... о, подлецъ!“—и качалъ при этомъ головой. Я пропускалъ все это мимо ушей, зная, что съ пьянаго взятки гладки, и только мать иногда, выйдя изъ себя, кричала ему: „цыцъ, пьяница! ложись лучше спать“,—что онъ, въ концѣ концовъ, покорно и исполнялъ.

Смущалъ насъ всѣхъ немного только дерзкій сорванецъ Тарасъ, злоба и недружелюбіе котораго къ Кондрату, воспитанныя отцомъ и деревней, сквозили въ каждомъ его движеніи и взглядѣ. Выросшій быстро, какъ ростетъ всякая дурная трава, обладая для своихъ лѣтъ почти исполинскою силой и чертовскою ловкостью, съ своимъ чисто-отцовскимъ, угрюмымъ и недовѣрчивымъ характеромъ, къ которому примѣшивалась масса живости, подвижности, ехидной насмѣшливости и безшабашнаго озорства, онъ дѣйствительно могъ быть если не страшенъ, то невыносимо непріятенъ въ своей злобѣ. Тарасъ былъ способенъ на все, а за нимъ пошли бы, какъ

одинъ человѣкъ, всѣ сорванцы-парубки села, для которыхъ онъ былъ кумиромъ, благодаря всѣмъ поименованнымъ выше качествамъ, какъ и коноводомъ всякихъ пакостей, выкидываемыхъ обыкновенно этими сорванцами. Даже мать побаивалась его, зная все это, и хотя драла иногда за чубъ и угощала кочергой, но обыкновенно заискивала теперь и старалась быть нѣжной, боясь дразнить въ немъ звѣря, боясь, какъ бы онъ, науськанный Солохой, у которой проводилъ все время, когда не былъ съ пьянымъ отцомъ, не выкинулъ какой-нибудь необычайной гнусности. Одно, повидимому, застраховало ихъ всѣхъ отъ этого дикаря, дразнившаго меня часто насмѣшливымъ прозвищемъ: „ваше свинородіе",—это то, что, по своей привязанности къ отцу, онъ не отходилъ отъ него, когда тотъ былъ пьянъ, ни на шагъ, оберегалъ его, поддерживалъ, когда тотъ не твердо стоялъ на ногахъ, и приводилъ домой ночью, такъ что для озорства у него не было времени.

Впрочемъ, при первомъ же представившемся случаѣ онъ выказалъ себя во всемъ блескѣ, выкинувъ отчаянную гнусность. Желая его задобрить, Кандратъ, какъ брату своей невѣсты, подарилъ ему богатѣйшую смушковую шапку, какой не было ни у кого въ цѣломъ селѣ и за которую онъ заплатилъ очень дорого. Мерзавецъ, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, отбросилъ ее ему

чуть не въ лицо, наложивъ предварительно полную шапку такой гадости, что мнѣ даже сказать стыдно. Бѣдный Кондратъ только поблѣднѣлъ на подобную подлость, закусилъ губы и слегка ахнулъ отъ волненія, а все грубое мужичье села пришло въ восторгъ и чуть не носило Тараса на рукахъ. Солоха, говорятъ, даже заплакала на печи отъ радости и долго цѣловала мерзавца.

— Тарасъ, слушай, — сказалъ я ему разъ, заставъ его задумчиво сидѣвшимъ подъ липой у озера и строгавшимъ что-то ножикомъ:— Тарасъ, неужели тебѣ не надоѣло озорничать и дѣлать гадости?

Онъ задумчиво и какъ-то разсѣянно взглянулъ на меня.

Вечеръ былъ прекрасный... Послѣдніе лучи солнца золотомъ и пурпуромъ отражались въ водѣ, точно цѣлуя ее на прощанье... Легкій вѣтеръ приносилъ съ поля ароматъ цвѣтовъ... Птички чирикали надъ нами, прыгая съ вѣтки на вѣтку, точно выискивали ложе... Вообще все какъ-то въ природѣ располагало къ ласкѣ, миру, нѣжности. Зная нѣкоторую долю сентиментальности за Тарасомъ, приписывая его задумчивость именно ей и проснувшейся, отъ разлитой кругомъ нѣги, совѣсти, я продолжалъ горячимъ, задушевнымъ тономъ, искренно желая отрезвить его и навести на путь истины:

— Тарасъ, слушай, зачѣмъ ты огорчаешь бѣдную мать своими дерзостями съ Кондра-

томъ, когда онъ будетъ скоро роднымъ нашимъ и дѣлаетъ и желаетъ намъ столько добра?.. Онъ такой добрый, Тарасъ, и такъ тебя любитъ... И я тебя люблю, Тарасъ, ей-Богу, люблю!

Тарасъ опять какъ-то разсѣянно взглянулъ на меня... Онъ, кажется, не слушалъ, что я говорилъ, или пропускалъ мимо ушей.

— Слушай же, неужели у тебя такая черствая душа?... Когда Кондратъ женится на Галѣ, онъ будетъ твоимъ роднымъ, онъ поможетъ намъ всѣмъ и вліяніемъ, и богатствомъ, и отецъ выстроитъ новую хату... Вы всѣ заживете въ довольствѣ, будете имѣть большое и хорошее хозяйство... Неужели ты не хочешь быть богатымъ хозяиномъ?—почти крикнулъ я.

Тарасъ отрицательно покачалъ головой, не поднимая глазъ и продолжая стругать.

— Не хочешь?—въ удивленіи, не вѣря глазамъ, крикнулъ я:—не хочешь быть богатымъ хозяиномъ?.. Тарасъ?...

— Не хочу!—твердо и спокойно отвѣтилъ тотъ, продолжая стругать и не глядя на меня.

— Чѣмъ же ты хочешь быть?..— вельможнымъ паномъ? — уже немного насмѣшливо спросилъ я, взорванный его глупостью. Но Тарасъ также закачалъ головою.

— Тогда чѣмъ же?— скажи на милость!

— Кармелюкомъ!—выпалилъ тотъ, поднимая голову и смотря на меня прямо. Глаза его

горѣли, какъ раскаленные уголья, а щеки слегка поблѣднѣли.

— Что, что, Тарасъ?!

— Кармелюкомъ!—повторилъ тотъ, не опуская глазъ. Отъ ужаса я даже перекрестился.

На другой же день послѣ этого разговора, обнаружившаго ужасныя думы черной души Тараса, приведшія въ такой же ужасъ и добрую мать, когда я сообщилъ ей все, отецъ выкинулъ вдругъ неожиданно страшный скандалъ. Пользуясь предлогомъ, конечно, онъ напоилъ своихъ друзей, дьячка Панфила и тому подобныхъ, и, придя съ ними домой, сталъ приставать къ Кондрату съ разными возмутительными вопросами „о волѣ", о положеніи мужиковъ и т. д. Тщетно бѣдный Кондратъ старался заминать этотъ опасный разговоръ, превращать все въ шутку, или давать ему иное направленіе: пьяный отецъ съ своими достойными друзьями продолжалъ свое, повторяя нелѣпые слухи о какомъ-то всеобщемъ казачествѣ, которое, будто бы, намѣренъ ввести царь, и о волѣ, которая наступитъ послѣ войны,— слухи, неизвѣстно кѣмъ распускаемые, откуда взявшіеся, но упорно державшіеся тогда среди мужичья. Эти нелѣпые слухи и толки повторялись всѣми, но обыкновенно тихо, шепотомъ; говорить же громко никто не рѣшался, боясь доноса пану и страшныхъ отъ этого послѣдствій. Понятно, что Кондратъ, жалѣя отца, старался всѣми силами прекратить эту глупую сцену.

— Что-жъ, по твоему не всѣ мы люди изъ одного тѣста слѣплены, что ли? — накинулся отецъ на Кондрата, когда тотъ уговаривалъ его перестать молоть вздоръ, который никогда не осуществится.

— Семене, Семене!—ласково возражалъ ему Кондратъ:—Богъ и святыхъ подѣлилъ, а вы хотите, чтобъ люди были равными.

Но тутъ ужъ вся компанія, и въ особенности Панфилъ, считавшій себя спеціалистомъ и неопровержимымъ авторитетомъ въ теологическихъ тонкостяхъ, подняли такой содомъ, что находчивая и рѣшительная мать схватила кочергу, высоко подняла ее и крикнула на непрошенныхъ гостей: „Идите вонъ!.. всѣ вонъ, съ вашей волей... Чтобъ и духу вашего тутъ не пахло, пьяницы!“

Гости, менѣе пьяные, чѣмъ отецъ, немедленно удрали, зная, конечно, по опыту, что такое баба съ кочергою въ рукахъ, а раздраженный отецъ накинулся на мать и завязалъ драку. Мы—я, мать и Кондратъ,—пользуясь отсутствіемъ Тараса, находившагося у Солохи, подъ крики испугавшейся Гали, схватили его за руки, стараясь повалить на постель, но онъ грубо и сильно боролся и, почувствовавъ, что его одолѣваютъ, заоралъ во все горло: „Тарасъ, Тарасъ, сынъ мой родной, спаси меня!“—Почти въ тотъ же моментъ я почувствовалъ ужасный ударъ по рукѣ, сильную тупую боль и отлетѣлъ, какъ мячъ, на нѣсколько

шаговъ. Такъ какъ я выпустилъ руку отца, за которую тянулъ его изо всей силы, то онъ потерялъ равновѣсіе, упалъ на полъ, а мать въ ужасѣ всплеснула руками, увидя, какъ Тарасъ, отбросивъ меня, душилъ теперь за горло сопѣвшаго и храпѣвшаго Кондрата, схвативъ его сзади своими желѣзными руками.

Я положительно не считалъ этого разбойника способнымъ на такое злобное бѣшенство, какое онъ проявлялъ теперь въ борьбѣ съ Кондратомъ. Онъ рвалъ его свиту, шипя по-змѣиному, скользилъ, какъ вьюнъ, у него между ногъ и рукъ. Дюжій Кондратъ, конечно, могъ бы его, какъ соломенку, переломить на-двое, но дьявольски ловкій разбойникъ ускользалъ именно въ тотъ самый моментъ, когда Кондратъ, казалось, схватывалъ его и, ускользая, сыпалъ удары направо и налѣво. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта борьба, не хвати мать разбойника кочергою въ голову такъ, что его бѣшеная рожа облилась кровью, а самъ онъ упалъ, какъ заколотый боровъ.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, сучій сынъ! Будешь, Кармелюкъ проклятый, напередъ знать!—продолжала, несмотря на мольбу Гали, угощать его мать до тѣхъ поръ, пока Галя не бросилась къ лежавшему на полу мерзавцу, изъ пошлой удали не издававшему даже ни одного стона, и не прикрыла его собою.

— Мамо, мамо! — заревѣла она, простирая руку. Кондратъ, отиравшій, пыхтя и сопя, раз-

битое лицо, бросился ей на помощь и вырвалъ у матери кочергу.

Пьяный отецъ барахтался на полу, не будучи въ состояніи подняться и бормоча безсмысленныя и несвязныя угрозы; мать сидѣла на лавкѣ вся блѣдная и дрожавшая отъ понятнаго негодованія; Кондратъ утирался, а Галя ревѣла надъ лежавшимъ сорванцомъ; она цѣловала его, обнимала и, вдругъ завидя сочившуюся изъ его головы кровь, закричала не своимъ голосомъ: „Мамо, мамо, что вы надѣлали!... Смотрите—кровь! Тарасынку любый, что съ тобой?... Поцѣлуй меня!“—кричала она въ отчаяніи, и тогда разбойникъ на ея ласки заплакалъ, сталъ ее обнимать и выбѣжалъ изъ хаты къ Солохѣ, не говоря ни слова. Мы всѣ поняли, что онъ постарается жестоко отомстить намъ. Нужно было во что бы то ни стало найти выходъ изъ такого положенія, и Кондратъ помогъ намъ въ этомъ.

Черезъ два дня панъ отправлялъ въ губернскій городъ въ провіантскіе склады большой транспортъ запроданной ржи, и Кондратъ устроилъ дѣло такъ, что Тарасъ поѣхалъ съ обозомъ, какъ будто замѣстителемъ отца. Съ его отъѣздомъ мы вздохнули свободно и скоро сыграли свадьбу, которая прошла очень весело и пышно. Только Галя, по своему обычаю, портила немного общее веселье своею блѣдностью и сумасшедшими слезами. Великодушный панъ далъ свой экипажъ и пару лошадей,

чтобы везти невѣсту въ церковь, послалъ на свадьбу свою музыку, много сластей и вина и не пріѣхалъ только потому самъ, что страдалъ въ этотъ день флюсомъ.

XV.

Знаменія времени.

Богъ ихъ знаетъ, откуда именно брались всѣ эти нелѣпые толки и слухи въ народѣ о всеобщемъ казачествѣ и безусловной волѣ, о которыхъ я упоминалъ уже, но несомнѣнно, что они всецѣло отвѣчали тогдашнему настроенію мужичья, такъ какъ только этимъ и можно объяснить себѣ причину ихъ быстраго распространенія и вѣру, съ какою они принимались. Несомнѣнно, что мужичья душа, про себя, втихомолку страстно ненавидѣвшая все, что только не ходило въ свиткѣ и не смазывало сапоги дегтемъ, представляла благодарную почву для всякой нелѣпости, разъ только эта нелѣпость рисовала какія нибудь льготы для мужика... Сотни тысячъ устъ разносили ее тогда и такія же сотни тысячъ сердецъ бились вѣрой и надеждой на самую отчаянную глупость и гнусность.

Съ новымъ воцареніемъ эти слухи „о волѣ“ положительно стали переходить въ что-то въ родѣ несомнѣнной увѣренности... От-

куда, какимъ образомъ, чер зъ кого именно проникли они въ народную массу—никто не зналъ, никто не понималъ, но всѣ толковали „о волѣ“. Воля должна была явиться съ землей, съ лѣсами, водами, со всѣми угодьями, при чемъ, какъ увѣряло мужичье, царево сердце, жалѣючи и пановъ, какъ своихъ дѣтей тоже, возьметъ ихъ къ себѣ на службу, на хорошее жалованье. Но пана-землевладѣльца, пана, какъ старшаго лица въ деревнѣ, пана, какъ власти надъ рабочимъ народомъ, собственно не останется и слѣда. Останется только царь на землѣ и царскій народъ, т.-е. мужичье, которому-де царь отдастъ всю землю, потому что она вся его, вся царская,—но народъ вольный, обязанный давать царю только деньги на войско и его царскія нужды, да служить ему жизнью и кровью на защиту страны... Паны же останутся чиновниками, простыми исполнителями царскихъ велѣній.

Слухи проникли даже въ панскую дворню, и тамъ возликовали всѣ отъ мала до велика, только тамъ всѣ держали себя, понятно, осторожнѣе и высказывали свои вожделѣнія шепотомъ, въ особенности въ моемъ присутствіи. Тѣмъ не менѣе я часто ловилъ эти толки и поспѣшно докладывалъ о нихъ пану, который немедленно принимался за разслѣдованіе источниковъ ихъ появленія, но всегда наталкивался, въ концѣ концовъ, на какого-то миѳическаго „проходившаго тамъ то солдата“, „богомолку“,

„страннаго Божьяго человѣка“ и т. п. Когда Тарасъ съ другими вернулся изъ губернскаго города, въ который, какъ я уже говорилъ, возили панскій хлѣбъ, они утверждали, что всѣ въ губерніи говорятъ о томъ, что новый царь дастъ волю. И я отлично помню, что косноязычный Панфилъ кричалъ при этомъ своимъ жаргономъ: „Увидите, братія, что вси будите вольными... Пріидетъ конецъ царствію змія... Сократитъ его главу новый царь... Такъ и въ писаніи святомъ сказано!“ Мужичье, конечно, вѣрило,—Панфилъ былъ для него неопровержимымъ авторитетомъ,—и я смолчалъ, не донесъ пану, жалѣя брата, не желая впутывать „свою семью“ въ такое дѣло, какъ распространеніе вредныхъ слуховъ. Панъ, отъ зоркаго глаза и чуткаго уха котораго ничто не могло укрыться, страшно сердился на все это, въ особенности на слухи о волѣ, по сту разъ приказывалъ Кондрату объявлять и разъяснять мужикамъ на общемъ сходѣ, что они никогда не могутъ быть вольными и всю нелѣпость толковъ о волѣ, такъ какъ самимъ Богомъ и старинными царскими грамотами они отданы подъ его власть съ ихъ потомками.

— Ты какъ думаешь объ этомъ, Ясь?—спрашивалъ меня иногда панъ, весь красный, такъ какъ онъ всегда горячился страшно, когда дѣло шло объ этихъ толкахъ.

— Я думаю, вельможный пане, что мы отъ вѣка и до вѣка будемъ вашими хлопами!—

смиренно отвѣчалъ я, наивно вѣря панскимъ увѣреніямъ, и это такъ нравилось пану, что онъ всегда награждалъ меня за это какою-нибудь мелочью.

— Пусть всѣ будутъ у меня такіе же,—говорилъ онъ Кондрату:—и смотри, Кондратъ,—смотри въ оба,—смотри—своей шкурой отвѣтишь... Всѣхъ буяновъ и бунтовщиковъ тащи въ конюшню... Смотри!—И Кондратъ смотрѣлъ въ оба, тащилъ въ конюшню, наказывалъ, порол не на животъ, а толки росли да росли, разростаясь съ каждымъ днемъ. Вмѣстѣ съ ними, конечно, росли непокорность, дерзость и буйство,—отличительныя черты дикой хохлацкой натуры, всегда готовой на „гайдамачину", найдись только сорви-голова—коноводъ, иниціаторъ—и не держи ихъ паны въ архіежевыхъ рукавицахъ.

Послѣднее, впрочемъ, спасало только отъ всеобщей, такъ сказать, гайдамачины, потому что частная отдѣльными небольшими группами процвѣтала въ краѣ въ полной силѣ во все время войны и даже по заключеніи міра. Какъ же назвать, въ самомъ дѣлѣ, если не гайдамачиной, тѣ безчисленныя и часто большія шайки разбойниковъ, которыя, прячась по лѣсамъ, оврагамъ, хуторамъ, безусловно поддерживаемыя сочувствующей имъ деревенщиной, наводили тогда ужасъ на весь зажиточный, обезпеченный классъ, не трогая только мужичья, которому, напротивъ, благодѣтельствовали.

Все это были ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣдователи извѣстнаго Кармелюка—грубаго, дикаго революціонера, котораго, какъ извѣстно, мужичье и до сихъ поръ считаетъ не разбойникомъ, а „героемъ“ и чуть ли не святымъ человѣкомъ. Никакія мѣры полиціи и даже войскъ не могли ничего подѣлать съ этимъ зародившимся разбойничествомъ, такъ какъ на мѣсто одной переловленной или перебитой шайки немедленно являлась новая. Голодъ, лишенія, начавшіяся съ войной, всевозможные толки и слухи, разжигавшіе дикіе, своевольные инстинкты, лѣность, нежеланіе честно работать и повиноваться, кромѣ того сама буйная натура хохла способствовали тому, что шайки разбойниковъ не переставали рости, какъ грибы. Мужичье же, видѣвшее въ нихъ не разбойниковъ, а героевъ, защитниковъ какихъ-то своихъ правъ, спасителей, благодѣтелей, укрывало, помогало, чѣмъ могло, сообщало нужныя имъ свѣдѣнія, предупреждало въ случаѣ опасности и такимъ образомъ парализировало, конечно, всѣ самыя энергическія усилія полиціи.

Не удивительно поэтому, что дерзость разбойниковъ росла до крайнихъ предѣловъ, а весь край былъ повергнутъ въ ужасъ и отчаяніе. Все, что только не принадлежало къ мужичью, что было обезпечено, что не ходило въ лохмотьяхъ, дрожало каждую ночь и, собираясь въ путь, вооружалось, какъ а войну.

Нашъ уѣздъ и два смежныхъ, благодаря обилію лѣсовъ, въ особенности страдали отъ разбойниковъ. Одно имя Петра Сокиры, ихъ предводителя или атамана, нѣкогда крѣпостного, наводило паническій ужасъ на всѣхъ, кромѣ мужиковъ, конечно, которые чуть ли не молились на него и разсказывали про его дикія преступленія съ какою-то похвальбой и гордостью. Я самъ слышалъ, какъ однажды пьяный отецъ клялся, что, будь онъ лѣтъ на десять моложе, онъ бы пошелъ къ Сокирѣ, за что мать дала ему здоровеннаго тумака и даже пригрозила кочергой.

— Ты еще и Тараса не вздумаешь ли посылать, старая твоя харя?!—закричала она.

— А что-жъ, и Тараса пошлю... Пусть хлопецъ показакуетъ!—пробормоталъ, тупо улыбаясь, пьяный отецъ.

Вотъ какъ относилась къ этому деревня, а мой отецъ былъ вѣдь еще не изъ самыхъ буйныхъ.

Дерзость Сокиры и его сподвижниковъ доходила до того, что они осмѣливались среди бѣла дня появляться на базарахъ и ярмаркахъ, наводя трепетъ на всѣхъ евреевъ и нападая на панскія усадьбы и даже ксендзовъ. Я до сихъ поръ помню тотъ страхъ, который овладѣвалъ мною каждый разъ съ наступленіемъ ночи, несмотря на то, что вся дворовая челядь была хорошо вооружена на случай нападенія и все въ замкѣ приготовлено къ

отпору. Я боялся страшно, не меньше самого пана, у дверей спальни котораго всю ночь дежурили два здоровенныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ гайдука, и успокоился только тогда, когда пришло извѣстіе, что Сокира, наконецъ, пойманъ, а его шайка разгромлена.

Немного спустя назначенъ былъ отъѣздъ Михася съ Ратопланомъ въ К. и панъ собрался провожать ихъ до ближайшаго, также принадлежавшаго ему, мѣстечка, гдѣ въ тотъ день была ярмарка. Чтобъ избѣжать жары, мы выѣхали рано утромъ и всю дорогу провели очень весело. Михась, съ восторгомъ уѣзжавшій въ К., все время шутилъ съ паномъ, который былъ тоже въ ударѣ, запродавъ наканунѣ очень выгодно свою пшеницу, и отъ всей души потѣшался, хохоча во все горло, когда старый кучеръ Панько ловко стегалъ бичемъ заснувшихъ на возахъ или медленно сворачивавшихъ съ дороги мужиковъ, то и дѣло попадавшихся по пути въ своихъ возахъ, запряженныхъ волами.

Особенно забавляли пана заснувшіе...

— Ну-ко, Панько, ну-ко всыпь ему, лѣнтяю, лежебоку, перцу горячаго, чтобъ надолго помнилъ!—кричалъ онъ Паньку, завидя издали спавшаго на возу хохла, и Панько, ловко взмахнувъ бичемъ, сыпалъ, какъ, горохъ ударъ за ударомъ. Панъ громко хохоталъ, Михась молилъ отца о пощадѣ, слезливый Ратопланъ чуть не плакалъ, а разбуженный такимъ не

совсѣмъ пріятнымъ образомъ хохолъ корчился какъ-то глупо, испуганно таращилъ глаза и снималъ шапку, представляя изумительно смѣшную фигуру.

Распрощавшись съ Михасемъ, панъ поѣхалъ обѣдать къ сосѣднему пану, своему другу, въ его экипажѣ, а я пошелъ бродить по ярмаркѣ. Обыкновенная ярмарка съ ея возами, наполненными поросятами, гусями, свиньями и проч., поднимавшими отчаянный визгъ, слышный на цѣлую версту; лотки съ пряниками, орѣхами, дешевыми лентами, бусами и прочею дребеденью; наскоро сбитые досчатые балаганчики съ дешевыми товарами не представляли для меня, конечно, ничего заманчиваго и интереснаго. Мнѣ просто хотѣлось побродить, поглазѣть и прислушаться къ толкамъ. Я столкнулся съ Кондратомъ въ большой кучкѣ мужичья, окружавшаго слѣпого лирника и съ напряженнымъ интересомъ слушавшаго гнусавое пѣніе этого непремѣннаго завсегдатая каждой ярмарки. Слѣпой кобзарь спѣлъ „Лазаря“ и затянулъ было монотонную пѣсню „о бѣдѣ“, какъ вдругъ, среди общаго молчанія, чей-то рѣзкій голосъ грубо перебилъ его:

— Стой, старче, что ты поешь намъ о бѣдѣ, да о бѣдѣ... Бѣду мы и сами хорошо знаемъ,— она намъ очи выѣла... Ты спой намъ старую казацкую, когда дѣды пановъ били и жидовъ вѣшали,—про славное лыцарство, про волю казацкую...

Всѣ невольно оглянулись... Впередъ протиснулся и сталъ почти рядомъ съ Кондратомъ здоровенный, коренастый мужикъ, одѣтый какъ-то особенно, не то бѣднымъ шляхтичемъ, не то мѣщаниномъ... На немъ были высокіе сапоги, короткая свита изъ грубаго сукна, полунѣмецкаго покроя, перетянутая ремнемъ, а на головѣ смушковая, надѣтая на бекрень, шапка, изъ-подъ которой горѣли черные, какъ уголь, глаза на смугломъ, худощавомъ лицѣ... Длинные, закрученные внизъ усы придавали ему необыкновенно бодрый, молодцоватый видъ.

— Ну же, старче Божій, утни, да хорошую!

Кобзарь перестроилъ лиру и послушно затянулъ одну изъ пѣсенъ безобразной эпохи своеволія необузданной и дикой черни. Пѣсня воспѣвала преступленія гайдамаковъ, ихъ грабежи и убійства... Паны, ксендзы и жиды, говорилось въ пѣснѣ, дрожали въ страхѣ... Дикіе, бравурные звуки мотива и самыя слова пѣсни, видимо, приходились по сердцу въ молчаньи слушавшей толпѣ, жившей въ душѣ тѣми же инстинктами и стремленіями и только страхомъ сдерживаемой въ повиновеніи... У всѣхъ горѣли глаза, всѣ лица поблѣднѣли, а слѣпой кобзарь дрожащимъ голосомъ тянулъ да тянулъ свое:

Ляхи втікалы, од жаху коналы
Отъ як гайдамакы жартуютъ!..

— Вотъ такъ лыцари были!—рѣзко отчеканилъ тотъ же мужикъ, быстро окинувъ взо-

ромъ толпу:—не попыхачи жидовскіе или панскіе! А что, пановое громадо, если-бы милосердный Богъ намъ и теперь послалъ такихъ!

Слова эти, тонъ, какимъ они были сказаны, подмигиванье, которымъ сопровождались,—видимо, очень нравились толпѣ... Всѣ какъ-то мрачно улыбнулись. Одинъ только Кондратъ насупилъ брови, покачалъ головой и степенно отвѣтилъ:

— Есть чего желать! Нечего сказать, — разбойниковъ! Борони насъ Богъ и Пресвятая Владычица!

Общее молчаніе было отвѣтомъ на это разумное замѣчаніе честнаго, преданнаго человѣка. Незнакомецъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы и ехидно, зло улыбаясь, спросилъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Что это за сорока панская, добры люди?

Толпа сочувственно захохотала, а осторожный, степенный Кондратъ, не желая ввязываться въ ссору, а, можетъ быть, просто растерявшись отъ такой дерзости, сдѣлалъ видъ, что ничего не разслышалъ.

Тѣмъ временемъ кобзарь перестроилъ лиру и затянулъ новую пѣсню. Бравурная пѣсня смѣнилась грустнымъ, полнымъ скорби мотивомъ... Звуки лились тихіе, печальные и даже голосъ пѣвца отдавалъ плачемъ.

„Степная орлица искала своихъ дѣтей въ чистомъ полѣ и не нашла ни одного. Всѣ погибли и она осталась одна на свѣтѣ, одна въ

чистомъ полѣ, на высокомъ курганѣ-могилѣ... Это не орлица, а Украйна искала дѣтей своихъ, славныхъ казаковъ, но они всѣ исчезли. Остались внуки. Но внуки изъ сабель и ратищъ понадѣлали плуговъ и боронъ, запрягли въ нихъ борзыхъ коней и сами только стонутъ и ходятъ за ними по панской или жидовской нивѣ".

Теперь всѣ бабы плакали, а мужики стояли, мрачно потупивъ голову, точно стыдъ или что-то другое невыразимо тяжелое давило ихъ и пригнетало ихъ головы. Такъ же мрачно, потупившись, стоялъ и незнакомецъ; но когда пѣсня кончилась, какъ только замерли въ воздухѣ послѣднія дрожащія ноты мотива,—онъ быстро окинулъ глазами толпу.

— Чы такъ? Чы правду пѣлъ этотъ старецъ Божій, добрые люди?

— Правду, святую правду!—глухо пронеслось надъ толпой, а бабы еще пуще заревѣли, такъ и разлились воемъ.

— Спасибо, старче Божій, спасибо тебѣ за эту пѣсню!—обратился онъ къ лирнику.—Спивай ее почаще людямъ, бо она правда. Пусть соромъ выступаетъ на ихъ лица, пусть гложетъ ихъ души,—можетъ, тогда они и вспомнятъ, какъ жили дѣды.

И, бросивъ среди общаго удивленія слѣпцу горсть серебра, онъ повернулся, чтобъ улизнуть, но былъ остановленъ за рукавъ пришедшимъ въ себя Кондратомъ.

— Кто вы будете? — строго спросилъ его Кондратъ.

— Ось, кто я! Смотри! — отвѣтилъ тотъ и крѣпкимъ ударомъ широкой ладони по великолѣпной смушковой шапкѣ нахлобучилъ ее Кондрату по самую шею.

Невыразимый хохотъ сопровождалъ этотъ дикій поступокъ. Толпа, освободившись отъ оцѣпенѣнія, въ которомъ находилась все время, точно разбуженная и точно обрадовавшаяся предлогу, хохотала какъ-то истерично. Заплаканныя бабы визжали сквозь слезы, которыя тряслись у нихъ отъ смѣха на рѣсницахъ. Нѣсколько мальчишекъ даже валялись по землѣ, держась за животы, и визжали, точно плакали. Меня самого сильно подмывало смѣяться, — до того комична была точно окаменѣвшая, съ растопыренными руками и насунутою по шею шапкой фигура Кондрата, но я, понятно, удержался.

Освободившись, при моей помощи, отъ насунутой шапки, бѣдный Кондратъ, багровый, какъ свареный ракъ, грозно прикрикнулъ на хохотавшихъ, приказалъ найти хоть изъ-подъ земли буяна, но всѣ поиски были напрасны: онъ точно провалился. Кондратъ обращался къ долговязому тысяцкому, своему куму, точно журавль важно расхаживавшему по ярмаркѣ, но и тотъ не помогъ ничѣмъ, несмотря на всю свою энергію. Онъ махалъ своею нагайкой, стегалъ ею ротозѣевъ, оралъ во всю глотку,

грозилъ, но все было тщетно,—дерзкій сорванецъ исчезъ.

Тѣмъ временемъ вѣсть о немъ, его словахъ, дерзкомъ поступкѣ съ Кондратомъ разлетѣлась во всѣ концы ярмарки и сильно заинтересовала съѣхавшееся мужичье. Изъ устъ въ уста, отъ воза къ возу передавались подробности дерзкаго поведенія незнакомца, прикрашивались варіаціями мужицкой фантазіи, освѣщались особеннымъ свѣтомъ, росли до невѣроятныхъ размѣровъ и создали, наконецъ, общую увѣренность, что это-де былъ человѣкъ „не простой“, навѣрное „важный чиновникъ“, котораго-де царь послалъ разузнать о житьѣ-бытьѣ мужиковъ, а, можетъ быть, и самъ царскій посланецъ съ „волей“ и „казачествомъ“ въ карманѣ.

О, какъ я хохоталъ, слыша эти глупые лки! А Кондратъ просто выходилъ изъ себя бѣшенства.

— Показалъ бы я имъ, кто онъ такой, только бы мнѣ найти его!—кричалъ онъ, шагая на ярмаркѣ изъ переулка въ переулокъ, изъ улицы въ улицу и толкая попадавшихся ему на пути.

Но вечеромъ, почти на закатѣ солнца, мнѣ удалось-таки напасть на буяна. Хотя онъ былъ одѣтъ уже немного иначе, но я сейчасъ же узналъ его по глазамъ, манерѣ и голосу. Онъ стоялъ у шинка въ кругу какой-то подозрительной голытьбы и пьянаго мужичья, часть кото-

раго слушала пѣніе тутъ же сидѣвшаго слѣпого лирника.

Мигомъ я позвалъ Кондрата и тысяцкаго. Незнакомецъ замѣтилъ ихъ только тогда, когда они почти вплотную подошли къ нему; повидимому, нисколько не смутился, выпрямился, выпучилъ грудь, разставилъ немного ноги и, смѣло оглядѣвъ пришедшихъ, спросилъ, обращаясь къ Кондрату и улыбаясь своей нахальною усмѣшкой:

— Ага, панская щебетуха! Что же тебѣ здѣсь надо?

Глядѣвшая на насъ свирѣпо голытьба громко разсмѣялась, но невольно смолкла, когда тысяцкій, взявъ въ руку нагайку, а другой пощипывая усъ, сильно крикнулъ: цыть!

— Сей?—мрачно спросилъ онъ Кондрата, указывая рукой на дерзкаго, насмѣшливо улыбавшагося незнакомца.

— Онъ самый!—отвѣчалъ Кондратъ.

— Кто еси?—Тысяцкій даже поперхнулся,—такъ грозно произнесъ онъ это: „кто еси“.

— Кто я?—удивился незнакомецъ, сдвигая плечи.

— Ну, да, не бабья же дочка, тебя спрашиваютъ!—отрѣзали въ одинъ голосъ и тысяцкій, и Кондратъ.

Незнакомецъ помолчалъ съ секунду, сложилъ руки на груди, повелъ плечами, нахмурилъ брови и громко, почти въ упоръ, крикнулъ:

— Петро Сокира!

Если-бы съ яснаго, синяго неба грянулъ вдругъ громъ прямо надъ нами, если-бы среди насъ явилось вдругъ страшное олицетвореніе смерти въ длинномъ, бѣломъ саванѣ, съ лысымъ черепомъ и косой въ рукахъ, свались даже самъ рогатый дьяволъ, черный, съ хвостомъ и когтями,—впечатлѣніе не могло бы быть сильнѣе.

У меня вдругъ стало сухо во рту, закружилась голова, по тѣлу забѣгали мурашки и я какъ-то совсѣмъ забылъ, гдѣ я и кто я... Слѣпой кобзарь пересталъ пѣть и повернулъ свои бѣлые, невидящіе зрачки, точно въ надеждѣ прозрѣть. Длинный корчмарь Сруль, выскочившій изъ корчмы поглядѣть на сцену, такъ и застылъ, какъ журавль, разставивъ ноги и руки съ растопыренными пальцами, вытянувъ шею и вытаращивъ глаза; даже его длинные пейсы застыли неподвижно и не дрожали подъ мѣховою шапкой.

Бѣдный Кондратъ икнулъ такъ сильно, точно вся душа у него выскочила въ глотку, и продолжалъ икать, окаменѣвъ на мѣстѣ и не шевеля безсмысленно вытаращенными глазами. Длинный тысяцкій какимъ-то чудомъ и неизвѣстно зачѣмъ очутился на бочкѣ, махалъ нагайкой и то и дѣло лепеталъ молитву: „Богородице дѣво, радуйся... Богородице дѣво, радуйся“...—а вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы.

— А, заикали, иродовы души!—крикнулъ разбойникъ, любуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ:—заикали... теперь знаете, кто я?

Но отвѣтомъ ему были только Кондратово иканье и бормотанье тысяцкаго.

— Думали, пропалъ Сокира! Нѣтъ, погодите... Рано еще поминки справлять. Еще пожартуетъ онъ съ вами и вашими ляхами, еще постоитъ за бѣдныхъ людей!

Кондратъ икалъ, тысяцкій бормоталъ „Богородицу“...

— А вы, добрые люди!—обратился разбойникъ къ толпѣ:—скажите хлопцамъ, что еще живъ Сокира и принимаетъ тѣхъ, кто не хочетъ быть попыхачемъ панскимъ...

— Скажемъ, батьку!.. скажемъ, атамане!—И толпа разступилась, съ поклономъ давая ему дорогу.

Панъ тоже страшно перепугался, когда я передалъ ему о побѣгѣ Сокиры изъ тюрьмы и обо всемъ происшедшемъ, и разсердился, что Сокиру не связали. Онъ сейчасъ же написалъ къ исправнику, прося сдѣлать облаву для поимки разбойника, обѣщая принять всѣ расходы на себя. Въ тотъ же вечеръ изъ разговора пановъ я узналъ, что война кончена и миръ подписанъ... Къ моему страху, отъ котораго я никакъ не могъ освободиться, благодаря всему только-что испытанному, примѣшалось еще новое, крайне непріятное ощущеніе. А что, если вернется Федь?—непріятно екнуло

у меня въ сердцѣ. Но я быстро отогналъ отъ себя эти думы,—я былъ увѣренъ, что изъ Севастополя, какъ и изъ могилы, нѣтъ возврата.

XVI.

Наше фіаско и скандальная драма.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы мои надежды на счастье Гали съ выходомъ ея замужъ оправдались вполнѣ. Хотя она жила теперь въ довольствѣ, даже, можно сказать, роскоши, сравнительно съ прежней ея жизнью, хотя семья наша считалась первою на селѣ по значенію, связямъ и довольству, которое внесъ въ нее карманъ щедраго Кондрата, но Галя по-прежнему оставалась такою же слезливою, блѣдною, молчаливою, по-прежнему какъ-то тупо относилась ко всему окружающему. Я никогда не могъ найти даже тѣни улыбки на ея нѣкогда веселомъ, какъ юность, лицѣ, а Кондратъ положительно даже побаивался ея вѣчно хмураго, серьезнаго вида, отдававшаго чѣмъ-то холоднымъ, чуждымъ, недоступнымъ.

Какъ бы ни кричалъ Кондратъ, какъ бы ни горячился, грозилъ, сердился,—Галя встрѣчала все неизмѣнно молча, холодно, безстрастно, точно крики и ругань относились вовсе не къ ней, а, такъ сказать, къ прошлогоднему снѣгу, и много, много, если, наконецъ, поднимала свои

длинныя черныя рѣсницы и окидывала бѣсновавшагося мужа долгимъ, упорнымъ, не то презрительнымъ, не то гнѣвнымъ и холоднымъ взглядомъ, какимъ, вѣроятно, смотрятъ только царицы на провинившихся или зазнавшихся холоповъ... Этого взгляда почему-то никогда не могъ вынести бѣдный Кондратъ,—его гнѣвъ сейчасъ же стихалъ, брань и крики становились тише да тише и въ концѣ концовъ онъ поступалъ именно такъ, какъ хотѣла Галя.

Экспансивный, вспыльчивый, въ сущности безхарактерный, онъ пасовалъ передъ этой душевною окаменѣлостью, неподвижностью и неуязвимостью и не удивительно, что окончательно, подпалъ подъ башмакъ, какъ ледъ холодной, красавицы-жены. Онъ положительно дрожалъ передъ ней, несмотря на то, что иногда кипятился до бѣшенства. По-прежнему только Солоха, Тарасъ да отецъ пользовались расположеніемъ Гали и только съ ними держала она себя мягко и отводила свою капризную душу. Съ бѣдной матерью она не церемонилась и по-просту даже не обращала вниманія на ея трезвыя наставленія, замѣчанія и совѣты, что, конечно, не могло нравиться матери и служило источникомъ частыхъ бурныхъ сценъ, во время которыхъ обиженная невниманіемъ мать, часто грозила, что нога ея не переступитъ Галинаго порога, но, какъ всякая мать, скоро забывала свои угрозы... Больше всего обижало мать вниманіе Гали къ косно-

язычному дьячку Панфилу, котораго мы съ матерью не безъ основанія считали первымъ бунтовщикомъ въ селѣ и ненавидѣли отъ всей души.

Бо̀льшую часть времени Галѣ приходилось проводить одной, такъ какъ Кондратъ былъ вѣчно занятъ у пана, а Тарасъ упивался работой въ полѣ, замѣнивъ во всемъ отца, который совсѣмъ распьянствовался и уступилъ ему всю работу. Солоха стонала вѣчно у себя на печи отъ старости и ломоты въ спинѣ, а отецъ былъ вѣчно въ подвыпитьи и заходилъ къ ней только храпѣть, боясь просунуть свой пьяный носъ въ хату на глаза матери. Вмѣсто того, чтобы наставлять отца, уговаривать, открывать ему глаза на все безобразіе его поведенія, какъ это дѣлала умная мать, Галя встрѣчала его неизмѣнно ласково, цѣловала, кормила и укладывала спать. Все это служило отцу поощреніемъ, потому что, ложась у нея храпѣть, онъ обыкновенно говорилъ:

— Спасибо тебѣ, доню, что жалѣешь мои старыя кости. Много, много онѣ потерпѣли на своемъ вѣку, много, доня! Отдохнуть хотятъ... Какъ выпью, такъ и душѣ, и имъ легче станетъ.

И Галя на это отвѣчала ласками, называла его „милымъ татомъ“ и приглашала отдохнуть, а когда онъ закрывалъ глаза и начиналъ храпѣть, садилась за прялку и, подъ жужжанье веретена, мечтала, о своемъ возлюбленномъ цыганѣ Федѣ. Что она мечтала,—

это я выводилъ изъ ея всегда разсѣяннаго взгляда, ея вѣчной задумчивости, ея сосредоточенности. Сидя за прялкой, вперивъ разсѣянный взглядъ въ пространство, она выбирала всегда грустныя, задумчивыя пѣсни о несчастной любви, о погибшемъ возлюбленномъ въ чистомъ полѣ, бѣлое тѣло котораго клюютъ вороны, моетъ дождь и обвѣваетъ вѣтеръ, о разлукѣ и тоскѣ по миломъ. Иногда она вовсе не пѣла и только хмурила свои чудныя, черныя брови, среди думъ внезапно блѣднѣла и тихо плакала или покрывалась густымъ румянцемъ; заслышавъ шаги или голосъ Кондрата, вздрагивала и смотрѣла на всѣхъ со страхомъ. Мое подозрѣніе скоро нашло реальное, неопровержимое доказательство.

Когда намъ прочли въ церкви манифестъ о мирѣ, такъ обрадовавшемъ сердца всѣхъ отъ мала до велика, и мужичье, подъ предводительствомъ Панфила разбрелось толковать о волѣ, которую-де дастъ новый царь, я встрѣтилъ Галю подъ зеленымъ яворомъ у колодца. Она задумчиво стояла, опершись о коромысло и вперивъ глаза въ широкій лугъ, позабывъ о ведрахъ, что стояли у ея ногъ. Мои шаги заставили ее вздрогнуть и обернуться.

— Это ты, Ивасику? — сказала она, поворачивая ко мнѣ заплаканные глаза: — подойди-ка!...

Я подошелъ.

— Скажи мнѣ, братику, соколикъ мой хорошенькій, — какъ-то прерывисто-глухо зашептала она, при чемъ двѣ крупныя слезы скатились съ ея рѣсницъ на блѣдныя щеки:—вѣдь ты мнѣ святую правду тогда говорилъ?

— Когда?—спросилъ я удивленно.

— Что Федь убитъ?—И она совсѣмъ заплакала.

Что-то крайне непріятное екнуло у меня въ сердцѣ и я немного покраснѣлъ, но довольно твердо отвѣтилъ:

— Ну, конечно! Я отъ пана слыхалъ... самъ же я не видалъ его убитымъ.

— Должно быть, правда...—продолжала Галя.— Вѣдь самый злой ворогъ не могъ бы такъ зло обмануть меня.

Я ушелъ разсерженный и мысленно отъ души называлъ ее дурой. Ну что въ самомъ дѣлѣ могло быть смѣшнѣе этой сентиментальной нѣжности, этой „по гробъ преданности“ деревенской бабы?!

— Вотъ сентименты, — думалъ я: — точно графиня въ романахъ!—и невольно смѣялся. Но смѣяться мнѣ пришлось не очень долго. Скоро разыгралась такая исторія, что дѣйствительно походила на драму или интересный романъ изъ мужичьяго быта.

Въ одно утро въ селѣ появился Федь своею собственною особой, здоровый, бодрый и, по увѣренію глупыхъ бабъ, такой же кра-

сивый, какъ и прежде, несмотря на нѣкоторую блѣдность и оторванную кисть руки. Извѣстно, что бабьи вкусы подчасъ очень неприхотливы. Его не тронули вражескія пули, похитившія такъ много полезныхъ, честныхъ жизней, не поглотилъ кипѣвшій адъ войны, только бомба ему оторвала кисть лѣвой руки. Онъ пришелъ съ полной отставкой, пенсіономъ и съ Георгіемъ на груди. Первое извѣстіе о немъ принесъ Кондратъ. Онъ вбѣжалъ въ мою коморку блѣдный и совершенно растерянный.

— Слышалъ, Ясю?—закричалъ онъ не своимъ голосомъ еще на порогѣ, не снимая смушковой шапки и моргая сѣдыми съ желтизной усами.

Я какъ разъ пересчитывалъ въ то время свое наличное богатство и потому невольно вскочилъ съ мѣста и совсѣмъ растерялся, увидя его испуганное лицо.

— Что, что такое? — успѣлъ я еле выговорить.

— Онъ пришелъ... принесла его нечистая!— Федь, разбойникъ! Охъ, Боже мой, Боже мой!..

Я стоялъ ошемленный.

— Пришелъ Федь, говоришь ты? Развѣ онъ живъ? — вскричалъ я,—до того увѣрилъ я себя, что онъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Живехонькій... Ой, Боже мой!.. безъ руки только! — И Кондратъ снова возопилъ, хлопнувъ шапку о-земь, схватившись руками за

животъ и валяясь по моей постели. Признаюсь, я тоже сильно испугался, но въ тоже время старался сосредоточиться и обдумать положеніе.

— Кондратъ,—началъ я уговаривать:—полно, перестань, не стыдно ли! И чего ты боишься, что онъ тебѣ сдѣлаетъ?

— Если онъ и ничего не сдѣлаетъ,—завопилъ тотъ совсѣмъ плача:—то Галя убѣжитъ къ нему,—ей-Богу... Ой!

— Что ты, что! Галя убѣжитъ къ нему? Статочное ли это дѣло? Вѣдь это былъ бы позоръ. Она теперь жена, а не дѣвка!

— Ой, ты не знаешь ее, если ты такъ говоришь...— вопилъ Кондратъ. — Съ ней самъ чортъ не сладитъ... Ни на кого не посмотритъ.

Это дѣйствительно походило на Галю. Что было дѣлать? Какъ оправдаться передъ ней, какъ спастись отъ мести Федя?—толпилось у меня въ головѣ и, признаюсь, меня пробиралъ холодъ.

— Знаетъ ли она объ этомъ?— спросилъ я.

— Не знаетъ, не знаетъ,—онъ прямо пришелъ къ матери...—рыдалъ Кондратъ мнѣ въ отвѣтъ.

Очевидно было, что этотъ плаксивый Отелло не могъ мнѣ помочь ни въ чемъ. Напротивъ, мнѣ самому приходилось выручать его и на моей сторонѣ могла оказаться одна только мать.

Что мнѣ было дѣлать? Голова ходила кругомъ, руки дрожали отъ волненія, и я все сидѣлъ и раздумывалъ, а Кондратъ охалъ, стоналъ, клялъ и плакалъ.

Въ это время вбѣжала посланная матерью дѣвочка съ требованіемъ спѣшить мнѣ и Кондрату какъ можно скорѣе.

Въ хатѣ у матери намъ нечего было бояться, тѣмъ болѣе, что Тарасъ былъ, вѣроятно, въ полѣ за работой, и мы, еще болѣе перепуганные, бросились бѣгомъ. Какъ только вошелъ я въ хату, откуда еще издали доносились плачъ и брань, и протиснулся сквозь толпу собравшихся бабъ,—Галя, сидѣвшая съ заплаканными глазами на лавкѣ, обрушилась на меня съ бранью.

— Не проститъ тебѣ Богъ твой обманъ,— кричала она мнѣ:—погубилъ ты меня!

— Дура! Какой обманъ? Я отъ пана слышалъ...—пробовалъ было я оправдываться.

— Молчи, молчи! Ты не братъ мнѣ, а...—Но тутъ она судорожно зарыдала.

Я схватилъ ее за руку и, не обращая вниманія на общій содомъ, стоящій въ хатѣ, визгъ, оханье, крикъ матери, сцѣпившейся съ Солохой, сталъ горячо говорить сестрѣ. Я убѣждалъ ее выбросить дурь изъ головы, вспомнить, что она уже не дѣвка, что она въ церкви, предъ престоломъ Бога дала обѣщаніе Кондрату, что она опозоритъ всѣхъ насъ, что Кондратъ ея мужъ.

— Что?—перебила она меня:—мужъ? Вотъ онъ какой мнѣ мужъ!—плюнула она на полъ.—Обманомъ я пошла за него. Если-бъ я только знала, что Федь живъ... — И она снова зарыдала.

— Тебя Богъ накажетъ!—вскричалъ я внѣ себя.

— Неправда, не накажетъ... Богъ — милосердный, Богъ видитъ обманъ, и люди простятъ меня. Не жена я ему!—Галя указала на Кондрата.—И не пойду въ его хату, видитъ Богъ, не пойду,—лучше въ воду! И она стукнула кулакомъ по лавкѣ.

Впечатлительная мать просто взвизгнула, заслышавъ такія слова, и стала грозить проклятіями. Меня тоже взорвало, но я сдержался.

— Побойся Бога!—сказалъ я мягко.—Галя! Вѣдь не распутница же ты!

— Распутницей буду, послѣдней паскудой лучше буду, въ гробъ лучше лягу, а Кондратова не буду!—кричала она не своимъ голосомъ, а Солоха, оставивъ мать, вторила ей, какъ вѣдьма:

— Лучше, лучше, доню... лучше!...

Мягкость не дѣйствовала,—нужно было пустить въ ходъ строгость.

— Кондратъ!—сердито закричалъ я:—что же ты стоишь столбомъ и выслушиваешь такія слова?... Развѣ ты не мужъ ей?... Бери ее, ну!—И я потянулъ его, растеряннаго, за рукавъ къ

ней. Онъ схватилъ ее за руку. Она громко взвизгнула и въ то же время пьяный отецъ, точившій давно на меня зубы, прокравшись незамѣтно въ хату, на отчаянный вопль своей любимицы, схватилъ меня обѣими ручищами за волосы и затрясъ, какъ грушу. Я не взвидѣлъ свѣта отъ боли, а онъ все трясъ меня, повалилъ на полъ, топталъ, ругалъ, несмотря на то, что мать угощала его сверху кочергой самымъ отчаяннымъ образомъ.

— А... а... а!... — какъ-то свирѣпо, дико рычалъ онъ.—Добрался я, наконецъ, до тебя, добрался, сучій сынъ!.. Погоди же!.. я породилъ тебя, я и задушу тебя своими руками.

И онъ хрипѣлъ, сопѣлъ и душилъ меня за горло и навѣрно задушилъ бы, если-бы на выручку не бросился Кондратъ, оставившій Галю.

При помощи Кондрата мнѣ удалось столкнуть съ себя отца, схватиться рукой за лавку и встать такимъ образомъ на ноги, послѣ чего отецъ, какъ звѣрь, бросился на угощавшую его кочергой мать, нанося ей свирѣпые удары, сталъ бить въ бѣшенствѣ, съ пѣной у рта, окна, посуду, рвать постель, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ.

Лицо мое было въ крови, всѣ члены измяты, избиты, во всемъ тѣлѣ чувствовалась тупая боль и, съ трудомъ переводя дыханіе, я поспѣшилъ скорѣй улизнуть изъ этого содома, гдѣ оставались только мать, свирѣпый отецъ и Кондратъ, такъ какъ всѣ остальные вмѣстѣ

съ Галей убѣжали, очевидно, въ самомъ началѣ схватки. Съ сильно бившимся отъ негодованія и оскорбленнаго чувства сердцемъ бѣжалъ я по дорогѣ къ замку, но поневолѣ долженъ былъ остановиться и быть свидѣтелемъ пикантно-безобразной сцены...

Переулокъ, по которому я побѣжалъ и на углу котораго жила Федина мать, былъ наполненъ бабьемъ, сбѣгавшимися дѣвушками, парнями, дѣтьми, глазѣвшими съ сочувствіемъ и слезами, какъ расходившаяся Галя валялась на землѣ у ногъ Федя, стоявшаго въ солдатскомъ мундирѣ съ орденомъ, и визжала, причитала и плакала. Меня охватило такое негодованіе, что я почти забылъ безобразную домашнюю сцену и стоялъ, какъ столбъ, вытаращивъ глаза, между тѣмъ какъ Галя, валяясь въ уличной пыли, со слезами молила:

— Милый мой! хорошій! не суждено намъ съ тобой любиться... Злые люди разлучили насъ, но не моя въ томъ вина, мой голубь ненаглядный, мой соколъ ясный... Богомъ тебѣ присягаю, что не моя вина, — меня обманули, мнѣ сказали, что ты мертвый, что ты лежишь въ холодной могилѣ...

— Галю, голубка моя... рыбочка... ясочка,—перебилъ ее этотъ голышъ, какъ-то слезливо, съ одышкой:—что ты!.. что ты!.. Богъ съ тобой!— И онъ хотѣлъ ее поднять съ земли.

— Не тронь меня!—завизжала Галя. — Я не стою тебя. Дай мнѣ выплакать свое горе ве-

ликое... Видитъ Богъ, милый, что̀ вынесла я за это время!... видитъ Богъ, какъ я плакала... Онъ только одинъ въ небѣ знаетъ мое сердце. Онъ одинъ знаетъ, что пошла за эту старую собаку, за этого немилаго, по обману,—пошла для матери, не вытерпѣвъ слезъ ея. Все равно, не было мнѣ безъ тебя ужъ никакой радости на свѣтѣ... Пропадай весь свѣтъ, хоть въ могилу холодную, хоть за чорта самого... А мать плакала и заклинала, и я пошла за него, — я повѣрила обману...

Тутъ она подняла такой вой, что все бабье, какъ бы заразившись, стало вторить.

— Галю, зорька ясная... Галю, моя дорогая!— ревѣлъ между тѣмъ въ отвѣтъ ея возлюбленный, съ трудомъ переводя дыханіе.—Галю, не виню я тебя, видитъ Богъ, не виню, и пусть тебя Богъ проститъ и добрые люди, — нѣтъ твоей вины ни въ чемъ.... Галю, моя милая...

— Не зови меня милой,—заголосила Галя:— не зови,—не стою этого, нѣтъ! Я—несчастная на свѣтѣ. Забудь меня, Федь... забудь, мой соколъ ненаглядный. Ты другую найдешь и краше меня, и лучше, а меня забудь. Только не кляни, голубчикъ, не кляни, мое сердце. Если любишь еще меня, если любишь свою Галю, что цѣловала твои черныя очи, забудь и уходи отсюда,— уходи изъ села, чтобъ намъ не видѣть, не слышать другъ друга.... Федь, милый Федь, мой соколъ, иди, обѣщай идти...

Тотъ задрожалъ на эти слова, задрожалъ весь отъ ногъ до головы. По щекамъ его текли крупныя слезы. Я невольно вспоминалъ ту сцену послѣ пожара, когда онъ валялся въ ногахъ у пана и его блѣдныя губы безсильно шептали: „пане! пане!“ Вдругъ онъ быстро поднялся, поднялъ сильными руками лежавшую Галю, поцѣловалъ ее въ лобъ на глазахъ у всей толпы и, поклонившись въ ноги стоявшей тутъ же старухѣ матери, попросилъ ея благословенія, сказалъ ей что-то, чего я не разслышалъ, вошелъ въ свою избу и черезъ минуту вышелъ въ шинели съ небольшимъ узломъ и ушелъ изъ деревни.

Галя же рыдала, не поднимаясь съ земли, а бабы вторили, проклиная на чемъ свѣтъ стоитъ Кондрата.

— Мало ему, аспиду, что человѣка загубилъ,—еще милую отнялъ у него, Иродъ!

— Молчать!—крикнулъ-было я въ негодованіи, но бабы отвѣтили мнѣ такимъ визгомъ и одна осмѣлилась пустить въ меня такою дрянью, что я счелъ за лучшее убраться отъ этихъ мегеръ. Уходя, я все-таки крикнулъ Галѣ:

— Стыдись, Галя!.. опозорила ты насъ, всю семью нашу, и не сестра ты мнѣ, а распутница!

Къ вечеру вернулся панъ съ поля и я не могъ, конечно, скрыть отъ него возвращенія Федя. Онъ пришелъ положительно въ ярость и, хотя я его и успокаивалъ тѣмъ, что Федь,

навѣрное, ушелъ изъ села, на моихъ глазахъ, но онъ никакъ не могъ успокоиться, волновался, кипятился, принимался писать бумаги то къ исправнику, то къ губернатору, рвалъ ихъ, снова начиналъ и снова рвалъ. Нужно сознаться, было уже не прежнее время, когда одно слово пана было закономъ для всякихъ чиновниковъ, хотя, конечно, становой и прочая мелюзга и теперь еще дрожали одного взгляда пана и, проѣзжая селомъ, смиренно подвязывали колокольчики. Но какая-то перемѣна чувствовалась во всемъ, точно какимъ-то вѣтромъ новымъ понесло. И хотя все, повидимому, оставалось по-старому, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки чувствовалось что-то новое: паны какъ будто немного оробѣли и утратили часть своей энергіи и рѣшимости; мужики точно выросли; чиновники точно стали меньше услужливыми и послушными, а все это вмѣстѣ взятое заставляло человѣка невольно предсказывать въ будущемъ что-то особенное. Панъ чувствовалъ, что власть его какъ будто поколебалась или авторитетъ пошатнулся, и несомнѣнно сознавалъ, что въ данномъ случаѣ онъ безсиленъ и ничего не можетъ сдѣлать Федѣ, отставному солдату, кавалеру, и это его бѣсило, сердило, волновало. Онъ бѣгалъ по кабинету, сто разъ хватался за чубукъ, бросалъ его, приказывалъ подать ему огонь и не курилъ, пока несчастный случай не толкнулъ его къ окну, мимо котораго какъ разъ въ это время про-

ходилъ Кондратъ, пробираясь ко мнѣ. Кондратъ весь былъ въ крови и съ страшными синяками по всему лицу, благодаря разбойнику Тарасу, который, ворвавшись въ хату именно въ то время, когда онъ съ матерью усмиряли, послѣ моего бѣгства, пьянаго отца, избилъ его до полусмерти.

Не успѣлъ Кондратъ разсказать мнѣ всего этого и отвѣтить толкомъ, на чьихъ рукахъ осталась Галя, какъ панъ позвалъ уже его къ себѣ. Кондрату было совсѣмъ не до того, чтобы идти къ нему и разсказывать про домашнія дѣла и подвергать панскому гнѣву свою родню,—онъ весь былъ полонъ боязнью за Галю,—тѣмъ не менѣе не смѣлъ ослушаться.

— Кто это тебя такъ отдѣлалъ?—закричалъ панъ не своимъ голосомъ, какъ только Кондратъ показался на порогѣ.—Какой буянъ осмѣлился тронуть моего вѣрнаго слугу?

Кондрату не было никакого интереса подводить мать и отца, съ которыми онъ и самъ бы расправился, и потому-то онъ низко поклонился, замялся, кашлянулъ и, почесавъ затылокъ, что-то пробормоталъ.

— Такъ, пане... это... такъ себѣ...

— Какъ? что?... Что ты говоришь?.. такъ себѣ! Что ты?!.. и ты за одно съ ними? Это бунтъ, а?—вспылилъ панъ, покраснѣвъ какъ ракъ и топоча ногами.—Бунтъ, а? Бунтовщики, и ты... я всѣхъ!..

Пану необходимо было сорвать на комъ-нибудь гнѣвъ и онъ даже закашлялся. Я быстро

подбѣжалъ къ пану съ водой, которую держалъ, пока панъ не откашлялся; выпивъ, панъ обратился ко мнѣ, весь трясясь отъ гнѣва:

— Ты, мой вѣрный Ясь, ты меня одинъ не продашь... скажи же мнѣ...

— Это братъ мой, вельможный пане,—отвѣчалъ я:—мой дерзкій братъ побилъ Кондрата.

— Какой братъ?—заревѣлъ панъ.

— Тарасъ, вельможный пане...

— Хорошій же у тебя братъ... хорошъ!

— Вельможный пане!—воскликнулъ я, падая въ ноги:—вельможный пане, я отрекаюсь отъ него. Я не хочу звать его братомъ... Онъ дерзкій буянъ, вельможный пане... Онъ давно стòитъ строгаго наказанія.

— Слышишь, Кондратъ, слышишь? Вотъ кто мнѣ преданъ—Ясь! И я его возвеличу,—продолжалъ панъ въ прежнемъ гнѣвѣ:—а дерзкаго буяна сейчасъ же выпори на конюшнѣ, сейчасъ же!.. Не на животъ пори! Забудь про родство, если хочешь служить мнѣ...

Панъ стоялъ въ окнѣ самъ и глядѣлъ, какъ волокли буйнаго Тараса въ конюшню... Но гнѣвъ его, по обыкновенію, быстро стихъ и, вѣроятно, желая сдѣлать пріятное мнѣ и Кондрату, онъ позвалъ меня и сказалъ:

— Для тебя, Ясь, потому что онъ тебѣ братъ, бѣги и скажи, чтобы перестали бить, но пусть онъ поклонится въ ноги.

Я самъ бросился пану въ ноги и побѣжалъ въ конюшню. Розги были уже хорошо

пообломаны, когда я остановилъ порку, за все время которой Тарасъ даже не взвизгнулъ. Онъ всталъ весь синій отъ злобы и бѣшенства и, дрожа, сталъ застегиваться.

— Поклонись же, разбойникъ, Кондрату въ ноги, — самъ панъ велѣлъ!... Буянъ! — гнѣвно сказалъ я ему.

— Добре! — глухо проскрежеталъ онъ и, подступивъ къ Кондрату на шагъ, плюнулъ ему прямо въ лицо.

Добрый Кондратъ это снесъ.

XVII.

Торжество грѣха и мое счастье.

Галя такъ и сдѣлала, какъ говорила: она ушла изъ своей хаты къ Солохѣ, и никакія мольбы бѣднаго Кондрата, даже слезы матери, не могли сломить ея преступнаго упорства. Кондратъ страдалъ, но не долго пришлось нести свой тяжелый крестъ этому честному, преданному человѣку, всю жизнь свою неизмѣнно вѣрно служившему своему пану. Ничто никогда не могло сломить его преданности, ничто не могло поколебать его вѣрности, но рука тайнаго убійцы, побуждаемая дикимъ чувствомъ мести, злобы, бѣшенства, эгоистическихъ разсчетовъ, не дрогнула поразить это честное сердце, прекратить эту дѣятельную жизнь.

Миръ его праху!

Не предчувствуя никакой опасности, этотъ вѣрный слуга пошелъ, по обыкновенію, осмотрѣть панскія поля и больше не вернулся. Прошелъ день, прошелъ другой, начались самые тщательные розыски подъ руководствомъ самого пана и при участіи станового, но не привели ни къ чему. Никто его не видѣлъ, никто не встрѣчалъ, никто не зналъ, куда онъ дѣлся.

Бѣдный панъ былъ отчаяніи... Онъ назначилъ большую награду тому, кто укажетъ слѣдъ.

На шестой день трупъ Кондрата съ разбитой головой и весь изъѣденный раками выплылъ въ озерѣ, лежащемъ далеко въ сторонѣ отъ деревни. Убійство было несомнѣнно, началось слѣдствіе, панъ не жалѣлъ денегъ, высказалъ свои подозрѣнія на Федя, но уликъ не нашелъ и слѣдствіе кончилось ничѣмъ.

Но кто же были убійцы?

Въ глубинѣ души своей я тоже былъ убѣжденъ, что все это посредственно или непосредственно было дѣломъ рукъ Федя. Правда, ему не стоило ни малѣйшаго труда оправдаться и остаться на свободѣ за недостаткомъ уликъ. Онъ служилъ тогда сторожемъ въ казенной лѣсной дачѣ верстъ за десять отъ нашего села и слѣдователь не могъ найти противъ него ни одной улики, даже тѣни ея, тѣмъ не менѣе причастность его къ убій-

ству была для меня несомнѣнна. Все, казалось мнѣ, выдавало его на слѣдствіи: и взглядъ, и жесты, и манера держать себя, и голосъ, — но слѣдователь не имѣлъ моихъ глазъ и убійцу не открыли.

Но какой-то тайный голосъ, какое-то провидѣніе сердца нашептывали мнѣ и другое имя, рядомъ съ именемъ Федя. У Кондрата было много враговъ, вся деревня отъ мала до велика называла его не иначе, какъ аспидомъ и кровопійцей. Каждый, думаю, не остановился бы нанести ударъ при подобномъ случаѣ, безъ свидѣтелей, если синее небо и всевидящее око Божіе не свидѣтели, но изъ всѣхъ мое сердце называло только одного... Я гналъ отъ себя это подозрѣніе, я старался заглушить его въ себѣ, старался увѣрить себя въ его несостоятельности, но чуткое сердце неустанно шептало: „Тарасъ!“ Да, читатель: Тарасъ или Федь... Или Тарасъ и Федь вмѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что могло бы удержать Тараса, почему именно онъ не могъ бы этого сдѣлать?... Совѣсть?—Но развѣ онъ, личный врагъ Кондрата, врагъ его какъ мужа Гали, врагъ его какъ бурмистра, врагъ какъ ненавистника распившагося отца, — развѣ онъ могъ считать такое убійство преступленіемъ, а не героическимъ подвигомъ? Гнѣвъ Божій?—Но развѣ онъ, какъ и все мужичье, не считалъ Кондрата врагомъ Божьимъ и порожденіемъ дьявола за то, что былъ вѣрнымъ слугой пана

и не вѣрилъ, что всякое зло, ему сдѣланное, зачтется Богомъ въ заслугу? Страхъ наказанія?—Но развѣ дикій, буйный, дерзкій Тарасъ зналъ когда-нибудь, что такое страхъ?

— Тарасъ, Тарасъ, Тарасъ! — стучало мое сердце:—Тарасъ и Федь!

Я никому не высказывалъ своихъ подозрѣній, но, разъ встрѣтивъ въ полѣ Тараса одинъ-на-одинъ, не могъ удержаться:

— Слушай, разбойникъ! —крикнулъ я ему съ лошади:—признайся,—вѣдь все равно нечего скрывать: ты убилъ Кондрата?

Тарасъ покраснѣлъ, вытаращилъ глаза и стоялъ точно ошеломленный.

— Онъ, онъ, онъ!—стучало мое сердце.

— Ну, говори же!.. вѣдь ты?... Я никому не скажу... Ты съ Федемъ?

— Что ты мѣшаешься не въ свое дѣло? Чего пристаешь?... Поѣзжай своей дорогой! — закричалъ онъ мнѣ въ сильномъ гнѣвѣ и повернулся-было къ своему плугу.

— Какъ не мое дѣло?—закричалъ я, тоже невольно разсердившись:—дуракъ! Вы будете убивать честныхъ панскихъ слугъ—и не мое дѣло?... Васъ въ тюрьму нужно!...

— Охъ, и дурень же ты, Ивасю,—ой какой дурень!—закачалъ головой Тарасъ мнѣ въ отвѣтъ.—Ну, чего ты набрасываешься собакою?

Онъ назвалъ *меня* дурнемъ!!

Я не выдержалъ. Разсказалъ ему всѣ свои подозрѣнія, грозилъ, ругалъ и, вѣроятно, силь-

но взорвалъ его, потому что онъ внезапно погналъ воловъ и, повернувшись отъ плуга, крикнулъ мнѣ:

— Гляди, Ивасику, ой гляди, чтобъ и тебѣ того же не было!

Съ той поры я окончательно увѣрился въ своемъ подозрѣніи.

А бѣдный панъ между тѣмъ просто страдалъ отъ того, что виновникъ, убійца не найденъ. Его терзала эта безнаказанность ужаснаго преступленія, его смущало и озлобляло это первое проявленіе преступной смѣлости со стороны хлоповъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть покорнымъ стадомъ, и, наконецъ, оно его пугало, пугало за будущее, пугало тѣмъ, что если виновникъ не найденъ, то, чего добраго, не кончится однимъ Кондратомъ. И въ раздраженіи онъ набрасывался на всѣхъ, на перваго встрѣчнаго, придирался къ каждому пустяку, самъ иногда нарочно выискивалъ предлога придраться и затѣмъ поролъ и поролъ на конюшнѣ. Но только порка была уже не прежняя, не „сколько влѣзетъ“, а больше для виду, для острастки, и я отлично видѣлъ, что мужичье поняло, что панъ боится уже забивать до смерти, что онъ не чувствуетъ за собой прежней власти и силы.

— Скоро конецъ!—шептали они.

Это „скоро конецъ“ слышалось уже вездѣ и всюду—въ воздухѣ, въ толпѣ, въ селѣ, въ церкви, въ городѣ... Оно свѣтилось въ гла-

захъ, проскальзывало въ жестахъ и манерахъ говорившихъ. Имъ жило все, имъ дышала, казалось, сама природа.

Съ каждымъ днемъ, съ каждою секундой, съ каждымъ ударомъ пульса росла надежда и увѣренность въ этой „скорости конца“.

Конецъ дѣйствительно приближался. Изъ разговора пановъ, хотя они говорили шепотомъ, я уловилъ, что скоро будетъ объявлена воля... Въ первый моментъ меня точно ожгло чѣмъ-то, какъ будто захватило дыханіе, но только на моментъ,—я сейчасъ же успокоился и сталъ раздумывать: каково-то мнѣ придется впереди... Я смотрѣлъ ясно и твердо впередъ, ибо не сомнѣвался, что и при волѣ все-таки останутся и паны, и мужики.

Конечно, я никому не сказалъ ни слова изъ случайно подслушаннаго панскаго разговора, хотя они говорили много интереснаго о надѣлахъ, выкупѣ и пр. Да и незачѣмъ было!... Все мужичье вѣрило въ волю,—вѣрило въ то, что вся земля и все, что ни есть на ней будетъ его.

Этой главой я кончаю крѣпостной періодъ своей жизни и не могу отказать себѣ въ удовольствіи оглянуться назадъ, подвести честно, правдиво, безъ малѣйшей тѣни самохвальства или глупаго тщеславія, итогъ всего пройденнаго, перечувствованнаго, пережитаго.

20 съ небольшимъ лѣтъ назадъ отъ описываемой эпохи я родился на свѣтъ,—гряз-

нымъ, бѣднымъ мужиченкомъ, въ бѣдной хатѣ, грязной и вонючей, и росъ въ средѣ грубой, темной, лишенной всего честнаго и высокаго, всякаго стремленія къ идеалу. Эта среда, ея люди могли понимать только каторжную жизнь земледѣльца и потому боготворили и покланялись въ человѣкѣ одной физической силѣ, ловкости, способности къ работѣ. Я былъ хилый, болѣзненный, нервный ребенокъ,—и меня всѣ презирали, не любили, толкали. Только одна душа склонялась ко мнѣ, только одно сердце билось ко мнѣ любовью. Это было сердце моей великой, чистой матери, головой стоявшей выше окружавшей ее среды. Она одна любила меня, одна развивала меня, подмѣтила во мнѣ задатки и способности, дѣлавшія меня чуждымъ всему окружавшему, взлелѣяла ихъ, развила и посѣяла въ моей душѣ первыя сѣмена „добра, любви и красоты", по выраженію поэта.—Добрая, великая мать!

Еще восемь лѣтъ тому назадъ я стоналъ, какъ волъ, подъ ярмомъ каторжной работы, и мой стонъ, вмѣсто сочувствія, встрѣчалъ только суровый взглядъ отца, ругань или насмѣшку грубаго мужиченка-брата. Они не могли понять меня, не могли постигнуть, что душа мои парила высоко-высоко, далеко отъ мелкихъ интересовъ простого земледѣльца.

И я самъ, безъ всякой протекціи, личными усиліями, своею головой, своими способностями сбросилъ съ себя свое иго, пробился

впередъ; еще ребенкомъ, выполнивъ долгъ, предписываемый закономъ, я попалъ въ замокъ, въ другую сферу, гдѣ опять-таки, несмотря на массу препятствій, злобы, зависти, всякихъ пакостей всей челяди, обратилъ на себя вниманіе пана и пани и пошелъ впередъ. И въ концѣ концовъ собственными только усиліями, собственною головою, превратился я изъ неотесаннаго грубаго мужиченка въ начитаннаго, вполнѣ грамотнаго, ловкаго юношу, перваго панскаго любимца, самаго довѣреннаго слугу.

Все, что прежде меня презирало, кляло, ругало, теперь лежало у моихъ ногъ, лежало ницъ, и однимъ словомъ своимъ я могъ, что называется, казнить и миловать. Если, правда, тупая, алчная, завистливая чернь кляла меня втихомолку и обзывала разными обидными эпитетами, то это удѣлъ всѣхъ людей, обязанныхъ всѣмъ только себѣ и своими усиліями пробившихся вверхъ изъ низменной грязи. Кляли Наполеона, кляли Сперанскаго! Признаюсь, гордо бьется мое сердце, когда пишу эти строки.

Изъ ничтожества поднялся я на высоту, изъ презираемаго я сталъ силой! Но этого было мало, — счастливая судьба готовила мнѣ еще болѣе свѣтлое будущее.

Въ ту зиму, скоро послѣ того, какъ оправившаяся отъ болѣзни Галя, какъ вдова вольнаго человѣка, распродавъ все имущество, оставшееся послѣ Кондрата, вышла замужъ

за Федя и уѣхала съ нимъ въ губернскій городъ, гдѣ Федь занялся мелочною торговлей, вернулась изъ-за границы пани. Не успѣла она поздороваться съ паномъ, какъ удивленно воскликнула, обращаясь ко мнѣ:

— Неужели это ты, Ясь?

— Я, вельможная пани!—отвѣчалъ я, низко кланяясь и улыбаясь.

— Боже, какъ онъ выросъ!—продолжала она и добавила тихо по-французски къ пану:

— Какимъ онъ сталъ красавцемъ! Что за чудные глаза и брови, цвѣтъ лица...

— Молодецъ онъ у меня, молодецъ!—подхватилъ весело панъ, трепля меня по плечу.—Первый человѣкъ у меня!

Пани обдала меня такимъ взглядомъ своихъ чудныхъ глазъ, что мнѣ стало какъ-то жутко и невыразимо сладостно въ то же время.

Вечеромъ, чтобы сорвать для пани цвѣтокъ, по ея приказанію, я на ея глазахъ перепрыгнулъ чрезъ довольно высокій барьеръ въ оранжереѣ и она воскликнула:

— Боже, какъ онъ ловокъ, совсѣмъ кавалеръ!.. Слышишь, Ясь,—я опять беру тебя къ себѣ.

Не слыша подъ собою ногъ отъ восторга и счастья, я только низко-низко поклонился. Быть первымъ слугой у пани—значило быть „всѣмъ“ въ домѣ.

Черезъ нѣсколько дней ночью, когда панъ и вся прислуга легли уже спать, я тушилъ послѣднія лампы въ гостиной пани, гдѣ стоя-

ло фортепіано, которое она только-что оставила. Я собрался уже оставить гостиную, когда изъ будуара раздался нѣжный, пѣвучій голосъ:

— Это ты, Ясь?

— Я, вельможная пани...

— Войди!

Я отворилъ дверь... Пани сидѣла въ глубокомъ креслѣ передъ горѣвшимъ каминомъ, который одинъ освѣщалъ красноватымъ блескомъ погруженный въ мракъ роскошный будуаръ... Она была одѣта въ легкій бѣлый пеньюаръ и походила на ангела... Тонкій запахъ духовъ щекоталъ мои ноздри.

— Поправь въ каминѣ!

Я подошелъ къ камину и опустился на колѣни у ея божественныхъ ножекъ, обутыхъ въ атласныя туфельки и покоившихся на рѣшеткѣ... Самъ не знаю отчего, у меня сильно забилось сердце и застучало въ вискахъ.

— Какой ты хорошенькій, Ясь!—послышался игривый нѣжный шепотъ.

Жаръ бросился мнѣ въ голову, сердце застучало сильнѣе... и я переворачивалъ уголья.

— Скажи: ты много побѣдилъ сердецъ? Много перецѣловалъ деревенскихъ красотокъ?

— Нѣтъ, пани, никогда...—чуть выговорилъ я,—меня, что-то душило въ горлѣ.

— Что?... что?... Ты не врешь?...

— Ей-Богу, нѣтъ, пани!... никогда... никогда!...

— Ты невиненъ?...

Пани взяла двумя пальчиками меня за подбородокъ и повернула къ себѣ...

— Ты не врешь?...

Взоръ ея былъ мутный, туманный, глаза точно подернулись влагой.

— Не вру, пани!—отвѣтилъ я, сильно переконфуженный,

Пани долго-долго смотрѣла на меня тѣмъ же взоромъ, точно всматривалась, и вдругъ какъ-то необычайно нѣжно, мягко засмѣялась.

— О, какой же ты еще глупый, Ясю!...

Я не зналъ, что дѣлать и стоялъ растерянный все такъ же на колѣняхъ у ея ногъ...

— Сними мнѣ туфли!...

Дрожащими руками, весь въ какомъ-то неизъяснимомъ волненіи, я притронулся къ ея ножкѣ и это прикосновеніе ожгло меня.

— Другую! — пани чуть-чуть передвинула ножку.

Дрожа, я снялъ и другую туфлю.

— Сними чулки!...

Я не зналъ какъ, я не рѣшался... Меня била лихорадка...

— Разстегни!—игриво улыбаясь прошептала пани, приподнимая пеньюаръ и показывая прелестную подвязку.

У меня кружилась голова, захватывало дыханіе, стучало въ вискахъ и въ глазахъ двоилось... Я долго провозился съ подвязкой и самъ не помню ужъ какъ снялъ съ бѣлой, какъ мраморъ, ножки, шелковый чулокъ.

Еще минута и я, кажется, упалъ бы въ обморокъ,—зубы у меня лихорадочно стучали, голова плохо держалась на шеѣ,—но вдругъ двѣ бѣлыя, полныя, теплыя руки обвились вокругъ моей шеи, что-то влажное, теплое коснулось моихъ губъ, я почувствовалъ упругую грудь, ея сильно бившееся сердце, и нѣжный, ласковый шепотъ: „глупый, глупый Ясю!“—ласкалъ мое ухо . . . . . .

. . . . . .

На другой день утромъ, сейчасъ же вслѣдъ за выходомъ пани изъ кабинета пана, онъ позвалъ меня къ себѣ... Признаюсь, я страшно перепугался: мнѣ вдругъ пришло оъ голову, что пану все извѣстно, что я погибъ...

Но въ дѣйствительности было совсѣмъ иначе. Панъ встрѣтилъ меня крайне ласково, отчасти торжественно, и мягко сказалъ:

— Я давно хотѣлъ тебя, Ясю, повысить, какъ ты того заслуживаешь и какъ я тебѣ не разъ уже обѣщалъ за твою вѣрную службу... Теперь, съ согласія пани, которая тоже вполнѣ довольна тобой, я назначаю тебя на самую высокую должность...

Я не вѣрилъ себѣ, своимъ ушамъ...

— Съ сегодняшняго дня ты сбрось ливрею домашняго слуги,—продолжалъ панъ:—ты будешь уже не слугой, а моимъ довѣреннымъ,—я назначаю тебя управляющимъ конторой.

Я бросился пану въ ноги и началъ его увѣрять въ преданности, что ему, видимо, понравилось, ибо онъ еще мягче перебилъ меня:

— Нечего благодарить, нечего,—ты заслужилъ это... Я умѣю награждать вѣрныхъ слугъ... Ты еще молодъ, правда, но за то смѣтливъ, довольно образованъ, честенъ и преданъ: значитъ—ты справишься съ дѣломъ.

Я обнялъ ноги пана, поцѣловалъ носокъ сапога и вскричалъ:

— Вельможный пане! не стою я такой милости, не стою!... жизнь свою отдамъ за пана, до гроба останусь преданъ и вѣренъ.

Панъ приказалъ мнѣ встать и поцѣловалъ меня въ лобъ.

Но въ глубинѣ души я отлично зналъ, что всѣмъ этимъ я обязанъ моей дорогой—не пани уже, а возлюбленной, и мое сердце страстно ждало ночи, чтобъ излить свою восторженную благодарность...

Я снялъ ливрею. Я одѣлся въ щегольское платье. Я былъ главнымъ начальникомъ послѣ пана; всѣ бурмистры, конторщики, кассиры были моими подчиненными. Моей дружбы, моего ласковаго взгляда заискивали мелкіе маломѣстные паны и чиновники, въ родѣ, напримѣръ, станового.

Конечно, кромѣ этихъ казовыхъ концовъ моего новаго положенія, у меня были и мрач-

ные, тяжелые, даже очень тяжелые. Мнѣ пришлось одному стать лицомъ къ лицу съ черной, низкой толпой мужичья, взбудораженнаго вѣстью о приближающейся волѣ,—одному,—потому что всѣ,—паны, мелкіе и даже не мелкіе чиновники,—были теперь почему-то на ихъ сторонѣ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта каторга, не явись, наконецъ, воля, давно жданная, одними со страхомъ, другими съ тайнымъ восторгомъ, но, конечно, не въ тѣхъ формахъ, какія рисовались мужицкимъ воображеніемъ...

Впрочемъ, послѣднее въ первое время нисколько не волновало мужичья, вполнѣ насытившагося однимъ словомъ „воля"... Они точно замерли, точно застыли въ немъ, въ какомъ-то блаженномъ покоѣ и мирѣ, ни о чемъ не думая, не гадая.

Я помню ярко и живо этотъ день, канунъ котораго мы провели въ страшной тревогѣ, заряжая ружья и готовясь къ оборонѣ. Съ ночи въ палаццо всѣ были вооружены и стояли на стражѣ у оконъ... Менѣе надежные изъ прислуги были удалены, а наше число пополнено ездомною шляхтой, съѣхавшеюся по приглашенію пана на защиту въ палаццо. Мы готовились къ борьбѣ и послѣ сами смѣялись надъ собою, ибо убѣдились, что страхъ нашъ былъ напрасенъ, что мужичье и не думало о бунтѣ,

Оно было охвачено какимъ-то всепрощеніемъ, было настроено такъ сентиментально-добродушно, что въ этотъ день на мигъ чер-

ныя, озлобленныя души явились душами человѣческими.

Но на долго ли?... Солнце свѣтило ярко, когда я пошелъ поглазѣть на любопытную сцену объявленія воли. Весна наполняла все жизнью и страстью. Птицы пѣли о любви, о счастьи. Несмѣтныя толпы народа наполняли церковь, ея дворъ и улицу. Тутъ были всѣ: и отецъ, и Солоха, и Тарасъ, и дѣдъ, всѣ, всѣ...—и никто не посмотрѣлъ на меня злобно.

Въ церковь протиснуться было нельзя. Я сталъ на улицѣ за оградой въ кучѣ толпившагося народа. Изъ открытыхъ церковныхъ дверей неслось отрывочное пѣніе и клубы ѳиміама. Я видѣлъ, какъ шевелились головы, какъ открытыя уста толпы шептали молитву. Но вотъ ударилъ колоколъ... разъ, два... Какой-то отрывокъ священнаго пѣнія донесся и пропалъ въ синемъ воздухѣ. Еще что-то такое... Затѣмъ, не то стонъ, не то крикъ... какое-то движеніе и весь народъ, зарыдавъ, упалъ на колѣни.

— Божьею милостью, Мы Александръ Вторый....—донеслось изъ церкви и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась на земь, растянувшись, рыдая, въ пыли...

— Воля! воля! воля!...

Вышелъ съ крестомъ сѣдой отецъ Паисій. Онъ дрожалъ и не могъ идти самъ,—его велъ заплаканный дьячокъ Панфилъ. Сзади шелъ становой, держа въ рукахъ манифестъ и плача, какъ ребенокъ. Отецъ Паисій кропилъ ле-

жавшій ницъ народъ. Народъ поднялся, но вдругъ грохнулся на колѣни...

— За царя... Теперь за царя!...

Когда мы вмѣстѣ съ пани проѣхались послѣ обѣда верхами по селу, все мужичье, толпившееся на площадяхъ деревни, вмѣсто проявленія злобы, низко снимало шапки.

— Они, право, не злые, Ивасику...—сказала мнѣ добрая пани.

— Посмотримъ, пани, что будетъ завтра...— отвѣтилъ я, зная жизнь и людей.

На этомъ кончаю свои мемуары изъ періода крѣпостной жизни. Хорошо ли, дурно ли описалъ я, судить не мнѣ, но за одно ручаюсь: я былъ вездѣ искрененъ. Искренно говорю, что я не скрывалъ своихъ недостатковъ, не желалъ выставлять себя въ лучшемъ свѣтѣ, отлично понимая, что всѣмъ своимъ хорошимъ я обязанъ не себѣ, а вліяніямъ хорошихъ условій. А теперь—до свиданія!...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ VIII.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 7 Октября 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

Томъ VIII.

Изъ великой эпохи освобожденія.

I. Иванъ.
II. Живой мертвецъ.
III. Первый урокъ.
IV. Его часъ насталъ.
V. Именемъ закона.
VI. Первый гонораръ.

„ИВАНЪ“.

(Опытъ краткой монографіи).

Посвящается памяти Н. М. Астырева.

I.

Мой герой не красивъ, но зато онъ около сажени ростомъ, кряжистъ, силенъ и удивительно выносливъ. Руки у него шершавыя, мозолистыя, но этими руками онъ умѣетъ пахать, косить, жать и дѣлать еще многое другое изъ того, что мы, не-„Иваны“, такъ охотно уступаемъ „Иванамъ“. Онъ слѣпо вѣритъ въ „планиду“ и всецѣло надѣется на одно всевыручающее „авось“, подчасъ дѣйствительно оказывающее ему неоцѣнимыя услуги. Многіе относятся къ нему сверху внизъ, брезгливо, иные не прочь обозвать „ска...а...тиной“; но бывали моменты, когда и эти „иные“, изумленные подвигами моего героя, снисходительно прибавляли къ такому нелестному эпитету смягчающее слово: „святая“. Несмотря на все

указанное, я буду горячо отстаивать свое убѣжденіе, что мой Иванъ, хотя онъ никогда не прибѣгаетъ къ одеколону и ходитъ въ лаптяхъ, можетъ сойти за полумиѳическую героическую натуру. Данныхъ для этого у меня пропасть... Я знаю, напримѣръ, что въ дѣтствѣ его ѣла свинья, что онъ тонулъ, распухалъ отъ голода, болѣлъ всякими тифами и не только остался цѣлъ и невредимъ, но и проявилъ при этомъ самое героическое спокойствіе, не теряя ни вѣры въ „планиду“, ни надежды на „авось“. Стойкость, прошу согласиться, во всякомъ случаѣ замѣчательная. Затѣмъ онъ перебирался босыми ногами черезъ Балканскіе снѣга и „былъ спокоенъ“, замерзая на исторической Шипкѣ... Вообще, онъ проявилъ много такого, что дѣйствительно заслужилъ монографіи...

Какъ и всѣ исторіографы, я тоже хочу начать свой опытъ съ вопроса о предкахъ. Признаюсь, однако, это будетъ самое слабое мѣсто въ моей монографіи, ибо данныхъ у меня почти нѣтъ и заключенія свои я долженъ строить исключительно a priori... Мой герой не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о родословномъ деревѣ, а лѣтописи, реляціи и донесенія, наконецъ, даже самъ Иловайскій, не указываютъ ни одного предка моего Ивана, за свои подвиги удостоившагося внесенія на скрижали... Нигдѣ нѣтъ даже намека, чтобы какой-нибудь изъ предковъ его служилъ въ опри-

чинѣ, былъ перебѣжчикомъ, жалованъ былъ за потѣшанье или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Съ другой стороны, у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія отрицать за Иваномъ право возводить начало своего рода съ момента грѣхопаденія, — ибо самъ собою, онъ, очевидно, появиться на свѣтъ не могъ. Извѣстныя мнѣ попытки нѣкоторыхъ исторіографовъ сдѣлать его, въ отличіе отъ благонравнаго Іафетова потомства, прямымъ отпрыскомъ прославившагося грубостью Хама, отнюдь не отрицаютъ, а подтверждаютъ такое положеніе. Отсюда ясно, что если мой Иванъ самъ собою произойти не могъ,—то у него были свои предки, а если эти предки ничего достойнаго не совершали, — то, значитъ, они мирно населяли и только пахали землю.

Такимъ образомъ, самъ собою уже устанавливается фактъ, что предки моего Ивана были тѣ „сошные“ люди, что въ общей своей массѣ слывутъ у исторіографовъ то „народомъ“, то „подлой чернью“, смотря по роду описываемыхъ ими дѣяній. А разъ это такъ, то у самаго злого скептика не найдется достаточныхъ данныхъ отрицать, что они, эти предки, не клали и „своя животы“ со всею сошною безымянщиной, свергавшей, напр., татаръ, боровшейся съ Литвой, устрояя Русь въ смутное время, изгоняя „двунадесять языки“ и т. д., и т. д. Отецъ моего Ивана, — конечно, тоже Иванъ, — былъ севастопольскимъ ополченцемъ

и, хотя въ спискахъ значится въ числѣ „безвѣстно пропавшихъ“, тѣмъ не менѣе у меня есть много данныхъ предполагать, что онъ взлетѣлъ на воздухъ въ той знаменитой ополченской колоннѣ, что, не понявъ окрика: „мина!“— не захотѣла итти „мимо“, пошла прямо и была взорвана французами. Въ свое время мы жарко молились о „животѣ свои во брани положившихъ, имена же ихъ, Ты, Господи, вѣси“.

Исторія собственно знаетъ только родителей моего героя, и потому, конечно, что послѣдніе были крѣпостными господъ Лариныхъ. Какъ извѣстно, у господъ Лариныхъ, были двѣ красивыя дочки, — томная Татьяна и вертушка Ольга, съ которыми ферлакурили два друга,—разочарованный Онѣгинъ и поэтичный Ленскій,—что въ свое время послужило сюжетомъ для безсмертной поэмы безсмертнаго Пушкина. Въ одно прелестное страдное утро влюбленная Татьяна и полумрачный Онѣгинъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ, изъ-подъ котораго высовывался кончикъ татарской нагайки,—лихо гарцовали на прекрасныхъ кровныхъ скакунахъ мимо толпы „прелестныхъ жницъ“. Татьяна недоумѣвала, какъ могутъ ces gens выносить эту страшную chaleur, а Онѣгинъ, объясняя такую выносливость привычкой и свойствами дикой породы,—доказывалъ ей полнымъ трагизма голосомъ, что *они*, эти дикіе paysans, неизмѣримо счастливѣе его. Наивная Татьяна колебалась.... Но, вдругъ, къ

стройнымъ ножкамъ ея Бэтси повалилась одна изъ этихъ жницъ, Марья, вопя упросить „папеньку барина“ дозволить ей обвѣнчаться съ Иваномъ. Татьяна великодушно обѣщала, — у нея было доброе сердце, — а страдалецъ Онѣгинъ вздохнулъ и далъ вопившей Марьѣ... пятиалтынный.

— Eh bien!?—спросилъ онъ мрачно.

— Вы правы! — томно отвѣтила тронутая Татьяна, и ея доброе сердце затрепетало отъ жалости и любви къ этому красивому скитальцу, избѣгавшему законнаго счастья.

Папаша Ларинъ сначала заворчалъ, имѣя другіе виды на хорошенькую Марью, но такъ какъ брусничная вода приводила его всегда въ хорошее настроеніе, а Татьяна поднесла ее кстати, то, въ концѣ концовъ, разрѣшилъ. Такому-то случаю и незначительнымъ причинамъ обязанъ мой герой, что у него явились родители: Иванъ да Марья. Затѣмъ источники становятся сбивчивы и неясны. Извѣстно только, что вслѣдъ за скандаломъ на балѣ и послѣдовавшей смертью на дуэли Ленскаго, Ларины собрались въ столицу, чтобы разсѣять печаль вертушки Ольги и уйти отъ толковъ и пересудовъ. Для поѣздки нужны были средства, а добыть таковые легче всего было продажей „на выводъ“ лишнихъ крѣпостныхъ, по стоявшей тогда довольно высоко биржевой цѣнѣ. При продажѣ произошли какіе-то инциденты, для усмиренія которыхъ потребовалась энер-

гія князя Гремина, который прискакалъ, увидѣлъ и, конечно, побѣдилъ, получивъ въ награду руку томной Татьяны, распѣвавшей при этомъ грустный романсъ: „мнѣ все равно!..“ Какъ бы тамъ ни было, но Иванъ и Марья несомнѣнно перешли въ собственность къ юркому культуро-носителю Штольцу, отбившему у Обломова невѣсту, которая, какъ извѣстно, разочаровалась въ женихѣ, не сумѣвшемъ взыскать оброкъ съ своихъ крѣпостныхъ. Штольцъ перепродалъ ихъ съ большой выгодой Демону, который раскаялся, оставилъ „снѣжныя вершины“ и поступилъ по особымъ порученіямъ къ Калиновичу. Демонъ перепродалъ ихъ Печорину, спустившему ихъ въ банкъ на одну семерку (онъ, какъ всегда, „пыталъ судьбу“), послѣ чего они перебывали у многихъ душевладѣльцевъ, преимущественно изъ славянофиловъ, которыхъ умиляли „духомъ смиренія“, какъ извѣстно, давно утраченнымъ гнилымъ западомъ.

Пока тѣ писали свои знаменитые трактаты, Иванъ да Марья отбывали имъ барщину и платили оброкъ. Исторія настигаетъ ихъ вновь крѣпостными г. Лежнева, къ которому они перешли путемъ какого-то бокового наслѣдства.

Устные источники гласятъ, что Мишукъ Лежневъ, объѣзжая на бѣговыхъ дрожкахъ въ своемъ знаменитомъ сѣромъ пальто собственные заливные луга, неожиданно наткнулся на

курьезную сцену. Было чудное весеннее утро,— вольная птица игриво купалась въ ясной лазури.

Молодое, только-что всплывшее солнце улыбалось своими свѣтлыми лучами всѣмъ безразлично, а легкій вѣтерокъ колыхалъ высокую траву и любовно освѣжалъ горѣвшія лица косцовъ. Вдругъ одна изъ бабъ, сгребавшихъ господское сѣно, бросила грабли, всплеснула руками, завопила: „ой, батюшки, видать, часъ мой пришелъ!“ — и, упавъ, родила мальчика. Это была Марья, жена Ивана, а родившійся на барскомъ лугу ребенокъ,—мой герой Иванъ.

Мишутка Лежневъ былъ добрый баринъ и хотя отрицалъ Рудинскія бредни, — отпустилъ Марью съ барщины и даже послалъ ей стаканъ водки. Марья покряхтѣла день и затѣмъ вновь вышла сгребать сѣно съ крошечнымъ Иваномъ у груди.

Лежнева, до брака—Волынцева, похвалила ее, конечно, за усердіе и въ награду подарила ей даже аршинъ коленкора на пеленки, что, впрочемъ, ея милый Мишукъ обозвалъ баловствомъ.

— Нельзя, мой другъ,—мягко, но внушительно сказалъ онъ:—награждать человѣка за исполненіе имъ своего долга прямого...

— Но, Мишукъ,—она только-что родила!

— Знаю, — и что же изъ этого?! — разсудительно продолжалъ супругъ.—Рождаютъ всѣ,— это общій законъ...

Но Александра Петровна была страстная спорщица.

— Ты самъ иногда жалѣешь ихъ! — горячо перебила она мужа.

— О, да! — и Михайло Михайловичъ вздохнулъ: — очень жалѣю... Но такая доля ихъ,— историческій фатумъ, а съ нимъ нужно умѣть примириться!...

Онъ еще разъ вздохнулъ и для успокоенія предложилъ выпить за Рудина...

Убѣдившись, что слухи о готовившемся освобожденіи не вздоръ, разсудительный Лежневъ сейчасъ же отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ на волю и сразу такимъ образомъ убилъ двухъ зайцевъ: прослылъ гуманистомъ и избѣжалъ непріятности отводить мужикамъ ихъ надѣлы. Юный Басистовъ, правда, вскипѣлъ и назвалъ это мошеннической продѣлкой, но слишкомъ горячаго молодого человѣка сумѣли унять быстро. Какъ-ни-какъ, а Марья и новорожденный Иванъ (отецъ былъ уже давно взорванъ) очутились на волѣ.

II.

Мое личное знакомство съ героемъ и непосредственное наблюденіе надъ нимъ начались съ тѣхъ поръ, какъ ma tante Тамара взяла къ себѣ уже вольную Марью въ прачки. Послѣ смерти раскаявшагося Демона, ma tante осталась вѣрна его памяти, часто вздыхала и, старѣя въ грусти, занялась добрыми дѣлами.

Она поселилась въ деревнѣ, и такъ какъ отъ брака съ Демономъ дѣтей у нея не было, — стала воспитывать племянниковъ. Сначала ma tante зорко слѣдила, чтобы мы, племянники, не играли съ Иваномъ, который могъ научить насъ дурнымъ манерамъ и вообще испортить нашу нравственность. Къ тому же, она была брезглива, любила вдыхать „розъ весеннихъ ароматъ", а отъ вида грязной Ивановой рубашки,—въ дѣтствѣ онъ ходилъ sans culotte,— и запачканныхъ рукъ ей дѣлалось дурно. Но такъ какъ ma tante вообще не отличалась строгой выдержкой и сдавалась легко на просьбы, какъ это видно изъ чудной поэмы, то въ концѣ концовъ мы все-таки вошли съ Иваномъ въ довольно тѣсныя сношенія.

— Ахъ, нельзя, нельзя!.. онъ васъ испачкаетъ!—запротестовала она, увидѣвъ въ первый разъ, какъ мы съ Аркашей Кирсановымъ, нашимъ сосѣдомъ сверстникомъ, гоняли Ивана на кордѣ.—Я запрещаю!

Но Иванъ такъ хорошо изображалъ кровнаго рысака, такъ ловко забрасывалъ ногами, выгибая шею, а намъ съ нимъ было такъ весело, что мы съ плачемъ запротестовали.

— Онъ у насъ рысакъ, ma tante...

— Все равно... У него руки...

— Мы не беремъ его за руки... Мы взнуздали.

— Ахъ, какіе вы...— уже колебалась тетя.

— Онъ на кордѣ,—посмотрите! — настаивали мы, и ma tante сдалась...

— Ну, на кордѣ, пожалуй! — сказала она и даже дала замарашкѣ пряникъ. До тѣхъ же поръ его дѣтство было окутано мракомъ, полнымъ таинственныхъ миѳовъ, какъ и дѣтство всѣхъ героевъ. Помню, мы съ ужасомъ вслушивались въ разсказъ о томъ, какъ его чуть-чуть не съѣла свинья, которую во-время успѣла схватить за ухо безстрашная Жучка. Эта Жучка замѣняла ему бонну и всегда сторожила крошечнаго ребенка, когда Марья уходила на страду... Разъ, какъ и всѣ бонны, вѣрная Жучка сладко вздремнула на солнцепекѣ и этимъ моментомъ вздумала воспользоваться дородная Хавронья. Похрюкавъ надъ безпечно игравшимъ ребенкомъ, она жадно схватила зубами его рубашку и чуть было уже не принялась чавкать, но поплатилась добрымъ кускомъ собственнаго уха.

Затѣмъ,—гласятъ миѳы,—мальчикъ объѣдался бѣлены, леталъ съ крыши, ѣлъ всякую дрянь, тонулъ, бѣгалъ даже въ стужу босыми ногами, — и все это ни почемъ,—остался цѣлъ и невредимъ, когда мы съ Аркашей, напримѣръ, кашляли отъ лишняго глотка холодной воды и всѣхъ насъ укладывали въ постели при малѣйшемъ насморкѣ.

Наши сношенія съ Иваномъ, правду сказать, начались съ потѣшанья и только въ немъ одномъ и заключались. Мы были не злые мальчики, но потѣшаться надъ наивностью любили, какъ и всѣ на свѣтѣ. Иванъ бѣгалъ у насъ

рысакомъ, мы „показывали ему Москву“, учили, „гдѣ живетъ: ай!“—и всякой другой мудрости, доставшейся ему, конечно, солоно и со слезами. Когда онъ принимался плакать, намъ, конечно, становилось жаль, мы цѣловали его, дарили пряники, — но соблазнъ былъ великъ, и, при первой возможности, мы опять устраивали ему какую-нибудь штуку, пользуясь его наивностью и довѣріемъ. Къ тому же, несмотря ни на что, онъ всегда относился къ намъ довѣрчиво и ласково, — поревѣвъ немного, сейчасъ же улыбался и дѣлалъ все, что было намъ угодно. Въ рѣдкихъ случаяхъ протеста съ его стороны мы хоромъ кричали ему, что онъ мужикъ и потому „не смѣетъ“, — чему давно научила насъ ma tante, увѣрявшая, что Иванъ „другой породы“. И одинъ только юный Рахметовъ держалъ себя съ нимъ иначе и, своенравный, упрямый, дерзкій, вѣчно раздражалъ нервную тетю своими „почему“, да „почему“, за что она его и не жаловала. Тетя увѣряла иногда, что сирота Рахметовъ, приходившійся чрезъ Рудина близкимъ родственникомъ ея покойному Демону, — посланъ ей только въ наказаніе.

— Почему намъ нельзя пить холодную воду, а Ивану можно?—спросилъ онъ ее разъ, сдвигая брови.

— Ахъ, мой другъ, потому, что онъ мужикъ!—отвѣтила нервно ma tante.

— А почему онъ мужикъ?...

— Почему... почему!—тетя уже взволновалась:—потому, что онъ такой породы,—вотъ почему!

— А почему онъ такой породы?—не унимался Рахметовъ.

Тамара совсѣмъ разсердилась.

— Фи, ну, можно ли быть такимъ навязчивымъ, мой другъ! Это совсѣмъ не comme il faut приставать съ глупыми вопросами! И знай, мой другъ: эти твои „почему“ до добра не доводятъ. Вотъ увидишь!—говорила ma tante.

Но Рахметова это не смутило. Онъ дерзко заложилъ руки въ карманы, повернулся къ намъ, подмигнулъ насмѣшливо и сказалъ довольно громко:

— Сама не знаетъ,—вотъ что!—и за это былъ оставленъ безъ воздушнаго пирога.

Въ тотъ же день, насколько помню, Ивана выдрали. Случилось это вотъ какъ: пріѣхалъ къ намъ съ отцомъ Аркаша Кирсановъ, и, пока отецъ его наигрывалъ тетѣ на віолончели,—предложилъ Ивану сдѣлать ему „лимонку“. Такъ какъ Иванъ позналъ уже эту мудрость раньше,—то онъ насупился, обидѣлся, сложилъ крайне неприличнымъ образомъ пальцы правой руки и со словами: „на-кось, выкуси!“—поднесъ эту вульгарную штуку прямо къ носу Аркаши. Ma tante отъ ужаса упала на руки Кирсанову почти въ обморокѣ, прогнала всѣхъ насъ изъ комнаты и велѣла Марьѣ сейчасъ же хорошо выпороть

сына. Съ этихъ поръ намъ безусловно было запрещено играть съ нимъ подъ страхомъ лишенія „безъ пирожнаго“. Мы видались съ нимъ изрѣдка, украдкой, черезъ плетень сада. Онъ добродушно показывалъ намъ свои рубцы и попрежнему, казалось, любилъ насъ. За эти воровскія свиданія ma tante, лишь узнала о нихъ, сейчасъ же разсчитала Марью, а своего героя я надолго потерялъ изъ виду.

Встрѣтилъ я его опять, когда былъ уже въ университетѣ. Мой сокурсникъ Аркадій Кирсановъ привезъ его съ собой въ качествѣ лакея. Иванъ былъ уже рослый, здоровый парень, такой же добродушный, какъ и въ дѣтствѣ, твердо вѣрилъ уже въ „планиду“ и крѣпко надѣялся на „авось“. Вообще, онъ успѣлъ уже сложиться въ цѣльный опредѣленный типъ, и другъ, — сожитель Кирсанова, — Базаровъ, часто всматривался въ него своими умными, пытливыми глазами изслѣдователя, жалѣя, что „эту разновидность“ нельзя разсмотрѣть подъ микроскопомъ.

— А разновидность интересная!—говаривалъ онъ часто.—Сравнивая ее съ высшими типами, можно допустить, пожалуй, что она или регрессирующее явленіе, или рудиментъ.

Но разъ онъ сказалъ не то.

Это было послѣ одного ученаго собранія, гдѣ безстрастные ученые слишкомъ много пили за безстрастную науку. Тостовъ было такъ много, что Базаровъ, возвращаясь, чуть

не заплутался въ переулкахъ,—во хмелю онъ становился другимъ человѣкомъ. Его выручилъ вѣрный Иванъ, взвалилъ къ себѣ на дюжія плечи, принесъ домой, раздѣлъ и уложилъ спать...

На другое утро Базаровъ протянулъ ему руку.

— Спасибо, братъ!—сказалъ онъ:—давай руку!..

Стыдливо улыбаясь, Иванъ робко протянулъ свою руку. Долго и пристально всматривался въ него Базаровъ.

— Эхъ, Иванъ! — сказалъ онъ не то съ укоромъ, не то со вздохомъ.— Да, вѣдь, ты братъ—сила! Знаешь ты это?!

Своей стыдливой, недоумѣвающей улыбкой Иванъ обнаружилъ полное незнаніе. Тогда Базаровъ всталъ и угрюмый подошелъ къ окну, откуда открывалась великолѣпная, захватывающая духъ картина. Рѣка взломала ледъ и, мощно бушуя, неудержимо гнала громадныя ледяныя глыбы. Глубоко задумавшись, Базаровъ долго всматривался и любовался этой картиной.

— Ишь, стихія,—что за сила!—прошепталъ онъ, наконецъ, про себя.—Дай-ка ей хоть на мгновеніе сознаніе!..

Тема была интересная и много давала для размышленія, но... въ бакѣ зашевелились лягушки, приготовленныя для препарировки...

Базаровъ встряхнулся,—онъ не любилъ „метафизики“ и выше всего ставилъ препарировку...

III.

Я встрѣтился съ Иваномъ опять, когда, по выходѣ изъ университета, благодаря протекціямъ дядей и тетокъ, получилъ хлѣбное мѣсто въ нѣсколько тысячъ въ большой строительно-промышленно-акціонерной компаніи, дѣлами которой завѣдовалъ извѣстный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Тутъ, въ качествѣ исторіографа, я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы кинуть „ретроспективный" взглядъ и кое-что уяснить такимъ образомъ читателю. Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, конечно, что г. Чичиковъ, по сравненію со всѣми остальными персонажами его эпохи, является „*положительнымъ*", прогрессивнымъ типомъ и что поэтому утвержденіе, будто великій Гоголь въ своей безсмертной поэмѣ изобразилъ одни типы отрицательные, нелѣпо. Какъ бы ни относились къ Чичикову самые галантные господа изъ „Дворянскаго гнѣзда",— его, однако, никто не можетъ упрекнуть въ торговлѣ живыми душами и въ рабовладѣльческихъ тенденціяхъ. Онъ никогда не училъ „на конюшнѣ", былъ до-нельзя вѣжливъ и торговалъ только условными, не гарантированными бумажными цѣнностями, какими, несомнѣнно, являлись скупавшіеся имъ у помѣщиковъ реестры почившихъ крѣпостныхъ,—при чемъ, какъ извѣстно, продавцы безбожно торговались и старались поднадуть его, (передѣ-

лывая, напримѣръ, „Елисавету“ въ мужика „Елисаветъ“), при продажѣ этихъ завѣдомо фиктивныхъ цѣнностей. Чичиковъ, наконецъ, несомнѣнно былъ яркимъ исповѣдникомъ прогрессивнаго принципа „laisser faire, laisser passer“, а въ общемъ—явился провозвѣстникомъ началъ „зари промышленнаго обновленія“ и прототипомъ блестящей плеяды рыцарей этой „новой эпохи“, смѣнившей крѣпостную эру. Скомпрометированный поэмой Гоголя, онъ куда-то юркнулъ съ горизонта и въ тиши рабочаго кабинета занялся составленіемъ исторіи генераловъ, которая незамѣтно для него самого выросла въ тяжеловѣсную „Исторію Россіи“, обработанную и нынѣ изданную какимъ-то современнымъ Плутархомъ— (гг. Зоиловъ прошу не дѣлить имя Плутархъ на два слога и не производить первый отъ русскаго корня),—какъ говорятъ, живымъ послѣдствіемъ кратковременнаго пребыванія Павла Ивановича въ скромный день у г-жи Коробочки...

Какъ бы тамъ ни было,—однако,—фактъ несомнѣнный, что какъ только въ воздухѣ понесло „концессіей“, а на горизонтѣ отечества блеснула „заря промышленнаго обновленія“, Павелъ Ивановичъ немедленно вынырнулъ изъ неизвѣстности и явился тутъ, какъ тутъ. Онъ строилъ, разрушалъ, созидалъ, оживлялъ и благодѣтельствовалъ отечество во всѣхъ его концахъ, появляясь для удобства операцій въ

каждомъ уголкѣ подъ другимъ псевдонимомъ. И само собою ясно,—ему необходимъ былъ Иванъ... Такимъ образомъ, пока мы съ Аркашей Кирсановымъ и прочими сверстниками, служа культурѣ, получали свои оклады, Иванъ, часто по поясъ въ водѣ, рылъ выемки, возводилъ насыпи, прокладывалъ пути, вырубалъ, моталъ, прялъ,—словомъ, совершалъ все то, что полагается совершать Иванамъ въ интересахъ всеобщаго прогресса. Какъ существо неприхотливое и некультурное, онъ довольствовался при этомъ сырой земляникой, тухлой солониной и полбой, что, удешевляя производство, косвенно служило той же культурѣ, способствуя накопленію богатства, по выраженію ученыхъ сподвижниковъ Павла Ивановича. Досугъ свой онъ тоже безсознательно посвящалъ тому же косвенному служенію культурѣ, проводя время въ пріютахъ молодого Ситникова, гдѣ и оставлялъ свои полушки. Молодой Ситниковъ, какъ извѣстно, очень скоро освободился отъ бредней, сочетался съ Кукшиной и, во славу родины, значительно расширилъ тятенькины операціи. Такимъ образомъ, казалось, что дѣло преуспѣянія развивается неудержимо и, ликуя, мы частенько устраивали веселенькіе пикники при посредствѣ того же Ивана, который ставилъ намъ самовары и таскалъ хворостъ для костровъ, пока мы осушали свои тосты за народъ.

Аркаша Кирсановъ, уже степенный отецъ семейства, съ солиднымъ брюшкомъ и внуши-

тельнымъ баскомъ, неизмѣнно возлежалъ въ такихъ случаяхъ у прелестныхъ ножекъ своей все еще миленькой, хотя и осунувшейся и припудренной, Кати, говорилъ рѣчи, вздыхалъ по поводу „пропасти“, отдѣлявшей насъ отъ Ивана, а иногда, охваченный грустно-пессимистическимъ настроеніемъ, покушался сомнѣваться въ счастьи, доставляемомъ культурой, и ставилъ поэтому теоретическій вопросъ: стоитъ ли вообще обучать Ивановъ,—дастъ ли это *имъ* счастье?

— Право же, въ невѣдѣньи, господа, счастье!—грустно вздыхалъ онъ.— Знаніе породитъ одну неудовлетворенность, а, слѣдовательно, и страданіе...

Съ этимъ вполнѣ соглашался Разуваевъ, нашъ неизмѣнный подрядчикъ, нажившій тьму деньжищъ и, въ качествѣ крупнаго туза, допущенный въ нашъ кругъ...

— Вѣрно-съ, какъ день!—подхватывалъ онъ съ апломбомъ знатока деревни и народа:—ни зачѣмъ *ему* наука не нужна-съ,—одно мошенство пойдетъ-съ отъ нея!

Но тутъ всегда первой вступалась г-жа Одинцова, открывшая у себя въ деревнѣ школу домашней прислуги послѣ смерти Базарова.

— Извините-съ!—горячо возражала эта изящная дама:—совсѣмъ напротивъ,—*ихъ* нельзя оставить въ такомъ состояніи!... Намъ же нужна хорошая прислуга, хорошіе рабочіе, лакеи, горничныя... Безъ образованія никакъ нельзя!

— Одно мошенство!—не унимался упрямый Разуваевъ.—На нихъ во́, что нужно!—складывалъ онъ свой дюжій кулакъ.

Но тогда всѣхъ еще коробила такая откровенность, тѣмъ болѣе въ такой грубой формѣ, и разъ ему крикнули: „брысь!“ Онъ съежился, насупился и ноздри у него дрожали, когда онъ отвѣчалъ:

— Это, конечно, какъ угодно-съ,—и замолчать можемъ, коли ежели... а только на мое выйдетъ-съ! *Ёнъ* форсить почнетъ,—увидите-съ!

Но по отношенію къ Ивану это была безусловная неправда, — онъ никогда не форсилъ и мирился со всѣмъ. Не форсилъ онъ ни на выемкахъ, ни на насыпяхъ, ни въ больницахъ, куда его втаскивали въ цынгѣ или тифѣ. Онъ былъ полонъ упоенія отъ своей свободы, отъ сознанія, что онъ уже не крѣпостной и имѣетъ право на собственную полушку за свой каторжный трудъ. Хотя всѣ предпріятія Павла Ивановича по оживленію отечества неизмѣнно приходили, какъ это извѣстно, къ тому печальному результату, который всего лучше характеризуется словами: „крахъ“ или „пуфъ“, почему Ивану постоянно приходилось искать свою полушку и паспортъ у мирового, но и тутъ онъ не форсилъ. Онъ поднималъ, правда, гвалтъ, толкался на одномъ мѣстѣ, требуя разсчетъ „по-божески“, но, получивъ усмиреніе, быстро смолкалъ и безропотно путешествовалъ на родину, за неимѣніемъ полушки,

этапнымъ порядкомъ. Потолкавшись тамъ, онъ неизмѣнно нанимался вновь на новое предпріятіе до новаго краха и свыкся съ такимъ положеніемъ до того, что считалъ его своего рода „планидой“...

— Куда, Иванъ?!

— На заработки, вашескородіе, — хлѣбушка нѣтъ... Павелъ Ивановичъ, сказываютъ, новое дѣло беретъ...

— Кто нанимаетъ? Разуваевъ?..

— Они-съ, Іона Іонычъ, — какъ опять, значитъ, въ подрядчикахъ состоятъ...

— Да, вѣдь, не разсчитались съ тобой!?

— Это такъ тошно,—какъ Богъ святъ, обидѣли-съ... ну да теперь авось...

Съ такимъ „авось“ было не до форсу...

Въ это-то время въ нашемъ кругу сверстниковъ, племянниковъ и произошелъ извѣстный расколъ. Случилось это на вечерѣ у Кирсановыхъ въ свѣтлый день Катиныхъ именинъ, когда всѣ были настроены самымъ радужнымъ образомъ и веселились отъ души. Даже Разуваевъ разблагодушествовался и пожертвовалъ сторублевый билетъ на школу г-жи Одинцовой съ бахвальными словами: „Намъ это все единственно,—пущай пропадаетъ! Не первая сотня!“ Объѣвшись имениннаго пирога, онъ добродушно икалъ и вскорѣ засопѣлъ въ креслѣ, сложивъ на кругломъ животѣ короткія, жирныя руки. Катя Кирсанова лихо проплясала съ Соломинымъ „рус-

скую“, удивительно подмахивая платочкомъ, и, какъ заправская цыганка, поводила круглыми плечами. Это привело насъ въ шумный восторгъ, который разбудилъ на время Разуваева: онъ открылъ жирные глазки, погладилъ бороду, промычалъ какъ-то жирно: „м-м-да!“— и снова засопѣлъ, когда послѣ танцевъ всѣ перешли къ оживленной бесѣдѣ о культурной миссіи, задачахъ и цѣляхъ. Наэлектризовавшаяся Одинцова кинулась снова къ фортепіано, быстро взяла нѣсколько знакомыхъ всѣмъ аккордовъ и въ залѣ грянулъ хоръ... Пѣли дружно всѣ,— и Кирсановъ, и Очищенный, тогда еще писавшій томные фельетоны, и Балалайкинъ, и Соломинъ, и т. д., весь общій кругъ,—извѣстную пѣснь: „Проведемъ-те, друзья!“ Пѣли съ жаромъ, съ увлеченьемъ, съ жестами, а Балалайкинъ, какъ болѣе экспансивный, обнимался со всѣми, утиралъ слезы и клялся „до гроба!“ Но вотъ тутъ-то и вышла бѣда... Точно привлеченные этимъ хоромъ, въ залу нежданно вошли Рахметовъ съ друзьями: Аверинымъ, Неждановымъ, Маріанной,—съ цѣлымъ кругомъ другихъ племянниковъ своего пошиба. Между двумя группами племянниковъ давно уже тянулась пикировка. Рахметовъ всегда оставался вѣренъ себѣ и своимъ назойливымъ „почему“,—и первые иронически совѣтовали вторымъ серьезно заняться научными изысканіями вмѣсто того, чтобы увлекаться непровѣренными опытомъ теоріями. Почва для столкновенія была

взрыхлена, но никто еще не ожидалъ скандала и полнаго разрыва. Вышло же именно то, чего не ждали... Рахметовъ съ своей обычной рѣзкостью назвалъ Чичикова мошенникомъ.

— Это почему?—вспыхнулъ Очищенный, но довольно осторожно, зная, что съ этими ребятами шутки плохи.

— А потому, что мошенникъ!—подхватилъ Неждановъ.

— Но вѣдь это нужно еще доказать, мой амурчикъ!—взвизгнулъ Балалайкинъ и высунулъ языкъ.

— Нечего доказывать,—само собой ясно!

— Извините-съ!—визжалъ Балалайкинъ:—не пойманъ—не воръ!.. извѣстно-съ!

— Нѣтъ, воръ!

Споръ раскалялся... Соломинъ, по обыкновенію, молчалъ, и только загадочно улыбался, поворачиваясь на обѣ спорившія стороны. Наконецъ, авторитетнымъ тономъ вмѣшался Кирсановъ:

— Позвольте, позвольте, господа!—воскликнулъ онъ, выступая впередъ: — позвольте: по вашему, Чичиковъ—мошенникъ?—хорошо-съ! А значитъ,—мы... по вашему?!..—и онъ вызывающе сузилъ глаза.

— Вы?!—подхватилъ Рахметовъ:—вы то же, что и онъ... расхитители!..

— Merci!—поклонился съ ироніей Кирсановъ при гробовомъ молчаніи.

— Не за что! Совсѣмъ не за что! — подхватили тѣ.—Лучше бы ты, Аркадій, вспомнилъ свои клятвы при гробѣ Базарова!..

Это, конечно, было самое непріятное напоминаніе. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пріятно воспоминаніе о заблужденіяхъ страстей! Мало ли что говорилось, думалось, обѣщалось въ извѣстныя минуты,—не всякое же лыко въ строку!... Посыпались упреки, споръ перешелъ въ гвалтъ, поблѣднѣвшія дамы вскочили въ испугѣ, умоляя не дѣлать скандала, а ничего не понимавшій Разуваевъ спросонокъ заоралъ на все горло: „караулъ!“

— У...у...у...у... недоумки! — злобно шипѣли всѣ вслѣдъ уходившимъ во-свояси рахметовцамъ.—Конечно,—мы съ этихъ поръ чужіе другъ для друга!...

— Конечно, конечно!—вторили уходившіе.—И лучше, что кончено!

Они направились къ Ивану, но тотъ, все еще полный упоенія и ликованья, встрѣтилъ ихъ крайне недовѣрчиво.

— Зна...а...емъ!... говорилъ онъ имъ, недовѣрчиво и злобно улыбаясь.—Понимаемъ! На старое, значитъ, повернуть желаете, на господское положеніе... Ишь, овцами прикинулись!... дубьемъ бы васъ всѣхъ!

Аркашины друзья-пріятели отъ восторга ликовали...

— Такъ имъ! Такъ имъ и слѣдуетъ!—потирали они руки...

Но тутъ исторія временно прерываетъ свое теченіе за неразысканіемъ пока необходимыхъ матерьяловъ.

IV.

Это было уже у подножія Балканъ, гдѣ, по рекомендаціи Павла Ивановича, мы съ Кирсановымъ получили хорошія мѣста агентовъ у г.г. Грегера и Горвица. Очищенный въ то время издавалъ уже свой „Демидронъ“ и писалъ громовыя статьи на тему: „Смерть врагамъ!“ Балалайкинъ то сопровождалъ партіи тухлой солонины, то писалъ реляціи о побѣдахъ и одолѣніяхъ, а Соломинъ, сидя на фабрикѣ, постоянно жаловался на плохія дѣла и дороговизну рукъ.

Мы сидѣли въ палаткѣ, метали отъ скуки банкъ, закусывали въ промежуткахъ сардинками и тянули недурной коньякъ, когда донесся слухъ, что вернулась партія изъ числа сидѣвшихъ на Шипкѣ. Понятно, мы бросили все и выскочили посмотрѣть этихъ полумиѳическихъ героевъ. Аркаша Кирсановъ такъ и застылъ въ изумленіи предъ оборванной, босой, посинѣвшей отъ лишеній и голода фигурой, съ обвязанной головой,—застылъ, разставивъ руки и открывъ ротъ.

— Иванъ!... неужели это ты?!—вырвалось у него, наконецъ.

— Такъ точно-съ!—отвѣчалъ Иванъ, добродушно улыбаясь.

— Ты, собственной персоной?—продолжалъ изумленный Кирсановъ. — Ты не погибъ въ выемкахъ, на насыпяхъ, въ больницахъ, подъ колесами?!

— Никакъ-съ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ также улыбаясь Иванъ:—Богъ миловалъ!..

— Ты былъ на Шипкѣ?

— Такъ точно-съ!

— Нѣтъ, постой! — говорилъ Кирсановъ.— Что-то не вѣрится мнѣ,—точно ли это ты... дай-ка я тебя пощупаю!..

Онъ щупалъ кости и кожу, повторяя изумленно: „онъ, онъ... ей-Богу, онъ!“—и, наконецъ, кинулъ: „Вѣрно, ты настоящій! Кто бы подумалъ!? Ну, что, страшно, чай, было?“

— Зачѣмъ страшно?—отвѣчалъ Иванъ, также добродушно, спокойно улыбаясь: — извѣстно, — каждому свой предѣлъ положенъ,— кому какъ,—вашескородіе! Чего жъ страшиться-то? Вотъ, на счетъ табачку, такъ, дѣйствительно плохо было,—на счетъ цыгарки, значитъ... совсѣмъ матъ!.. А какъ на счетъ замиренья, ваше-скородіе, слыхать?—проситъ, что-ль, турокъ пардону?..—спросилъ онъ вдругъ робко.

— На счетъ замиренья? гм... а тебѣ на что? Домой хочется?

— Такъ точно-съ! — осклабился Иванъ. — Жена тама—опять хозяйство...

— Да развѣ ты женатъ?

— Женатъ-съ!—осклабился еще шире Иванъ.— Марьей звать,— помните, ваше-скородіе, чай,

у госпожи Одинцовой въ услуженіи была?! Такъ она самая-съ!

Но Кирсановъ не слушалъ,—онъ поглощенъ былъ своими мыслями... Уставивъ глаза въ одну точку, онъ точно всматривался во что-то и вдругъ крикнулъ, поднявъ руки въ изумленіи:

— Да, знаешь ли ты, Иванъ, что ты герой?!

Улыбавшійся Иванъ какъ-то сразу смѣшался или сконфузился.

— Какъ угодно-съ, ваше-скородіе! — отвѣтилъ онъ, боясь поднять вѣки, не глядя.— Оно, конешно, — всякому своя планида, — а только извѣстно... какъ угодно-съ!..

— Ты герой, герой, герой!—говорилъ горячо Кирсановъ, точно охваченный какимъ-то острымъ, жгучимъ порывомъ, и трясъ Ивана за руку.—Понимаешь? нѣтъ?—ну, все равно,— ты герой! Такъ что тебѣ домой, къ Марьѣ, хочется, а!?

— Хоть-бы письмецо послать!—нерѣшительно, робкимъ, просящимъ голосомъ отвѣтилъ совсѣмъ сконфуженный Иванъ.

Кирсановъ далъ ему „на чай“, далъ десятокъ папиросъ и написалъ письмо. Это солдатское письмо я помню... Тамъ было двадцать семь земныхъ поклоновъ, вопросъ объ урожаѣ, вопросъ о меринѣ и телушкѣ... Тамъ былъ вопросъ, отдалъ ли Разуваевъ двѣ съ половиной заработанныхъ полушки и согласится ли отпустить въ кредитъ сѣмянъ для по-

лудесятинной нивки. И только въ концѣ, въ самомъ концѣ, было приписано, что онъ, Иванъ, благополучно вернулся съ Шипки, слегка раненый, что начальство у него не очень, чтобы строгое, что, вообще, все слава Богу,—только, вотъ, на счетъ ѣды, сапогъ да табаку туговато. Но и это не то, чтобы совсѣмъ ужъ! Я помню все это,—помню такъ ясно, точно картина стоитъ передо мною. Я помню это сконфуженное, широко улыбающееся добродушной улыбкой лицо, помню взволнованный, мягкій, счастливый тонъ, какимъ голодный, оборванный Иванъ упоминалъ о своей Марьѣ, помню его робкую, нерѣшительную просьбу на счетъ „письмеца“... Помню, въ этихъ ясныхъ, свѣтлыхъ глазахъ играли слезинки, пока перечислялись поклоны роднѣ, сватьямъ, зятьямъ и сосѣдямъ, пока писались вопросы о домѣ, меринѣ и телушкѣ. Помню, наконецъ, какъ у меня самого что-то зашевелилось въ груди теплое, доброе, счастливое, и, поднимаясь все выше, туманило взглядъ. Что-то засверлило вдругъ, какъ бы капля горячей совѣсти, какъ бы стыдъ какой-то и за что-то,—позабытое, задушенное,—засверлило, закопошилось, а затѣмъ стало не по себѣ, совсѣмъ жутко...

— Герой!—буркнулъ про себя Кирсановъ, не поднимая головы.—Да, герой!

Послѣ того мы долго не встрѣчались съ Иваномъ. Слышали мы, что онъ плѣнилъ подъ страшной Плевной Османа-пашу, перевалилъ

затѣмъ за Балканы, прошелъ Адріанополь и стоялъ у стѣнъ Константинополя. Знаю, что, по сообщеніямъ достовѣрныхъ свидѣтелей, онъ былъ въ той знаменитой скобелевской колоннѣ, которой бѣлый генералъ производилъ „ученье“ подъ адскимъ огнемъ турокъ. Посланная въ атаку, колонна дрогнула предъ страшнымъ лицомъ смерти, которая прямо дышала на нее залпами батарей и ружейнаго огня со всѣхъ сторонъ. Генералъ остановилъ дрогнувшихъ окрикомъ: „смирно!“—построилъ и началъ ученье, прямо подъ огнемъ, подъ картечью, вырывавшей сотни жизней изъ рядовъ, командуя: „на плечо!“ и „къ ногѣ!“—и затѣмъ крикнулъ: „впередъ!“ Иванъ бросился съ другими, небольшой горстью пощаженныхъ смертью, и черезъ нѣсколько минутъ сидѣлъ уже верхомъ на турецкой пушкѣ, обливаясь кровью. Генералъ кинулся къ нему на шею и, пачкаясь кровью, вдругъ зарыдалъ у него на плечѣ, какъ ребенокъ...

— Ваше превосходительство!.. Такой подвигъ!! Такая побѣда!!—поздравляли его со всѣхъ сторонъ... Но генералъ поднялъ вдругъ блѣдное, искаженное гнѣвомъ и раздраженіемъ лицо и нервно кинулъ поздравлявшимъ;

— Развѣ вы слѣпы, не понимаете?! Развѣ это *моя* побѣда, *мой* подвигъ!? Вѣдь, это все онъ, онъ,—голодный, босой Иванъ! Вотъ, кто настоящій герой, кого поздравляйте!..

V.

Творилось что-то неладное...

Почившій Чичиковъ оставилъ послѣ себя неисчислимое потомство трезвенныхъ молодцовъ и тѣ заполонили собою всю исторію быстро и неудержимо. Въ воздухѣ слышались только чавканье да хрустѣніе. Отечества точно не было,—оно какъ будто исчезло, покрытое впившейся трезвенной массой. Изъ всѣхъ щелей ползли все новые и новые Чичиковы-дѣти, и люди прятались въ страхѣ и тревогѣ...

Стояла холодная, снѣжная зима. Иванъ умиралъ... Въ закоптѣлой, черной и низкой избѣ безъ крыши, которую давно съѣла скотина, безъ ограды, которая пошла на топливо, было темно и холодно. За рваным ситцевымъ пологомъ изъ старой, поношенной юбки, металась и стонала Марья, за которой ухаживала недавно прибывшая Маріанна, измученная, похудѣвшая, разбитая, но все такая же добрая, чуткая и честная, какой изобразилъ ее Тургеневъ. Она принесла съ собой въ эту избу пригоршню муки, выпрошенную у Разуваева, и пожертвованныхъ кружкомъ Кирсанова суррогатовъ и жмыховъ, замѣняющихъ, какъ говорятъ ученые люди, жиры и бѣлокъ. Она уже выпросила гдѣ-то и охапку хворосту и своими худыми, слабыми руками затопила давно нетопленную печь.

— Спаси тебя Богъ!—слышалось изъ-за рваного ситцеваго полога въ перемежку съ Марьиными стонами и вслѣдъ затѣмъ раздавался ласковый, бодрящій шепотъ Маріанны, повторявшей все одно и то же: „крѣпись, крѣпись, Марья!“ На Марью этотъ ласковый шепотъ дѣйствовалъ, повидимому, успокоительно, но иногда больная не выдерживала и у нея вырывалось съ отчаяніемъ:

— На что крѣпиться-то?.. незачѣмъ! Такъ-то бы сразу ужъ,—лучше! Охъ, и зачѣмъ намъ-то, горемычнымъ, крѣпиться!?

Не находила ли Маріанна другихъ словъ, не хватало ли у нея отъ слезъ голоса,—только она еще ласковѣе, точно бы подавляя плачъ, шептала и на это свое неизмѣнное: „крѣпись, крѣпись, Марья!“

Багровый отблескъ огня пылавшей печи падалъ красными пятнами на лежавшаго неподвижно Ивана. Этотъ отблескъ окрашивалъ его раздутое, посинѣлое лицо, неподвижные бѣлки его глазъ, его мѣрно двигавшіяся, покрытыя цынговыми язвами губы. Только эти губы и двигались,—совершенно такъ, какъ двигаются онѣ у голоднаго, просящаго груди ребенка: конвульсивно, то размыкаясь, то снова смыкаясь. Молодой Рудинъ, развившій отцовское: „надо покориться!“—кинутое его отцомъ Наташѣ на ея признаніе, въ цѣлую пресловутую философскую систему „непротивленья злу“, сидѣлъ тутъ же на убогомъ ложѣ умиравшаго и время

отъ времени щупалъ пульсъ. Его привела сюда на помощь себѣ та же Маріанна, пробудивъ горячимъ словомъ отъ страшнаго неврастеническаго состоянія апатіи пессимистической прострацiи. Онъ влилъ, по ея указанію, въ эти мѣрно двигавшіяся губы нѣсколько ложекъ бульона, ложку вина, еще бульона, и еще вина,—но дѣло не мѣнялось: Иванъ оставался неподвиженъ, нѣмъ, такъ же неподвижны оставались эти страшные бѣлки и только однѣ губы продолжали смыкаться и размыкаться, но все медленнѣе, все тише и съ большими промежутками...

Но вдругъ Иванъ вздрогнулъ, вздрогнулъ весь, каждымъ фибромъ, каждымъ атомомъ, казалось, своего пластомъ лежавшаго тѣла. Его ротъ широко раскрылся и оттуда внезапно вырвался дикій крикъ, какъ у человѣка, котораго душатъ, которому не хватаетъ воздуха, котораго въ то же время охватываетъ ужасъ. Этотъ крикъ, похожій и на мольбу, и на отчаяніе, и на угрозу,—искрой прорѣзалъ глубокую тишь и, какъ искра же, безслѣдно потухъ въ сумракѣ низкой избы. Что померещилось Ивану въ его послѣдній часъ,—кого онъ увидалъ передъ собой, чѣмъ былъ вызванъ этотъ вопль, полный боли,—осталось его тайной, которая такъ и потонула въ гробовой, глубокой, какъ сама смерть, наступившей паузѣ... Это была лебединая пѣснь Ивана...

— Кончено!—крикнулъ молодой Рудинъ, вскочивъ отъ ужаса и безнадежно махнувъ рукою...

Но, какъ бы страстно протестуя, ему на встрѣчу изъ-за перегородки раздался внезапный дѣтскій визгъ, громкій и сильный, какъ сама жизнь. И прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, предъ нимъ предстала дрожавшая торжествомъ Маріанна съ двумя новорожденными Иванами, пришедшими на смѣну почившему...

— Живы!—говорила она, счастливая.—Видите—живы! И еще двойня! Идите же, Рудинъ, идите скорѣе,—хоть о молокѣ-то побезпокойтесь!.. У Марьи—ни капли!..

Она приближала близнецовъ къ своей теплой, любящей груди, слегка покачивая ихъ и на дѣтскія личики тихо капали радостныя, любовныя слезы. Рудинъ ушелъ, и она, полная жгучей думы о грядущей судьбѣ новыхъ Ивановъ, долго слѣдила за нимъ глазами въ тусклое оконце, откуда глядѣло на нее сѣрое, свинцовое небо съ легкой, чуть видной, розоватой дымкой на горизонтѣ,—Богъ его знаетъ чего,—не то наступающаго разсвѣта, не то послѣднихъ тоновъ догорѣвшаго дня...

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Разсказъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ это, сидя у костра, попыхивая короткой носогрѣйкой... Южная ночь, темная и звѣздная, дышала миромъ и нѣгой; гдѣ-то далеко-далеко, журча, шумѣли мельничные шлюзы; изъ-за балки порою доносилось легкое ржанье, а вверху надъ нами что-то беззвучно шептали листья склонившейся ивы...

Усы старика вздрагивали, губы плотно сжимали короткую трубку...

— Разное бываетъ на свѣтѣ...—сурово говорилъ онъ:—много случается дивнаго и такого даже, что и во снѣ тебѣ не приснится, а на все есть своя примѣта,—только понимать ее нужно... Да вотъ, люди теперь не вѣрятъ,—маловѣренъ народъ сталъ, надъ всѣмъ смѣется, и надъ глазомъ, и надъ примѣтой... Сильно измѣнился свѣтъ, какъ поглядишь вокругъ,—то ли оно было!.. Да вотъ хоть и

службу взять: развѣ теперь такая служба?— гдѣ ужъ!.. баловство одно, а не служба! Въ наше-то время однѣхъ розогъ да фухтелей выпадало солдатику, Господи Боже мой, сколько, а про зубы и говорить нечего: не то что сухарь угрызть,—патронъ у иного скусить нечѣмъ было... Вотъ, это такъ служба была!

Старикъ сплюнулъ, подбросилъ щепы въ костеръ и замолчалъ. Богъ его знаетъ, что дрожало въ его тонѣ: печаль или иронія,—но во всякомъ случаѣ что-то очень больное... Я свернулъ на прежнее.

— На все, говорите, своя примѣта есть?

— На все!—повторилъ онъ убѣжденно.—Вотъ, хоть бы и меня взять,—тоже своя примѣта была, какъ вѣнчался... Только-было выѣхали со двора съ поѣзжанами,—вотъ, какъ теперь помню,—усѣлась проклятая ворона на ветлѣ, да и давай каркать... Каркала, каркала, ну и накаркала... И тогда еще люди говорили, что не къ добру это,—такъ оно и вышло... Чуяла, проклятая, людскую бѣду!..

Онъ поправилъ трубку и продолжалъ:

— Жили мы съ женой,—дай Господь, чтобъ всѣ такъ промежъ себя жили... Тяжелое было время, барщинное, ну, а въ хатѣ у насъ ладъ стоялъ... Потому—и она была хозяйка домовитая, работливая, да и я не любилъ на печи лежать, — всякое дѣло у насъ спорилось... Только, вотъ, дѣтей Господь не давалъ,—ну, да, можетъ, оно и на лучшее вышло, что ихъ

не было, потому недолго намъ такъ-то и жить пришлось. На ту пору началъ царь войну съ туркомъ, а къ тому, какъ сами, чай, знаете, въ подмогу французъ да англичанинъ объявились,—вотъ, и пошли наборы... Эхъ, затужилъ народъ!.. Одного взяли, другого, а тамъ, вотъ, и до меня добрались,—забрили!..

— Вѣрите слову,—продолжалъ онъ послѣ короткаго раздумья:—какъ по мертвомъ люди плакали... И всегда это такъ водилось тогда, что какъ рекрута брали, такъ точно человѣка на смерть провожаютъ. Вся деревня плачетъ, бывало, потому, извѣстно, рѣдко кто домой возвращался, да и то или калѣкой, или старикомъ дряхлымъ,—какъ же тутъ не плакать? Ну, а на войну провожать, извѣстное дѣло, еще горьше: тутъ и надежды никакой нѣтъ, чтобы свидѣться... Прямо какъ въ могилу, значитъ... Хотѣлъ было грѣшнымъ дѣломъ въ тѣ поры руки на себя наложить, да Господь надоумилъ... Что, думаю, отъ смерти и смерти жъ искать,— пусть какъ Господь хочетъ!.. Ну, и погнали меня тогда прямо въ Крымъ... Долго итти пришлось, а сколько натерпѣлся всего, такъ теперь, почитай, и не повѣритъ никто, что рекруту въ тѣ поры терпѣть выпадало... Все-таки Господь не загубилъ: гдѣ голодомъ, гдѣ холодомъ, гдѣ босикомъ,—а все-таки дошелъ.

— Капитанъ у насъ былъ строгій, не дай Богъ, какой строгій!.. чуть-что — сейчасъ пал-

ками бывало, а до войны, сказывали старые солдатики, еще лютѣе былъ: прямо на смерть забивалъ. „Девять, кричитъ, убью, за то десятаго выучу!“ Да такъ оно тогда вездѣ было,— не онъ одинъ... Одначе присмирѣлъ къ войнѣ... извѣстное дѣло, неровенъ часъ, и своихъ страшно бываетъ... И какъ ни лютъ былъ, а про то жъ не злобились на него солдатики, потому—по службѣ лютовалъ только, а такъ, въ чемъ прочемъ—ничего, не обижалъ... Выпьетъ тамъ кто, или что другое, — ругнетъ только, да и все тутъ... лишь бы по службѣ исправность была,—фронтъ, значитъ, чтобы правильный держать, носокъ какъ слѣдуетъ, опять же и ружейный пріемъ. „Не я,—кричитъ—бью, а служба бьетъ, такъ, молъ, и знай, и на меня злобу не держи!“ Ну, и понимали это солдатики, потому—другіе еще лютѣе бывали, прямо житья отъ нихъ не было... Опять и то нужно сказать, что лютость лютостью, а солдатика онъ нѣтъ-нѣтъ да и пожалѣетъ когда... Напрасно не морилъ, когда нужно—отдыхъ давалъ, въ походѣ тоже мирволилъ, ну, и на счетъ пищи строгъ былъ: смотрѣлъ, чтобы все по положенью было, какъ слѣдоваетъ,—на солдатскій грошъ не зарился... За то и начальство не жаловало его, да ничего съ нимъ подѣлать не могли, потому, сказывали, у него рука была,— допрежъ того въ гвардіи служилъ да за провинность какую тамъ, Богъ его знаетъ, въ армію перевели его... Чуть-что, — сухари-ль

тамъ гнилые попадутся, недохватка-ль какая выйдетъ въ приваркѣ, или въ чемъ другомъ,— ужъ онъ пойдетъ честить... Такъ, молъ, и такъ... воры! мошенники! — кричитъ: — казну обкрадываютъ, солдатскій паекъ тащатъ!—На этотъ счетъ, у... у... какой строгій былъ!.. Одного подрядчика при всемъ фронтѣ пороть велѣлъ,—даромъ, что тотъ купецъ былъ и медаль имѣлъ... Назначили его пріемщикомъ, для всего полка, значитъ, провіантъ принять,—ну, онъ и пошелъ браковать, а купецъ, какъ водилось, и сунь ему деньги... Выскочилъ онъ бѣлѣе бѣлаго, трясется, рыжіе свои усы щиплетъ,—видимъ, въ полную лютость вошелъ, дохнуть не дохнемъ, а онъ и кричитъ: „Вотъ, говоритъ, ребята, мошенникъ-подрядчикъ мнѣ, офицеру государеву, взятку далъ за гнилье свое!.. Такъ распишитесь же ему на спинѣ въ каждомъ рублѣ! Розогъ!“—Ну, и выпоролъ передъ всѣмъ фронтомъ, даже захрипѣлъ купецъ... „Жалуйся на меня по начальству!— кричитъ опосля:—а я тебѣ, если хочешь, и росписку дамъ, что вора выпоролъ!“—Вотъ каковъ человѣкъ былъ!.. совсѣмъ чудной... За это за самое, сказывали, здорово тогда ему отъ начальства влетѣло, потому купецъ вездѣ руку имѣлъ и за обиду свою денегъ не жалѣлъ,—подъ судъ угодилъ опосля того, да война, слышь, выручила...

Слышно было промежъ насъ, что непріятеля къ высадкѣ не допустятъ,—анъ, не на то

вышло... Высадился, и прямо на насъ пошелъ, а мы уже тогда подъ Альмой стояли... И, правду сказать, никто тогда никакой опаски не имѣлъ, потому, думали, супротивъ насъ никому не выстоять... Такъ и командиры говорили: „прикладами, ребята, незваныхъ гостей въ море скинемъ, въ шею выгонимъ, да и все, потому—первѣющая у насъ армія на свѣтѣ и позиціи тоже недоступныя!“—Хорошо-съ! Приказали это намъ въ колонны строиться, а капитанъ и говоритъ: „Вотъ, что, говоритъ, ребята! И вы меня знаете, и я васъ знаю,—но какъ здѣсь новички есть, такъ для нихъ собственно говорю... Смекайте же, говоритъ... Кто убитъ будетъ,—тому царствіе небесное; кто живъ останется,—тому спасибо царское, ну, а кто не то что назадъ попятится, а только хоть глазомъ въ строю моргнетъ,—тому, говоритъ, и не жить лучше!.. Такъ и знайте! А въ побѣдѣ не сомнѣвайтесь, потому—мы *ихъ*, говоритъ, прямо штыками высадимъ!“ Построились мы, покрестились, а тутъ уже и пальба пошла,—изъ орудій палить стали... Бацъ, да бацъ!—такъ и жарятъ со всѣхъ сторонъ — и справа, и слѣва, и чѣмъ дальше, тѣмъ жарчѣй все... Вновѣ было это для меня и оробѣлъ я отъ того грохоту,—такъ, ровно бы сама земля дрожитъ отъ него подъ ногами... Одначе ничего, освоился, покрестился, да Угоднику молитву творю... А тамъ все палятъ да палятъ, прямо залпами жарить стали и все, кажись, ближе, а гдѣ, и что, и

какъ,—ничего не видать и никто не знаетъ... Проскакалъ тутъ штабный офицеръ,—нашъ генералъ и спрашиваетъ: „Что такое, гдѣ, скажите на милость?“—„Англичанинъ, говоритъ, съ фронта претъ, да наши орудія плохи,—не хватаютъ!“—„Какъ не хватаютъ?!“—„А такъ, говоритъ, не хватаютъ!“—и только рукой махнулъ... Крякнулъ тутъ нашъ генералъ, а капитанъ стоитъ лютѣй лютаго, глазъ не сдвинетъ съ мѣста, ровно бы не вѣсть что̀ увидалъ, да и говоритъ съ сердцемъ: „Что онъ вретъ! — говоритъ:—не можетъ этого быть, чтобы орудія наши да не хватали!.. Никакъ не можетъ быть!“—Хорошо-съ! Стоимъ, ничего, слава Богу, только поджилки дрожатъ, да въ головѣ дума одна: вотъ, молъ, сейчасъ и до насъ дойдетъ... И такъ эта самая дума истомитъ тебя, такъ истомитъ, что лучше бы прямо отъ нея головой въ огонь кинулся... Бьются тамъ, Богъ его знаетъ, гдѣ, а мы знай одно—стой да стой!.. Даже и капитанъ сталъ усъ теребить и сердиться,—что это, молъ, безъ всякой пользы людей изморомъ морить,—подъ ружьемъ держать!... Ждемъ мы эдакъ все, сами не знаемъ—чего, начальство сердится, — когда, глядь, батарея наша назадъ скачетъ, остановилась впереди на пригорьѣ и орудія наводить стала.—Ну, подходитъ!—думаю и молитву творю... Глянулъ на товарища сбоку, — землякъ былъ, изъ одной губерніи,—того лихоманка бьетъ, на мертвеца похожъ сталъ... „Что, говорю, Василій,— прі-

ободрись, все отъ Бога!“—а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Не жить мнѣ, землякъ, вотъ увидишь, говоритъ,—чуетъ мое сердце!..“—„Смирно!“—кричитъ капитанъ, а тутъ наша батарея: бацъ, бацъ! И только это рѣзанула она, какъ откуда ни возьмись, такъ и жигануло насъ по всей колоннѣ, ровно бы кто горохомъ пустилъ,—и ядра бьютъ, и пули какъ пчелы жужжатъ... Глазомъ не смигнулъ, какъ меня, ровно бы тепломъ, обдало кровью алою: что жъ вы думаете,—Василію, земляку моему, прямо голову снесло, такъ и свалился. „Сомкнись!“—кричитъ капитанъ,—а тутъ уже и стонъ пошелъ, одинъ стонетъ... другой, тамъ носилки зовутъ... Батюшки-свѣты, что твориться стало!.. Такъ и рветъ кругомъ, а пули что осы вьются и никто понять не можетъ, откуда *онъ* пущаетъ ихъ; знай одно,—издалека, потому не видать никого!.. Это *онъ* штуцерами жарилъ,—да, не наши ружья-то! Крикнули намъ: „ложись!“—легли, ну а въ лежку-то и того хуже... Лежишь и только смерти ждешь, а сверху она и бьетъ тебя... Господи, Ты, Боже мой! за что да про что,—думаешь. Лучше бы, кажется, прямо на стѣну полѣзъ, чѣмъ такъ-то, въ лежку... Одна лютость тебя забираетъ да нутро холодитъ,—ровно бы мертвецъ станешь и самъ себѣ у Бога смерти просишь, чтобъ поскорѣй только... И никто ничего не знаетъ, и спросить не у кого, долго ли, коротко ли такъ. Капитану, знать, тоже жутко стало, потому

совсѣмъ освирѣпѣлъ. — „Не война это, а бойня!—кричитъ:—что жъ мы, бараны, что ли? Отчего, говоритъ, въ штыки не ведутъ,—показали бы мы имъ штуцера ихъ нашими штыками!“ А насъ все бьетъ да бьетъ... фельдфебелю прямо между глазъ угодила пуля,—такъ и не шелохнулся, царствіе ему небесное! Уже и батарею давно непріятель сбилъ, а мы все подъ огнемъ лежимъ... Ну, да хватились, наконецъ,—прискакалъ офицеръ, закричалъ что-то и отвели насъ назадъ въ лощину,—шаговъ на триста и опять: „ложись!“—„Какъ дѣло идетъ?“—спрашиваютъ начальники; а тотъ офицеръ только рукой машетъ...—„Кто его знаетъ?—отвѣчаетъ:—никому ничего неизвѣстно, а кажись такъ, что отбиваемъ!“—Ну, слава Богу,—думаемъ... Лежимъ... Въ лощинѣ оно полегче стало: который снарядъ не долетитъ, который верхомъ перелетитъ, а пуль такъ даже совсѣмъ не слыхать было,—и повеселѣли солдатики, шутки даже промежъ себя зашутили... Былъ у насъ татаринъ одинъ, такъ надъ имъ все больше, потому чудной очень парень былъ,—всему вѣритъ, что ни скажи ему, ровно младенецъ, шутки не зналъ... Скажутъ ему: „языкъ высунь, Ахметка,—пуля не тронетъ!“—онъ и языкъ тебѣ высунетъ... Чудной, пра! Смѣху одного сколько съ имъ было,—даже начальство иной разъ посмѣется,—хошь не хошь... И капитанъ тутъ повеселѣлъ съ нами, надъ солдатскою шуткой улыбается.—

„Ничего, говоритъ, ребята,—должно, скоро и насъ поведутъ... Мы непріятеля, говоритъ, прикладами лупить будемъ,—дня еще довольно осталось для этого, и Ахметка нашъ, говоритъ, еще Егорія заслужитъ!“ Хорошо-съ... Только слышимъ, жарчѣй какъ бы дѣло стало, потому, такой содомъ пошелъ, что и команды не слыхать... Жарятъ да жарятъ,—не то „ура“ кричатъ, не то Богъ его знаетъ что,—а только содомъ, да и все... А гдѣ и что,—никому невдомекъ, потому изъ лощины не видно. . Хотѣлъ генералъ ординарца послать, да не тутъ-то было... Глядимъ,—Господи Боже мой, что такое?! И фургоны летятъ, и пѣхота сбродомъ бѣжитъ, кто съ ружьемъ, кто безъ ружья,—и кавалерія людей топчетъ,—опять пушки тоже, ящики,—и всѣ галдятъ, а что—не разберешь, только страхъ наводятъ... Выскочилъ это нашъ генералъ на лошади, саблей машетъ...—„Чего бѣгутъ?!—спрашиваетъ:—что такое!?“ — „Кто его знаетъ, что,—отвѣчаютъ,—а только бьютъ насъ... всѣ позиціи англичане взяли!“—„Какъ такъ бьютъ? Назадъ, трусы!“ — Да куда тебѣ!...—„Не трусы мы, — кричатъ генералу: — а только силы нашей нѣту,—бьютъ насъ!“ И что тутъ стало дѣяться, что пошло кругомъ, — того ни словомъ не разсказать, ни перомъ не описать... Какъ есть одинъ содомъ... А тутъ непріятель опять давай жарить пушками,—такъ и полосуетъ, такъ и рветъ кругомъ... Глянулъ я, а нашъ капитанъ си-

дитъ, схватился за голову, да въ три ручья плачетъ: „Какъ такъ бьютъ насъ?—быть этого не можетъ!—кричитъ.—Никогда еще русскихъ не били! Пусть только поведутъ,—мы имъ покажемъ!“—А тутъ приказъ летитъ генералу: „отступайте!“—„Зачѣмъ отступать?!—кричитъ генералъ:—впередъ насъ ведите!“—да штабной руками замахалъ...—„Куда тамъ впередъ, ваше пр-ство, у насъ и такъ всѣ части другъ дружкѣ мѣшаютъ!“ — И только отъѣхалъ,—глядь, другой летитъ...—„Стой!—кричитъ:—французы флангъ обходятъ,—приказано задержать!“—„Слава тебѣ, Господи!—обрадовался капитанъ: — ну-ка, ребята, не выдавай! Въ штыки его,—вонъ французъ!“ Глянули, а *онъ* уже весь верхъ вправо устлалъ, такъ и валитъ, такъ и валитъ... да залпами, залпами!—„На руку! Въ штыки, ребята!.. ура!“—Барабаны затрещали, музыка... Кинулись мы,—уррра!—совсѣмъ безъ удержу кинулись, стѣну бы, кажись, пробили, не то что, да *онъ* схитрилъ, лукавый: легъ весь покотомъ, а сзади него пушки картечью разъ да разъ!.. Такъ прямо и кладутъ, черти! И полосни тутъ меня вдругъ по ногамъ,—ровно бы вотъ земля изъ-подъ ногъ убѣжала,—не то споткнулся, не то кто его знаетъ что... И что ужъ тутъ было, совсѣмъ сказать не могу...

Наступила небольшая пауза,—старикъ точно нарочно медлилъ... Онъ досталъ уголекъ изъ костра, закурилъ новую трубку, сплюнулъ,

поправилъ усы рукавомъ сорочки и тогда уже только сказалъ сентенціозно:

— Да, такъ вотъ оно какъ сраженіе было... никто не ожидалъ такъ-то... Божья воля!...

— Хорошо,—перебилъ я нетерпѣливо:—ну, а съ вами что жъ, старина, было затѣмъ?

— Со мною?—переспросилъ онъ:—а вотъ что со мною было... Только ночью въ память пришелъ... Лежу это я на землѣ въ полѣ чистомъ,—совсѣмъ силъ моихъ нѣту, такъ ослабъ, значитъ,—а ноги мнѣ ровно кто огнемъ палитъ, шевельнуть не могу... Тутъ и догадался только, что ранили меня, а, можетъ, кто его знаетъ, и въ смерть зашибли, да только смерть замѣшкалась... Вотъ, такая жъ самая ночь была: тихая да теплая,—а въ небѣ такъ же и зори ясныя ходятъ, ровно бы въ очи тебѣ глядятъ... Ну, извѣстно, Бога вспомнилъ, молитву творю,—на все, Господи, воля твоя! Гдѣ свои, гдѣ чужіе, ничего не знаю,—тоже, одинъ я тутъ, или и еще кто... Глядѣть—гляжу, да окромя теми ничего не видать кругомъ... Сталъ слушать и что жъ вы думаете? слышу такъ, ровно бы земля стонетъ,—тихо такъ да жалобно, прямо за сердце рветъ... Постонетъ, постонетъ, а тамъ какъ бы и захрипитъ что... Кровь людская, знать, за себя Бога молила,—и солдатики бывалые сказывали, что завсегда послѣ сраженіевъ оно такъ-то бываетъ... И возьми тутъ меня страхъ лютый,—такой страхъ, что и сказать не могу!.. можетъ, уже я и

мертвецъ, думаю... Ну, и застоналъ голосомъ, закричалъ... И слышу, въ ногахъ у меня тоже душа человѣчья стонетъ, ровно бы по нашему испить проситъ. Кто такой? Одначе обрадовался, и такъ обрадовался душѣ живой, что, вѣрьте или нѣтъ, откуда сила взялась... Даже и болитъ—не болитъ, приподнялся, на локоть оперся... Гляжу,—Господи, Ты, Боже мой! Неуж-то-жъ капитанъ?!—трудно оно разглядѣть хорошо, хоть и свѣтятъ зори въ небѣ. „Ваше высокородіе, говорю, господинъ капитанъ“... А онъ сдохнулъ тяжко, сдохнулъ да и спрашиваетъ: „кто такой?“—„Фланговой, говорю, вашескобродіе, Семенъ Семенюкъ!“—Сдохнулъ онъ еще разъ и отвѣчаетъ тихо, какъ бы хрипитъ больше: „А, говоритъ, и тебя уложило, товарищъ?!“ Ей-Богу, такъ и сказалъ: *товарищъ!* „Раненъ?“—спрашиваетъ.—„Такъ точно, говорю, должно быть, что раненъ! Видать, вашескобродіе, побилъ насъ французъ!“ А онъ сдохнулъ опять и отвѣчаетъ хрипотой: „Нѣтъ, говоритъ, не онъ насъ побилъ, а сами себя мы побили... Не понимаешь ты этого, Семенюкъ... Темнота наша, непорядки,—вотъ кто побилъ насъ!“—И застоналъ онъ тутъ, захрипѣлъ хрипомъ и сталъ испить просить... Была у меня вода въ манеркѣ, и какъ ужъ я ранецъ отстегнулъ, какъ манерку досталъ, откуда сила взялась, того ужъ не знаю... А только далъ ему испить, пилъ... И то еще помню, что

опосля сталъ онъ прощенья просить.—„Прости меня, Семенюкъ,—говоритъ,—ежели что... И коли живъ будешь, въ роту вернешься,—скажи, что передъ смертью у всей роты прощенья просилъ! Такъ и скажи“, говоритъ.—Жаль тутъ меня взялъ, прямо какъ за сердце схватило,—заплакалъ даже; говорю ему, капитану, а что́ говорю, и самъ не упомню, потому отъ всего этого опять у меня въ головѣ помутилося... Упалъ навзничь, да и лежу такъ до самаго разсвѣта, а тамъ снова въ память пришелъ, боль отъ ноги большая пошла... Глянулъ—а капитанъ не хрипитъ больше, лежитъ смирнехонько... „Вашескобродіе, говорю, господинъ капитанъ!“—а онъ ни словечка, лежитъ тихо,—царствіе ему небесное!—не шелохнется,—отошелъ, значитъ... Ну, покрестился я, Богу помолился, гляжу: небо алое стало, свѣтъ отъ него по землѣ стелется, вѣтерочекъ повѣваетъ, а покуда глазъ видитъ, на всемъ чистомъ полѣ нашъ солдатъ лежитъ... Кто руки закинулъ, ровно спитъ будто, кто безъ головы, кто ранцемъ наверхъ, кто еще какъ, и все мертвецъ только, да мертвецъ, и души живой нѣтъ кругомъ... Повѣетъ вѣтерокъ, тронетъ шинель сѣрую, полой поиграетъ, вотъ, живой, думаешь, солдатикъ, окликнешь его: „эй, землякъ!“—а онъ ни гу-гу,—лежитъ какъ лежалъ, не шелохнется... Только воронье проклятое поднимется да закаркаетъ, а набралось этого воронья видимо-невидимо, да потомъ такъ

осмѣлилось, что ничего и бояться не стало. Шевелитъ вѣтеръ, а оно, знай, проклятое, клюетъ себѣ очи солдатскія!... И ко мнѣ подбиралося, подлетитъ, каркнетъ, да испугается живого вида, отскочитъ, сядетъ въ сторонкѣ и глядитъ на тебя круглыми глазами, смерти дожидается, да топырщится съ досады, клювъ о перья точитъ. „Господи милосердный!—думаю:—и за что ты оставилъ человѣка, за что смерть послалъ на своихъ?! Чѣмъ согрѣшили мы?!“—И страшно мнѣ стало тутъ живому быть посередь мертвыхъ, воронья чернаго страшно, лучше-бъ, кажется, тоже умереть со всѣми, чѣмъ такъ-то... Заплакалъ я, да и сталъ просить себѣ смерти у Бога... Вонъ, какъ оно было, баринъ!

У старика дрогнулъ голосъ. Видно, и вспоминать было тяжело давно пережитое, само время не могло убить страшнаго впечатлѣнія того рокового утра... Онъ вздохнулъ, затянулся трубкой и, помолчавъ немного, продолжалъ бодрѣе:

— Только погляжу я,—что́ такое?—поднимается черное воронье стаями, каркаетъ да кружитъ, ровно бы пугается чего... Насядетъ, и опять поднимется, опять кружитъ,—однимъ словомъ, боится. Господи, думаю, неужто жъ живой духъ объявился гдѣ,—человѣка послалъ?! Гляжу, а у самого-то отъ радости сердце: тохъ, тохъ, тохъ!—такъ и забилося... Прямо заплакалъ бы и кому хошь на шею кинулся,—толь-

ко бы кто живой объявился... Гляжу, такъ и есть—люди!—Кружитъ воронье, пугается, отлетаетъ, а тамъ, двое или трое,—не разберешь хорошо,—ровно бы ищутъ чего... Господи, думаю, слава Тебѣ!—обрадовался... Ну, да рано, знать, было радоваться!... Люди-то люди, а скорѣй такъ, что это воронъ у воронья хлѣбъ отбивалъ!... Татарва это шлялася и мертвецовъ обшаривала,—тоже своей поживы искала... И только я голосъ подалъ,—они въ сторону, и слѣдъ простылъ воронью на радость... Поднялося оно снова, проклятое, закаркало,—шлепаетъ крыльями, и усѣлося стаей...

И потомъ я помню еще, какъ солнышко жарить стало... Стоитъ въ небѣ и печетъ тебя, такъ, ровно высушить хочетъ... И очи слѣпитъ, свѣтомъ рѣжетъ, и сдохнуть нельзя отъ жару,—какъ полымемъ во рту жжетъ, горло запекаетъ... Силъ даже человѣческихъ нѣту стерпѣть, а ты терпи, лежи, потому—не даетъ тебѣ смерти Господь... И кругомъ свѣтъ стоитъ, глазъ тебѣ колетъ, потому—на всемъ солнце играетъ: и на штыкѣ, и на манеркахъ, и на каскѣ,—со всѣхъ сторонъ на тебя блескъ идетъ, никуда не дѣнешься... И сколь я такъ лежалъ, не знаю, а только помню, ровно бы тучку Господь наслалъ, вѣтеркомъ подуло и дождикъ пошелъ... И снилось мнѣ тоже, что не въ полѣ я средь мертвецовъ лежу, а въ своей деревнѣ, и что не солдатъ я, а какъ былъ,—мужикъ... И сады цвѣтутъ, пчела кру-

житъ да играетъ, и макъ красный съ гряды глядитъ, а дальше все пшеница колосомъ блеститъ,—куда ни глянь, все нива да нива, все хлѣбъ Божій ростетъ... И такой урожай, что и сказать нельзя... А тутъ и хата моя стоитъ, бѣлая, новенькая, и жена, гляжу, идетъ, серпомъ машетъ,—знать, жать собралась... Веселая такая и мнѣ низко кланяется: „спасибо,—говоритъ,—солдатики бѣдные!.. полили вы кровью своею землю черную, усыпали костями бѣлыми, упитали, и родила намъ за то черная земля видимо-невидимо! Спасибо!“ — „Дура! — говорю:—да развѣ не видишь, что не солдатъ я, а мужъ твой, Семенюкъ,—самъ же и пахалъ, и сѣялъ?!“—„Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—быть этого не можетъ!... Мужъ мой, Семенюкъ,—говоритъ,—давно въ бою убитъ и давно уже черные вороны ему очи выклевали, а я, говоритъ, уже и за другого пошла!“... Вотъ какой сонъ на меня Господь наслалъ!...

Казалось, старику не хватило голоса... Онъ поднялъ руку,—не то усъ поправилъ, не то по глазамъ провелъ рукавомъ,—затянулся и потомъ продолжалъ:

— Кто его знаетъ, сколь это я такъ смерти ждалъ, а только слышу, такъ ровно бы топотъ конскій... Открылъ глаза, анъ и впрямь люди верхами,—офицеры не офицеры, кто его знаетъ, а только не наши... Сабли тамъ, золото, шитье всякое... Ѣдутъ и промежъ себя толкуютъ, руками показываютъ, да въ трубку

разглядываютъ... Какъ завидѣлъ я, такъ ровно бы снова на свѣтъ родился.... И какъ ужъ мнѣ Господь голосу далъ, не знаю, а только приподнялъ голову да какъ закричу!... И вижу, услышали,—коней сдержали, оглядываются,— а я и сдохнуть не могу, голосу не стало, только слезы бѣгутъ. Господи, думаю, не разглядятъ!—а крикнуть силы нѣтъ, упалъ пластомъ и такъ еле-еле рукой показываю только... И страхъ меня объялъ,—что, какъ не увидятъ вдругъ,—похолодѣлъ даже, пóтомъ холоднымъ прошибло,—и молиться тоже не молюсь, а только слезами исхожу. Да, спасъ Господь! Вижу, подъѣзжаетъ одинъ, молодой изъ себя, приглядывается, коня осторожно придерживаетъ и храпитъ конь... Подъѣхалъ это, смотритъ и головой мнѣ киваетъ, улыбается,— молъ, „здравствуй“ говоритъ... И я ему тутъ губами бѣлыми шепчу, а чтò—и самъ не слышу, и онъ мнѣ по-своему говоритъ что-то, кто его знаетъ что, а только совсѣмъ какъ бы ласковое... Потомъ слѣзаетъ и фляжку, гляжу, достаетъ, и прямо въ ротъ мнѣ,—на, молъ, солдатикъ бѣдный, испей!.. И крѣпкая, слышь, водка была, ха-о-рро-шая,—духъ отъ нея хорошій шелъ... Потомъ своимъ машетъ,—поспѣшайте, молъ,—и платокъ свой достаетъ, ногу мнѣ перевязывать сталъ, голенище разрѣзалъ ножомъ, штанину завернулъ, все какъ слѣдуетъ, ровно бы за своимъ... А какъ подъѣхали другіе, всѣ съ коней слѣзли,—только

старикъ одинъ, генералъ ихній, не слѣзалъ,— и всѣ ко мнѣ... Кто ранецъ подъ голову кладетъ, кто ногу держитъ, кто волосы оправилъ,—и все мнѣ по-своему говорятъ, а у меня и словъ нѣтъ, только слезы бѣгутъ... Опосля только узналъ, что все это офицеры французскіе были, штабные и чиномъ большіе. Стали они промежъ себя говорить, какъ меня оправили, такъ ровно бы совѣтъ какой держать, генерала спросили, и потомъ ускакалъ одинъ по его приказу, а сами къ лошадямъ своимъ... Садятся и все мнѣ рукой показываютъ, что жди, пріѣдутъ за тобой, да по-своему говорятъ: бонъ, бонъ,—не опасайся, молъ!... Какъ отъѣхали, такъ скоро и фургонъ лазаретный прискакалъ. Подошли ко мнѣ французскіе солдатики, въ штанахъ красныхъ, водкой ихней напоили, потомъ взяли на руки и понесли въ фургонъ,—ровно бы совсѣмъ не враги наши... И все-то мнѣ смѣются, головами киваютъ, ровно бы тоже радуются и все по-своему: бонъ, русъ, бонъ!—говорятъ,—русъ, бонъ! Ну, и я имъ тутъ заговорилъ, плачу слезами, а все-таки говорю:—и французъ бонъ, говорю, милые,— потому всѣ мы у Бога человѣки одинаковые и у всѣхъ Богъ одинъ, милые! А они ровно бы и смекнули, — треплютъ по плечу, киваютъ головами, да все свое: бонъ да бонъ! — Хорошій народъ!—съ чувствомъ добавилъ старикъ.

— Въ лазаретѣ ихнемъ,—продолжалъ онъ:— мнѣ сейчасъ ногу долой... Думали даже, что

не выжить мнѣ,—анъ, выручилъ Господь! Долго лежалъ, а все-таки вылежался... Ну, потомъ усадили меня на корабль и повезли на ихнюю сторону. Хорошій народъ!—повторилъ онъ еще разъ.

— Что жъ, поэтому васъ, старина, и живымъ мертвецомъ прозвали люди?—спросилъ я.

— Нѣтъ!—хмуро отвѣтилъ онъ и покачалъ сѣдой головой:—а потому, что сонъ мой сбылся... Вотъ почему такъ прозвали люди... Весь сбылся, какъ по писанному...

— Какъ такъ?...

— А такъ... Долго пришлось мнѣ на чужой сторонѣ жить опосля того, ну, и записали мертвымъ, панихиды служили... Какъ замиреніе пришло и плѣнныхъ обмѣнивали, я опять въ больницѣ лежалъ,—горячка приключилась,—и не попалъ въ обмѣнъ... Забыли, можетъ, какъ, запутали... А только какъ вернулся я домой опосля всего,—ну, и пошло удивленіе... Начальство даже признавать не хотѣло: „ты,—говоритъ,—убитымъ значишься... что жъ намъ,—говоритъ,—новое дѣло заводить изъ-за тебя!?“ Вся наша рота полегла тогда въ полѣ,—только Ахметка одинъ, Богъ его знаетъ какъ, живъ, сказывали, остался... Повезли меня, ровно бродягу безъ роду и племени, въ деревню для сличенья, значитъ,—а тамъ народъ пугается, креститься сталъ.—„Господи! съ того свѣта,—кричатъ,—Семенюкъ вернулся, а, можетъ, и не Семенюкъ это, а Богъ его знаетъ кто...

Мы,—кричатъ,—по немъ давно уже и панихиды справлять перестали!"—Ну, одначе, признали, и жена признала,—въ ноги кинулась съ плачемъ... Только не моя она,—за другимъ уже была и сынокъ у нея былъ уже свой...

— Что же дальше-то?—спросилъ я нетерпѣливо.

— А что жъ,—извѣстно что!—хмуро и отрывисто говорилъ старикъ.—Пошелъ я по баштанамъ въ сторожа наниматься... Были, которые совѣтовали мнѣ дѣло начинать, своего добиваться,—да зачѣмъ мнѣ чужая жена, когда у нея и дитё свое уже есть, и другого она любитъ, ну, а самъ я калѣка... Что ей за жизнь со мной?—разсуждалъ я... Эхъ!—и старикъ солдатъ махнулъ рукой.—Знать, Господь судилъ такъ,—не даромъ и сонъ послалъ тогда... Все сбылося, даже, вотъ, урожай... пшеница, и то на правду вышло,—„воля" значило!.. Такъ и понимать должно...

Старикъ замолчалъ; молчалъ и я... Долго тянулъ онъ свою короткую трубку, поправлялъ костеръ, сплевывалъ и, наконецъ, опять заговорилъ самъ уже, безъ моего вызова:

— Много лѣтъ ходилъ я такъ-то по баштанамъ, да какъ стали кости болѣть, повернулъ къ себѣ... Пришелъ въ хату и говорю женѣ и человѣку ея: „хотите, не хотите, молъ, а не уйду отъ васъ... Не нужно мнѣ многаго: уголъ на печи дайте, да хлѣба кусокъ, а что будетъ въ силахъ сработать,—сработаю вамъ!"—

Ну, и стали жить и ладомъ жили... Сначала, извѣстно, промежъ людей говоръ шелъ, да все-же затихъ... Я и пасѣку поставилъ, и баштанъ вотъ свой завелъ,—ну, а теперь, вотъ, и внука доглядаю,—четырнадцатый годокъ пошелъ... Чужой онъ, а, вѣрите, все равно что и свой...

Онъ улыбался беззубымъ ртомъ спавшему мальчугану... Южная звѣздная ночь дышала миромъ и нѣгой; гдѣ-то далеко-далеко, журча, шумѣли мельничные шлюзы; изъ-за балки порою доносилось легкое ржанье, а вверху надъ нами что-то беззвучно шептали листья склонившейся ивы.

ПЕРВЫЙ УРОКЪ.

Разсказъ.

I.

Страшная крымская гроза миновала,—наступило ведро... Разбуженное жестокимъ урокомъ самосознаніе все оживляло, поднимало настроеніе, будило энергію и, заставляя каяться въ прошломъ, намѣчало и ставило требованія и задачи, о которыхъ раньше и заикаться, казалось, не рѣшались... Люди точно сразу и выросли, и преобразились. Волна такого оживленія разливалась все шире, захватывала все глубже, но до нашего глухого захолустья еще не дотянулась,—у насъ все еще шло по-старому. Хлопалъ арапникъ, травили зайцевъ, метали банкъ, били другъ друга подсвѣчниками, сапогами, бутылками и „благородно“ мирились затѣмъ шампанскимъ; учили крѣпостныхъ на конюшнѣ, а „судейскихъ“, шутки ради, мазали горчицей или обливали чернилами. Въ доброе старое время умѣли и кутнуть, и пошутить, не теряя ни престижа,

ни вѣры въ способность закидать всѣхъ и все, хотя бы и шапками. Если какой-нибудь отчаянный пессимистъ указывалъ на погромъ подъ Альмой, на интендантскіе грѣхи или на великолѣпные штуцера французовъ,—его сейчасъ же перебивали съ досадой:

— Эхъ, какіе тамъ штуцера и Альма,—все это вздоръ-съ! Вотъ, если бы только всталъ Суворовъ, если бы онъ только поднялся,—задалъ бы онъ *имъ* по-своему Альму!... Прикладами выгналъ бы,—одними прикладами!..

Но такія страстныя патріотическія рѣчи оставались все-таки только рѣчами. Старый фельдмаршалъ не поднимался, спалъ безпробудно въ своей тѣсной и холодной могилѣ, а за альминскимъ погромомъ потянулись другіе, вплоть до сдачи Севастополя... Это огорошило наше захолустье, изумило, даже вспугнуло, но общаго хода жизни, кажется, совсѣмъ не измѣнило,—только спутало немного и поубавило задора. Нѣкоторую тревогу внесли откуда-то влетавшіе слухи о реформахъ и волѣ, но, по правдѣ сказать, большинство имъ не вѣрило или не хотѣло вѣрить... Газетъ почти не выписывали, довольствуясь однимъ академическимъ календаремъ, да предсказаніями Брюса, и жили въ своихъ разобщенныхъ усадьбахъ, совсѣмъ не тревожась о завтрашнемъ днѣ, не вѣря въ то, во что не хотѣлось вѣрить.

Такъ же тянулось дѣло и въ школѣ. Литература намѣчала и дебатировала цѣлый рядъ

преобразованій, кое-гдѣ они уже и осуществлялись, но у насъ все тянулось по-старому. Задавали „отсюда—досюда“, требовали „слово въ слово“, зубренье ставили первой доблестью и регулярно пороли по субботамъ за нули и единицы, не ставя въ счетъ ежедневной, такъ сказать, „сверхъ-абонементной“ порки особенно провинившихся... И мы, школьники, до того свыклись съ этой поркой, до того она забила въ насъ всякій стыдъ, до того извратила всѣ понятія и представленія, что изъ самаго позорнаго наказанія она превратилась для насъ въ какой-то отчаянно-залихватскій спортъ молодечества. Получить „порцію“ и не вскрикнуть, получить больше всѣхъ и лежать при этомъ смирно самому, такъ, чтобы сторожа не держали, считалось актами высшаго самолюбія, молодечества, гордости, геройства, наконецъ, въ родѣ того, напримѣръ, съ какимъ разстрѣливаемые бурбонами старые солдаты наполеоновской гвардіи срывали съ глазъ повязку... Это выдвигало, за это хвалили и уважали, окружали почетомъ, — объ особенныхъ случаяхъ „геройства“ изъ класса въ классъ ходили легенды... Такъ же, впрочемъ, относились къ этому и наши отцы, воспитанные въ той же школѣ, и наше учебное начальство. Мы слышали не разъ, какъ инспекторъ, прозванный нами „кукушкой“, фанатическій любитель порки, самъ похваливалъ „героевъ“ учителямъ и надзирателямъ одобрительнымъ тономъ:

— Ну, ужъ и бестія этотъ Ивановъ,—такая бестія, что просто на удивленіе, никакъ не проймешь его!.. Всыпалъ я ему горячихъ,— что и камень, кажется, не выдержалъ бы; ну, думаю, пройму тебя, наконецъ, каналья!— н-н-н-и звука-съ!.. Закусилъ руку и хоть бы пикнулъ!.. Самъ даже испугался и пересталъ... Умеръ бы, кажется, шельма, а не пикнулъ... Лихой малый, да вотъ только жаль—лѣнится!

Ну, какъ же было Иванову не стать героемъ?..

Учились ли мы?—Конечно, нѣтъ! Мы знали только, что нужно во что бы то ни стало переходить изъ класса въ классъ ради того, чтобы провести весело каникулы и избѣжать новой порки дома, а затѣмъ—попасть въ гусары или уланы,—самый высокій, блестящій идеалъ, которымъ мы грезили еще съ перваго класса. Въ „чинодралы“ или „рябчики“ шли только неудачники или бѣднѣйшіе, которымъ были нужны и жалованье, и „доходы“: конечно, мы уже знали о „взяткахъ“ и, какъ и всѣ, называли ихъ „доходами“. Чтобы переходить изъ класса въ классъ, существовали экзамены,—настоящая лоттерея, въ которой выигрывалъ счастливѣйшій, смѣлѣйшій, если намъ не удавалось подвести какой-нибудь надувательскій фортель такъ, чтобы выиграли всѣ. О, на этотъ счетъ мы были изобрѣтательны до виртуозности, остроумны до геніальности, въ ходъ пускалось все: и тонкость зрѣнія, и

ощущеніе, и слухъ, и ложь, и подлогъ, и подкупъ, и даже угрозы. Карлу Ивановичу, смирнѣйшему и пугливѣйшему нѣмцу, страстному садоводу, мы пригрозили разъ вытоптать весь цвѣтникъ, если онъ спроситъ хоть одинъ неправильный глаголъ и... перешли безъ неправильныхъ глаголовъ. Недаромъ звало насъ наше „начальство“ дикимъ стадомъ: какъ стадо, мы были тоже сильны и опасны, и съ нами нужно было считаться. Такимъ образомъ мы справлялись съ экзаменами, зубря много-много какихъ-нибудь два-три вопроса изъ всего предмета или совсѣмъ не зубря ничего при содѣйствіи какого-нибудь ловкаго мошенничества... Зачѣмъ и для чего было учиться?!

Мы ничего не читали, ничѣмъ не интересовались и жили только отчаянными школьными проказами... Педагоговъ своихъ мы считали врагами, отравлявшими наши радостные юношескіе дни уроками, а тѣ, въ свою очередь, относились къ намъ, какъ къ дикому стаду, возиться съ которымъ вынуждалъ ихъ единственно вопросъ о насущномъ хлѣбѣ. Отношеніе, нельзя сказать, чтобы очень привлекательное. Въ старшихъ классахъ глушили свой досугъ и тоску пьянствомъ, которое тоже считалось молодечествомъ и непремѣнной принадлежностью „старшаго“, а добывать по ночамъ водку, спустившись изъ окна казеннаго пансіона по водосточной трубѣ, считалось героическимъ подвигомъ. На это шли самые вы-

дающіеся, большею частью, „старики“—второгодники или третьегодники,—нашъ „цвѣтъ“, наша „слава“...

Правду сказать, крымскій погромъ, какъ-то сразу затуманившій блескъ гусарство-уланства, кое-какіе долетавшіе уже толки и слухи о реформахъ немного-таки взбудоражили и заинтриговали нашъ юный душевный міръ, но все это было такъ смутно, такъ неопредѣленно, что легко тонуло въ водкѣ. И навѣрное изъ насъ вышли бы самые отчаянные баши-бузуки, самые жестокіе „зубодробители“, какъ говорили въ то время, если бы не новые люди, не цѣлый рядъ событій, которые перевернули вверхъ дномъ всѣ наши школьные порядки и традиціи, а сорванцовъ-лѣнтяевъ заставили учиться и задуматься надъ такими вопросами, что раньше и не укладывались даже въ безшабашныхъ головахъ...

II.

Прежде всего — Иванъ Семеновичъ. Къ намъ перевели его учителемъ русскаго языка и словесности изъ какого-то далекаго, глухого захолустья за неуживчивость и еще за что-то... Раньше, чѣмъ онъ прибылъ къ намъ, мы уже знали отъ товарищей, квартировавшихъ у учителей и слышавшихъ учительскіе разговоры, что онъ человѣкъ ученый, чуть ли даже не

„сочинитель“, что въ прошломъ у него была какая-то „исторія“, за которую онъ жестоко поплатился, что онъ „неудачникъ“, злой, желчный, неуживчивый, страдающій запоемъ, котораго только „терпятъ“, чтобы дать ему дослужить до пенсіи, но за неуживчивость постоянно переводятъ съ мѣста на мѣсто... Вообще, весь учебный персоналъ былъ-таки порядкомъ взволнованъ этимъ назначеніемъ. И экономъ, съ которымъ у насъ были вѣчныя перепалки изъ-за „штукатурки съ кирпичами“, которую онъ называлъ „котлетами съ соусомъ“, и „кукушка“, любившій порку, и учителя, и надзиратели, получавшіе отъ насъ „гостинцы“—всѣ были недовольны... Говорили, что даже важный директоръ, предоставившій всѣ дѣла „кукушкѣ“ и являвшійся къ намъ только въ особенно торжественныхъ случаяхъ и всегда въ полномъ мундирѣ, недоступный, величественный, грозно молчаливый,—что и онъ недоволенъ... Само собою понятно, мы были заинтригованы до послѣдней степени. Съ одной стороны, насъ подкупало недовольство „начальства“, съ другой—смущала ученость. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, если *онъ* вздумаетъ требовать отъ насъ и грамматику, и риторику, и скучный эпосъ, и настоящія „сочиненія“!? Больше всего насъ смущали, конечно, послѣднія,—до сихъ поръ классы писали изъ года въ годъ только на двѣ-три шаблонныя темы: „Размышленія у могилы друга“, или „Восходъ солнца на мо-

рѣ“,—котораго мы никогда не видали,—а седьмой, выпускной классъ обязательно сочинялъ: „Долгъ истиннаго гражданина по древнимъ авторамъ“. Все это списывалось по шаблонамъ, по старымъ тетрадкамъ, съ небольшой перестановкой и передѣлкой предложеній изъ года въ годъ... Было, значитъ, отчего придти въ смущеніе,—но мы все-таки не падали духомъ. Какъ-ни-какъ, молъ, а справимся,—проучимъ, въ случаѣ, если начнетъ „притѣснять“,—не будемъ писать, да и все!

Наконецъ, наступилъ его урокъ. Мы, пятеро друзей, отчаяннѣйшіе сорванцы, ловкимъ фортелемъ проскочившіе лотереей въ 6-й классъ, заняли первую скамейку, готовые на всякую проказу... Звонокъ уже пробилъ, но въ классѣ, вопреки обычаю, стояла глухая тишина, потому что всѣ были поглощены однимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Прошла томительная минута, другая, третья,—и на порогѣ показалась, наконецъ, высокая, худая фигура сутуловатаго человѣка съ просѣдью, съ чахоточнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, съ лихорадочно блестѣвшими изъ-подъ насупленныхъ бровей глазами... Мы быстро встали, онъ поклонился какъ-то небрежно, наскоро, быстро усѣлся за каѳедру и, бросивъ журналъ, сталъ оглядывать насъ зоркимъ и долгимъ взглядомъ... Оглядѣлъ разъ, другой, еще разъ, затѣмъ уставилъ локти и спряталъ голову въ ладони...

Эту минуту я и до сихъ поръ помню. Помню и наше смущеніе, и ожиданіе, и удивленіе, что учитель не дѣлаетъ обычной переклички. Наступила какая-то странная, томительная пауза, полная нерѣшительности, которую вдругъ прервалъ искусственный, громкій зѣвокъ шалуна Павлова... Зѣвокъ послужилъ какъ бы сигналомъ,—на него сейчасъ же отвѣтили шалуны въ разныхъ концахъ, а сорви-голова Яворскій артистически замычалъ коровой. Классъ одобрительно, хотя и сдержанно, хихикнулъ, а польщенный Яворскій замычалъ еще лучше...

И тутъ-то случилось то, чего мы совсѣмъ не ждали, на что никакъ не разсчитывали, что́ совсѣмъ и смутило насъ, и сбило съ толку... Иванъ Семеновичъ не вскочилъ, не кинулся съ угрозами и ругательствами, не ударилъ ближайшаго, — онъ отнялъ ладони, поднялъ голову, посмотрѣлъ и вдругъ захохоталъ вмѣстѣ съ смѣявшимся классомъ, который сейчасъ же и смолкъ отъ изумленія. А учитель все хохоталъ и хохоталъ...

— Отлично мычите, очень хорошо!—говорилъ онъ удивленно молчавшему классу, улыбаясь и сверкая глазами:—право, не хуже, чѣмъ въ стадѣ!.. Продолжайте, продолжайте,—я не въ претензіи... Что жъ, отчего не помычать маменькинымъ сынкамъ,—оно къ лицу даже! Не учиться же въ самомъ дѣлѣ человѣческой рѣчи,—зачѣмъ она вамъ? Правда? И безъ уче-

нія всякаго крѣпостные васъ и вымоютъ, и причешутъ, и накормятъ, и спать уложатъ,—ну, а заснуть вы сумѣете и сами... Такъ? Это и безъ мужика сумѣемъ... Мычите же себѣ!..

Но намъ было не до мычанья,— у насъ покраснѣли даже уши. Такой рѣчи, такого тона и смѣха, такого отношенія мы еще не знали и не слыхали. Намъ стало вдругъ стыдно, и какъ-то обидно стыдно, а Иванъ Семеновичъ продолжалъ, оглядывая насъ и по прежнему улыбаясь:

— Меня прислали сюда учить, но я васъ неволить не буду. И вамъ это скучно, да и мнѣ скучно съ вами... Зачѣмъ вамъ наука, знаніе, свѣтъ, все то, что возвышаетъ человѣка, что открываетъ ему глаза, что образуетъ гражданина, способнаго на подвигъ?! Правда? Чтобы пороть крѣпостныхъ на конюшнѣ, чтобы выбивать зубы солдатамъ, когда станете офицерами, чтобы воровать и грабить казну, когда выйдете въ чиновники,—для всего этого науки не надо...

Все это не считалось до сихъ поръ грѣхами, продѣлывалось всѣми, но въ устахъ этого худого, хмураго человѣка, сказанное такимъ желчнымъ и скорбнымъ тономъ,—оно было до боли обидно, и экспансивный Яворскій,—тотъ, что мычалъ коровой,—не выдержалъ:

— А можетъ быть, не будемъ!—выпалилъ онъ рѣзко.

Иванъ Семеновичъ сейчасъ же повернулся въ его сторону.

— Можетъ быть, не будете? Не будете грабить, не будете бить,—дай Богъ! И не бейте, нѣтъ,—пожалѣйте *ихъ!* Вѣдь *они* васъ выкормили, кормятъ и будутъ кормить своимъ трудомъ, вѣдь они умирали за васъ подъ Севастополемъ, какъ мухи, голодные, босые, оборванные!.. Пожалѣйте же ихъ, пока у васъ еще молодо сердце!..

Какъ ни были мы тупы, неразвиты, грубы,—наши молодыя сердца не могли не прочуять въ этой рѣчи, въ этомъ дрожавшемъ тонѣ, въ этой не сходившей улыбкѣ глубокой, скрытой скорби, смѣшанной съ тихимъ, гнѣвнымъ негодованіемъ. Какъ ни были мы испорчены, забиты,—мы были слишкомъ молоды, чтобы не почувствовать правды, чтобы на голосъ ея не затрепетало въ насъ что-то смутное и неясное, но все-таки теплое... Но мы были уже и не мы, а что-то другое, и это странное превращеніе случилось какъ-то совсѣмъ внезапно. Охваченные жгучимъ стыдомъ, смущенные, мы не спускали изумленныхъ глазъ съ этого худого, чахоточнаго человѣка, говорившаго намъ неслыханныя рѣчи какъ будто новымъ, совсѣмъ неслыханнымъ нами языкомъ... Да, это было что-то новое, влекущее, покоряющее, какъ чара,—и мы отдавались этому жгучему, острому ощущенію все сильнѣе и неотразимѣе... Кто-то не выдержалъ:

— Пожалѣемъ! — отвѣтилъ чей-то глухой, робкій, взволнованный голосъ.

И, какъ бы вызванный этимъ словомъ, съ заднихъ партъ пошелъ какой-то неясный гулъ, все усиливаясь, все приближаясь къ переднимъ мѣстамъ, какъ хлынувшая вода, пока весь классъ не зашепталъ въ одинъ голосъ одно и то же, ясное и опредѣленное: „Простите насъ!“

— Простите! Простите!

Это была обычная формула извиненія, съ которой мы привыкли обращаться къ начальству въ случаяхъ провинностей, но мы шептали ее теперь совсѣмъ иначе, совсѣмъ инымъ тономъ. Мы не ждали наказанія,—мы выдавали свой стыдъ. Иванъ Семеновичъ посмотрѣлъ на насъ, пересталъ улыбаться и слегка сдвинулъ брови.

— „Простите“ да „помилуйте“, — другихъ словъ и въ запасѣ нѣтъ у насъ!...—говорилъ онъ тономъ ласковаго упрека.—Ну, отчего не сказать прямо: „намъ стыдно“!? Вѣдь, правда,—вамъ стало стыдно? И я скажу вамъ на это, что стыдъ этотъ дѣлаетъ вамъ честь, онъ говоритъ въ вашу пользу. Значитъ, не заглохла еще та Божья искорка, съ которой родится въ душѣ каждый человѣкъ. Устыдиться чего-нибудь значитъ сознать, что оно дурно, а такое сознаніе—залогъ исправленія... И пусть же никогда не глохнетъ въ васъ этотъ стыдъ, что зарумянилъ теперь ваши молодыя щеки. Это хорошій, честный стыдъ. Если стыдъ этотъ будетъ жить—вы дѣйствительно, можетъ быть,

не будете ни зубодробителями, ни казнокрадами и пожалѣете тѣхъ, предъ кѣмъ мы съ вами неоплатные должники!...

Такъ говорилъ этотъ странный, худой человѣкъ, болѣзненный, сутуловатый, а мы сидѣли неподвижно, не спуская съ него широко открытыхъ глазъ, изумленныхъ, а, можетъ быть, и влажныхъ уже, покоряясь ему все сильнѣе, ловя каждое слово и чувствуя въ то же время, какъ что-то теплое, новое, доселѣ неизвѣданное, но ласковое и почти счастливое, вспыхнуло въ груди, и трепещетъ, и ростетъ неудержимо...

— Чьи же мы должники?—спросилъ тотъ же Яворскій, весь красный отъ волненія и забывъ даже встать отъ этого волненія, а мы затаили дыханіе.

Иванъ Семеновичъ передернулъ плечами.

— Чьи должники, спрашиваете вы?! О, какъ же мало вы еще думали, какъ мало вглядывались въ то, что стоитъ передъ глазами! Мы съ вами должники передъ всѣми, кто теменъ, невѣжественъ, несчастенъ, кто нуждается въ просвѣщеніи и участіи и работаетъ на насъ, чтобы мы понесли ему за это и свѣтъ, и помощь. Развѣ не такъ? Неужели вамъ никто не говорилъ о долгѣ каждаго изъ насъ предъ народомъ, неужели вы такъ-таки и не читали совсѣмъ хорошихъ книгъ?

Долгъ?! хорошія книги!? Нѣтъ, ничего такого мы никогда не слыхали, не знали, не чи-

тали! Мы умѣли устраивать проказы, пить, надувать учителей, мы знали карцеръ, порку, скучные учебники,—а „долгъ“, „хорошія книги“—это не касалось нашего слуха, этого мы не знали! Но теперь мы хотѣли знать,—мало того: мы страстно требовали этого знанія, мы ждали его, затаивъ дыханіе. Въ эти мгновенія мы росли, какъ ростутъ въ сказкахъ, когда сказочная вода живого источника, принесенная птицей, капнетъ на мертвое тѣло; мы точно проснулись, точно ожили... Живое человѣческое слово коснулось дремавшаго сердца, и оно затрепетало, забилось такъ властно, заговорило такъ весело и страстно, какъ поетъ птица, вспорхнувшая въ голубой просторъ изъ клѣтки... И самъ Ивановъ,— тотъ Ивановъ, что истребилъ всѣ учебники и всякую книгу называлъ ерундой, что стоически выдерживалъ самую жестокую порку,— теперь красный отъ волненія, смягчая свой дюжій басъ до ласковаго, бархатнаго тона, спросилъ вдругъ:

— Какія это книги?

— Какія книги?—переспросилъ Иванъ Семеновичъ, качая головой съ укоромъ. — Вы не слыхали именъ: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, вы не слыхали новыхъ именъ?...

Нѣтъ! Кое-что мы знали изъ учебниковъ, кое-что зубрили наизусть, маленькіе отрывки стиховъ — и только. Но книгъ?.. книгъ мы не знали. Мы слышали тоже имена авторовъ, но какъ-то вскользь, ничего не зная изъ того,

что они писали, и намъ они ничего не говорили.

Это ясно сквозило и безъ словъ изъ нашего смущенія, изъ нашихъ взглядовъ... Иванъ Семеновичъ смотрѣлъ на насъ, качалъ головой, задумался, потомъ развернулъ принесенную съ собой книгу.

— Ну, постойте, я вамъ прочту кое-что!...

Въ классѣ воцарилась такая тишина, что слышно было, какъ шуршали переворачиваемыя страницы.

— Ну, хоть это!...

Онъ прочелъ намъ новое тогда стихотвореніе Некрасова, но какъ прочелъ онъ его! Намъ казалось, что никто на свѣтѣ не можетъ читать такъ, что это и не человѣкъ читаетъ, а само собою откуда-то гремитъ чудное, святое, всепокоряющее слово. Это было первое „чтеніе", что слышали наши уши, первое осмысленное, живое чтеніе, и оно несло въ себѣ, казалось, чары всѣхъ искусствъ вмѣстѣ... Теперь я не могу сказать, мастерски ли въ самомъ дѣлѣ читалъ Иванъ Семеновичъ? можетъ быть, въ его чтеніи не было ничего особеннаго, оно было обыденное, но насъ оно грѣло тогда, какъ первый поцѣлуй, какъ первый любовный шепотъ. То было первое мгновеніе медоваго мѣсяца шевельнувшейся мысли... И когда Иванъ Семеновичъ кончилъ, когда въ воздухѣ замеръ послѣдній звукъ, весь классъ, взволнованный и потрясенный до слезъ, вскочилъ, какъ одинъ человѣкъ.

— Еще, еще, еще! — и дюжій басъ Иванова гудѣлъ всей своей октавой, подчеркивая теноры и альты...

— Хорошо!

Иванъ Семеновичъ перевернулъ нѣсколько страницъ и прочелъ другое, тоже никогда неслыханное. Вѣщее слово подняло насъ, умчало въ такую высь, куда и заглядывать не приходилось, сорвало съ глазъ какую-то пелену, что до сихъ поръ туманила наше духовное зрѣніе, — мы какъ-то сразу увидѣли, чего не видѣли раньше, поняли то, чего не понимали. Мы дрожали восторгомъ перваго момента познаванья, счастьемъ созерцанія новыхъ духовныхъ горизонтовъ и перспективы и, можетъ быть, отъ испуга за эту внезапно открывшуюся ширь. У многихъ глаза были влажны и... но тутъ пробилъ звонокъ...

Это было еще въ первый разъ, что звонокъ мы встрѣтили безъ восторга, съ досадой, съ сожалѣніемъ и остались на мѣстахъ, какъ пригвожденные. Но когда Иванъ Семеновичъ поднялся и закрылъ книгу, мы тоже поднялись сразу и, точно бы у насъ были однѣ общія уста, закричали въ одинъ голосъ:

— Мы хотимъ учиться, хотимъ знать... Мы будемъ!...

Иванъ Семеновичъ улыбнулся, — хорошо, ласково улыбнулся.

— Если хотите учиться, я съ радостью буду учить васъ...

— Да, да, да!... Хотимъ, хотимъ!..—отвѣчалъ ему хоромъ весь классъ, а дюжій Ивановъ, красный, точно вареный ракъ, съ робостью дѣвочки подошелъ и протянулъ руку:

— Дайте намъ книгу! — попросилъ онъ самымъ робкимъ, самымъ бархатнымъ тономъ.

Иванъ Семеновичъ подумалъ и отдалъ.

Въ эту ночь ни одинъ „герой“ не спускался по водосточной трубѣ за водкой, — въ эту блаженную ночь мы уже не пили. Совсѣмъ другіе юноши толпились въ большихъ казенныхъ комнатахъ, тамъ шли уже другія рѣчи, другіе толки... Мы росли, мы думали, прозрѣвали, мы спорили, мы лихорадочно, страстно тянулись къ свѣту, какъ тянется изъ черной, влажной, пригрѣтой солнцемъ земли зеленый стебель молодого всхода.

Въ эту ночь мы похоронили свое прошлое, окутанное мракомъ темнѣе ночного... Это была заря занимающагося духовнаго дня, — мгновеніе, которое не повторяется въ жизни...

— Что вы не спите, ослы!?—прошипѣлъ неожиданно вбѣжавшій „кукушка“, смущенный необычнымъ явленіемъ. — Задумываете новую проказу, а?! Что это значитъ,—книга, а!? Какая книга?!

Но въ это время изъ дортуара младшихъ раздалось многоголосое „куку!“ — которымъ лежавшіе уже въ постеляхъ малыши поспѣ-

шили поддразнить врага. Тотъ вскипѣлъ и кинулся туда... Все смѣшалось вмѣстѣ—и многоголосое „куку“, и угрозы, крики, шлепки; наконецъ, все смолкло... На порогѣ снова появился „кукушка“, блѣдный, задыхающійся отъ неостывшей еще ярости...

— Я и васъ, канальи, вспорю, если что... Такъ вспорю, что и небу станетъ жарко!.. Слышите?!... Что это за сборище? Эй, ты, верзила, Ивановъ, чего улыбаешься?!.. шкура зачесалась, а? Вспорю!...

Но верзила уже подходилъ къ нему, блѣдный, съ горящими глазами, съ раздувающимися ноздрями и, какъ бы задыхаясь, гудѣлъ своей октавой:

— Выпорете?! Ну, нѣтъ-съ, — теперь будетъ... будетъ, довольно!... Только попрррробуйте!... Только попрррроб...

„Кукушка“ отскочилъ съ громкимъ крикомъ: „въ карцеръ!“ — на который сбѣжались и сторожа, и надзиратели... Но мы всѣ вступились, и Ивановъ не попалъ даже въ карцеръ,—„кукушка“ сдался...

Дѣло въ томъ, что у него въ карманѣ лежало уже извѣстіе о выходѣ директора въ отставку и о назначеніи новаго прямо изъ Петербурга, а петербургскихъ боялись... Школѣ предстояла новая жизнь.

ЕГО ЧАСЪ НАСТАЛЪ!

(Изъ давно забытыхъ мемуаровъ тетеньки).

Повѣсть.

Говорятъ, что исторія не повторяется; говорятъ еще,—и это самое главное,—что она будто бы ничему не учитъ. Я, конечно, не авторитетъ въ наукѣ,—можетъ быть, потому-то и сомнѣваюсь крѣпко въ этихъ положеніяхъ. Будь первое правда, то, мнѣ сдается, людямъ, навѣрное, жилось бы веселѣе на свѣтѣ, а второе уже потому не правда, что опытъ не учитъ только тѣхъ, кого вообще ничему научить нельзя. Я же совсѣмъ не такого мнѣнія о людяхъ, далеко не такого!

Какъ бы тамъ ни было,—права я или нѣтъ,—я все-таки хочу разсказать вамъ исторію моего дѣда,—препоучительную, по-моему, исторію! Не то, чтобы мой дѣдъ былъ выдающійся герой, какой-нибудь замѣчательный администраторъ, геній,—отнюдь нѣтъ и

нѣтъ! Онъ просто былъ честный, стойкій, умный и справедливый человѣкъ,—настоящій „европеецъ“, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, по привычкамъ и по взглядамъ; а исторія такихъ людей, ихъ жизни, ихъ успѣховъ и неудачъ подчасъ далеко не безынтересна. Право, мнѣ кажется, что бываютъ времена, когда правдивая исторія простого честнаго человѣка не менѣе полезна, чѣмъ жизнеописаніе храбраго генерала или бдительнаго администратора.

Итакъ, вы уже знаете, что̀ за человѣкъ былъ мой дѣдъ. Я до сихъ поръ еще живо помню его высокую, сильную фигуру, съ длинными, откинутыми назадъ, сѣдыми волосами и высокимъ лбомъ, его какъ бы угрюмо нахмуренныя брови, изъ-подъ которыхъ свѣтились такіе добрые, такіе человѣческіе глаза, точно улыбкой обдававшіе каждаго при взглядѣ; живо помню его мѣрную, степенную, ровную походку съ заложенными за спину руками; помню, какъ бы только сегодня видѣла его возлѣ, хотя онъ давно уже покоится подъ чугунною плитой на церковномъ погостѣ, и сама я стала ветхою старухой. Много времени прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мы сиживали съ нимъ на излюбленной скамейкѣ въ саду подъ старою липой и онъ такъ любовно ласкалъ мою юную русую головку... Сколько годовъ, и радостныхъ и горькихъ, и свѣтлыхъ и мрачныхъ, пронеслось мимо,—чего только не пришлось мнѣ видѣть, пережить, перечувство-

вать,—а и теперь еще люблю я вспоминать то далекое прошлое, посидѣть, помечтать тамъ, подъ старою липой. Еще больше постарѣла, нагнулась старая липа, совсѣмъ потрескалась скамейка, состарѣлась, согнулась и я,—а порою, въ тихія лунныя ночи, мнѣ сдается, право, что ничто кругомъ не измѣнилось, все осталось по прежнему, и вотъ-вотъ изъ густой тѣни любимой его аллеи вынырнетъ дѣдъ и подойдетъ ко мнѣ со своею ласковою, бодрящею улыбкой.

— Чего закручинилась?—скажетъ онъ мнѣ, какъ бывало, лаская мои длинные русые волосы.—Не печалься, Оля, не унывай.... Знаешь пословицу: перемелется—мука будетъ!

— Будетъ-то—будетъ!—отвѣчу я придавленнымъ голосомъ, прижимаясь къ его сильной груди:—будетъ! Но каково-то перемалываться?!

Дѣдъ еще ласковѣе погладитъ мою голову и станетъ говорить такъ тихо-тихо, точно ему очень трудно выговаривать:

— Что̀ же дѣлать, птичка моя?... Зато будемъ праздновать, когда доживемъ до лучшаго!

И, чтобы отогнать отъ меня горькія думы, чтобы развлечь, занять инымъ, онъ стянетъ меня за руки со скамейки и потащитъ за собою по аллеѣ, разсказывая такъ увлекательно свои интересныя наблюденія, столкновенія, свои встрѣчи съ тогдашними знаменитостями Европы. Онъ много видѣлъ и зналъ,—мой славный дѣдъ!

Впрочемъ, простите! Я заболталась и перескочила Богъ знаетъ куда. Плохая я разсказчица... Всегда такъ: начну съ одного, а кончу непремѣнно другимъ, и самой даже смѣшно станетъ; ужъ не взыщите: мой неискусный разсказъ будетъ, право, интересенъ!

Постараюсь исправиться и начну, какъ слѣдуетъ, ab ovo. Дѣдъ женился еще въ ранней молодости, когда служилъ въ гвардіи, на бѣдной дворянкѣ, круглой сиротѣ, въ которую, какъ говорили, былъ влюбленъ до безумія. Не знаю, любила ли его также сильно бабушка, но бракъ ихъ, въ концѣ концовъ, оказался неудачнымъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родилась дочь,—моя мать, — а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, когда дѣдъ вернулся изъ турецкой кампаніи, гдѣ былъ раненъ пулею въ ногу, они навсегда разъѣхались. Бабушка поселилась въ Москвѣ съ дочерью, которую дѣдъ ей уступилъ подъ условіемъ, что сама она воспитывать ея не будетъ, а отдастъ непремѣнно въ пансіонъ, а самъ, выйдя тутъ же въ отставку, почти безвыѣздно жилъ за границей, изрѣдка только навѣщая свою любимую деревню „Пустыньку", гдѣ все только возился съ книгами. Что послужило причиной этой размолвки, я точно не знаю. Дѣдъ никогда не обмолвился мнѣ даже словомъ по этому поводу. Помню только, со словъ матери, что бабушка любила свѣтъ, выѣзды, балы, была необузданно-вспыльчива, отчасти даже

легкомысленна; при своей красотѣ всегда имѣла толпы поклонниковъ, а все это не нравилось дѣду. „Онъ всегда былъ такой хмурый книгоѣдъ!“—добавляла она въ концѣ своихъ разсказовъ.

Такимъ образомъ, мама росла внѣ всякаго вліянія дѣда и почти его не знала или, лучше сказать, знала со словъ страстно любимой ею бабушки, пріучившей ее смотрѣть на многое своими глазами. Какъ только стукнуло ей шестнадцать лѣтъ, бабушка выдала ее замужъ за виднаго, немолодого чиновника,—моего отца. Сама я даже и не видала бабушки; она умерла еще до моего рожденія, простудившись на балу.

Пока мы,—то-есть, я и братъ Сережа,—жили у родителей въ Москвѣ, мы дѣда видали очень и очень рѣдко. Онъ вѣчно странствовалъ по чужимъ краямъ или запирался въ своей „Пустынькѣ“. И мать, и отецъ—оба одинаково не долюбливали дѣда; и отецъ даже звалъ его не иначе, какъ „фантазеръ“ и „мечтатель“. Значенія этихъ словъ мы съ братомъ, конечно, не понимали, но насмѣшливый, ироническій тонъ ихъ постигали вполнѣ. Недружелюбное отношеніе родителей перешло къ намъ: мы съ Сережей считали дѣда злымъ, и въ рѣдкія его посѣщенія,—хотя онъ всегда привозилъ намъ гостинцевъ,—боялись его, избѣгали и дичились. Способствовало этому и еще то, что ни одно изъ его посѣщеній не обходилось безъ

споровъ и столкновеній съ матерью. Мать относилась къ крѣпостнымъ и къ сѣченію ихъ розгами, какъ всѣ тогда относились: она считала ихъ полу-людьми, а сѣчь ихъ признавала дѣломъ не только не постыднымъ, но вполнѣ естественнымъ и необходимымъ. Насъ она до безумія любила и баловала, такъ что въ домѣ мы дѣлали, положительно, что хотѣли, и являлись, такимъ образомъ, маленькими, но необузданными тиранами, которыхъ трепетала вся прислуга. Одного нашего капризнаго визга было достаточно, чтобы вспыльчивая, заправлявшая отцомъ, мать отсылала подъ розги самыхъ старыхъ, самыхъ преданныхъ слугъ. Вотъ этого-то всего и не могъ переносить хладнокровно дѣдъ, и по этимъ поводамъ у него всегда происходили ссоры съ матерью. Понять сущность этихъ споровъ мы съ братомъ не могли, но мы понимали, что дѣдъ былъ *не* за насъ, что онъ былъ *противъ* матери, а этого для насъ, дѣтей, было вполнѣ достаточно, чтобы не взлюбить дѣда.

Помню еще ту страшную тревогу въ домѣ, которую надѣлалъ намъ дѣдъ. Произошло это въ памятномъ 1848 году. Отецъ пріѣхалъ со службы блѣдный, встревоженный, и немедленно сталъ шептаться съ мамой, а мама расплакалась, стала кричать, что дѣдъ всѣхъ насъ погубитъ, что онъ сумасшедшій, что его нужно посадить въ больницу и проч. въ томъ же родѣ. Отецъ, чуть не плача, дрожа, под-

нималъ руки къ образамъ и во всемъ поддакивалъ мамѣ. „Погубитъ насъ, дѣточки, вашъ дѣдъ,—плакала мать, обнимая и прижимая насъ къ себѣ:—совсѣмъ погубитъ, сумасшедшій!“ И мы, испуганные, вторили ей самымъ искреннимъ визгомъ. Дней семь продолжалась у насъ подобная сумятица; всѣ были встревожены, плакали, ругали дѣда, но, наконецъ, успокоились,—бѣда прошла мимо. Все дѣло было въ томъ, что дѣду приказали вернуться изъ-за границы въ Россію. Онъ это исполнилъ; но, вернувшись, заявилъ о своемъ желаніи освободить крѣпостныхъ и сталъ хлопотать о разрѣшеніи. Въ описываемое ужасное время, когда булгаринская печать забрасывала грязью все европейское, интеллигентное, травила либерализмъ и открыто превозносила невѣжество,—заявленіе дѣда показалось страшнымъ вольнодумствомъ. Съ нимъ произошли какія-то непріятности и грозили еще бо̀льшія, но, благодаря заступничеству вліятельныхъ знакомыхъ, все ограничилось для него ссылкой въ любимую его „Пустыньку“, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться безвыѣздно. Это-то и растревожило моихъ родителей.

Несмотря на все это, мнѣ пришлось-таки поселиться у дѣда, стать его воспитанницей, любимицей и горячей поклонницей. Опять забѣжала впередъ,—простите! такой уже нравъ у меня! Еще дѣдъ это замѣтилъ и всегда улыбался на мои разсказы. „Ты бы, Оля,—гова-

ривалъ онъ, слушая и лаская меня:—ты бы ужъ такъ и начинала или съ начала, или съ конца, а то Богъ знаетъ, что у тебя выходитъ—и конецъ, и начало вмѣстѣ!“ Но всегда слушалъ съ интересомъ. Послушайте же и вы!

Такъ какъ я уже сказала, что мнѣ пришлось рости и жить у дѣда въ „Пустынькѣ“, а не въ Москвѣ у родителей, то мнѣ осталось сказать, какъ это вышло. И отецъ, и мать мои умерли въ одинъ день отъ свирѣпствовавшей тогда эпидеміи. Въ домѣ живыми остались только я съ фрейлейнъ Миллеръ, гувернанткой, да нѣсколько человѣкъ прислуги. Сережа дома не жилъ,—онъ уже учился въ корпусѣ. Тяжелые были эти дни, и они навсегда врѣзались въ мою, еще дѣтскую, память: многому они научили меня, на многое открыли глаза. Начать съ того, что мнѣ пришлось крѣпко пожалѣть о своемъ поведеніи съ прислугою и краснѣть предъ собою за свое прошлое. Только тогда поняла и убѣдилась я, что за добрые, хорошіе люди были они всѣ, сколько любви и деликатности таилось въ нихъ. Когда я осталась круглою сиротой, когда баловавшей и заступавшейся за меня матери не было,—всѣ они окружали меня такою заботливостью, такою сердечною теплотой, такимъ участіемъ, точно я была не тиранъ ихъ, не капризная, взбалмошная, испорченная баловствомъ дѣвчонка, а самое милое существо. Бѣдные, добрые люди, вмѣсто того, чтобы вы-

мещать теперь на мнѣ все вынесенное изъ-за меня же, рыдали вмѣстѣ со мною и стали вдвое услужливѣе. Помню, какъ мнѣ становилось стыдно предъ ними, и въ глубинѣ души я тихо каялась. Также стыдно мнѣ было и предъ старушкою Миллеръ,—этою воплощенною кротостью и всепрощеніемъ,—которая съ тѣхъ поръ до самой своей смерти замѣняла мнѣ мать. Каждый день, бывало, съ братомъ придумывали мы ей новыя пакости и выкидывали ихъ безнаказанно, на глазахъ матери, все намъ прощавшей и позволявшей. Просто, въ грошъ не ставили мы старушку и чего-чего только не выкидывали! Но бѣдная, добрая Миллеръ, буквально не умѣвшая сердиться, только плакала, повторяя свое любимое и насъ смѣшившее, стереотипное: „ахъ, пфуй! ахъ, пфуй!“— „Чего разнюнилась, колбаса нѣмецкая?“—крикнетъ ей, бывало, въ отвѣтъ Сережа (онъ былъ тогда страшный нахалъ), а бѣдная Миллеръ только пуще зальется слезами.—„Они безъ сердца, они совсѣмъ безъ сердца!“—съ ужасомъ плачется она. Бѣдная, любящая Миллеръ!—Нѣтъ, нѣтъ... сердце у насъ было, но ужасное воспитаніе, взбалмошность, своевольство не давали ему возможности даже и пикнуть!

Фрейлейнъ Миллеръ, заливаясь слезами, послала дѣду о нашемъ несчастіи эстафету,—тогда телеграфовъ еще и въ поминѣ не было. Черезъ мѣсяцъ или около того пріѣхалъ дѣдъ,

выхлопотавъ себѣ отпускъ, и увезъ насъ, то-есть меня и Миллеръ, съ собою въ деревню. Никогда не забуду я этого свиданія съ дѣдомъ. Когда онъ вошелъ, я встрѣтила его безъ прежней боязни. Фрейлейнъ Миллеръ, мало-по-малу овладѣвавшая моимъ сердцемъ, успѣла уже передать мнѣ часть своего благоговѣнія и любви къ дѣду, котораго она звала не иначе, какъ: hochedles Herz и grosswürdiger Herr. Къ тому же, меня, дѣвочку, давило, пришибало сознаніе сиротства, одиночества, отсутствіе родной души. Я бросилась къ дѣду съ рыданіями, а онъ ласково взялъ меня на руки и долго носилъ по залѣ. „Не плачь, Оля,— уговаривалъ онъ меня, когда я, всхлипывая и задыхаясь отъ слезъ, изливала ему свое горе:—только головка разболится. Не тебѣ одной пришлось безъ мамы остаться,—смотри вонъ,— и онъ указывалъ черезъ окно на улицу:—смотри: тамъ половина дѣтей безъ матерей остались!...“ Его спокойный, ласковый голосъ подѣйствовалъ на меня,—я скоро успокоилась и, помню, стала смотрѣть черезъ плечо на улицу, ища глазами дѣтей, о которыхъ онъ говорилъ.

Я зажила въ тихой деревенской глуши и скоро забыла если не свою утрату, то свое горе, найдя новую сильную привязанность. Дѣтское сердце, вѣчно требующее любви, всецѣло полюбило сѣдого дѣда, а дѣдъ платилъ ему

тѣмъ же. Онъ возился со мною по цѣлымъ днямъ, помогалъ Миллеръ въ преподаваніи, не давалъ мнѣ скучать и незамѣтно, но систематически переламывалъ, передѣлывалъ мой взбалмошный характеръ, мой избалованный нравъ. И никогда не только угрозы, но даже и хмураго вида: всегда ровный, спокойный, неизмѣнный. Съ каждымъ днемъ чувствовала я все бо̀льшую любовь къ нему, привязывалась все сильнѣе, и часто, помню, недоумѣвала, за что именно не любили дѣда покойные родители? Въ особенности, смущало меня врѣзавшееся почему-то въ память, отцовское выраженіе „фантазеръ“. Оно, положительно, безпокоило меня, надоѣдало, лѣзло въ голову. Я билась надъ его значеніемъ, но спросить самого „фантазера“ не рѣшалась, сама не зная почему. Часто, бывало, смотрю я на мѣрно шагающаго дѣда,—смотрю, не спуская глазъ,— и сотни разъ повторяю про себя это мучительное слово. Что такое „фантазеръ“? Почему дѣдъ „фантазеръ“?—не выходило у меня изъ головы. Пробовала я спрашивать Миллеръ, но она только мнѣ и отвѣтила обычнымъ: „ахъ, пфуй!“ да посовѣтовала выбросить такія глупости изъ памяти. Любопытство и муки мои все разгорались, такъ что разъ я не выдержала, и гуляя съ дѣдомъ по его любимой аллеѣ, спросила, наконецъ:

— Дѣдушка, милый дѣдушка, что значитъ „фантазеръ“?

Дѣдъ удивленно посмотрѣлъ на меня, подумалъ и отвѣтилъ:

— Такъ зовутъ, Оля, человѣка, который думаетъ о чемъ-нибудь невозможномъ, несбыточномъ...

— А развѣ ты думаешь, дѣдушка? — выпалила я живо, какъ-то невзначай и перебивая его.

Дѣдъ совсѣмъ остановился.

— Нѣтъ!—вдругъ отвѣтилъ онъ, подумавши и какъ бы слегка покраснѣвъ:—нѣтъ, Оля, я о невозможномъ не думаю...

— Но папа... — начала-было я опять, повинуясь какой-то неодолимой потребности высказаться.

Дѣдъ перебилъ меня.

— Я понимаю, Оля, понимаю!—заговорилъ онъ быстро:—ты хочешь сказать, что слышала это отъ папы!... Твой папа, Оля, былъ хорошій человѣкъ, но онъ, какъ и всѣ люди, могъ ошибаться. Впрочемъ, ты такъ еще мала, что и говорить объ этомъ не слѣдуетъ,— все равно не поймешь!—И дѣдъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, высоко поднялъ меня на воздухъ, что онъ дѣлалъ въ особенно ласковыя минуты.

И—странное дѣло—съ тѣхъ поръ я успокоилась, и мучившее меня слово: „фантазеръ“— совершенно улетучилось изъ головы.

Но отъ всего прежде слышаннаго я вполнѣ не отдѣлалась, потому что вскорѣ за-

тѣмъ, въ одну изъ подобныхъ же прогулокъ, я опять спросила дѣда, уже гораздо храбрѣе:

— Правда, дѣдушка,—мама говорила—ты хотѣлъ мужиковъ на волю выпустить?

— Правда!—спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Зачѣмъ же, дѣдушка?

— А затѣмъ, Оля, что крѣпостнымъ плохо жить... Вѣдь, ты не захотѣла бы сама стать крѣпостной, не правда ли?

— Нѣтъ!.. но они мужики, дѣдъ, они...—пробовала я защищать слышанное отъ матери.

— Что же, что мужики?—засмѣялся дѣдъ.—Развѣ у нихъ не такая же голова, руки, сердце, какъ у тебя? Развѣ они не такіе же люди?

— Да, дѣдъ... но они такіе... такіе *простые!*—нашла я, казалось, самое подходящее слово!

— То-есть бѣдны, необразованы, ты хочешь сказать,—подхватилъ дѣдъ:—такъ что же?... А если бы ты была бѣдна и оставалась всю свою жизнь такою же необразованной, какъ теперь, развѣ бы ты захотѣла быть крѣпостной?

Я была совсѣмъ сбита. Дѣйствительно, я бы никогда не согласилась быть крѣпостной. Оставался послѣдній аргументъ, и я за него ухватилась:

— Мама говорила, что это нехорошо!..

— Почему?

Это „почему“, которымъ дѣдъ обыкновенно огорашивалъ каждое мое „хорошо“ или

„нехорошо“,—что было его манерой заставлять меня думать,—поставило меня втупикъ.

— Не знаю... мама...—путалась я, краснѣя.

— И мама твоя не знала почему, вѣрь мнѣ!—сказалъ дѣдъ.—И мама твоя, и ты, и я,—всѣ мы—христіане; всѣ должны помнить великую заповѣдь: не желать ближнему, чего себѣ не желаемъ. Развѣ твоя мама пожелала бы стать крѣпостной?

Вмѣсто отвѣта, помню, я только крѣпко прижалась къ дѣду,

Мало-по-малу, незамѣтно для меня самой, благодаря дѣду, его разговорамъ, его часто шуточнымъ съ виду замѣчаніямъ, брошеннымъ точно невзначай, мимоходомъ,—новыя понятія и взгляды закрадывались въ мою еще юную головку, вытѣсняя изъ нея старое. Дѣдъ будилъ во мнѣ присущія каждому человѣку чувства справедливости, любви, состраданія къ ближнимъ, болѣе насчастнымъ,—будилъ, ибо всѣ эти чувства во мнѣ еще спали, никто ихъ не воспитывалъ, не трогалъ и — кто знаетъ?—можетъ быть, безъ него зародыши этихъ лучшихъ свойствъ человѣка, поднимающихъ его надъ дикимъ звѣремъ, заглохли бы въ моемъ сердцѣ, даже не проснувшись. До него, напримѣръ, я не стыдилась бить и ругать людей, если только они не были господа, а высшимъ актомъ милосердія считала подачу нищимъ копѣйки по праздникамъ. Мнѣ всегда, помню, нравились въ такихъ случаяхъ низкіе

поклоны нищихъ и ихъ причитанья: „Спаси тебя Господь, милостивица!“ Подавая имъ взятую у мамы копѣйку, я въ самомъ дѣлѣ считала себя милостивицей. Дѣдъ училъ меня смотрѣть иначе на вещи, открывалъ глаза на многое, доселѣ непонятное, заставлялъ незамѣтно стыдиться многаго, что мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ,—словомъ, незамѣтно, но шагъ за шагомъ, тихо, спокойно, безъ угрозъ и наказаній, переламывалъ, перевоспитывалъ меня. Добрый, славный дѣдъ! И какъ онъ всегда радовался, какъ сіяло его доброе лицо, когда старыя привычки все больше и больше забывались мною! Онъ бралъ меня тогда на руки, высоко подбрасывалъ на воздухъ и говорилъ:

— Смотри, будь у меня голова!—Это было высшею похвалой въ его устахъ.

Но, конечно, все это сдѣлалось не сразу и не скоро, потому что я была, дѣйствительно, сильно испорчена домашнимъ баловствомъ и своевольничаньемъ. Много гадкихъ сценъ и поступковъ выкинула я, прежде чѣмъ дѣду удалось передѣлать меня на свой ладъ. Сколько обидныхъ для него пакостей творила я день за днемъ, уже зная, что поступаю скверно, чувствуя свою неправоту! Но такой ужъ у меня былъ испорченный характеръ, — своевольный, дерзкій, буйный. Какой-то бѣсенокъ просыпался во мнѣ иногда и точно толкалъ: „дѣлай, дѣлай, нарочно!“ А моя материнская вспыльчи-

вость! Боже мой, до чего она иногда доводила меня!.. Но умный, добрый дѣдъ со всѣмъ этимъ справлялся терпѣливо, одинаково спокойно и неизмѣнно ровно. Разскажу два случая, ясно и цѣльно обрисовывающихъ его манеру воспитанія или, лучше сказать, моего переламыванія.

Случилось мнѣ какъ-то разъ поссориться со своею сверстницей Настей, дочерью кухарки Ѳеклы. Обыкновенно съ Настей мы не ссорились, потому что характеръ былъ у нея робкій, покорный, тихій, и она всегда и во всемъ мнѣ уступала. Но тутъ вдругъ съ чего-то заупрямилась,—я вспылила, обозвала ее холопкой и, помня еще угрозы матери прислугѣ, крикнула ей внѣ себя:

— Я тебя, негодную, запорю!

Я, конечно, сейчасъ же спохватилась, вспомнивъ, что въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ за газетой дѣдъ, но было уже поздно. Въ полуоткрытую дверь я увидѣла, какъ дѣдъ вздрогнулъ, бросилъ газету и позвонилъ. Помню, что въ то мгновеніе во мнѣ клокотали и гнѣвъ, и страхъ, и стыдъ. Я стояла неподвижно, точно каменная, и какъ-то невольно слѣдила за всѣми движеніями дѣда, не спуская съ него тревожнаго взгляда.

— Розгу!... Принеси розгу!—сказалъ дѣдъ, когда на звонъ явился слуга Яковъ.

Мы обѣ съ Настей поблѣднѣли и стояли, не дыша. Каждая изъ насъ думала, что розгу принесутъ именно для нея. Мнѣ страшно хо-

тѣлось просить дѣда, но языкъ не шевелился, и я только тихо плакала. Настя тоже.

Розгу принесли, и дѣдъ направился съ нею къ намъ. Испугъ мой перешелъ въ ужасъ,— ноги подкашивались, сердце перестало биться.

— Дѣдъ, дѣдъ, дѣдъ!—взмолилась я, бросаясь къ нему въ охватившемъ меня ужасѣ:—дѣдъ...— Я рыдала навзрыдъ, и слезы мѣшали мнѣ выговаривать слова. Бѣдная Настя сидѣла, разинувъ ротъ и вытаращивъ широко глаза.

— Что, Оля, что?—спокойно спросилъ дѣдъ на мои всхлипыванія.—Ты хотѣла сѣчь Настю, я и велѣлъ принести розгу... Яковъ, помоги Олѣ!—И онъ протянулъ мнѣ розгу, а Яковъ подошелъ, насмѣшливо улыбаясь,—онъ отлично зналъ и понималъ дѣда.

— Что же, Оленька?—спросилъ онъ,—дѣдъ всѣмъ приказывалъ звать меня просто Олей:— что же, прикажите разложить Настю? Настя, ложись! Оленька сѣчь тебя будетъ!

Тутъ Настя вдругъ взвизгнула и заревѣла благимъ матомъ, а за нею я. Вся въ слезахъ, ловила я руки дѣда, цѣлуя и прося простить мнѣ. Но дѣдъ все повторялъ свое:

— Ты хотѣла *пороть* Настю?... На, попробуй, какъ это сладко, пори, а я посмотрю, дѣйствительно ли ты такая злючка!

— Дѣдъ, голубчикъ дѣдъ!—молила я, падая на колѣни:—прости меня!

— Не мнѣ тебя прощать, а Настѣ...—спокойно, но угрюмо отвѣтилъ дѣдъ, опуская розгу.

— Настя, голубка моя!..—Я подползла къ ней на колѣняхъ и осыпала поцѣлуями ея платье, руки, лицо.—Прости, прости!—молила я въ глубокомъ раскаяніи, но бѣдная Настя отъ страха ничего не видѣла и не понимала. Наконецъ, дѣдъ сжалился надо мною, поднялъ меня съ полу и сказалъ:

— Я такъ и думалъ, Оля, что ты неспособна мучить другого человѣка. Но зачѣмъ же ты лжешь на себя? Зачѣмъ грозишь сдѣлать то, чего никогда не сдѣлаешь?

— Не ббу-у... не бу-у-ду!—всхлипывала я истерически.

— И не дѣлай, никогда не дѣлай! Даешь слово?

Я дала, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ языкъ мой ни разу въ жизни не грозилъ никому розгой.

Но всего труднѣе было отучить меня отъ драчливости. Мама никогда не сдерживала моей вспыльчивости, и я, бывало, какъ разойдусь, то становлюсь точно бѣшеной, хотя послѣ вспышки, конечно, каюсь, какъ всѣ вспыльчивые. Забывая все, я толкалась ногами и царапалась, какъ кошка... И уговаривалъ меня дѣдъ, и стыдилъ,—ничто не помогало: обуздать себя, казалось, было мнѣ не подъ силу. Пришлось дѣду придумать особенное, сильное средство. Драки у меня выходили только съ Анютой, сестрой Насти,—дѣвочкой бойкой, неуступчивой, на сестру свою не похожей. Разъ, когда

я хватила Анюту по щекѣ, а та побѣжала, по обыкновенію, съ воемъ къ матери, смирная, тихая Ѳекла ворвалась, какъ буря, и порядочно оттрепала мнѣ вихоръ.

— Вотъ, будешь знать, какъ другихъ бить!— крикнула она при этомъ.

Я просто не взвидѣла свѣта, изъ глазъ посыпались искры, ноги подкосились. И боль, и испугъ, и неожиданность, и обида, и стыдъ,— глубокій стыдъ,—приковали меня къ мѣсту. Но вдругъ все это сразу смѣнилось бѣшенствомъ, необузданною яростью, жгучею потребностью мести. Не помня себя, ничего не сознавая, пылая одною страшною злобой, побѣжала я въ кабинетъ дѣда съ жалобой, оглашая весь домъ невѣроятнымъ визгомъ. На мой визгъ выскочила встревоженная Миллеръ съ безчисленными вопросами. Но я не отвѣчала, а, держась за голову и продолжая выть, бѣгала изъ комнаты въ комнату по всему дому, ища дѣда. Его нигдѣ не было.

Was doch?—чуть не падая въ обморокъ, закричала Миллеръ, догнавъ, наконецъ, меня и схвативъ за рукавъ:—was?

— Ѳекла... — могла проговорить я только сквозь стиснутые зубы:—Ѳекла!...

— Ахъ, Mein Gott! — всплеснула Миллеръ руками, увидѣвъ слѣды пальцевъ Ѳеклы на моей прическѣ:—ахъ!

Вся боль, вся обида точно удесятерились во мнѣ съ этимъ „ахъ“. Я вырвалась и побѣжала...

Ѳекла была въ корридорѣ, когда я съ нею столкнулась. Увидавъ своего врага, какъ бѣшеная кошка, бросилась я на нее, царапая и что-то шипя въ безсильной ярости. Но та повалила меня на колѣни своими дюжими руками и стала просто-на-просто тузить, приговаривая: „Не бей, не бей, не бей другихъ! Слушайся дѣда!“ Сначала я ревѣла и задыхалась отъ бѣшенства и боли, но что было дальше— не помню.

Я пришла въ себя въ своей комнатѣ, на своей кроваткѣ; Миллеръ сидѣла возлѣ и, плача, мѣняла мнѣ компрессы къ головѣ. Тѣло у меня ныло, болѣло, но ни бѣшенства, ни прежней обиды уже не было,—все прошло! Когда я очнулась и припомнила всѣ подробности происшедшаго, мнѣ стало невыразимо стыдно.

— Armes Kind!—шептала добрая Миллеръ.

Я взяла ея руку, поцѣловала и заплакала. Но это были уже хорошія, человѣческія слезы.

— Нѣтъ, нѣтъ... я... злая!—шептала я ей въ отвѣтъ:—злая!

Вошелъ дѣдъ. Онъ былъ блѣденъ, но, по обыкновенію, спокоенъ. Не говоря ни слова, онъ сѣлъ на край кроватки и взялъ мою руку.

— Дѣдушка, милый дѣдушка!—заплакала я сильнѣе, поднося его руку къ губамъ:—дѣдушка!

— Что, птичка моя?—спросилъ ласково дѣдъ и сталъ гладить мои волосы.

— Прости меня... Я не буду...

— Вѣрю, вѣрю, Оля!— отвѣтилъ онъ еще ласковѣе.

— Анюта... Настя!...

Откуда-то мигомъ взялись обѣ и стали цѣловать меня, а я буквально осыпала ихъ поцѣлуями. Прибѣжала и Ѳекла, вся въ слезахъ, съ причитаньями и съ жалобой на то, что все это приказалъ ей сдѣлать дѣдъ. Дѣдъ молчалъ, и впослѣдствіи мы никогда не поминали съ нимъ происшедшаго, – оно точно умерло... Но за то я навсегда перестала драться.

Однако, выходитъ такъ, что я, кажется, больше говорю вамъ о себѣ, чѣмъ о дѣдѣ, исторію котораго я взялась разсказать. Говорила я раньше, что я плохая разсказчица. Но, кромѣ того, жизнь дѣда до того тѣсно связана съ моей, что, говоря о немъ, невольно какъ-то захватываешь и себя. Вмѣстѣ коротали мы наши дни въ глуши, въ одиночествѣ, вмѣстѣ и одинаково волновались, жили, думали,—до того вмѣстѣ, что порою насъ совсѣмъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга. А что были это за дни для дѣда, что за дни! Я была его единственнымъ другомъ, его собесѣдникомъ, близкимъ ему человѣкомъ, дѣлившимъ его радости и горе. Со мною только отдыхалъ онъ, со мною надѣялся, ждалъ лучшаго будущаго, въ которое страстно вѣрилъ

Я была для него больше, чѣмъ Пятница для Робинзона, положеніе котораго такъ близко подходило къ положенію бѣднаго дѣда. Что бы онъ дѣлалъ безъ меня? Кому бы отдалъ свою потребность любить, куда бы дѣвалъ энергію, насущную потребность въ живомъ, осмысленномъ трудѣ, не подвернись ему дѣло моего воспитанія? И какъ страстно отдался онъ ему весь, какъ систематически, какъ строго-послѣдовательно воспитывалъ онъ во мнѣ человѣка!

Правда, онъ любилъ читать: у него была прекрасная библіотека, онъ любилъ зарываться въ книги; но развѣ какія бы то ни было книги могутъ замѣнить живое дѣло, замѣнить друга, близкаго человѣка, спасти отъ хандры и тоски, доводящей порою узника до самоубійства и помѣшательства? А какъ походило положеніе дѣда на положеніе заключеннаго!

Его не давили, правда, четыре гладкія бѣлыя стѣны; его тюрьма была шире, больше, здоровѣе: ея стѣны начинались съ границами деревни, выѣздъ изъ которой былъ ему запрещенъ строго-на-строго. Въ этихъ предѣлахъ онъ могъ считаться даже свободнымъ человѣкомъ, но только относительно; а эта относительность могла, пожалуй, сдѣлать свободу хуже заключенія. Слово „опальный“ во всемъ связывало ему руки. Ему прямо, оффиціально „посовѣтовали“,—а насколько такіе совѣты разнятся отъ прямыхъ приказаній—пусть

судятъ тѣ, кто ихъ выслушивалъ,—какъ можно меньше входить въ сношеніе со своими крестьянами и, для спасенія отъ худшаго, избѣгать „всего... такого...“ Для большей опредѣленности, это „всего... такого“ сопровождалось подмигиваніемъ и выразительными движеніями всѣхъ пяти пальцевъ правой руки. Въ виду этого дѣдъ бросилъ всякія мечты объ улучшеніи хозяйства, сдалъ всю землю крестьянамъ, а себѣ оставилъ только любимый садъ, въ которомъ лѣтомъ возился по цѣлымъ днямъ, да книги. Когда я подумаю только о томъ, что было бы съ дѣдомъ, не пошли ему судьба меня, сейчасъ же вспоминаются слова великаго поэта:

„Тяжко впасты у кайданы!“—

говоритъ онъ, „умырать въ неволи“, но еще хуже, сто разъ хуже—„спаты на воли“. Бѣдному дѣду пришлось бы тогда худшее: „спать на волѣ“.

Слово „опальный“ носилось за нимъ слѣдомъ, отдаляло отъ него всѣхъ, дѣлало какимъ-то прокаженнымъ, пугаломъ, котораго всѣ сторонились. Кромѣ того, оно открывало широкое поле для грязныхъ интригъ противъ него, каверзъ, инсинуацій со стороны разныхъ проходимцевъ, которыхъ было-таки немало кругомъ. Находились и такіе люди, которые инсинуаціями на добраго, честнаго дѣда надѣялись выдвинуться, обратить на себя вниманіе и, пожа-

луй, чего добраго, заслужить благодарность. О, такихъ было много, очень много! Лучшіе люди, цѣнившіе и уважавшіе дѣда, въ глубинѣ души раздѣлявшіе его взгляды, боялись посѣщать его, вести съ нимъ открытое знакомство, благодаря подобнымъ проходимцамъ, поставившимъ себѣ какъ бы цѣлью и долгомъ слѣдить за каждымъ его шагомъ. Если они и заѣзжали къ намъ изрѣдка, то всегда какъ-то украдкой, невзначай, подъ предлогомъ купли или продажи чего-нибудь, и эта боязливость, этотъ трепетъ отравляли дѣду самую радость свиданія съ дорогими людьми, съ которыми потолковать и поспорить онъ всегда былъ бы не прочь. Атмосфера доноса, инсинуацій, шпіонства до того всевластно царила тогда кругомъ, что дѣдъ боялся за своихъ гостей. Однако, все-таки, эти рѣдкія-рѣдкія посѣщенія оживляли его, приносили ему много отрады.

Они всегда сопровождались горячими спорами или толками, а при этихъ спорахъ и толкахъ всегда присутствовала я, такъ какъ дѣдъ никогда не разставался со мною, не отпускалъ отъ себя ни на шагъ. Сначала я засыпала подъ нихъ на колѣняхъ дѣда, а послѣ, когда стала постарше и поумнѣе, слушала ихъ со жгучимъ, страстнымъ любопытствомъ просыпающейся, здоровой юности, которая стремится все понять, все постигнуть, вездѣ отыскать чистую правду. Иногда, въ пылу спора, дѣдъ обращался ко мнѣ, какъ бы

ища подтвержденія своихъ словъ, и заставлялъ меня высказывать свое мнѣніе.

— Оля... ну, какъ?... Что же ты молчишь?— кричалъ онъ мнѣ. И когда я, вся краснѣя, путаясь, конфузясь, высказывала, наконецъ, почти слово въ слово то, что утверждалъ онъ, такъ какъ дѣдъ давно передалъ мнѣ цѣликомъ свои взгляды и симпатіи,—восторгу его не было конца.

— Слышите, слышите?—говорилъ онъ тогда разгоряченному собесѣднику: — слышите?! Вотъ она, правда-то! Сама юность это утверждаетъ!.. А юное сердце, сударь, не ошибается,— нѣтъ, не ошибается!

И, почти не слушая возраженій, онъ протягивалъ ко мнѣ свои сильныя руки, какъ бы желая поднять меня на воздухъ и точно забывъ, что на мнѣ уже было длинное платье.

Вотъ я и опять къ себѣ перескочила, но, судите сами, могла ли я этого не сдѣлать, разсказывая про дѣда, когда мы съ нимъ были связаны во всемъ и всегда?

Самымъ тяжелымъ, самымъ непріятнымъ для насъ обстоятельствомъ,—я себя уже не отдѣляю отъ дѣда,—было то, что наши ближайшіе сосѣди, всѣ тѣ, что жили вокругъ нашей „Пустыньки“, были скверные люди и закоренѣлые враги дѣда, хотя дѣдъ никогда не сдѣлалъ имъ ничего дурного и всегда,— еще до ссылки,—избѣгалъ какихъ бы то ни было сношеній. Они травили его, какъ могли,

инсинуировали, писали доносы, изъ-за которыхъ дѣду выпало немало непріятностей, шпіонили за нимъ почти открыто. Въ особенности отличался ближайшій сосѣдъ нашъ, помѣщикъ Усатовъ, жестокій, злой и крайне необразованный человѣкъ. Его нахальство и дерзость доходили до того, что онъ не стѣснялся, проѣздомъ черезъ деревню, открыто разспрашивать нашихъ крестьянъ о житьѣ-бытьѣ дѣда, о томъ, что онъ дѣлаетъ, кто у него бываетъ,— словомъ, обо всемъ. Но и этого показалось ему мало,— несмотря на все, онъ рѣшился даже лично пріѣхать къ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подъ предлогомъ взять въ аренду землю, сданную дѣдомъ крестьянамъ.

Какъ теперь помню его коренастую фигуру, красное нахальное лицо съ закрученными черными усами, его венгерку съ шитьемъ и воспаленные глаза, когда онъ пренахально ввалился въ гостиную. Дѣдъ принялъ его сдержанно, но, по обычаю, вѣжливо.

— Чему я обязанъ неожиданною честью?...— холодно спросилъ онъ, щуря свои глаза, что́ выдавало его волненіе.

— Какое тамъ „честью“! — громко засмѣялся пьяный Усатовъ.—Просто, батенька, заѣхалъ по-сосѣдски, какъ на Руси-матушкѣ принято... Дѣло есть!

Онъ путался, заикался и, видимо, хотѣлъ язвить дѣда, но тотъ даже не моргнулъ глазомъ.

— Какое дѣло?— спросилъ онъ также холодно-вѣжливо.

— Землю хочу вашу снять... Все равно не хозяйничаете, мужикамъ сдаете...

— Сдаю, — отвѣтилъ дѣдъ: — потому и не могу уже вамъ отдать...

— Пустяки-съ, пустяки, батенька!.. то — мужики, а то—я, дворянинъ! Дворянину всегда должно отдать преимущество, по нашимъ, по русскимъ законамъ. Впрочемъ... по-французски... оно, конечно!...—И Усатовъ залился, не договоривъ, грубымъ, пьянымъ хохотомъ.

Я увидѣла, что у дѣда начинаютъ подергиваться углы губъ и глазъ, и инстинктивно подбѣжала къ нему. Дрожащими руками посадилъ онъ меня возлѣ себя и, умиротворенный, можетъ быть, моею близостью, отвѣтилъ также спокойно, чуть-чуть рѣзче:

— Земли моей я вамъ не отдамъ ни въ какомъ случаѣ и прошу впредь меня такими предложеніями не безпокоить!

Онъ поднялся.

Усатовъ побагровѣлъ еще больше, глаза его широко раскрылись, губы искривились въ гадкую улыбку; казалось, вотъ-вотъ онъ брякнетъ что-то особенно скверное; но, къ счастію, онъ молча поднялся и также молча вышелъ, пошатываясь. Бѣдный дѣдъ дрожалъ.

Не уступала Усатову, во всѣхъ отношеніяхъ, и сосѣдка наша, вдова майора Прыщева, съ ея шестью перезрѣлыми дочерьми,

тщетно, но упрямо ловившими жениховъ по всему уѣзду. Цѣлыя легенды ходили о нихъ по этому поводу, а самоё майоршу, за ея языкъ, всѣ звали „газетой“. Для своихъ крѣпостныхъ она являлась такимъ страшилищемъ, что предводитель не разъ намекалъ ей довольно прозрачно объ опекѣ. И вотъ такая-то особа съ какимъ-то наслажденіемъ взялась травить дѣда сплетнями, доносами, инсинуаціями и надзирать за его поведеніемъ. Къ счастью, однако, она была такъ хорошо извѣстна всѣмъ, что на ея слова мало или почти совсѣмъ не обращали вниманія. Тогда она перемѣнила тактику и, чтобы досадить дѣду, взялась за меня.

Разъ, когда я съ Настей, Анютой и другими подружками,—мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ,—шла въ лѣсъ за грибами, на насъ наскочила въ коляскѣ г-жа Прыщева и, завидя меня, крикнула кучеру остановиться.

— Ma chère, ma très chère!—кивнула она мнѣ, сладко улыбаясь:—вы внучка monsieur N?—Она назвала фамилію дѣда.

— Да, madame...—отвѣтила я, дѣлая книксенъ.

— Ah, pauvre enfant, pauvre enfant! Какъ мнѣ васъ жаль, бѣдная сирота, безъ матери!—завизжала Прыщева, закатывая глаза къ небу.—Бѣдная сирота! Я буду вашей maman... Хотите? а? Садись ко мнѣ, милка!

Я стояла, удивленная и пораженная, но та стала осыпать меня поцѣлуями, схватила

въ свои объятія и, несмотря на мое прямое сопротивленіе, втащила къ себѣ въ коляску.

— Трогай!—приказала она кучеру, и я помчалась, чуть не плача.

— Ненадолго, ненадолго!—тараторила Прыщева, все цѣлуя да цѣлуя меня.—Я только познакомлю васъ со своими дѣвочками. Ахъ, какая ты красавица, душка! Ну, можно ли такой красавицѣ жить въ глуши, цвѣсти безъ общества?! Да въ тебя сразу влюбятся всѣ наши кавалеры!

Все это и тому подобное Прыщева тараторила мнѣ, пятнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, всю дорогу до своего дома. Я сидѣла въ коляскѣ, какъ на иголкахъ, и, повторяю, чуть не плакала. Когда мы пріѣхали, на меня выскочили всѣ шесть старыхъ дѣвъ разомъ и стали также душить въ объятіяхъ, осыпать поцѣлуями, называть charmante, ange и тому подобными, еще незнакомыми мнѣ эпитетами. Всѣ онѣ надо мною ахали, причитали, разсыпались въ сожалѣніяхъ, кивая весьма прозрачно въ сторону дѣда. И несчастная я, и бѣдная, и дикаркой росту, и въ глуши пропадаю, гдѣ завянетъ моя красота, и прочее, въ томъ же родѣ, безъ конца! А когда онѣ узнали, что дѣдъ учитъ меня и алгебрѣ, и геометріи, и естественнымъ наукамъ, какъ мальчика, то пришли просто въ ужасъ. Онѣ даже сказали что-то обидное для него, но сейчасъ же спохватились, замѣтивъ на моихъ щекахъ румянецъ негодованія.

— Бѣдная, бѣдная!—кричали онѣ:—что́ же изъ васъ выйдетъ... bas bleu? О, это ужасно... это ужасно! Вамъ нуженъ свѣтъ, умѣнье держать себя comme il faut... Бѣдное дитя!..

Наконецъ, онѣ отпустили меня, измучивъ болтовней, объятіями, угощеніями и потребовавъ слова, что я навѣщу ихъ. Я, понятно, не дала его, а чтобы отвязаться скорѣе, сказала, что спрошусь у дѣда, что безъ него я ничего не привыкла дѣлать. Онѣ кричали опять: „Pauvre enfant!.. нѣтъ, нѣтъ, мы пришлемъ за вами экипажъ!“ Я вырвалась и уѣхала. Ахъ, какъ я жалѣла послѣ, что наотрѣзъ, хотя бы и грубо, не отказалась отъ этого приглашенія!

Съ какимъ восторгомъ примчалась я въ „Пустыньку“, къ дорогому и милому дѣду! Онъ уже зналъ о моемъ похищеніи отъ вернувшихся сверстницъ, и я видѣла, что онъ взволнованъ.

— Дѣдъ, дѣдъ!—кинулась я къ нему.—Какъ я рада, что отвязалась, наконецъ... Представь себѣ...—И я стала разсказывать все, все, съ мельчайшими подробностями,—всѣ вздохи, охи и разговоры. Дѣдъ все слушалъ молча, но, когда я дошла до ужаса по поводу моего ученья, онъ спросилъ:

— А ты какъ думаешь, Оля,—хорошо-ли дѣлаешь, что учишься?

— Конечно, да!—отвѣтила я, не колеблясь ни секунды.

— Да, да,—подхватилъ дѣдъ:—всегда такъ думай! Женщина—такой же человѣкъ, какъ

мужчина, и еще вопросъ, дитя мое, кому нужнѣе образованіе: ей или намъ?

Къ моему удивленію, дѣдъ не выказалъ ни малѣйшаго негодованія на похищеніе меня Прыщевой, какъ я ожидала, а, напротивъ, когда я кончила свой разсказъ, онъ сказалъ совсѣмъ неожиданно для меня:

— А знаешь, Оля, что... Поѣзжай, право, къ нимъ, когда онѣ пришлютъ за тобой!—И онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Дѣдъ, дѣдъ!—почти крикнула я:—ни за что!.. Онѣ дурные люди!

— Это вѣрно, Оля, но все-таки напрасно...—убѣждалъ меня дѣдъ, хотя, какъ мнѣ казалось, это стоило ему немало.—Поѣзжай! Я дѣйствительно воспитываю тебя дикаркой... Все со мной, старикомъ, сидѣть тебѣ, молодой птичкѣ, не слѣдуетъ. Посмотри людей, жизнь... Вѣдь, не вѣчно же тебѣ жить со старикомъ-дѣдомъ!

Но я не дала ему договорить: я кинулась къ нему и, поднявшись на пальцахъ, зажала ему ротъ.

— Дѣдъ... слышишь, дѣдъ?—никогда! Кромѣ тебя, мнѣ никого не нужно!

Дѣдъ посмотрѣлъ на меня, заглянулъ въ глаза и, вѣроятно, прочелъ въ нихъ твердую рѣшимость, потому что, обнявъ меня, сказалъ только:

— Ну, какъ знаешь, какъ знаешь, Оля!

Черезъ день Прыщева прислала-таки за мною коляску, съ запиской, чтобы ея „très

chère ange“ непремѣнно къ ней явилась, такъ какъ она-де жить безъ меня не можетъ. Разорвавъ записку, я выбѣжала сама на крыльцо и прямо сказала кучеру передать барынѣ, что я никогда и ни за что не поѣду туда, куда не ѣздитъ дѣдъ.

— Такъ и скажите!—добавила я:—такъ прямо и скажите!

Коляска уѣхала, но что же изъ этого вышло? Трудно повѣрить, что сдѣлала г-жа Прыщева, а, между тѣмъ, это фактъ. Она написала предводителю длинное жалобное письмо, призывая его вступиться за „несчастную сироту-дворянку“, т. е. меня, „которую-де злой, безумный и дурной старикъ (это дѣдъ-то!), котораго всѣ считаютъ отвратительнымъ и ужаснымъ человѣкомъ, всячески тиранитъ, мучитъ, держитъ взаперти, учитъ безнравственности, обращаетъ въ свою вѣру и воспитываетъ, какъ мальчика“. Все это, буквально, выраженія самой Прыщевой. Въ концѣ она приписывала мнѣ небывалыя достоинства, называла „ангеломъ“, увѣряла, что я рвусь къ ней всею душой, что ея сердце обливается кровью и слезами при одномъ воспоминаніи обо мнѣ... и т. д., и т. д. все въ томъ же родѣ.

Нашъ предводитель былъ прекрасный человѣкъ; онъ глубоко уважалъ дѣда, хотя во многомъ съ нимъ расходился, но онъ былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный, просвѣщенный, вѣжливый,—человѣкъ, умѣвшій цѣ-

нить чужія искреннія мнѣнія. Получивъ письмо г-жи Прыщевой и зная, что оно—сплошная ложь и клевета, онъ, тѣмъ не менѣе, не оставилъ его безъ вниманія, а самъ пріѣхалъ съ нимъ къ дѣду и вотъ почему. Онъ зналъ, что на дѣда такъ и сыплятся кругомъ доносы, ябеды, всякія грязныя сплетни. Оставь онъ письмо Прыщевой безъ вниманія, новая гнусная клевета распространилась бы безпрепятственно кругомъ. Онъ хотѣлъ повести дѣло оффиціально, чтобы зажать ротъ сплетницѣ.

— Благодарю... благодарю!—еле выговорилъ бѣдный дѣдъ отъ волненія, сжимая руку предводителя, по прочтеніи привезеннаго имъ письма:—благодарю!... Оля!—крикнулъ онъ въ мою комнату.

Я вошла и застала дѣда съ письмомъ въ рукѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, дрожалъ, и мнѣ даже показалось, что въ его честныхъ, мужественныхъ глазахъ стоятъ слезы. Все выносилъ онъ до сихъ поръ молча, спокойно, твердо, но обвиненіе въ жестокости, въ варварствѣ со мною, его любимицей, наглое обвиненіе въ томъ, что онъ, любящій, добрый, мучитъ меня, — было выше его силъ.

— Оля,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подавая мнѣ письмо:—на, прочти и отвѣчай господину предводителю на его вопросы!

Взволнованная состояніемъ дѣда, я взяла письмо и стала читать. Дрожь меня проби-

рала, холодомъ сжимало мое тѣло, когда я пробѣгала эти гнусныя строки. Сердце у меня стучало, точно рвалось изъ груди, а къ горлу, къ глазамъ подступали слезы.

— И вы... и вы... могли повѣрить?... Могли?— чуть пробормотала я предводителю и разрыдалась.

— Ни одной строчкѣ, ни одному слову!— крикнулъ старикъ-предводитель, подбѣгая ко мнѣ и хватая мою руку:—ни одной буквѣ не вѣрю, дитя мое!

— Это ложь! это гнусность! это клевета!— кричала я, вся въ слезахъ.

— Конечно! Знаю!—отвѣчалъ предводитель.— Я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы имѣть возможность заткнуть глотку этой ужасной женщинѣ, чтобы выступить въ защиту вашего почтеннаго дѣдушки, котораго я,—какъ и вы,—уважаю. Но поймите же, дитя мое, что я долженъ былъ выполнить эту тяжелую формальность... Поймите...

Я уже не слушала... Я бросилась къ дѣду, который сидѣлъ блѣдный, тяжело дыша... Я цѣловала его, гладила сѣдые волосы, обливала лицо его слезами... И вдругъ дѣдъ не выдержалъ, схватился за грудь руками, не то застоналъ, не то зарыдалъ глухо, безъ слезъ, спазматически. Спазмы мѣшали ему дышать,— это былъ его первый припадокъ.

Предводитель, весь блѣдный, схватилъ графинъ и подбѣжалъ къ дѣду.

— Успокойтесь! — крикнулъ онъ мнѣ:—вы, дитя мое, только разстраиваете старика... Выпейте-ка, выпейте,—пройдетъ!

Дѣдъ быстро оправился, но я не могла успокоиться.

— Скажите, — рыдала я: — что̀ имъ всѣмъ сдѣлалъ дѣдъ, чего они отъ него хотятъ, за что его гонятъ и травятъ?

— Не его... не вашего дѣда,—перебилъ меня предводитель:—онъ никому зла не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ... Вы ошибаетесь! Это просвѣщеніе травятъ, науку, все то, чѣмъ надѣлила насъ Европа... Ему не хотятъ простить, что онъ не похожъ на нихъ, что онъ европеецъ, а не вандалъ... что онъ имѣетъ свои principes, что онъ стойкій, независимый человѣкъ... вотъ что̀! Это старая пѣсня, дитя мое!—закончилъ онъ, вздохнувъ.

За Прыщеву онъ взялся круто. Чтобы покончить дѣло, эта сплетница должна была написать ему формальное заявленіе, въ которомъ признавала ложью все письмо и просила извиненія. Копію этого письма она сама должна была переслать дѣду.

Такъ вотъ какіе люди окружали насъ съ дѣдомъ, какими розами надѣляла насъ жизнь. Удивительно ли, что дѣдъ такъ сильно, такъ беззавѣтно привязался ко мнѣ, своему дѣтищу, которому онъ передалъ и свою душу, и сердце, всѣ свои взгляды, свои симпатіи, и которое,—какъ онъ зналъ,—сохранитъ ихъ въ себѣ до

конца. Я дѣйствительно была его дѣтищемъ, всецѣло и нераздѣльно. Онъ переломилъ, перевоспиталъ меня, развилъ мое сердце, мою голову,—мы понимали другъ друга съ полуслова. Монотонно тянулись наши дни, но мы забывались за работой, за дѣломъ, и не скучали. До обѣда мы учились, играли на фортепіано, возились въ саду или въ оранжереѣ, въ которой были собраны чудеса флоры чуть ли не цѣлаго міра. Съ Миллеръ, доброй, старой Миллеръ, я скоро перестала заниматься, такъ какъ преподаваніе взялъ на себя дѣдъ, предоставивъ ей, къ ея великой радости, завѣдываніе домомъ. Она, любившая меня даже больше своей старой сѣрой кошки Амальхенъ, ни за что не хотѣла разставаться со мною и, такимъ образомъ, чувствовала себя прекрасно въ своей новой роли, тѣмъ болѣе, что безъ дѣла она оставаться не могла и, какъ всякая нѣмка, носила въ крови кухню и ключи.

Ну, и хозяйничала же она!...

— Ради Бога, поменьше картофеля и побольше масла, — не жалѣйте его! — упрашивалъ ее часто дѣдъ; но добрая, во всемъ и всегда уступавшая нѣмка, благоговѣвшая предъ дѣдомъ, тутъ, въ хозяйствѣ, была непоколебимо тверда въ своихъ принципахъ и въ своей скупости. Много картофеля и мало масла — было ея завѣтомъ и, волей неволей, стало подъ конецъ и нашимъ, благодаря ея твердости.

Послѣ обѣда мы катались верхомъ или гуляли по деревнѣ (послѣобѣденный моціонъ былъ тогда въ модѣ), заходя въ избы крестьянъ, которымъ дѣдъ всегда давалъ какіе-нибудь совѣты. Они любили его до обожанія и каждое слово принимали съ глубокою вѣрой. Помимо того, что дѣдъ, конечно, никогда не дрался, не бранился, какъ другіе, и дѣлалъ для нихъ все, что могъ,—всѣ они отлично знали, что дѣдъ хотѣлъ ихъ освободить. Не только свои, но и всѣ чужіе крестьяне какъ-то особенно мягко и любовно улыбались ему при встрѣчѣ.

— Здравствуй, батюшка, здравствуй, кормилецъ!—раздавалось вокругъ, при нашихъ прогулкахъ, и въ этихъ словахъ, въ ихъ тонѣ слышался не рабскій, вымученный привѣтъ, а чистая человѣческая радость, неподдѣльная, некупленная,—слышалась съ какимъ-то не то сожалѣніемъ, не то грустью. Да, грустью, потому что всѣ простые, бѣдные люди жалѣли его отъ души. Только отъ нихъ однихъ и слышалъ дѣдъ человѣческую ласку.

По вечерамъ мы читали въ библіотекѣ. Дѣдъ велъ строго-систематически эти чтенія и требовалъ отъ меня словеснаго или письменнаго отчета въ каждой прочтенной главѣ. Послѣ чтенія иногда мы устраивали балъ: зажигалась люстра въ залѣ, Миллеръ садилась за рояль, сбѣгалась вся дворня, и начинались танцы. Дѣдъ и я танцовали со всѣми, кого

только успѣли выучить, по очереди. Затѣмъ мы играли въ жмурки или другія игры,—если дѣдъ не устраивалъ туманныхъ картинъ съ объясненіями,—и хохотали и веселились, какъ ни въ чемъ не бывало, во всякомъ случаѣ, пріятнѣе и непринужденнѣе, чѣмъ всѣ Усатовы и Прыщевы цѣлаго міра.

Впрочемъ, объ одномъ я умолчала. Разъ въ мѣсяцъ, не чаще, мы получали отъ нашего единственнаго корреспондента, Сережи, письмо. Въ первые годы онъ сильно скучалъ по мнѣ и страшно рвался въ „Пустыньку", куда его, конечно, не пускали. Читая его письма, я сначала обыкновенно сильно разстраивалась. Въ нихъ сквозила грусть, скука и ясно слышалась жалоба на то, что ему, бѣднягѣ, не давали ни выспаться, ни наѣсться вволю.

Но съ теченіемъ времени, мало-по-малу, тонъ его писемъ сталъ значительно измѣняться—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Стала проскальзывать какая-то фальшивая нота безшабашнаго ухарства, хорошо знакомаго всѣмъ, помнящимъ тогдашнюю корпусную жизнь. Прежней мягкости, грусти, тоски по родному дому и скрытыхъ слезъ—какъ не бывало! Сережа все больше описывалъ корпусныя шалости съ нелюбимыми офицерами и дядьками,—шалости, которыя въ его глазахъ, очевидно, принимали характеръ подвиговъ, сообщалъ разныя обидныя прозвища ихъ, вродѣ: „жаба", „корыто", „хлюстъ" и т. п., и къ тому же все поры-

вался на модный тогда Кавказъ „бить черкесовъ“. Признаться, этотъ новый тонъ писемъ былъ мнѣ очень непріятенъ, даже больше, чѣмъ дѣду, который иногда увѣрялъ, что все это пройдетъ. Въ особенности не понимала я этой безпричинной ненависти къ черкесамъ, этой жажды бить ихъ... Лермонтовъ научилъ меня, напротивъ, любить Кавказъ и его вольнолюбивый, храбрый народъ.

Разъ, за вечернимъ чаемъ, намъ подали новое письмо, и дѣдъ, внимательно прочитавъ его, сильно нахмурилъ брови.

— Бѣдный мальчикъ! — сказалъ онъ при этомъ:—какъ бы изъ него въ самомъ дѣлѣ не вышелъ отчаянный кадетъ... На, Оля, прочти!..

Письмо дѣйствительно было странное,— страннѣе всѣхъ, до сихъ поръ полученныхъ. Оно начиналось прямо, безъ всякихъ предисловій, безъ обыкновенныхъ „дорогой дѣдъ“ или „милая Оля“, съ фразы: „Мнѣ дали пятьдесятъ, и я ни разу не вскрикнулъ!“ Затѣмъ шло только описаніе, за что именно достались ему эти „пятьдесятъ“: онъ вымазалъ чернилами носъ заснувшему въ креслѣ дежурному офицеру.

Эти первыя розги стоили мнѣ многихъ горячихъ слезъ. Но вскорѣ я тоже привыкла и перестала плакать, такъ какъ каждое новое письмо Сережи неизмѣнно сообщало о новыхъ „пятидесяти“ или о бо́льшей цифрѣ, которыми онъ, очевидно, хвасталъ. Мало того, онъ ста-

рательно, съ какою-то непонятною мнѣ гордостью, складывалъ эти цифры въ сумму и въ каждомъ своемъ письмѣ подводилъ итоги. Итогъ росъ съ невѣроятною быстротой: Сережа ворочалъ тысячами. Тщетно писала я ему, что мнѣ и дѣду такое поведеніе его тяжело, непріятно, обидно, что хвастаться розгами гнусно и недостойно,—онъ не обращалъ на мои слова (дѣдъ ему не писалъ) ни малѣйшаго вниманія и даже увѣрялъ, что я, „какъ баба“, не могу понять „истиннаго кадета“. Дѣдъ все больше хмурился, сердился на эти письма, а цифры все росли и росли. Наконецъ, мы получили отъ него письмо всего въ нѣсколько строчекъ: „Передъ фронтомъ дали 300 и на шинеляхъ отнесли въ лазаретъ. Лежу. Пришлите денегъ!“

Со мной чуть дурно не сдѣлалось, и дѣдъ принялся меня успокаивать.

— Въ лазаретѣ-то онъ, въ лазаретѣ, но про триста вретъ: такъ не порютъ!—говорилъ онъ, угрюмо шагая взадъ и впередъ.—Знаешь что, Оля? Напиши-ка ему, что перестанешь отвѣчать на письма, если въ нихъ будутъ одни итоги розогъ, право! Можетъ быть, одумается, а? Какъ ты думаешь?

Я такъ и сдѣлала, но—простите!—я опять забѣжала впередъ, и далеко впередъ!

До этого печальнаго письма, еще задолго до него, на долю бѣднаго дѣда выпало много горя, чуть не перевернувшаго вверхъ дномъ все наше мирное, тихое житье въ глухой „Пустынькѣ“...—И все опять за его доброту, за высокую честность, за справедливость. Конечно, тутъ опять постарались наши добровольцы-соглядатаи, наши враги, которые никакъ и никогда не могли простить дѣду того, что онъ былъ не дикій самодуръ, не безшабашный псовый охотникъ, не бичъ всего окружающаго, а просвѣщенный, гуманный человѣкъ, настоящій европеецъ. Да, да, именно европеецъ: это—самое подходящее слово, самый вѣрный эпитетъ. По убѣжденію нашихъ враговъ, все, что не пило, не дралось, не уськало зайцевъ, не вѣрило въ чертовщину и лѣшихъ, не пороло людей на конюшнѣ,—было не русское, не исконно-русское, а чужеземное, позорное, преступное даже. Только этимъ исчерпывался, по ихъ мнѣнію, настоящій русскій духъ. Читать книги, слѣдить за газетами, интересоваться общественною жизнью и ея вопросами,—вообще, чѣмъ бы то ни было, выходящимъ изъ сферы перечисленнаго, даже обращаться ласково съ людьми,—было, по меньшей мѣрѣ, смѣшно, глупо, подозрительно. Все это величалось „массонствомъ“, „умничаньемъ“, „сованьемъ носа не въ свое дѣло“. И такія вещи высказывались вслухъ, громко, съ апломбомъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Европа

съ ея наукой, цивилизаціей, гуманностью, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она была выше и впереди насъ, осыпалась насмѣшками, бранью, забрасывалась грязью, затаптывалась ногами... „Шапками закидаемъ!“—только и всего. И печать,—этотъ, по-настоящему, факелъ общественной жизни, ея нервъ,—подлая, продажная булгаринская печать громко вторила такому слѣпому карканью. Что̀ это было за время, что́ за дикое время!

И, однако, что бы съ нимъ ни случилось, какія бы тяжелыя непріятности ни выпадали ему на долю, какъ бы скверно ни приходилось, мой славный дѣдъ никогда не поддавался, никогда не терялъ вѣры въ себя, въ жизнь, въ будущее, — нѣтъ, никогда! Онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же, — неизмѣнно хорошимъ, честнымъ человѣкомъ. Онъ вѣрилъ,—всецѣло вѣрилъ,—что наступитъ, должно наступить другое время; что его взгляды, его убѣжденія получатъ свою санкцію и право на жизнь, что они станутъ общимъ достояніемъ. Онъ вѣрилъ, что его часъ, его время придетъ, — и оно пришло, дѣйствительно пришло впослѣдствіи, — пришло чудное, розовое, мягкое, бодрящее, какъ ясный разсвѣтъ майскаго утра, — но чего только не пришлось вынести до его прихода! И, главное, зачѣмъ? зачѣмъ? Виновникомъ непріятностей, о которыхъ я сказала выше, явился опять тотъ же сосѣдъ нашъ, Усатовъ. Благодаря его стараніямъ, дѣдъ чуть

не поплатился ссылкой въ свою далекую, глухую деревушку, на крайнемъ сѣверо-востокѣ. Началось съ того, что Усатовъ, всегда искавшій случая насолить дѣду, жестоко высѣкъ одного изъ дѣдушкиныхъ крестьянъ, почтеннаго, умнаго старика Ефима, когда тотъ возвращался изъ города мимо усатовской усадьбы. Высѣкъ безъ всякой вины со стороны того, самымъ наглымъ образомъ приказавъ своей дворнѣ схватить его, втащить во дворъ и бить, какъ только узналъ въ немъ дѣдушкина крестьянина.

— Кланяйся барину, да не забудь разсказать, какъ у меня учатъ! — съ хохотомъ приказалъ онъ несчастному послѣ расправы.

Когда плачущій старикъ передалъ все это дѣду и попросилъ у него защиты,—дѣдъ, какъ и я, пришелъ въ сильное негодованіе и обѣщалъ Ефиму сдѣлать все возможное, чтобы Усатову не прошло это даромъ. Онъ дѣйствительно сейчасъ же написалъ предводителю и исправнику, требуя формальнаго слѣдствія и преданія Усатова суду за истязаніе. Посланные имъ вернулись въ тотъ же день вечеромъ съ отвѣтомъ: отъ предводителя, что онъ дѣла этого не оставитъ,—отъ исправника, что тотъ пріѣдетъ завтра самъ.

Исправникъ дѣйствительно пріѣхалъ на другой же день и сталъ приставать къ дѣду— не начинать дѣла, а какъ-нибудь мирно покончить съ Усатовымъ, давая понять, что у

того есть сильныя связи въ губерніи и что, такимъ образомъ, дѣло легко можетъ кончиться ничѣмъ для Усатова, а дѣду надѣлать только лишнихъ непріятностей. Но дѣдъ, понятно, ничего и слышать не хотѣлъ. Волей-неволей пришлось исправнику приступить къ формальному дознанію, что онъ сдѣлалъ крайне неохотно. Добрый человѣкъ, никому не желавшій зла, онъ дѣйствительно боялся за дѣда, зная, какъ легко напакостить человѣку въ его положеніи.

— Плюньте вы на него, подлеца! Разбойникъ, вѣдь, всему уѣзду извѣстный!.. — твердилъ онъ и послѣ допроса: — право, плюньте! Я помогу кончить миромъ и самъ посовѣтую ему, разбойнику, дать что-нибудь потерпѣвшему... а, право?

Но дѣдъ твердо стоялъ на своемъ.

— Законъ, ограждающій людей, не долженъ оставаться мертвою буквой!... Не могу!... Да и какое имѣю я право идти на сдѣлку, когда потерпѣвшій обратился ко мнѣ за защитой?

— Помилуйте, если дѣло въ этомъ, — радостно закричалъ исправникъ: — такъ и толковать нечего: мужикъ охотно возьметъ рубль-другой и успокоится.

— Ты согласенъ взять деньги? — спросилъ дѣдъ Ефима, стоявшаго молча у порога.

Ефимъ былъ нѣсколькими годами только моложе дѣда, но еще бодрый, свѣжій мужикъ, съ громадною бородищей, въ которой не было

ни одного сѣдого волоска. Это былъ умный, степенный, гордый мужикъ, во всю свою жизнь не испытавшій розогъ, прекрасный хозяинъ, глава большой семьи. Дѣдъ навѣщалъ его часто и очень любилъ бесѣдовать съ нимъ, какъ съ умнымъ, крайне любознательнымъ человѣкомъ.

— Согласенъ?—переспросилъ дѣдъ, не сводя съ него тревожнаго взгляда. Согласіе обидѣло бы его.

Я тоже не спускала любопытныхъ глазъ съ Ефима, стараясь уловить въ его лицѣ волновавшія его мысли, но оно было безстрастно и спокойно, точно высѣченное изъ камня.

— Если есть такой законъ, баринъ, такъ не слѣдъ мнѣ противъ него идти,—грѣхъ это! — сказалъ онъ спокойно. — Пусть, какъ законъ, а денегъ мнѣ не надо... Чай, тоже душу имѣемъ!

Я чуть не бросилась къ Ефиму на шею, а дѣдъ обернулся къ исправнику, торжествующій, довольный и гордый.

— Слышали?... Онъ, можетъ быть, плохо выразился, но онъ много сказалъ...—Не могу!

Исправникъ махнулъ рукой и уѣхалъ, отказавшись даже отъ обѣда.

Все это было только началомъ; но послушайте, что̀ вышло дальше. Черезъ нѣсколько дней, какъ разъ вслѣдъ за днемъ моего рожденія,—мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ и мы отпраздновали ихъ своимъ веселымъ пи-

ромъ, — къ крыльцу нашего дома подошло десять оборванныхъ, изможденныхъ усатовскихъ крестьянъ и стали въ рядъ, обнаживъ покорно головы.

— Чего вамъ, добрые люди? — спросилъ крайне удивленный дѣдъ.

— Къ твоей милости! — отвѣтили тѣ, низко кланяясь. — Не знаемъ!... Баринъ прислалъ... Вотъ, записку далъ!... И дѣду подали усатовскую записку.

Онъ пробѣжалъ ее глазами... Я не спускала съ него тревожнаго взгляда, предчувствуя что-то недоброе. И дѣйствительно дѣдъ все блѣднѣлъ и блѣднѣлъ. Губы, подбородокъ, руки у него затряслись.

— Дѣдъ!... дѣдъ!... — бросилась я къ нему, боясь новаго припадка.

Дѣдъ повернулъ ко мнѣ лицо, — оно было страшно. Глаза потускли, губы посинѣли, брови то сжимались, то разжимались; я никогда не видала его такимъ. Онъ былъ внѣ себя, полонъ той страшной ярости, на которую способны только крайне сдержанные люди, когда ихъ, наконецъ, прорветъ. Онъ дрожалъ, задыхаясь, судорожно глоталъ воздухъ и совалъ мнѣ записку.

„Такъ какъ я узналъ,—писалъ Усатовъ:— что вы обидѣлись на меня за то, что я поучилъ немного одного изъ вашихъ каналій, то, чтобы загладить обиду, нанесенную столь великомудрому сосѣду, посылаю десятокъ сво-

ихъ мерзавцевъ, которымъ вы можете всыпать, сколько угодно, а я претендовать не буду".

— Знаете... знаете... — кричалъ дѣдъ, судорожно сжимая желѣзную рѣшетку балкона: — знаете, что пишетъ вашъ баринъ, этотъ звѣрь... этотъ мер... мерзав.. знаете?

— Не знаемъ!—кланялись испуганные люди.— Мы ничего не знаемъ!

— Знаете? — не слушалъ ихъ дѣдъ. — Онъ предлагаетъ мнѣ сѣчь васъ!... Слышите! Сѣчь! Ни въ чемъ неповинныхъ! Но скажите ему, что онъ — подлецъ... Нѣтъ... скажите ему, что онъ... не... го... дяй!

— Дѣдъ, — умоляла я, плача: — успокойся!

— Нѣтъ! — продолжалъ онъ, не обращая на меня вниманія: — нѣтъ, стойте!.. Стойте, говорю вамъ! (крестьяне собрались бѣжать). Скажите ему, что я не *па-лачъ!* Слышите? — не палачъ! и поэтому, — слышите — *поэтому* я плюю на него... вотъ такъ!... — И дѣдъ плюнулъ.

Крестьяне повернулись, но дѣдъ не унимался, несмотря на то, что я повисла у него на шеѣ.

— Оля! — кричалъ онъ мнѣ: — Оля... Нѣтъ!... это пустяки!... пусти меня!... Вели закладывать и давай мнѣ мои пистолеты! Слышишь, писто... Слышишь?... Я еще могу, — о... могу... я!...

Но онъ уже ничего не могъ больше, — бѣдный, бѣдный дѣдъ! Онъ лежалъ безъ дви-

женія на каменномъ полу, только урывками, съ какимъ-то стономъ глотая воздухъ. Что дѣлала я — не помню, не знаю. Помню только не то крикъ, не то молитву сбѣгавшагося народа: „спаси тебя Господь!“ — звучало кругомъ, и теперь еще, когда я пишу эти строки, стоитъ громомъ въ моихъ ушахъ.

Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ бѣдный дѣдъ въ постели, и что это за мѣсяцъ былъ для меня! Откуда только брались у меня силы: двигаться, ходить, казаться бодрой въ глазахъ дѣда, чтобы не пугать его, несмотря на безсонныя ночи и овладѣвавшее мною по временамъ страшное отчаяніе. Хотя лѣкарь Шнупфъ и увѣрялъ меня постоянно, что все это „ничво,— отъ пичонка“, я видѣла, какъ дѣдъ хирѣлъ и таялъ изо дня въ день. На его: „это карашо!“ — я не обращала никакого вниманія, такъ какъ эти слова онъ говорилъ всегда и при всякомъ случаѣ, даже когда паціентъ приближался къ агоніи. Но все-таки онъ спасъ дѣда. Дѣдъ оправился, хотя у него открылась старая турецкая рана. „Это ничво, это карашо!“ — говорилъ добрый старикъ Шнупфъ, разводя руками отъ изумленія, что скверная рана не поддается его искусству: — „это карашо!“ — но бѣдный дѣдъ могъ ходить, только опираясь на мою руку.

А пока онъ лежалъ, борясь между жизнью и смертью, по уѣзду летали курьеры, скакали слѣдователи, производя строгое дознаніе по

доносу Усатова, обвинившаго дѣда „въ возбужденіи“ его крестьянъ, — тѣхъ десяти, что онъ присылалъ къ дѣду, — „въ поношеніи и попраніи его власти и авторитета“! Казалось бы, возможно ли возникнуть подобному обвиненію, а, между тѣмъ, оно не только возникло, но и повело за собою цѣлое слѣдствіе, выставившее дѣда какимъ-то злымъ, опаснымъ человѣкомъ, котораго слѣдовало упрятать возможно дальше. Да, жалоба дѣда на Усатова канула подъ сукно; послѣдній дѣлался обвинителемъ, а обвиняемымъ — дѣдъ! Вотъ что значили усатовскія связи.

Дѣдъ чуялъ собиравшуюся надъ нимъ грозу, но былъ такъ же твердъ и гордо-спокоенъ, какъ и всегда. Да и могъ ли быть инымъ подобный человѣкъ — этотъ мощный, твердый дубъ, не ломавшійся ни подъ какою бурей, — разъ только онъ считалъ себя правымъ? Стороной ему давали понять, что если онъ замнетъ свое дѣло съ Усатовымъ, то его оставятъ въ покоѣ, но гордый дѣдъ всегда отвѣчалъ на подобные намеки, что никакихъ сдѣлокъ съ негодяемъ у него быть не можетъ. И обвиненіе противъ него росло.

Разъ, когда я водила его по любимой аллеѣ, ему подали письмо отъ предводителя. Этотъ честный человѣкъ увѣдомлялъ дѣда, что, благодаря усатовскимъ связямъ и пристрастному веденію слѣдствія, дѣла его очень плохи, и ему грозитъ ссылка въ далекую, глухую де-

ревеньку. Возмущаясь, негодуя, называя все прямо „подлостью“, онъ совѣтовалъ ему непремѣнно обратиться къ кому-нибудь изъ прежнихъ вліятельныхъ знакомыхъ въ столицѣ. „Нужно бороться съ противникомъ, — писалъ онъ: — его же оружіемъ... На протекціи и связи отвѣчайте тѣмъ же“!

Кончивъ читать, дѣдъ глубоко задумался, а я расплакалась.

— Ну, что, дѣдъ?... Что, голубчикъ дѣдъ? — тревожно спрашивала я, роняя слезы: — ты напишешь, да?

— Напишу, Оля, — отвѣтилъ дѣдъ, и лицо его сжалось: — но только ради тебя, дорогая моя птичка, ради тебя... Для себя я никогда бы не просилъ!

Меня точно ожгло отъ этихъ словъ.

— Дѣдъ! — почти испуганно крикнула я: — для меня? — ни за что! Пусть хоть въ адъ, — ни за что! Не пиши!.. Намъ вездѣ будетъ хорошо съ тобой!

Дѣдъ обнялъ меня и сталъ гладить мои волосы,—онъ ихъ очень любилъ. Двумя пальцами взялъ онъ меня за подбородокъ и посмотрѣлъ въ глаза; они глядѣли прямо, смѣло и рѣшительно. Поборовъ горе, я улыбалась.

— Славная ты у меня, Оля, славная!—сказалъ онъ мнѣ первый разъ за все время нашей жизни.

Но тутъ мнѣ вновь стало жаль его, и я расплакалась.

— И чего они хотятъ отъ тебя? за что гонятъ?—причитала я сквозь слезы, цѣлуя его руки.

Дѣдъ выпрямился; ему, видимо, страшно тяжелы были мои слезы. Онъ взялъ мою руку, сжалъ ее и сказалъ:

— Не плачь, Оля, не плачь, моя внучка! Не меня это преслѣдуютъ, нѣтъ! Припомни слова предводителя, давно тебѣ сказанныя! Это невѣжество ополчилось, тьма, которая боится и не любитъ свѣта... Это не меня травятъ, а интеллигента въ моемъ лицѣ... Онъ теперь не нуженъ, его бьютъ, топчутъ... Но онъ понадобится... Погоди, всѣмъ понадобится и всѣ побѣгутъ къ нему! Наше время придетъ, погоди, какъ это ни кажется маловѣроятнымъ! Ни одинъ живой организмъ не можетъ обойтись безъ свѣта, а общество—тотъ же организмъ. Тьма разсѣется, какъ бы только не пришлось намъ всѣмъ дорого расплачиваться за ея долгое владычество!..

Дѣдъ вѣрно пророчилъ. Въ тотъ же годъ началась расплата,—началась страшная Крымская война.

Если между явленіями общественной жизни и природы можно проводить параллели и строить на нихъ аналогіи, то эта война была тою бурей-грозой, послѣ которой неминуемо всегда наступаетъ свѣтлое вёдро. Но что́ это за гроза была, что́ за буря,—даже вспомнить страшно, и никогда не понять тому, кто самъ

не гнулся подъ ея напоромъ. Не было уголка въ цѣлой странѣ, гдѣ бы ея порывы не вносили невыразимаго горя. Каждый пушечный выстрѣлъ вызывалъ вопли матерей, каждая граната разсыпалась по странѣ слезами. Сколько жизней погибло, сколько слезъ,—горячихъ слезъ,—омочило землю, сколько вдовъ и сиротъ осталось на свѣтѣ!... Но кто же ихъ сосчитаетъ? Ратники, войска,—войска, ратники, раненые за ранеными, панихиды за панихидами, слезы, вопли и пораженія за пораженіями,—вотъ что только стояло въ глазахъ, что было ясно, понятно, что сознавалось всѣми! Ужасъ страшныхъ пораженій, когда заранѣе почти всѣ были такъ увѣрены въ побѣдахъ, всѣ кричали: „шапками закидаемъ!“—съ паѳосомъ декламируя булгаринско-патріотическія риѳмы,—этотъ ужасъ какъ-то ошеломилъ, озадачилъ: однихъ привелъ въ колоссальное недоумѣніе, другихъ—въ оцѣпенѣніе. Никто, кажется, ничего не понималъ, не видѣлъ, не сознавалъ, кромѣ того, что стояло прямо предъ глазами. Горькая была эта чаша, и да минуетъ она насъ навѣки!..

Черная рѣчка... Инкерманъ... Севастополь—кто не понималъ съ ужасомъ этихъ страшныхъ именъ смерти, въ комъ не вызывали они содроганія?

За этою грозой, за общимъ горемъ, о преслѣдованіи дѣда какъ-то забыли. Начатое слѣдствіе заглохло, кануло въ воду,—о немъ ни-

чего не было слышно. Мы не поминали, намъ было тоже не до того! Нашъ домъ превратился въ мастерскую, въ которой я, Миллеръ, Настя, Анюта и всѣ прочія мои подружки съ утра до вечера щипали корпію и шили бѣлье для ратниковъ, а широкій, прекрасный дворъ—въ громадныя пекарни, гдѣ дѣдъ и по ночамъ даже возился со своими сухарями. Цѣлыя горы ихъ отправлялъ онъ совершенно безвозмездно, почти каждый день. Всѣ запасы хлѣба превратилъ онъ въ сухари, а все ворчалъ, что мало. Въ особенности обидно ему было, что самъ онъ не можетъ идти въ Севастополь.

— Старъ я сталъ, Оля...—говорилъ онъ:—а нужно бы!... Всѣ... вся Россія идетъ!...

— Ну, куда же тебѣ, дѣдъ,—уговаривала я его:—вѣдь, тебя Шнупфъ не пуститъ. Ты ходить не можешь изъ-за раны!...

— То-то и плохо, Оля, то-то и плохо,—грустно отвѣчалъ онъ: — подаваться я сталъ, подаваться!.. А нужно бы...

Вотъ въ это-то время мы получили замѣчательное письмо Сережи, извѣщавшее насъ о „трехъ стахъ“ и о лазаретѣ,—письмо, о которомъ я упомянула выше. На другой день, утромъ, когда я кончила уже свой извѣстный отвѣтъ на него, ко мнѣ подошелъ дѣдъ.

— Я плохо тебѣ посовѣтовалъ, дитя мое...—сказалъ онъ.—Напиши-ка лучше Сережѣ, чтобы онъ просился въ Севастополь юнкеромъ, право! Ему уже восемнадцать лѣтъ, учится

онъ изъ рукъ вонъ плохо, по нѣсколько лѣтъ въ классѣ сидитъ,—пусть-ка идетъ въ Севастополь... Честнѣе, чѣмъ подъ розгами лежать!

У меня такъ и сжалось сердце.

— Въ Севастополь, дѣдъ?... Сережа?

— А что же, Оля? Всѣ идутъ!... Въ двѣнадцатомъ году дѣти шли!... И что онъ за исключеніе?... Царскія дѣти подъ пулями стояли!...

Невесело было мнѣ посылать такой совѣтъ, но я все-таки написала, потому что сознавала его справедливость. Только Сережѣ не суждено было увидѣть Севастополь,—онъ сильно заболѣлъ въ это время, о чемъ насъ извѣстило корпусное начальство. Дѣдъ хотѣлъ было уже просить отпуска въ Москву, но пришло извѣстіе, что бѣдняга поправляется и жизнь его внѣ опасности. Бѣдняга, кажется, былъ правъ, сообщая о „трехъ-стахъ“!

Война кончилась!... Буря-гроза промчалась, поломавъ многое, но очистивъ воздухъ... „Миръ!“ „миръ!“—радостно носилось кругомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуялось, что что-то лопнуло, порвалось,—что́ собственно, никто не могъ бы сказать опредѣленно,—но что-то тяжелое, гнетущее рухнуло и откуда-то разомъ понесло жизнью, радостью, надеждами... Жизнь улыбалась,—а что за прелесть ея улыбка! Какъ пошлы, какъ невыразительны всѣ аналогіи, всѣ сравненія ея, хотя бы съ улыбкой яснаго

весенняго утра!... Какое утро, какой мигъ изъ міра явленій природы можетъ дать хотя приблизительное понятіе о пробужденіи человѣческаго духа,—объ этой прелести всеобщаго людского оживленія, съ его энтузіазмомъ, кипучею страстностью, горячими порывами, вѣрой въ одно добро, одно чистое добро!...

Откуда-то разомъ взялись новые люди; пошли новыя рѣчи, новые толки и взгляды... Дѣло историка-психолога—разобрать и показать, какъ все это могло случиться сразу; я же констатирую только то, что наблюдала и чувствовала. Съ новымъ царствованіемъ точно началась новая эра въ жизни, народилось, точно сразу, новое поколѣніе... Это вставалъ пришибленный, загнанный интеллигентъ; къ нему обращались всѣ взоры, отъ него ждали обновляющаго слова и труда; его звали поднять, оправить, воззвать къ жизни помятое, разбитое, обезсиленное... *Новый часъ наставалъ!*—сегодняшнее совсѣмъ не походило на вчерашнее! Что̀ еще только вчера казалось несбыточнымъ, даже не тѣснилось въ головѣ и, во всякомъ случаѣ, не вертѣлось на языкѣ,—сегодня уже являлось такимъ естественнымъ, высказывалось такъ громко, такъ твердо, какъ самое непоколебимое убѣжденіе, какъ несокрушимый фактъ. А въ pendant къ этому все, что вчера еще считалось сильнымъ, непоколебимымъ, теперь вдругъ пряталось, стушевывалось, старалось не попадаться на глаза. Уса-

товыхъ, Прыщевыхъ—какъ не бывало, точно въ воду канули! Ихъ сразу какъ-то забыли, точно ихъ и на свѣтѣ совсѣмъ не было, а если который-нибудь изъ нихъ являлся на сцену въ новой роли и, закрывъ глаза на прошлое, кричалъ о гуманности и прочихъ высокихъ матеріяхъ, стараясь подчасъ забирать октавой выше другихъ, ему жали руки, какъ другу, какъ своему, все забывая, все прощая, не разбираясь въ его прошломъ, въ его искренности или неискренности... Юность всегда великодушна, забывчива и полна всепрощенія... А это была юность жизни! И дѣдъ ожилъ!... Опала была съ него скоро снята: это извѣстіе привезъ ему самъ вновь назначенный губернаторъ, пріѣхавъ съ визитомъ. Дѣдъ принялъ его съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и съ большимъ достоинствомъ. Какъ теперь помню я эту величественную, высокую фигуру сѣдого дѣда, а передъ нимъ губернатора, обвѣшаннаго орденами. Послѣдній кажется, остался немного разочарованнымъ,—онъ разсчитывалъ на бóльшій эффектъ.

— Я привезъ вамъ радостную новость,—говорилъ онъ, пожимая руку дѣда:—и надѣюсь, что прошлое вами забудется... Ваши силы понадобятся *намъ*, очень понадобятся...

Онъ особенно упиралъ на слово „намъ“.

— Благодарю государя моего, — отвѣчалъ дѣдъ:—отъ всего сердца и желаю ему успѣха во всѣхъ начинаніяхъ... Всю жизнь, кровь по

каплѣ всегда готовъ отдать на пользу его народа; но я старъ уже, дряхлъ,—у него найдутся лучшіе слуги, болѣе молодые... Новыя пѣсни,—нужны и новые люди!...

— Вы самый *новый* человѣкъ, именно для новыхъ пѣсенъ!—галантно подхватилъ губернаторъ, охорашиваясь.—N'est ce pas, mademoiselle?—и онъ щелкнулъ слегка шпорами въ мою сторону.

— О, да!—отвѣчала я отъ всего сердца:—да!... Но его рана!... Докторъ посылаетъ дѣда непремѣнно за границу!

— Что-жъ, и поѣзжайте! Я немедленно пришлю вамъ паспортъ... Но возвращайтесь скорѣе... Вы знаете?—мы (губернаторъ сдѣлалъ опять сильное удареніе на „мы"),—мы начнемъ настоящую bataille со всѣмъ этимъ...—онъ покивалъ пальцами:—спѣшите!

Хотя Шнупфъ и кричалъ постоянно „карашо" или успокаивалъ, что все это происходитъ отъ ненавидимой имъ почему-то „пичонка", но рана дѣда безпокоила его сильно, и онъ настоятельно посылалъ больного за границу... Мы быстро собрались и... Но я опять забѣжала впередъ.

Послѣ своей болѣзни Сережа писалъ намъ очень рѣдко и мало. Въ его письмахъ не было уже ни цифръ, ни розогъ, и почти ничего не было. Всѣ они стали какими-то сухими, оффиціальными отвѣтами на мои длинныя письма: живъ, молъ, здоровъ, и больше ничего!... Объ-

ясняли мы это различно: то лагерною жизнью, то тѣмъ, то другимъ, но серьезно задаться этимъ вопросомъ какъ-то не успѣли. Разъ, помню, онъ даже сильно удивилъ насъ съ дѣдомъ, высказавъ въ письмѣ, вскользь, удивленіе, что люди находятъ удовольствіе въ истребленіи другъ друга. Это такъ не походило на прежняго Сережу, такъ не вязалось съ его старымъ желаніемъ бить черкесовъ! „Видишь, я тебѣ говорилъ, что это пройдетъ!— сказалъ довольный дѣдъ.—Мальчикъ, кажется, мѣняться сталъ. Исполать ему!“—И дѣйствительно, Сережа „мѣнялся“.

Представьте же себѣ наше удивленіе, когда къ намъ, сидѣвшимъ за вечернимъ чаемъ и мирно гадавшимъ о предстоявшей поѣздкѣ заграницу, нежданно вошелъ высокій, блѣдный, черноглазый кадетъ, въ которомъ такъ трудно было признать съ перваго взгляда Сережу. Онъ вошелъ свободно, спокойно и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ цѣловать дѣда и меня.

— Сережа, ты ли это?—кричала я, не вѣря себѣ и плача отъ радости.

— Я... я... А какъ ты выросла, Оля, какая громадная стала!—говорилъ онъ, не выпуская меня изъ объятій. —И дѣдъ какъ постарѣлъ!...

— А ты молодцомъ сталъ... молодцомъ!— отвѣчалъ ему дѣдъ, обнимая его стройную, сильную фигуру въ истрепанной, засаленной кадетской курткѣ.—Молодецъ, братъ!

Мы ликовали, смѣялись, шутили, какъ никогда. Дѣдъ, однако, опомнился первый и спросилъ:

— Ты какъ же пріѣхалъ... въ отпускъ?

— Нѣтъ, не въ отпускъ!—замялся какъ будто Сережа.

— Исключили?

— Нѣтъ!... Просто,—взялъ да и пріѣхалъ!—онъ опустилъ глаза.

— Безъ позволенія? безъ отпуска?... Такъ ты бѣжалъ?—Сережа сильно зарумянился.

— Не выдержалъ, дѣдъ!... Надоѣлъ корпусъ!

— О!—сказалъ дѣдъ:—это ты плохо придумалъ!... Теперь хлопотъ сколько будетъ съ корпуснымъ начальствомъ!... Лучше бы написалъ, что хочешь выйти,—я бы подалъ прошеніе о твоемъ увольненіи. А теперь...

Но тутъ мы оба съ Сережей бросились къ дѣду и стали его упрашивать. Дѣдъ сейчасъ же успокоился,—тѣмъ болѣе, что Сережа ему очень понравился. Юношеская смѣлость и неразсчетливость, правду сказать, подкупили-таки дѣда. Онъ уже улыбался и только говорилъ:

— Экая безшабашная голова! И въ кого ты пошелъ?

— Въ тебя, дѣдъ,—отвѣчалъ ему Сережа:—въ тебя!...—и смѣялся, обнимая сѣдого, добраго старика, который тоже разсмѣялся.

— А, вѣдь, и правда! — говорилъ онъ: — я, вѣдь, тоже когда-то выкинулъ въ этомъ родѣ... Но что́ ты будешь дѣлать?

— Въ университетъ пойду.

— Въ университетъ? — удивился дѣдъ. — А экзаменъ?

— Захочу—подготовлюсь!... Я и учителя себѣ привезъ!—смѣло отвѣтилъ дѣду Сережа.

— Гдѣ же онъ?—спросили мы съ дѣдомъ въ одинъ голосъ.

— Въ деревнѣ остался,—сейчасъ придетъ!... Пѣсни услышалъ и сталъ записывать... Онъ этнографъ...

Мы все больше и больше удивлялись и Сережѣ, и его словамъ, и его учителю. Дѣду сильно по душѣ пришлось желаніе Сережи идти въ университетъ; онъ нѣсколько разъ назвалъ его молодцомъ (а, вѣдь, онъ былъ скупъ на похвалы) — и совсѣмъ забылъ, что ему придется много хлопотать, чтобы замять исторію бѣгства изъ корпуса и предотвратить дурныя ея послѣдствія. Сережа сталъ намъ подробно излагать свое „перерожденіе", какъ онъ „прозрѣлъ", по его словамъ, и все больше подкупалъ дѣда въ свою пользу. Прежде всего, „на нихъ, кадетъ, повліялъ" новый учитель словесности, который-де, какъ говорилъ Сережа, научилъ ихъ „*смотрѣть на жизнь глубже...*" Затѣмъ, случайная встрѣча его съ привезеннымъ учителемъ довершила дѣло. По его словамъ, этотъ другъ—студентъ—былъ „замѣчательно сильный человѣкъ, начитанный" и „другъ народа". Всѣмъ онъ былъ обязанъ себѣ, своимъ силамъ, такъ какъ былъ круглымъ сиро-

той и такимъ же бѣднякомъ. Въ университетъ, въ столицу, онъ прибрелъ пѣшкомъ изъ далекой губерніи.

— Да, судя по твоимъ словамъ, — сказалъ дѣдъ: — это дѣйствительно недюжинный человѣкъ!

— О, ты самъ увидишь! — восторженно, весь сіяя, подхватилъ Сережа, а я все глядѣла въ окно, чтобы увидать, наконецъ, этого „сильнаго“ человѣка, который, признаюсь, меня заинтересовалъ... Слово „сильный“ не выходило у меня изъ головы.

Онъ вошелъ и сразу расположилъ насъ къ себѣ. Его сутуловатая, тощая фигура была некрасива, движенія угловаты, — въ нихъ сквозила робость, непривычка въ обществу, — но глаза глядѣли такъ умно, прямо, честно, что невольно заставляли забывать все это. Къ тому же, разговорившись, онъ пріободрился и сталъ держать себя непринужденнѣе. Оказалось, что онъ только въ пути узналъ о бѣгствѣ Сережи, не подозрѣвая даже, что тотъ ѣдетъ безъ разрѣшенія, но находилъ, что все это вполнѣ въ его характерѣ, насколько онъ успѣлъ его узнать.

— Думаете ли, что у него хватитъ выдержки подготовиться? — спросилъ дѣдъ.

— Думаю, что онъ добьется того, чего онъ хочетъ! — отвѣтилъ тотъ, какъ всегда, коротко, ясно и сжато. Дѣду очень понравился этотъ отвѣтъ.

— Ну, исполать ему!—весело сказалъ онъ.— Лучшаго я ему ничего и пожелать не могу! А, признаться, сильно смущалъ онъ меня своимъ кадетскимъ удальствомъ и похвальбой розгами. Думалъ, выйдетъ забулдыга!... Вы знаете?...

— Знаю и нахожу естественнымъ, — возразилъ тотъ. — Энергіи дѣвать было некуда, выхода не было другого для болѣе живыхъ натуръ.

— Ну, положимъ! — отвѣтилъ дѣдъ. — Вѣдь, не всѣ же... Вѣдь, вотъ вы, вѣроятно, иначе расходовали свою энергію...

— Я—другая статья... Мнѣ съ раннихъ лѣтъ пришлось мать содержать. Работать нужно было... Мужикъ, вѣдь, я...

Глаза дѣда ясно блеснули теплымъ сочувствіемъ, а мнѣ вдругъ стало жаль юношу... Много вынесеннаго горя сквозило въ этомъ: „мужикъ, вѣдь, я“.

— Вы крестьянинъ?—спросила я, покраснѣвъ, сама не зная отчего.

— Почти... сынъ деревенскаго дьячка... Отецъ землю пахалъ!...—отвѣтилъ онъ сумрачно, краснѣя и не глядя на меня. А Сережа такъ и пожиралъ его восторженными глазами.

Долго не расходились мы въ этотъ вечеръ. Много разсказывалъ дѣдъ, много говорилъ и гость,—оба, кажется, пришлись по душѣ другъ другу. Я напряженно слушала ихъ рѣчи, изрѣдка вставляя только что-нибудь, и вполнѣ

готова была согласиться съ братомъ, что его другъ—„сильный человѣкъ“. Одно только смущало меня: мнѣ казалось, что сильный человѣкъ не долженъ бы такъ краснѣть и опускать глаза, когда на него упорно смотритъ хотя бы и восемнадцатилѣтняя блондинка. Но, понятно, я никому этого не сказала.

Когда молодые люди ушли, и я собиралась въ свою комнату, дѣдъ остановилъ меня.

— Ну, какъ тебѣ понравилась молодежь, Оля?—спросилъ онъ.

— Они... хорошіе, дѣдъ... — отвѣтила я: — очень!...

— Новое поколѣніе!...—сказалъ дѣдъ задумчиво, какъ бы про себя:—новыя сѣмена... свѣжія... здоровыя... сильныя! Это сила уже... и сила съ вѣрой! Славные! Пошли имъ Богъ только широкую, гладкую дорогу... Пусть во всемъ и всегда встрѣтитъ ихъ удача! Пусть не гибнутъ безъ... безъ... безъ... — Тутъ слова дѣда перешли въ тихій шепотъ.

— Ты молишься, дѣдъ?—глупо перебила я его, улыбаясь.

— Молюсь, Оля, молюсь!... — отвѣтилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и я ясно видѣла, какъ по щекамъ его скатились на полъ крупныя слезы.

Только что сталъ дѣдъ поправляться за границей, только что стала заживать его мучительная рана, а его уже сильно, неудержимо

потянуло назадъ, на родину. Да и какъ могло не тянуть его туда, гдѣ лежали самыя сильныя его симпатіи,—все, что̀ онъ считалъ дороже самой жизни? Чудныя вѣсти неслись оттуда, розовыя, свѣтлыя вѣсти. Святой благовѣстъ приближающейся свободы уже гудѣлъ и разливался кругомъ, чаруя, возбуждая, оживляя старика. Все, что̀ онъ считалъ святымъ, за что̀ боролся, столько вынесъ, за что̀ надъ нимъ глумились,—скоро должно получить и жизнь, и плоть, стать общимъ достояніемъ, неотразимымъ фактомъ! О, что́ за счастіе было для старика!... Не знаю, возможно ли бо̀льшее счастіе на свѣтѣ для человѣка. Воля, воля, будетъ дана воля!—гудѣло кругомъ, писалось въ письмахъ, въ газетахъ, говорилось при каждой встрѣчѣ... И у дѣда, у стараго моего дѣда, потухавшіе глаза загорались юношескимъ огнемъ, грудь дышала свободно и сильно, блѣдныя старческія щеки покрывались румянцемъ.

Сережа, который дѣйствительно выдержалъ экзаменъ въ университетъ и поступилъ на естественный факультетъ, писалъ намъ со своимъ другомъ длиннѣйшія письма, полныя всякаго рода слуховъ, надеждъ и утокъ, которыми тогда такъ кишѣла столичная жизнь.

— Твой часъ уже настаетъ!—сказала я разъ дѣду въ восторгѣ отъ только что полученнаго письма, въ которомъ сообщалось, что освобожденіе крестьянъ можно считать дѣломъ рѣшеннымъ.

— Нѣтъ, не мой!—весь сіяя тоже, возразилъ дѣдъ горячо:—не говори такъ, Оля, не говори! Что̀ я такое?—Часъ справедливости, часъ народа—великій часъ! Вѣка пройдутъ, а онъ все будетъ сіять въ своей славѣ!

— Вѣдь, ты...—начала было я, но дѣдъ перебилъ меня сурово:

— Вѣдь что̀?... Что я предсказывалъ его, что я понималъ его, вѣрилъ въ него?... Это еще не заслуга, Оля!

— Но ты еще раньше хотѣлъ самъ... ты столько вынесъ! настаивала я, краснѣя и волнуясь при видѣ его раздраженія.

— Такъ что же?—еще суровѣе перебилъ меня дѣдъ:—потому что сознавалъ справедливость этого, потому и хотѣлъ освободить... Экая, подумаешь, заслуга!.. Развѣ ты сочла бы подвигомъ возвратить владѣльцу найденныя тобою и потерянныя имъ деньги, хотя бы сама и лишилась отъ этого многихъ удобствъ?... Вѣдь, нѣтъ?... Такъ не говори же такъ!

Я не говорила больше, чтобы не сердить дѣда, но въ душѣ, все-таки, стояла на своемъ, можетъ быть, потому, что я, вѣдь, была женщина.

Въ Россію мы вернулись какъ разъ въ то время, когда кругомъ шли толки о предстоявшихъ выборахъ въ знаменитые комитеты по освобожденію крестьянъ, и вскорѣ по пріѣздѣ дѣдъ получилъ приглашеніе прибыть на собраніе. Мы быстро собрались и поѣхали въ го-

родъ, такъ какъ дѣдъ ни за что не хотѣлъ ѣхать безъ меня. Онъ взялъ меня и въ собраніе... Онъ шелъ, опираясь на мою руку, такъ какъ иначе не могъ ходить. Живо помню до сихъ поръ это прелестное утро... Все кругомъ улыбалось, ликовало, горѣло страстною, горячею жизнью!... Само солнце, казалось мнѣ, свѣтило какъ-то особенно ласково и ярко, а воздухъ ласкалъ, точно бархатъ. Дѣдъ шелъ, по обыкновенію, тихо, спокойно, степенно, ничѣмъ не выдавая своего волненія, хотя онъ шелъ на первое собраніе, послѣ долгихъ дней опалы. Волновалась, горѣла, кипятилась за него я! Я ликовала, я торжествовала за него его побѣду, его славу,— я гордилась, что часъ его наступалъ. Да, его часъ, его!... Я это чувствовала каждымъ нервомъ, каждою маленькою жилкой!... „На-те, глядите! — хотѣлось мнѣ крикнуть громко, сквозь слезы святого торжества:—вотъ онъ, дряхлый, разбитый, больной старикъ, котораго вы гнали, преслѣдовали, надъ которымъ глумились! Смѣйтесь же, смѣйтесь,—вотъ онъ! Онъ пустой мечтатель, фантазёръ, онъ—вредный человѣкъ! Но вы уже не смѣетесь,— нѣтъ!—вы теперь сами увлекаетесь его фантазіями, повторяете его сумасбродства... Теперь вы поняли его, признали! Теперь вы выберете его своимъ представителемъ, потому что кого же вамъ выбирать, какъ не его?...“

И въ волненіи, въ какомъ-то страстномъ экстазѣ, я чуть не плакала сама надъ своею

импровизаціей. А дѣдъ шелъ все такъ же спокойно, глубоко задумавшись, не видя ни моего волненія, ни готовыхъ вырваться наружу блаженныхъ слезъ. Мы немного опоздали... Всѣ уже были давно въ сборѣ, громадная зала была набита биткомъ... Весь мой пылъ, все мое краснорѣчіе мигомъ улетучились, какъ только мы очутились среди густой толпы и шумнаго говора, и я вся раскраснѣлась... Видно, необычайное, интересное зрѣлище представляли мы вдвоемъ съ дѣдомъ,—ранняя юность и сѣдая старость, — потому что къ намъ вдругъ всѣ обернулись и не спускали съ насъ полу-удивленныхъ глазъ... Но вотъ по залѣ, по рядамъ людей пронесся сдержанный шепотъ,—какой-то особенный звукъ, какой-то тихій общій говоръ,— и вдругъ, и зала, и люди, и воздухъ, все слилось въ одинъ общій крикъ: „просимъ! просимъ! просимъ!“—а ему вторилъ со всѣхъ сторонъ поднявшійся громовой раскатъ рукоплесканій.

Мы остановились. Ко мнѣ вернулось мое прежнее волненіе,—сердце, казалось, хотѣло выскочить изъ груди, слезы затуманили глаза. Я видѣла только взволнованное, прелестное лицо дѣда. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, немного приподнявъ голову, съ закинутыми назадъ въ безпорядкѣ сѣдыми волосами, блѣдный, дрожавшій отъ волненія... Мнѣ даже показалось,—можетъ быть, сквозь туманъ собственныхъ слезъ,—что глаза его были влажны... Впрочемъ, вездѣ, у всѣхъ они были влажны.

„Просимъ! просимъ! просимъ!“ — гудѣла между тѣмъ зала, а рукоплесканія все росли и росли, заглушая стукъ моего трепетавшаго сердца. Я не помню хорошо, что было дальше,—все слилось для меня въ одно сладостное ощущеніе торжества, счастія, гордости, и я только старалась не расплакаться навзрыдъ, потому что по лицу моему давно катились крупныя слезы. Помню, какъ сквозь сонъ, что дѣдъ началъ что-то говорить, наотрѣзъ отказывался, ссылаясь на болѣзнь и старость, кажется, предлагалъ выбирать молодыхъ, свѣжихъ людей, но его не слушали, ему не давали говорить, его хватали за руки, жали ихъ; ему что-то кричали, убѣждали, при неумолкавшихъ кругомъ рукоплесканіяхъ. Насъ стѣснили, сжали, какъ кольцомъ, и цѣлыя сотни рукъ протягивались впередъ черезъ плечи, головы, ловя дрожавшія руки стараго дѣда. Я уже ничего не сознавала, не видѣла, не понимала, и совсѣмъ не помню, какъ мы вышли, что говорилъ при выходѣ дѣду предводитель и на что собственно отвѣчалъ ему губернаторъ: „теперь можно... можно!“

Мы сейчасъ же помчались домой въ „Пустыньку“, и всю дорогу молчали. Я ликовала всею душой, прижавшись къ дѣду, — мнѣ нуженъ былъ покой, чтобы насладиться вполнѣ, всецѣло, — постичь, охватить цѣликомъ всю глубину этого великаго счастія. А дѣдъ что-то обдумывалъ... Былъ праздничный день

и, въѣхавъ въ деревню, мы застали на площади почти все ея населеніе. „Идите... ко мнѣ!“ — крикнулъ дѣдъ, махнувъ рукой, и вся толпа суетливо бросилась за нами.

Мы съ дѣдомъ стояли на крыльцѣ, прямо лицомъ къ лицу со всею почти деревней,— взрослыми, подростками, бабами, дѣтьми; а за ними спускался съ неба красный, раскаленный шаръ солнца, золотя и обливая мягкимъ розовымъ свѣтомъ всю картину,—воздухъ, народъ, деревья и бѣлыя стѣны... И дѣдъ, и народъ стояли безъ шапокъ. Всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ вглядывались въ него, ждали его слова, а онъ стоялъ взволнованный, какъ никогда, дрожащій, блѣдный и задыхался... По крайней мѣрѣ, его грудь судорожно поднималась... Вѣтеръ разносилъ его длинные сѣдые волосы; онъ что-то силился сказать, но губы ему не повиновались отъ волненія... Его волненіе видимо передалось толпѣ, по ней пробѣжалъ трепетъ, какое-то движеніе, и отъ нея перешло на меня. Я вся задрожала съ ногъ до головы, задрожала какъ въ лихорадкѣ, и вдругъ все поняла: и эту толпу, и дѣда, и вспомнившіяся мнѣ слова губернатора: „можно, теперь можно!“ Я совсѣмъ не могу опредѣлить, что за ощущеніе овладѣло мною; мнѣ казалось, живо казалось, что я поднимаюсь на воздухъ...

— Я давно хотѣлъ васъ освободить,—говорилъ дѣдъ порывами, задыхаясь:—но нельзя было... Теперь можно... *Теперь вы свободны!* —

крикнулъ онъ:—всѣ... всѣ свободны!... Вы не рабы больше!... Живите съ миромъ,—берите свою землю и свои угодья!... Отпускаю!—онъ едва выговаривалъ.— Не поминайте лихомъ... Зла не помните,—если что... Простите по-человѣчески! Спасибо вамъ за все!... Спасибо!— И дѣдъ низко-низко поклонился.

Не знаю, говорилъ ли еще что-нибудь дѣдъ, да и вѣрно ли я запомнила его слова: мои уши, казалось, потеряли способность слышать, глаза затуманились, ноги подкашивались... Я даже не видѣла дѣда... Я услышала только вокругъ какой-то глухой стогрудый стонъ, или крикъ, похожій на стонъ,—а, можетъ быть, и стогрудое рыданье... Что-то двинулось, зашевелилось, затопталось,—какая-то густая масса тѣлъ... Сотни рукъ,—больше: нѣсколько сотенъ рукъ!—мозолистыхъ, грубыхъ и нѣжныхъ, дѣтскихъ, мелькнули въ воздухѣ, крестясь и благословляя, и вдругъ, сама не знаю какъ, и себя, и дѣда, и весь народъ увидала я на колѣняхъ плакавшими, какъ дѣти.

И совсѣмъ не помню какъ,—мы вдругъ съ дѣдомъ очутились во главѣ всего народа и шли по улицѣ къ нашей сѣрой покосившейся церкви... Не знаю, какъ отперли церковныя двери, кто прозвонилъ, о чемъ молился сѣдой отецъ Паисій... Я совсѣмъ не слышала клира, да и какъ было его слышать, если вся церковь, — вся отъ мала до велика, — рыдала навзрыдъ!

ИМЕНЕМЪ ЗАКОНА!

(Изъ забытаго прошлаго).

Разсказъ.

I.

...Все это было давно, очень давно, но никто не станетъ спорить противъ истины, что подъ луною собственно ничто не ново, что жизнь любитъ повторять зады, что она, какъ пресловутый заклятый мужикъ въ малороссійской баснѣ, поперемѣнно толчетъ то „просо“, то „жито“; сегодня—„просо“, завтра—жито, тамъ опять просо, а затѣмъ снова „жито“... и т. д., и т. д., до безконечности. А если это такъ, то вспоминать свое прошлое, помнить его—далеко не лишнее дѣло,—не лишнее уже по тому одному, что въ моменты унынія это даетъ бодрость пережить уныніе, дождаться „жита“ съ вѣрой въ жизнь, въ будущее и работать, работать не покладая разочарованно рукъ.

Очень можетъ быть, что все это вступленіе и совершенно лишнее для читателя, но для меня оно необходимо, какъ оправданіе, почему именно я не избираю въ данномъ случаѣ болѣе современной темы. Въ этомъ прошломъ я помню одну чудесную сцену, которая до сихъ поръ согрѣваетъ мое испепелившееся въ поперемѣнной толчеѣ жизни сердце такимъ благодатнымъ, хорошимъ тепломъ, что читатель, навѣрное, не посѣтуетъ на меня за нее, а, можетъ быть, чего добраго, скажетъ еще и спасибо. Эта сценка, повторяю, случилась давно, очень давно, еще въ самомъ началѣ введенія судебной реформы, которой ждали тогда одни—какъ манны небесной, способной исцѣлить, заживить наши наболѣвшія раны, другіе—съ нескрываемой злобой и страхомъ за свои насиженныя мѣста, за прошлые грѣхи, благополучно таившіеся до сихъ поръ подъ спудомъ въ тысячахъ пудовъ исписанной въ канцеляріяхъ бумаги,—за все то, чему такъ или иначе угрожалъ новый кодексъ, угрожала эта новая, эта „ужасная“ гласность.

Интересно было это время, но говорить о немъ я не буду... Мало сказать о немъ нельзя, много—не пришелъ еще часъ. Все это еще слишкомъ близко, слишкомъ ярко стоитъ въ личныхъ воспоминаніяхъ. Да, слишкомъ ярко! Ясно увидѣть абрисъ солнца можно только сквозь очень тусклое, очень закопченное стекло... Конечно, со временемъ, когда цѣ-

лый рядъ лѣтъ, какъ тусклое стекло, протянется между художникомъ и тою эпохой, — она явится въ рельефныхъ картинахъ и образахъ. Тогда станетъ понятнымъ, откуда взялись этотъ характеризующій ее подъемъ духа, эта святая вѣра, этотъ идеализмъ, широкою волной хлестнувшій отъ края до края, откуда, наконецъ, взялись какъ-то разомъ, вдругъ, эти небывалые характеры, умы, типы... Теперь же... теперь я лучше вернусь къ тому, что хотѣлъ разсказать.

Реформа была уже введена, но насъ, нашего глухого захолустья она еще не коснулась. У насъ ее только ждали, ждали навѣрняка, несмотря на исключительное положеніе края, но ожиданіе это тянулось довольно долго. Понятно, захолустье кипятилось, волновалось, спорило, предугадывая то тѣ, то другія послѣдствія „новшествъ“, каждый на свой ладъ, позабывъ на время карты, сплетни,—все то, что до сихъ поръ только и волновало мутною рябью тихій омутъ сонной жизни. Исправникъ, напримѣръ, окончившій впослѣдствіи свои дни въ отставкѣ подъ судомъ, увѣрялъ всѣхъ, что „честнымъ“ людямъ скоро совсѣмъ не будетъ мѣста; его зять, проводившій линію желѣзной дороги, инженеръ Жонголовичъ, вздыхалъ, что съ рабочими теперь не будетъ-де сладу! Уѣздный судья, оставшійся за штатомъ, сулилъ грабежи и убійства, потому что „мерзавцы“ непремѣнно-де будутъ бродить на про-

сторѣ... Ихъ дамы о реформѣ собственно ничего не думали, интересуясь всецѣло лишь будущими дѣятелями ея, въ ожиданіи которыхъ шили новыя платья... Масса, народъ, какъ всегда, молчалъ про себя не то тупо, не то безучастно, не то выжидая, прислушиваясь. Мы, нашъ, небольшой, очень юный еще кружекъ идеалистовъ, жившій молодыми, свѣтлыми порывами къ правдѣ,—мы, мѣстные „либералы",—ликуя, сгорали отъ нетерпѣнія.

И вотъ, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, въ одинъ свѣтлый весенній день въ городкѣ пронеслась тревожная и жгучая вѣсть: пріѣхали! На почтовой тройкѣ, окутанные тучей сѣрой пыли, пріѣхали къ намъ назначенные изъ столицы мировой судья и товарищъ прокурора, еще совсѣмъ, совсѣмъ молодые люди. У исправника немедленно открылся мучительный геморрой, судья потерялъ аппетитъ, инженеръ зачѣмъ-то полетѣлъ на линію; дамы бо-монда заслонили собою узкіе деревянные мостки, замѣнявшіе тротуары. Кажется, всѣ ждали какихъ-то особенныхъ явленій, знаменій, но ничего такого, понятно, не являлось. Проходилъ день за днемъ, все оставалось попрежнему и тревога мало-по-малу стала улегаться. Пріѣхавшіе, вмѣсто какихъ-нибудь небывалыхъ дѣйствій, всецѣло погрузились въ пріемъ и разборъ старыхъ „дѣлъ", нигдѣ не показываясь, не дѣлая визитовъ, и только по вечерамъ въ кургузныхъ столичныхъ пиджа-

кахъ выходили подышать пыльнымъ воздухомъ уѣзднаго городишка.

„Интересность“ исчезла и кругомъ наступило разочарованіе, для однихъ,—можетъ быть, очень пріятное, для другихъ—больное... Исправникъ справился съ геморроемъ и сталъ, кажется, допускать, что, чего добраго, и теперь еще „честнымъ“ людямъ можетъ найтись мѣсто. Бо-мондъ негодовалъ, возмущался, убійственно иронизировалъ, такъ какъ новыя платья оказались сшитыми напрасно, ожиданія не сбывались, „кавалеры“ не визитировали, а все только возились со своими „противными“ дѣлами, не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на всѣ амуры... Однѣ кричали, что это „гордецы“, на которыхъ „вовсе не стоитъ обращать вниманіе“; другія успокаивали кричавшихъ увѣреніями: „ахъ, *ma chère*, они совсѣмъ не похожи на столичныхъ, — это совсѣмъ не кавалеры, а какіе-то, вѣроятно, фи!“ Мы, разочарованные, невеселые,—мы возмущались и негодовали тоже... Мы ждали не того и не такихъ!

Во-первыхъ: „товарищъ прокурора“! Обвинитель и только!... Никакихъ другихъ функцій прокуратуры знать мы не желали, не признавали, не хотѣли видѣть... Въ общемъ онъ показался намъ тѣмъ же стариннымъ, пріѣвшимся стряпчимъ, обязаннымъ лишь гласно обвинять каждаго, кто такъ или иначе будетъ заподозрѣнъ въ томъ или другомъ „наруше-

ніи“, а эти „нарушенія“ и обвиненія въ нихъ давно уже истомили, измозолили наши души. Словомъ, ничего, казалось, новаго, отраднаго, исцѣляющаго „товарищъ прокурора“ внести намъ не могъ и являлся лишь прежнею, только въ новой формѣ, угрозой всѣмъ нашимъ дѣяніямъ, хотѣніямъ и т. д., которыя такъ легко всегда подвести формально подъ ту или другую статью. О прокурорѣ, какъ блюстителѣ закона и общественнаго права, мы ничего, конечно, не знали, ибо самый законъ мы видѣли лишь въ шкафахъ канцелярій, подъ замкомъ, а слово „право“ въ умахъ многихъ и многихъ до сихъ поръ имѣло самое превратное значеніе.

— Пра-во?! Ишь ты,—правъ захотѣлъ!... Да я тебѣ, сякой-такой сынъ, *такое право* покажу, что ты и своихъ-то не узнаешь!..

Вотъ и все, что мы знали до сихъ поръ о правѣ.

Во-вторыхъ: внѣшность!... Мы ждали чего-то степеннаго, чуть ли не грандіознаго, но, во всякомъ случаѣ, внушительнаго, важнаго, чего-то импонирующаго... и вдругъ: эти кургузые пиджачки, тросточки, лорнетки, эти изможденныя, блѣдныя столичныя лица, почти еще безусыя,—эти столичныя манеры, напоминавшія намъ юркихъ губернскихъ чиновниковъ особыхъ порученій, носящихъ букеты и шали за своими начальницами. Что могли, казалось внести новаго люди съ такими лицами и мане-

рами,—эмблемами какихъ идей могли служить эти гибкія красивыя тросточки, перчатки и монокли?! Конечно, ничего и никакихъ, и лучшимъ подтвержденіемъ этого служило, казалось, то, что кругомъ ничто не измѣнилось, что пріѣзжіе рылись только въ „дѣлахъ“, ничѣмъ точно не интересуясь, а исправникъ и его присные, по прежнему, продолжали побѣдоносно летать на „парахъ съ отлетомъ“.

— Я вамъ, меррр-завцы!!...

Все это звучало по-старому.

II.

Инженеръ Жонголовичъ вернулся съ линіи блѣдный, растерянный, растревоженный и прямо, конечно, бросился къ тестю. Его опередили слухи, что на „линіи“ неспокойно, что рабочіе, до сихъ поръ только глухо ворчавшіе на надувательства при разсчетахъ и гнилую пищу, вдругъ заговорили громче, выведенные положительно изъ терпѣнія. Жонголовичу, правда, не разъ уже доставалось на линіи, но при содѣйствіи всемогущаго тестя все улаживалось благополучно,—„мерзавцамъ, толковавшимъ о „правахъ“, эти права прописывались въ соотвѣтствовавшей формѣ, и непріятныя дѣла, такимъ образомъ, всегда оканчивались къ выгодѣ инженера, бумажникъ котораго все надувался, какъ всосавшійся клещъ. Всѣ это зна-

ли, видѣли, давно съ этимъ почти примирились, но теперь съ пріѣздомъ „новыхъ“, чего добраго, дѣло могло принять иной оборотъ и повести къ нежелательнымъ разоблаченіямъ. Понятно, было отъ чего встревожиться, поблѣднѣть и растеряться, тѣмъ болѣе, что слухи гласили о цѣлыхъ тысячахъ рублей, преспокойно остававшихся въ бумажникѣ инженера, вмѣсто того, чтобы перейти, по принадлежности, къ рабочимъ на линіи. Нужно было все предупредить, пресѣчь, такъ или иначе придать дѣлу такой оборотъ, чтобы виновные получили свою обычную мзду, а Жонголовичъ—свои тысячи.

Городокъ опять всполошился, пошли всякіе толки, слухи, сплетни, передававшіеся то громко, то шепотомъ, съ подмигиваніемъ, съ намеками, всѣмъ понятными, подчасъ остроумными и злыми. Говорили за вѣрное: такъ какъ претензіи неоспоримы, то все дѣло направлено будетъ къ тому, чтобы вызвать толпу, несдержанную, выведенную изъ терпѣнія, голодную, на шумъ, крикъ, буйство,—дать ей „расходиться“, а затѣмъ, затѣмъ... нагрррянуть... и... Всѣмъ становилось понятнымъ, что слѣдовало за этимъ *и*,—прецедентовъ въ прошломъ было не мало, — и всѣ склонялись къ тому, что дѣло такъ именно и кончится. Пріѣзжіе, которыхъ такъ опасались, все продолжали рыться въ бумагахъ, ни къ чему, повидимому, не прислушиваясь, ни на что не обращая вниманія.

Мы уже не кипятились, не волновались,— мы просто негодовали. Это непозволительное безучастіе, бросавшееся въ глаза, какъ бы подчеркиваемое даже нежеланіе видѣть и слышать, возмущали насъ до глубины души. Вотъ тебѣ и реформа, вотъ тебѣ и дѣятели! Мы кричали, шумѣли, нарочно собираясь въ ресторанѣ, гдѣ пріѣзжіе упражнялись по вечерамъ на билліардѣ, но тѣ и ухомъ не вели... Насъ, очевидно, они смѣшивали со всѣми и даже не прислушивались, казалось, къ нашимъ рѣчамъ, стуча своими шарами. Это, естественно, обижало насъ, сердило, и разъ мы не выдержали.

— Вы, кажется, прокуроръ?!—обратился къ пріѣзжему, послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій обратить на свои рѣчи вниманіе, самый пылкій изъ насъ; ему было всего восемнадцать лѣтъ.—Если не ошибаюсь, прокуроръ, да?!

Тотъ опустилъ кій.

— Товарищъ прокурора... — вѣжливо поправилъ онъ съ сдержаннымъ полу-поклономъ.

— Это все равно... Такъ позвольте, если это не нескромно... если позволите...

— Къ вашимъ услугамъ, — перебилъ тотъ также сдержанно:—что вамъ угодно?...

— Видите ли... Мы всѣ, — вотъ, мои товарищи и я, — мы всѣ, словомъ, если позволите...

Онъ смѣшался, но мы всѣ бросились къ нему на помощь.

— Мы считали бы своимъ долгомъ обратить ваше вниманіе,—кричали мы въ перебой:—на то, что̀ дѣлается на линіи... Неужели вы ничего не слышали?... Неужели вы не знаете слуховъ?... Слухи гласятъ, что...

Тотъ пожалъ плечами.

— Господа,—перебилъ онъ насъ уклончиво:—вѣдь слухи—только слухи... Можно ли руководствоваться слухами?... Нужны факты, а гдѣ же они?...

— Но развѣ вы не знаете, что говорятъ въ городѣ про инженера и исправника?

— Господа, у васъ ни про кого не говорятъ хорошо въ городѣ... Всѣ обвиняютъ и ругаютъ другъ друга...

Это, положимъ, была чистая правда, но для насъ мало убѣдительная.

— А домъ, что нажилъ инженеръ, а рысаки, а пиры?!—кричали мы, стараясь поскорѣй выложить все накипѣвшее:—вѣдь это все грабежъ!..

Прокуроръ нахмурился и поднялъ глаза въ упоръ.

— Вы можете подтвердить это оффиціально?—спросилъ онъ сухо и строго.

— Конечно, нѣтъ!...

— То-то!

— Но *vox populi!*...

— *Vox populi*... господа, *vox populi*... обвинялъ христіанъ въ пожарѣ Рима, если помните!—не то съ ироніей, не то наставительно продолжалъ прокуроръ.

— Значитъ, — растерянно бормотали мы, не зная, что сказать: — значитъ...

— Значитъ,—подхватилъ прокуроръ:—нужны факты.... Я цѣню ваше рвеніе... Вы честно, какъ и должна молодежь, возмущаетесь нехорошимъ, но вѣдь все это только слухи...

Онъ взялъ кій и повернулся къ билліарду, за которымъ стоялъ его товарищъ, мировой судья, оглядывавшій насъ все время изъ-подъ очковъ любопытнымъ взглядомъ, а мы, сконфуженные, растерянные, сбитые съ позиціи, разошлись, порѣшивъ разъ навсегда ни за чѣмъ и ни съ чѣмъ къ нимъ не обращаться. Мы были убѣждены, что реформы не будетъ, что все пропало, и махнули рукой на всѣ свои золотые сны и надежды.

— Эхъ, эти столичные гуси!...

Будь у насъ еще хоть малѣйшая доля колебанія въ такомъ рѣшеніи, она разсѣялась бы какъ дымъ отъ однихъ любезныхъ раскланиваній „столичныхъ гусей“ (иначе мы уже не звали пріѣзжихъ) съ инженеромъ и исправникомъ, свидѣтелями которыхъ мы не разъ бывали на улицѣ. Послѣдніе мило улыбались, дѣлали всякіе подходцы, проявляли необычайное заискиваніе, на что первые отвѣчали хотя сдержанно, но всегда крайне вѣжливо, точно вполнѣ порядочнымъ людямъ. Это приводило насъ въ злобную радость, мы зло хохотали и иронизировали, подмигивая другъ другу... „Уже спѣлись!“—говорили наши взоры, и мы ждали

только самыхъ ничтожныхъ фактовъ, чтобы выступить съ горячею обличительною корреспонденціей, полной самыхъ ядовитыхъ намековъ на тему „рука руку моетъ“. Факты эти, казалось, были не за горами... Слухи о ропотѣ на линіи все росли и росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли улыбочки исправника, какія-то темныя угощенія кого-то на заднемъ дворѣ исправницей,—росла подозрительная суета разныхъ десятскихъ на линіи... Разъ мы даже слышали, какъ исправникъ увѣрялъ въ ресторанѣ „столичныхъ гусей“, что „съ рабочими совсѣмъ нѣтъ сладу“, что не будь его зять-инженеръ такъ уступчиво-добродушенъ, такъ мягокъ и безумно щедръ, — давно не миновать бы безпорядка. Тѣ слушали невозмутимо, точно соглашаясь, и продолжали тянуть вино изъ своихъ стакановъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Мы, понятно, вознегодовали еще больше и разъ, когда прокуроръ вздумалъ намъ поклониться, какъ старымъ знакомымъ, мы отвернулись, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаемъ поклона.

— Еще кланяться вздумалъ!.. Ишь ты!..

А тревожные слухи, распространявшіеся все больше и больше, перешли, наконецъ, въ дѣйствительность. Въ одно прекрасное утро съ быстротой молніи облетѣла городокъ жгучая вѣсть, что подъ самымъ городомъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бросили работу и „бунтуютъ“, т.-е. требуютъ къ себѣ инженера,

выдачи заработной платы и вѣрнаго разсчета. Весь городокъ моментально поднялся на ноги, засуетился, задвигался, зашумѣлъ. Исправникъ созвалъ команду, что-то крича о бунтахъ и стачкахъ; инженеръ увѣрялъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, что онъ тутъ не причемъ, что рабочіе врутъ, и т. д. Одни вѣрили ему, другіе не вѣрили; одни ругали его, другіе—толпу, но всѣ почти бросились за городъ, къ мѣсту дѣйствія. Цѣлый рядъ экипажей, поднимая тучи пыли, поднялъ всѣхъ скучавшихъ, всѣхъ обрадованныхъ новымъ „случаемъ“ на интересное зрѣлище, съ моноклями, биноклями, даже съ виномъ и закусками. За городомъ,—можно было подумать,—шелъ какой-то веселый праздникъ, живой, веселый пикникъ.

А тамъ, на солнцепекѣ, густо усѣявъ земляную насыпь, воздвигнутую своимъ же трудомъ, собралась громадная, что-то глухо галдѣвшая толпа, одѣтая въ невообразимые лохмотья. Даже яркое солнце, даже блескъ чуднаго весенняго утра не скрашивали ея угрюмаго, тяжелаго вида. Она все кричала, шумѣла, но что—разобрать было пока трудно,—до насъ долетали только обрывки, какіе-то неопредѣленные выкрики: „по правдѣ“, „разсчетъ“, „отдай!“... Все это дополнялось жестами, лихорадочными, возбужденными движеніями рукъ, какою-то общею суетой, характеризующею всегда большое, возбужденное сборище людей. Чуялась гроза,—вдали уже виднѣлась команда,—

и жутко, какъ-то до слезъ больно становилось за этотъ людъ, — за его обиду, которую онъ не сумѣетъ ни выяснить, ни отстоять. Жутко становилось, потому что мы знали, какъ и къ чему будетъ направлено дѣло; жутко было и за себя, за свое безсиліе помочь, не допустить торжества зла и неправды... Мы знали все и, предвидя поруганіе закона и права, дрожали отъ безсильной злобы, отъ обиднаго до боли сознанія своего безсилія...

III.

А гроза приближалась, — толпа, казалось, выходила изъ себя...

Эти крики и угрозы, этотъ видъ команды, выведенной противъ нея, пришедшей искать себѣ, просить только своего права и защиты закона,—усиливали ея раздраженіе. Было очевидно, что вся она, какъ одинъ человѣкъ, собралась сразу, двинутая одними общими побужденіями, желаніями, потребностями, — собралась стихійно, какъ сбираются въ кучу песчинки, поднятыя вихремъ,—а отъ нея требовали вдругъ указанія зачинщиковъ, которыхъ она не знала, не видала, потому что таковыхъ, конечно, и не было вовсе. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о легальныхъ и нелегальныхъ формахъ, чувствуя себя на почвѣ своего права и закона, не понимая, не зная,

что сборище ея само по себѣ можетъ быть уже нарушеніемъ извѣстныхъ постановленій, она просила справедливости, суда, просила разобрать ея нужды, но ея не слушали, ей кричали: „расходись!“ Она считала себя представительницей правды и законности, нарушенныхъ другими, она вся была проникнута вѣрой въ возможность найти и правый судъ, и справедливость, была строго лойяльна, — ей кричали: „бунтовщики!“ И все это, конечно, только увеличивало ея раздраженіе, усиливало недоразумѣніе, приводило къ тому, что сама она, строго лойяльная въ душѣ и понятіяхъ, безусловно преданная отвлеченной идеѣ строго-справедливой власти, — считала бунтовщиками, нарушителями закона тѣхъ, кто разгонялъ ее и не слушалъ.

— Рррас-хо-дись!...

— Мы найдемъ судъ!... Мы и дальше пойдемъ!.. Къ министрамъ пойдемъ!..—кричала толпа.

— Куда угодно!... Рррас-хо-дись!

Этотъ насмѣшливый, холодный отвѣтъ зажегъ негодованіемъ и насъ, и толпу, но она еще сдержалась... Инстинктивно ли чуя, или понимая, что ее хотятъ вывести изъ себя, она сама успокаивала болѣе строптивыхъ...

— Шш... шш!...—унимала толпа отдѣльные крики и взрывы:—шш... тише!—Солдатъ, выходи... говори!

Старый николаевскій солдатъ вынырнулъ изъ передней кучи.

— Ты кто?

— Богу, государю двадцать пять лѣтъ служилъ!... Подъ Севаст...

— Бунтовщикъ!...

— Я-то?! Двадцать пять лѣтъ Богу, государю... Подъ Сев...

— Вонъ!

— По закону мы хотимъ,—не унимался солдатъ:—по закону!... Какъ законъ говоритъ... деньги отдайте!...

— Взять его, зачинщика!—раздался приказъ, но солдатъ юркнулъ въ ряды.

— Деньги отдайте! Ѣсть нечего!—заголосила вдругъ толпа, какъ одинъ человѣкъ.

Жонголовичъ выглянулъ изъ-за тестя.

— Нѣтъ денегъ!... Въ лавочкахъ берите,—я кредитъ приказалъ открыть...

— Ишь ты... въ лавочкахъ! Тамъ съ насъ рубахи сдираютъ, въ твоихъ лавочкахъ...—вспыхнула толпа.—Деньги отдай!...

— Нѣтъ денегъ... Вы и такъ перебрали!...

Онъ совралъ, можетъ быть, необдуманно, не разсчитавъ послѣдствій, а, можетъ быть, и съ тѣмъ, чтобы поднести, такъ сказать, фитиль къ готовой минѣ... Толпа дрогнула... До сихъ поръ не разочарованная въ возможности получить, можетъ быть, хоть что-нибудь и поэтому, все-таки, кое-какъ сдержанная, она увидѣла теперь, что надежды нѣтъ, что она не получитъ ничего, что она обманута, и, точно пораженная этимъ, на моментъ вдругъ за-

молкла... Наступила страшная, напряженная тишина, въ которой все, казалось, застыло, мертво и неподвижно... Но это была та роковая тишина передъ бурей, роковымъ ударомъ, передъ страшнымъ стихійнымъ взрывомъ,—тишина, что страшнѣе самой катастрофы, болѣзненнѣе, жутче... Секунды такой тишины сходятъ подчасъ за годы... У меня захватило дыханіе, ноги задрожали,—я забылъ, казалось, и свое негодованіе, и злобу,—я весь былъ охваченъ однимъ страшнымъ и острымъ, какъ отточенная сталь, ожиданіемъ... Всѣ зрители, всѣ сбѣжавшіеся и съѣхавшіеся горожане вытянулись, блѣдные, затаивъ дыханіе, вперивъ въ толпу неподвижные, испуганные взгляды.

А страшно молчавшая толпа дрогнула еще разъ, дрогнула какъ-то конвульсивно, и по ней, по ея густымъ, плотно стиснутымъ рядамъ пробѣжалъ какой-то неясный шепотъ, не то шелестъ, точно легкій вѣтеръ поднялъ гдѣ-то слежавшуюся кучу сухихъ осеннихъ листьевъ... Моментально этотъ шелестъ выросъ въ глухой звукъ точно близкаго морского прибоя,—нераздѣльный, неясный, смутный... Еще моментъ—и все кругомъ разлилось цѣлымъ ревомъ, неудержимымъ, бѣшенымъ ревомъ, въ которомъ тонули, какъ тонутъ въ морѣ дождевыя капли,—и слова, и возгласы, и отдѣльные крики...

Исправникъ отскочилъ.

— Бей, гони!...

Мною овладѣлъ ужасъ, который мѣшалъ мнѣ видѣть, понимать, отъ котораго я дрожалъ, какъ листъ. Все спуталось, слилось у меня въ глазахъ; я слышалъ только этотъ отчаянный ревъ... я видѣлъ какую-то суету и смятеніе... Еще только моментъ, казалось, одинъ только моментъ... но вдругъ все смолкло, остановилось, замерло,—какое-то неясное движеніе, какъ судорога, какъ легкая струйка на зеркальной водяной глади отъ всплеснувшей рыбы, и въ ясномъ воздухѣ застыли и люди, и поднятыя руки, и сжатые кулаки... Кто-то пробрался въ толпу, на которую, казалось, слетѣлъ вдругъ голубь мира съ масличною вѣтвью, но кто и съ чѣмъ—различить сразу было нельзя...

— Именемъ закона!...

Да, только два этихъ слова, всего два слова раздались въ наступившемъ, точно мертвомъ безмолвіи, и все продолжало оставаться также неподвижно, точно пораженное магическимъ жезломъ, точно очарованное или изумленное... Кто, какой волшебникъ унялъ вдругъ, внезапно вспыхнувшую, разъяренную стихію, какая нечеловѣческая сила моментально остановила готовую разразиться бурю?!... Я увидѣлъ, какъ съёжился Жонголовичъ, какъ поблѣднѣлъ исправникъ, какъ, вздрогнувъ, отхлынула толпа, какъ странно блеснули ея глаза,—но я еще не понималъ ничего, не могъ разглядѣть, почти не вѣрилъ себѣ, весь охва-

ченный очарованіемъ этой дивной, непередаваемой картины.

— Именемъ закона!

Теперь я все понялъ, разглядѣлъ, увидѣлъ... Туда, гдѣ кипѣли и бушевали страсти, вошелъ представитель закона и права,—вошелъ неожиданно прокуроръ съ своимъ товарищемъ, судьей, и это онъ произнесъ эти два волшебныя слова... Да, полно, онъ ли это,—этотъ человѣкъ, отъ котораго повѣяло вдругъ на всѣхъ такою силой и мощью, такою особенною, человѣческою красотой?! Мы колебались,—мы не вѣрили себѣ... Мнѣ, намъ всѣмъ онъ показался теперь и выше, и стройнѣе,—его глаза сверкали, лицо было блѣдно, губы, казалось, дрожали отъ волненія или негодованія,—не знаю,—но онъ стоялъ ровно, смѣло и гордо...

— Именемъ закона!

Всякое волненіе исчезло, поднятыя руки опустились, заступы и ломы исчезли... Толпа дрогнула вновь, по ней вновь пробѣжалъ какой-то неясный шепотъ, точно шелестъ, но уже не предвѣстникъ бури, а яснаго вёдра, мира, покоя... Не знаю, что чувствовалось тамъ, въ толпѣ, но у меня что-то свалилось, я вздохнулъ вдругъ глубоко и вольно, въ глазахъ у меня блеснули какія-то теплыя, благодатныя слезы... Какая-то странная волна тепла нахлынула вдругъ на душу, точно изъ оковъ вырвавшуюся отъ давившихъ ее злобы

и негодованія, и хотѣлось улыбнуться,—хорошо, счастливо улыбнуться и по дѣтски, счастливо заплакать... Исчезли, провалились куда-то безслѣдно и злоба, и негодованіе, и боль,—все, все исчезло, кромѣ одного безграничнаго, человѣческаго счастья отъ сознанія торжества права. Я вытянулся,—мнѣ показалось, что я вдругъ выросъ, что я не нуль, не ничто, не безсильное, ничтожное существо, ни съ чѣмъ не связанное, никому не нужное, съ одною больною обидой въ душѣ,—я почувствовалъ себя гражданиномъ,—человѣкомъ, у котораго есть и родина, и законъ, и право...

— По предоставленному мнѣ закономъ праву я открываю здѣсь засѣданіе!...

Это произнесъ уже судья, и сквозь туманъ, застилавшій мнѣ глаза, я увидѣлъ, какъ ярко сверкнула на солнцѣ его золотая судейская цѣпь... Кругомъ царило безмолвіе, какъ въ храмѣ, и то же благоговѣніе, мирное, торжественное, покойное,—благоговѣніе, которое охватываетъ какъ-то невольно, неудержимо, всецѣло,—охватило всѣхъ. Только жаворонки, кружась гдѣ-то высоко-высоко въ безмятежной, ясной лазури, разливались тамъ звонкою трелью, точно радуясь и людямъ, и солнцу, и царившему миру, да зеленые листья вѣчно непокойныхъ придорожныхъ осинъ что-то тихо, почти безшумно шептали...

IV.

Судья что-то говорилъ, что-то спрашивалъ, но что и какъ—теперь я не помню. Да и врядъ-ли я слышалъ что-нибудь тогда, переживая такъ много и такъ глубоко въ короткія, быстролетныя минуты, охваченный такимъ сильнымъ, такимъ острымъ ощущеніемъ счастья. Я, кажется, больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ и видѣлъ, угадывалъ, чѣмъ ловилъ слова и выраженія. Помню, что по толпѣ пронесся точно вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ тысячныхъ человѣческихъ грудей; помню, что блѣдный, дрожавшій, перепуганный Жонголовичъ громко увѣрялъ судью, что непремѣнно удовлетворитъ всѣ претензіи и немедленно приступитъ къ разсчету. Онъ вынулъ туго набитый бумажникъ и положилъ его на грубый, досчатый столъ, явившійся, вѣроятно, изъ рабочихъ бараковъ, за которымъ судья что-то писалъ. Сконфуженный, блѣдный исправникъ дѣлалъ усилія мило улыбаться прокурору; но тотъ стоялъ невозмутимо, гордо, сдвинувъ сердито брови, точно не видя этихъ подходцевъ...

Вдругъ судья поднялся.

— По указу...—началъ онъ, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась на колѣни, слушая, затаивъ дыханіе,

Чтеніе кончилось, и наступилъ моментъ напряженнаго безмолвія... Но вотъ что-то дрог-

нуло, поднялось, что-то шевельнулось, что-то большое, тысячегрудое вздохнуло или зашептало... Молитву или что-то другое зашептала толпа,—не знаю, но она крестилась, — я это видѣлъ... И вдругъ страстное, громкое „ура“ потрясло воздухъ, и вдругъ эта толпа, еще незадолго передъ тѣмъ разъяренная, буйная, ожесточенная,—толпа, которой неминуемо угрожалъ, казалось, впереди острогъ, ликуя, въ страстномъ волненіи, проливая счастливыя слезы, вся охваченная восторгомъ, подняла на руки высоко-высоко представителей закона и права...

Мы тоже бросились къ нимъ и схватили ихъ руки... Наши уста хотѣли сказать имъ много, но какая-то судорога мѣшала намъ говорить и мы только безмолвно жали ихъ руки... Впрочемъ, и они тоже жали наши руки безмолвно, только хорошо улыбаясь... Имъ тоже что-то мѣшало говорить,—они оба задыхались и по блѣднымъ щекамъ ихъ тоже текли слезы...

ПЕРВЫЙ ГОНОРАРЪ.

(Разсказъ писателя).

Мой пріятель былъ человѣкъ съ недюжиннымъ талантомъ. Незадолго до его смерти,—онъ умеръ очень молодымъ,—я навѣстилъ его въ больницѣ... Тамъ, на больничной койкѣ, онъ разсказалъ мнѣ эпизодъ изъ своей жизни, хрипя больною грудью, кашляя и задыхаясь... Но блѣдныя щеки его зардѣлись, глаза горѣли хорошимъ, счастливымъ огнемъ. Онъ вспомнилъ и разсказалъ мнѣ единственный, по его словамъ, свѣтлый, дѣйствительно, полный глубокаго счастья моментъ, выпавшій на его писательскую долю,—и это была его лебединая пѣсня...

Вотъ что̀ разсказалъ мнѣ пріятель.

Было это въ началѣ семидесятыхъ годовъ... Нечего говорить мнѣ вамъ, что̀ было за время тогда,—сами помните и знаете... Мы не увлекались наживой, не проводили время въ тунеядствѣ, какъ вошло, напримѣръ, въ моду теперь,

и не кичились безвѣріемъ. Мы вѣрили въ будущее, въ свой народъ и умѣли любить его, а это чуть-ли не главное. Въ душѣ не было пусто,—тамъ жили свѣтлые и чистые идеалы... Царила совѣсть и властно подчиняла себѣ почти всѣхъ... Каждый, казалось, чувствовалъ свой долгъ передъ другими, предъ сѣрой, темной массой „меньшаго брата"; каждый сознавалъ, что обязанъ ей всѣмъ своимъ нравственнымъ „я", своимъ духовнымъ богатствомъ, превосходствомъ, знаніемъ, и, чувствуя и сознавая—каялся. Это покаяніе влекло къ самоотреченію, толкало на подвигъ и самоотверженіе, звало къ расплатѣ за свой долгъ посвященіемъ себя исключительно однимъ насущнымъ потребностямъ и интересамъ этой массы... Правда,—были, какъ всегда, и другіе элементы, но тогда они прятались или нагло старались попасть въ общій тонъ, лгали ради какихъ нибудь цѣлей, разсчитывая на довѣрчивость юнаго сердца...

Теперь любятъ иногда шипѣть на то время или пустить въ него отточенную зоильствомъ шпильку... Это бываетъ и удобно, и легко, когда хочешь прикрыть свое паденье, или за душой у тебя ничего ровно нѣтъ... Ну, и говорить объ этомъ, значитъ, не стоитъ,—правда?! А вотъ что́: любятъ иногда увѣрять тоже, будто въ насъ совсѣмъ не было молодости, будто мы были какъ-то неестественно взвинчены и выглядѣли стариками, а не юношами...

Другъ мой,—а я думаю, что именно мы-то и умѣли быть молодыми, конечно, оговариваюсь,—смотря по тому, что́ называть молодостью... Веселья, смѣха, жизни у насъ, конечно, было не меньше, но къ тому же мы такъ любили свою молодость, такъ дорожили ею и своими молодыми силами, что растратить ихъ зря, хотя бы на самые сладкіе пряники,—считали бы грѣхомъ... Да и то сказать,—сладость-то вѣдь относительная вещь!... Ну, да, вотъ,—судите сами...

Пріятель закашлялъ отъ волненія и продолжалъ.

Нашъ товарищескій кружекъ весь былъ проникнутъ и этой вѣрой, и этими идеалами... Мы учились, набирались знаній, твердо сознавая, для чего это намъ нужно, и, обладая ясно намѣченной цѣлью, отбрасывали, какъ ненужное, все, что́ не соотвѣтствовало и не служило прямо и непосредственно этой цѣли. Медики, юристы, техники и т. д., и т. д.—всѣ мы думали учиться жить простой, трудовой, мужичьей жизнью, гдѣ, конечно, нѣтъ мѣста роскоши и культурнымъ привычкамъ. Такимъ образомъ, мы отказались отъ посѣщенья театровъ, отрицали занятія художествами, ничѣмъ не служившими нашей цѣли, иронизировали надъ поэзіей, пріучали себя къ лишеніямъ и во всемъ себѣ отказывали... Костюмъ нашъ и общій видъ часто были невозможны съ культурной точки зрѣнія, манеры ужасны, — нѣко-

торые изъ насъ, болѣе молодые, правду сказать, даже бравировали подчасъ этою невозможностью манеръ и костюма, — но за то, въ общемъ, мы были честны и искренни... Да, мой другъ!.. Мы заслуживали отъ маменькиныхъ сынковъ и кисейныхъ дѣвицъ кличку: „ригористы“, и таковыми мы были на самомъ дѣлѣ... Наша личная жизнь была чиста... Теперь любятъ подсмѣиваться и надъ нашими пледами, сапогами, нашими рубашками, прическами, ногтями и т. д., и т. д. Теперь, когда все это уже пережито, издали,—оно, можетъ быть, и кажется отчасти смѣшнымъ,—кто его знаетъ? но тогда... Впрочемъ, нѣтъ,—я не то хочу сказать... Я хочу сказать, что, подсмѣиваясь, люди забываютъ одно: искренность, честность и чистоту цѣли...

Я тоже шелъ за всѣми, но, правду сказать, я не былъ цѣленъ... Я исповѣдывалъ тоже, что́ и мои друзья, я готовился къ тому же, что́ и они, но на днѣ моего сундука, окрашеннаго зеленою краской, таились несомнѣнныя доказательства немощи плоти... Тамъ таились цѣлыя кипы повѣстей и романовъ, написанныхъ украдкой, ночью, воровски, подъ непреодолимымъ зудомъ писанья, превозмогавшимъ мою волю. Этотъ зудъ или страсть, все равно,—проявился у меня сравнительно рано, и я, признаться, краснѣлъ и стыдился его, казалось, больше всего на свѣтѣ... Товарищи знали, однако, объ этой страсти, но изъ дели-

катности избѣгали говорить о ней, убѣдившись, какъ это меня злитъ и волнуетъ... Слово „писатель“, по отношенію ко мнѣ, звучало въ моихъ ушахъ одной ядовитѣйшей ироніей и равнялось-бы самому тяжкому оскорбленію... Я былъ увѣренъ, что всѣ эти романы и повѣсти не стоятъ и мѣднаго гроша,—и такъ оно было, конечно, на самомъ дѣлѣ,—но, признаюсь, я страстно и безумно-ревниво любилъ ихъ... Я любилъ каждую страничку, каждый листикъ, каждую строчку, за что́,—право, не знаю,—потому что, спрошенный по совѣсти, я долженъ былъ-бы отвѣтить, что всѣ они ничто иное, какъ ребяческій, наивный бредъ... Но я хранилъ ихъ, какъ святыню... И эта святыня была открыта только одному существу—Машенькѣ.

Право, другъ мой, я не знаю, какъ вамъ нарисовать нашу Машеньку, потому что для обрисовки этого святого типа нужны талантъ и краски творца Миньоны и Гретхенъ. Да и тѣхъ хватитъ-ли еще,—не знаю!.. Потому что у Миньоны и Гретхенъ не было той широкой и, какъ море, бездонной любви къ міру и людямъ, не было того самоотреченья во имя другихъ, совершенно чужихъ, не было способности на самый строгій подвигъ во имя отвлеченнаго, исповѣдуемаго идеала. И, если хотите, не было той простоты... Тамъ, кажется, была скорѣе наивность, чѣмъ простота, и, во всякомъ случаѣ, какая-то наивная простота, чѣмъ братская, умная, естественная простота Ма-

шеньки, лишенная всякаго эффекта и картинности, вытекающая изъ одной вѣры и любви къ людямъ, изъ дѣйствительнаго самоотреченія. У Машеньки „себя“,—если можно такъ выразиться,—не было. Вся она и все въ ней было для другихъ... Два бога было въ ея культѣ: деревня, для которой она слушала акушерскіе курсы, чтобы затѣмъ расплыться въ ея сѣрой массѣ, и „несчастные“ — нуждавшіеся въ помощи, для которыхъ она несла все, что́ могли добыть ея крошечныя ручки... Даже мы, „ригористы“, звали ее подвижницей и монашкой...

Вы знаете,—у меня ужъ такъ устроена голова, что я люблю думать аналогіями и сравненіями... Представьте себѣ ненастье, мрачное осеннее ненастье, пронизывающую слякоть, промозглый туманъ, удушливый и тяжелый, заволокнувшій все окрестъ до тошноты. И представьте себѣ, что все это вдругъ исчезло, смѣнилось яркой весенней картиной. Сквозь тучи прорвалось голубое небо и жаркое солнце, туманъ исчезъ, все окрестъ зазеленѣло, благодатное тепло замѣнило сырость и холодъ... И вы получите представленіе о томъ, что́ дѣлало въ нашей средѣ появленіе Машеньки... Строгая и ласковая, кроткая и смѣлая, тщедушная и сильная волей, энергіей, выносливостью,—она была нашей совѣстью, горячей искрой, что́ не разъ поддержала тлѣвшее въ нашихъ сердцахъ чистое пламя. Предъ ней нельзя было никому лгать, ломаться, кокетничать,—одинъ взглядъ

ея добрыхъ, чудныхъ глазъ разсѣевалъ, какъ дымъ, всякую неправду...

Маленькая, худенькая, тщедушная на видъ, брюнетка,—она являлась живой загадкой: гдѣ, какимъ образомъ, въ такомъ маленькомъ тѣлѣ могла сосредоточиваться такая великая нравственная сила? Семнадцатилѣтней дѣвушкой, потерявшей мать, загнанную въ гробъ мужемъ, она замѣнила ее для своихъ меньшихъ сестеръ, которыя такъ и звали ее „мамой",—воспитала, выучила и даже умѣла сдерживать буйнаго отца, который какъ-то невольно ей подчинялся. Вѣчная хлопотунья-работница, она никогда, казалось, не знала устали, грусти, хандры и управляла домомъ, никогда не поднимая даже голоса. Все какъ-то ее слушалось и подчинялось само собою, безъ принужденія, — все относилось къ ней любовно и съ невольнымъ уваженіемъ...

Только одна Ѳекла-кухарка позволяла было себѣ ворчать на своего „ангела-барышню" за то, что та, какъ будто, совсѣмъ „и не барышня", о себѣ совсѣмъ не заботится за младшими сестрами и, „точно старуха какая",—о женихахъ и гадать не хочетъ...

— Ровно-бы вы ужъ и не невѣста, барышня!—ворчала Ѳекла.—Ровно-бы, молъ, хуже другихъ... Совсѣмъ какъ есть напротивъ... Жениховъ то отбою не было бы, кабы вы только не сурьезничали да въ старухи не норовили.

Но Машенька только улыбалась въ отвѣтъ,—такія мысли, казалось, совсѣмъ не

укладывались въ ея красивой головкѣ. Такія мысли и у насъ не укладывались... Машенька—невѣста, Машенька—предметъ страстной любви—казалось абсурдомъ. Она могла быть сестрой, „мамой“, свѣточемъ, совѣстью,—но невѣстой?.. Она?! Монашка?!.. Нѣтъ,—намъ это тоже не приходило въ голову. За своей любовью всѣхъ, за своими цѣлями и культомъ она не оставляла себѣ самой ничего, чего-бы, казалось, хотѣла и желала, ничего личнаго, и теряла, такимъ образомъ, всѣ свойства и характеръ „личности“. Въ глазахъ каждаго она являлась скорѣе живымъ образомъ нравственной красоты, чѣмъ женщиной.

Потерявъ отца и получивъ свое наслѣдство, когда ей было уже около 23 лѣтъ, она всѣ свои 5 тысячъ отдала другимъ, вѣря, что эти деньги пойдутъ на доброе дѣло... Сама она,—ея сестры были уже пристроены,—сама она поселилась въ мансардѣ, стала ходить на курсы, а хлѣбъ и чухонское масло—потому что ничего другого у нея никогда не было—она зарабатывала иглой и грошовымъ урокомъ. Все, что оставалось отъ хлѣба и масла и, высшаго и рѣдкаго баловства,—„чая“,—она несла другимъ, своимъ „несчастнымъ“.... Но, что всего страннѣе,—этотъ хлѣбъ и масло, эти скупые настои чая съ ней дѣлили и другіе: ихъ доставало и на тѣхъ, кто заходилъ къ къ ней голоднымъ... Какъ она это умѣла дѣлать,—оставалось ея секретомъ...

Я и теперь еще помню, какъ она въ своей крошечной свѣтелкѣ, глядѣвшей такъ мило и уютно, сама крошечная, одѣтая въ свое вѣчно одно и тоже и вѣчно чистенькое сѣрое платьице, любовно и мягко встрѣчала меня и другихъ вопросомъ:—„ужъ, навѣрное, голодны, ужъ, правда, голодны!“—и, бросая иглу или книгу, указывала намъ на хлѣбъ и масло... Я всегда отвѣчалъ „да“, подходилъ къ ея столу и вытаскивалъ изъ кармана то купленныя по дорогѣ яйца, то кусокъ колбасы или что-нибудь другое, и Машенька сейчасъ-же начинала укоризненно качать головой.

— Ахъ, буржуа, ахъ, буржуа!—Ахъ, какой вы буржуа, Павелъ!—приговаривала она, глядя на меня не то съ улыбкой, не то съ мягкимъ укоромъ.—Не можетъ безъ лакомствъ! Ужъ не хотите-ли еще сигару и кофе?!

Сигара и кофе! Это былъ мой грѣхъ, моя ахиллесова пята, моя слабость, съ которой я часто тщетно боролся и за которую Машенька и прозвала меня далеко нелестнымъ эпитетомъ „буржуа“. Сигара и кофе значили: сластолюбіе, чревоугодничество, преступное баловство, котораго не знаетъ народъ—и потому я былъ „буржуа“... Въ то время это было очень обидное слово... Но въ устахъ Машеньки оно не звучало обидой... Глубокой лаской свѣтились ея глаза, немного насмѣшливой или, скорѣй, смѣющейся лаской, и въ тонѣ ея голоса слышался тотъ матерински-нѣжный укоръ, съ

которымъ мать шутя говоритъ шалуну-сыну: „ахъ, какой ты драчунъ!“ Разъ даже, когда я провалялся двое сутокъ больной, слегка простудившись, и товарищи, сложивши послѣдніе гроши, баловали меня клюквеннымъ морсомъ, Машенька сама принесла мнѣ копѣечную сигару.

— На-те ужъ, курите!.. Только выздоравливайте скорѣе, буржуа!—говорила она, хмуря брови и стараясь быть суровой, но тутъ-же улыбнулась, когда я съ нѣгой закурилъ свое „преступное баловство“.

— Ахъ, какой вы буржуа!.. Сейчасъ и просіялъ весь!..

Признаться, я любилъ это „буржуа“ и даже порою нарочно на него набивался... Это слово какъ-то невольно выдѣляло меня изъ общей среды и ея друзей, дѣлало меня не „всѣми“, а „однимъ“, а, съ другой стороны,—тонъ, которымъ она произносила свое ворчливое „буржуа“, ясно свидѣтельствовалъ, что, несмотря ни на что, Машенька относится ко мнѣ и тепло, и любовно... Я даже любилъ ее поддразнивать своей „буржуазностью“ и пользовался для этого каждымъ случаемъ... Тащимся мы, бывало, съ Петербургской стороны и я непремѣнно норовлю посадить ее на извозчика, ставя ребромъ послѣдній пятиалтынный. Машенька ворчитъ на этотъ самый страшный буржуазный грѣхъ („Господи,—да вы съ-ума сошли?! Кататься на извозчикахъ!“)—но садится, потому что я увѣрю ее, что уѣду одинъ,—все,

молъ, равно, погибнетъ пятиалтынный... Садится, ворчитъ, сто разъ повторяетъ свое „ахъ, буржуа“, увѣряетъ, что это въ послѣдній разъ она согласилась, что она сойдетъ и т. д., а я напущу на себя угрюмый видъ и начну ее упрекать, что она меня разоряетъ...

— Я васъ разоряю?!

Машенька вздрогнетъ, поблѣднѣетъ и въ испугѣ останавливаетъ на мнѣ въ упоръ свои темные, честные глаза...

— Я васъ разоряю, Павелъ?!

— Ну, да, конечно, разоряете!—ворчу я, чуть сдерживая хохотъ. — Сегодня извозчикъ, на дняхъ ветчины фунтъ... Тамъ, если помните, молоко...

— Да развѣ я васъ не браню сама за это?!

Но тутъ я не выдерживаю и начинаю хохотать... Машенька соображаетъ, наконецъ, въ чѣмъ дѣло, и тоже смѣется...

— Ахъ, вы, буржуа!.. Настоящій буржуа!.. Самъ-же франтитъ, а послѣ еще и попрекаетъ другихъ!.. Ну, какъ-же не буржуа!..

Такъ вотъ только Машенькѣ открывалъ я свою святыню... Она терпѣливо и съ интересомъ слушала мои романы,—ея одной я не стыдился. По цѣлымъ часамъ читалъ я ей эти толстыя тетради и часто она вмѣшивалась въ дѣйствіе, страстно моля пощадить понравившуюся ей героиню, которую авторъ приводилъ къ трагическому концу, или наказать, непремѣнно наказать злодѣя, который въ по-

вѣсти оставался торжествующимъ... Я спорилъ, горячо спорилъ, но, правду сказать, всегда передѣлывалъ такъ, какъ хотѣлось Машенькѣ... И, право, всегда вещь становилась лучше отъ этихъ исправленій,—на сторонѣ Машенькинаго чутья всегда оказывалась правда... Одному только я не могъ и не хотѣлъ вѣрить—ея увѣреніямъ, что у меня есть проблески дѣйствительнаго таланта. Я краснѣлъ, начиналъ волноваться и даже сердиться.

— Да, да!—настаивала Машенька.—Конечно, все это еще не обработано, растянуто, но, все-таки, хорошо... Вы должны беречь себя, Павелъ... Право, вы будете писателемъ...

— Что вы, Машенька, что вы!—конфузился я.—Какой я писатель?! Это все такъ себѣ... Я не думаю быть писателемъ,—вы знаете, я хочу...

Но Машенька настаивала на своемъ.

— Спросите другихъ, если не вѣрите мнѣ... Отчего вы не снесете что нибудь въ редакцію?!.

Тутъ я вскакивалъ.

— Въ редакцію?! Я?!. Да что вы, Машенька!.. Развѣ такія вещи могутъ напечатать!..

— А отчего-же не могутъ?! Печатаютъ вещи гораздо хуже.. Попробуйте снести въ редакцію...

Но я даже и думать не могъ объ этомъ, я только краснѣлъ, ибо, казалось, совсѣмъ не вѣрилъ въ себя... Быть „писателемъ", „печататься"—казалось мнѣ тогда чѣмъ-то такимъ

великимъ и недосягаемымъ, что всѣ настаиванья и увѣренья Машеньки не приводили ни къ чему.

Такъ тянулось дѣло, пока я не написалъ разсказъ, который, я знаю, нравится вамъ и который, напечатанный въ числѣ другихъ, далъ мнѣ имя... Какъ я его написалъ, какъ все это у меня вышло,—я и теперь не могу дать себѣ яснаго отчета... Помню только, что состояніе мое тогда было особенное, совсѣмъ иное, чѣмъ когда я сочинялъ свои романы... Я возвращался къ себѣ на закатѣ, и всю дорогу меня преслѣдовали какъ-бы внезапно откуда-то взявшіеся образы. Сначала они были неясны, затѣмъ становились все яснѣе и яснѣе, все болѣе властно подчиняли себѣ мои мысли, наконецъ, встали предо мною до того ясно, что изъ-за нихъ я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не понималъ и, всецѣло поглощенный ими, все ускоряя и ускоряя шаги, летѣлъ къ себѣ, какъ сумасшедшій... Помнится, по тѣлу пробѣгалъ у меня какой-то странный холодъ, похожій на ознобъ, иногда нервно стучали зубы... Придя къ себѣ, я поспѣшно зажегъ лампу дрожавшими руками и сѣлъ писать... Что я писалъ, какъ писалъ,—я не знаю, или не помню... Право, мнѣ кажется теперь, что я писалъ безсознательно, что рука двигалась сама собою, помимо моей личной воли, какъ сами собой текли мои мысли, лились слова, цѣпляясь сами собой одно за другое, и вставали карти-

на за картиной. Помню только, что иногда я вскакивалъ, весь дрожа, нервно дѣлалъ нѣсколько шаговъ по горенкѣ, вновь садился, точно въ какомъ-то чаду, и все время курилъ и курилъ, бросая окурокъ за окуркомъ... Иногда я останавливался, потому что меня пронималъ все тотъ-же странный ознобъ, и рука моя дрожала тогда, какъ въ лихорадкѣ... Я не зналъ времени, я совсѣмъ не сознавалъ, гдѣ я...

Когда я кончилъ, на дворѣ стоялъ уже ясный разсвѣтъ... Ни сна, ни малѣйшаго утомленія я не чувствовалъ... Напротивъ, я чувствовалъ себя необычайно легко и счастливо...

Я чувствовалъ себя такъ, точно съ груди моей скатилась вдругъ стопудовая гиря... И еще одно помню:—я вдругъ потерялъ свой стыдъ!.. Да, этой новой своей вещи я почему-то уже не стыдился!.. Мнѣ казалось, что я способенъ былъ выйти съ нею на улицу и прочесть ее встрѣчнымъ, не стыдясь и не краснѣя... Приди ко мнѣ всѣ мои друзья, я навѣрное сказалъ-бы имъ:—вотъ, что я написалъ!—и прочелъ бы вслухъ. Было ли это магическое дѣйствіе дѣйствительнаго вдохновенія или что другое,—не знаю, но такое странное явленіе—было фактъ.

Я легъ, не раздѣваясь, но не спалъ, потому что сонъ не приходилъ, потому что все еще меня продолжало какъ-то странно знобить. Лежа, я курилъ, и рука моя, державшая папиросу, все еще дрожала и дрожала... Нако-

нецъ, я, какъ-то незамѣтно, заснулъ и проснулся только къ вечеру...

Я взялъ рукопись и пошелъ съ ней прямо къ Машенькѣ. У меня вдругъ почему-то проснулась неодолимая, совершенно новая потребность огласить написанное, подѣлиться имъ съ другими, и эта потребность заглушала собою прежнюю застѣнчивость... У Машеньки я засталъ цѣлую толпу нашихъ друзей, но я, право, не сконфузился, не растерялся, а сказалъ очень просто и спокойно:

— Я написалъ, господа, одну вещицу... Хотите прослушать?...

Всѣ переглянулись недоумѣвающе и удивленно. Машенька даже раскрыла широко свои глазки, но я не обратилъ на это никакого вниманія.

— Да, господа?

— Конечно, конечно!—отозвались всѣ хоромъ, все еще точно не вѣря своимъ ушамъ, но я разворачивалъ свою рукопись, даже не дождавшись этого „конечно“.

Я покраснѣлъ и немного сконфузился только въ началѣ... Затѣмъ я какъ-будто овладѣлъ собою и весь вошелъ въ чтеніе, въ свой разсказъ... Я немного спѣшилъ, но читалъ все свободнѣе и свободнѣе, всецѣло забывая о другихъ... Не знаю, понималъ-ли, сознавалъ-ли я самъ, что читалъ... Можетъ быть—нѣтъ... Кажется, я только слышалъ свое чтеніе, слышалъ однимъ слухомъ, но сердце мое стучало

особенно сильно,—это помню... Наконецъ, передъ глазами мелькнула послѣдняя строчка, и я вновь почувствовалъ, какъ съ плечъ моихъ скатилась свинцовая гиря.

Кругомъ царила мертвая тишина. Ни звука, ни движенія... Я поднялъ глаза на Машеньку,—она сидѣла, точно окаменѣвъ, и по щекамъ ея текли крупныя слезы... Я обвелъ глазами всѣхъ,—всѣ лица были блѣдны, всѣ глаза уставились на меня съ какимъ-то изумленіемъ. Мое сердце какъ-то странно забилось, и вдругъ я почувствовалъ, что задыхаюсь и блѣднѣю... Это было, другъ мой,—торжество!...

— Павелъ!... Да ты, братъ, талантъ!—крикнуло два, три, пять, сотни, казалось, голосовъ разомъ, но я уже вскочилъ, бросилъ рукопись, вспыхнулъ вновь, задрожалъ и, какъ сумасшедшій, самъ не зная зачѣмъ, бросился вонъ... Я бѣжалъ, задыхался, останавливался и снова бѣжалъ...

На другой день утромъ ко мнѣ явилась Машенька и объявила, что снесла рукопись въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ и что за отвѣтомъ мнѣ сказано придти черезъ недѣлю... Я принялъ это извѣстіе очень спокойно, точно иначе и быть не могло, и, помню, самъ удивлялся этому спокойствію... Но затѣмъ?!... Эта жестокая, ужасная недѣля!... О, если-бы редакторы-издатели журналовъ сами были писателями,—они, навѣрное, мягче обращались бы съ начинающими, переживающими

эти ужасныя „первыя недѣли“ и робко, чуть дыша, еле чувствуя подъ собою землю, спѣшащими къ нимъ за роковымъ отвѣтомъ... Дней недѣли я не помню,—ихъ, кажется, совсѣмъ у меня и не было,—была одна томительная, долгая пытка ожиданія... Иногда я гадалъ, что дѣлается въ данный моментъ съ моей рукописью, иногда горѣлъ полной увѣренностью, то вдругъ терялъ всякую надежду и мучился отчаяніемъ... Иногда мнѣ казалось, что подо мною протянуты громадные вѣсы, что я стою на одной чашкѣ, что на другую кладутъ гири, чтобы взвѣсить мое „я“ и опредѣлить роковымъ образомъ его будущее... Вы сами пишете, сами начинали, ну, и сами, значитъ, знаете, что это за пытка...

Но было еще нѣчто, что меня и смущало и приводило почти въ трепетъ,—нѣчто, чего вы совсѣмъ не знали, такъ какъ начали писать сравнительно недавно. Я зналъ, что черезъ нѣсколько дней я буду стоять лицомъ къ лицу съ тѣмъ, при одномъ имени коего склонялись наши молодыя головы; буду говорить съ тѣмъ, предъ окнами кого мы выстаивали иногда цѣлые часы, чтобы уловить его выходъ на улицу или хоть одинъ силуэтъ за стекломъ оконной рамы... Вы догадались, конечно, что я говорю о покойномъ Некрасовѣ, и понимаете мои чувства и состояніе.

И этотъ роковой день, наконецъ, пришелъ... Какъ подошелъ я къ дому на Бассей-

ной,—все равно,—но, входя, я почувствовалъ, что блѣднѣю все больше и больше, что земля какъ будто уплываетъ подъ моими ногами. Бородатый лакей спросилъ мое имя,—я выговорилъ съ трудомъ и черезъ минуту стоялъ лицомъ къ лицу съ поэтомъ.

Было еще очень рано, и въ редакціонной комнатѣ, наполовину занятой билліардомъ, никого, даже секретаря, кромѣ насъ двоихъ, не было. Некрасовъ взглянулъ на меня бокомъ, какъ-то исподлобья и точно пронизалъ этимъ взглядомъ.

— Я прочиталъ вашу вещь, и мы ее напечатаемъ,—глухо проговорилъ онъ прямо въ упоръ, не спуская съ меня пронизывающаго взгляда.—Радъ васъ видѣть!...

Я почувствовалъ, какъ цѣлымъ потокомъ хлынула вся кровь мнѣ въ голову, какъ зажглись мои блѣдныя щеки...

— Садитесь... Давно начали писать?

Я сказалъ... Онъ разспросилъ меня обо многомъ, и, когда я кончилъ, онъ насупился и заходилъ по комнатѣ, заложивъ руки.

— Конечно, не мнѣ отрывать васъ отъ того, куда влечетъ васъ сердце,—началъ онъ сурово и хмуро, какъ бы ища словъ:—но я, все-таки, скажу вамъ: берегите себя... Изъ васъ можетъ выработаться писатель...

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня пристально и прямо, и я точно окаменѣлъ отъ этихъ словъ и взгляда.

— Я не скажу теперь, что вы—талантъ,—продолжалъ онъ, стоя:—потому что у насъ опредѣлить это трудно... Нашихъ писателей часто хватаетъ только на одну или двѣ вещи... Странно это,—но это такъ... Вонъ хоть Кущевскій: написалъ одну очень хорошую вещь, а дальше и ничего!... Судьба ужъ видно у насъ такая... Но, все-таки, повторяю вамъ, изъ васъ можетъ выработаться писатель и вы поберегите себя... У васъ есть чувство, вы умѣете любить и...—Онъ улыбнулся.

— И кусаться!—добавилъ онъ, все также улыбаясь, при чемъ его глаза сверкнули мнѣ изъ-подъ сдвинутыхъ бровей ласковой и мягкой улыбкой.

А я сидѣлъ и не вѣрилъ, казалось, самому себѣ, своему счастью,—не вѣрилъ: мои-ли уши слышатъ, мои-ли глаза видятъ... Но я не спалъ, не грезилъ,—великій поэтъ, разбудившій наши сердца и затеплившій въ нихъ святыя искры любви и вѣры,—дѣйствительно предо мной,—и вы сами поймите мое состояніе... Другъ мой, — про насъ говорятъ, что мы вообще отрицали авторитеты... Я, конечно, не хочу спорить, но я все-таки сдѣлаю малую оговорку... Что бы тамъ ни говорили, своихъ великихъ людей мы умѣли цѣнить, мы умѣли быть благодарными и въ грязь ихъ не топтали... Тѣхъ, что учили насъ любить и мыслить, мы ставили такъ высоко, какъ имъ, конечно, никогда и не сни-

лось, а пыль, пристававшую къ ихъ подошвамъ,—потому что они, какъ и всѣ, ходили по землѣ,—мы умѣли отдѣлять отъ ихъ свѣтлаго духовнаго образа... И потому, пока говорилъ Некрасовъ, я только слухомъ, казалось, ловилъ его слова... Внутри копошилась такая масса смѣшанныхъ чувствъ восторга, благодарности и любви къ родному поэту, такъ рвались они наружу, такъ много хотѣлось сказать устамъ, скованнымъ такой массой, что я только то блѣднѣлъ, то краснѣлъ... А онъ все говорилъ; говорилъ о значеньи литературы, о долгѣ писателя... о... Ну, да о многомъ...

Когда я всталъ, онъ, не выпуская моей руки, спросилъ меня уже совсѣмъ мягко и просто:

— Вамъ нужны деньги?

Вмѣсто отвѣта, я вспыхнулъ.

— Ну, да, конечно!—продолжалъ Некрасовъ, улыбаясь.—Я заплачу вамъ на первый разъ по 75 руб. за листъ. Подождите...

Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и вынесъ сторублевую бумажку.

— Вотъ вамъ пока за листъ... У васъ нѣтъ сдачи?

— Нѣтъ!... улыбнулся и я на его улыбку.

— Тѣмъ лучше... Возьмите всѣ... Тамъ ужо̀ сочтемся!...

Теперь вы и сами нарисуете себѣ мое состояніе—то счастливое, безпредѣльно-счастливое состояніе, какое рѣдко повторяется въ

жизни... Голова у меня кружилась, сердце билось учащенно, я куда-то шелъ, все еще судорожно сжимая въ рукѣ первую собственную радужную бумажку, а въ груди у меня царилъ какой-то необъятно-счастливый покой, безмятежность, лишенная всякихъ тревогъ и сомнѣній... Я все шелъ и что-то насвистывалъ, какъ молодой щегленокъ, когда солнце, прорвавшись сквозь нависшія сѣрыя тучи, оживитъ все окрестъ своими свѣтлыми, благодатными лучами... Я не думалъ, ровно ничего не думалъ, а все только шелъ и шелъ... Да и что могъ-бы я думать?! Если-бы мнѣ протянули самую роскошную діадему, если-бы всѣ блага міра повергли къ моимъ ногамъ,—я отвернулся-бы равнодушно, прошелъ бы мимо, даже не замѣтивъ, потому что, мнѣ казалось, я имѣлъ больше, неизмѣримо больше... Я помню, въ это прелестное майское утро мнѣ все улыбалось—и солнце, и стѣны домовъ, и Нева, на набережной которой я вдругъ очутился, и воздухъ, и рѣявшія въ немъ ласточки, щебетавшія мнѣ, казалось, все то, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ говорилъ поэтъ... Я самъ улыбался всему, насвистывалъ что-то и все шелъ и шелъ...

Опомнился я и остановился только передъ крошечнымъ мезониномъ Машеньки... Какъ я дошелъ до него,—я, казалось, и самъ не могъ дать себѣ отчета... Я вздохнулъ счастливо и присѣлъ на ступеньку деревяннаго крыль-

ца. И тутъ меня сейчасъ же осѣнила веселая и счастливая мысль: кутнуть, накормить вѣчно голодную Машеньку роскошнымъ обѣдомъ.

Я поднялся и, напустивъ на себя для этого спокойный и серьезный видъ, вошелъ къ ней въ свѣтличку.

— Ну, что?—бросилась она ко мнѣ въ тревогѣ и нетерпѣніи.—Что въ редакціи?!

— Ничего, Машенька,—отвѣтилъ я совершенно безучастно, точно меня это нисколько не занимало.—Приняли и напечатаютъ...

— Приняли и напечатаютъ?! — Она даже вздрогнула отъ восторга.

— Да...

— Что-же вы какъ будто не радуетесь?

— Какъ не радуюсь, Машенька,—очень радуюсь!—продолжалъ я, все больше и больше напуская на себя этотъ тонъ безучастья.—Но что-же тутъ такого особеннаго?!

Машенька недоумѣвающе таращила на меня свои глазки.

— И вы видѣли Некрасова?

— Да, видѣлъ...

— Что-же онъ говорилъ вамъ?

— Онъ сказалъ, чтобы я берегъ себя, что изъ меня можетъ выработаться писатель!...

— Писатель!—Машенька захлебнулась.

— Да...

— Но что это съ вами сегодня? Отчего вы такой?!—въ недоумѣньи и тревогѣ оглядывала она меня съ ногъ до головы.

— Какой—такой?!

— Да неестественный какой-то... Загордились?

Я сконфузился.

— Что вы, Машенька!.. Что вы!... Просто, одно важное дѣло, которое важнѣе всякаго писательства!—вралъ я.

— Дѣло?!.—Машенька встревожилась и насторожилась.

— Да... Тутъ одинъ знакомый пріѣхалъ... былъ у нашихъ друзей! — вралъ я, самъ не зная что. — Рѣшили собраться вмѣстѣ и поручили мнѣ привести непремѣнно васъ.

— Кто-же это такой? — Какое дѣло? — все болѣе и болѣе тревожилась Машенька, никогда не подозрѣвавшая лжи.

— А вотъ увидите, — это пока секретъ... Пойдемъ-же!..

Машенька въ тревогѣ стала оправлять свое сѣренькое платье, быстро приколола свой единственный черный бантикъ и взялась за шляпку, держа въ зубахъ булавку.

— Такъ вы теперь *писатель!* — сказала она сквозь зубы, вновь загораясь весельемъ и кидая на меня мягкій, веселый взглядъ.

— Да, Машенька, да... Пойдемъ!..

— Ну, пойдемъ, *писатель!* — улыбаясь, подчеркнула она.

Мы вышли... Мнѣ очень хотѣлось шутить съ Машенькой и я нарочно предложилъ ей вдругъ руку.

— Что?!—почти вскрикнула она.

— Давайте, Машенька, руку!.. — отвѣтилъ я важнымъ, напускнымъ тономъ.

— Руку?.. Я?!.. руку?!.. Да что это такое съ вами сегодня?—не на шутку удивилась она.

— Очень просто!.. — вралъ я въ томъ-же тонѣ. — Теперь я писатель... перезнакомился со всѣми... Я могу съ кѣмъ нибудь встрѣтиться... Неловко же будетъ, когда увидятъ со мной барышню, которая такъ отчаянно размахиваетъ руками... Давайте руку! — говорилъ я, чуть сдерживая улыбку.

Къ моему удивленію, Машенька не сопротивлялась... Я взялъ ее подъ руку, но черезъ минуту она спохватилась, вспыхнула и стала вырываться, повторяя:—нѣтъ, это глупо, это чортъ знаетъ что такое!.. Пустите, Павелъ, пустите!

— Ни за что, Машенька! — говорилъ я, крѣпко прижимая ея руку локтемъ. — Ни за что! Тише, Машенька, тише!.. Насъ могутъ замѣтить!..

Волей-неволей она покорилась, но стала ворчать, что она не умѣетъ идти подъ руку и что я тащу ее слишкомъ быстро... Я убавилъ шагъ и повернулъ на островъ.

— Куда-жъ вы это меня тащите, Павелъ?

— Въ гостиницу, Машенька, — они рѣшили собраться въ гостиницѣ...

— Въ гостиницѣ?! — совсѣмъ испугалась Машенька. — Въ какой гостиницѣ?..

Я и самъ не зналъ, въ какой, потому что до сихъ поръ не имѣлъ никакого понятія о го-

стиницахъ и ресторанахъ... Къ моему счастью, на углу одной изъ линій ярко сверкнули золотыя буквы вывѣски — „Лондонъ“...

— Вотъ куда, Машенька, въ „Лондонъ!“

— Но тамъ, вѣроятно, все страшно дорого?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Мы вошли... Это былъ ресторанъ средней руки съ запыленными старыми люстрами и бра, съ порыжѣвшими и полинявшими мебелью и гардинами, — но намъ съ Машенькой онъ показался, конечно, роскошнымъ palazzo... Она видимо совсѣмъ оробѣла, сконфузилась и потому прижималась ко мнѣ. Когда мы сѣли за столъ, она сейчасъ же спросила:

— А гдѣ же другіе?..

— Они придутъ, Машенька!.. Человѣкъ, обѣденную карту!.. — крикнулъ я не хуже любого франта.

Машенька опять уставилась на меня не то испуганно, не то недоумѣвая. Полинявшій лакей, въ полиняломъ фракѣ, подалъ мнѣ карточку съ обѣдами отъ 30 коп. до 1 руб.

— По рублю-съ?—недовѣрчиво переспросилъ онъ, когда я отмѣтилъ ему по карточкѣ.

— Да!

— Два обѣда-съ?!

— Ну, конечно!

Изумленная Машенька вспыхнула отъ негодованія.

— Вы съ ума сошли, Павелъ!.. Что это значитъ?!

— А это значитъ, Машенька, что такъ надо!

— Два рубля на обѣдъ, когда тамъ есть въ 30 коп.?

— Такъ нужно!..

— Да зачѣмъ нужно?.. Что все это значитъ?

— А вотъ увидите...

— Я не буду ѣсть... это преступленіе... Два рубля, когда кругомъ... нѣтъ! — Да откуда у васъ деньги?!

— Мнѣ дали въ редакціи...

— Дали въ редакціи! — негодовала Машенька.—Дали въ редакціи!... Что же, развѣ вы не могли сдѣлать изъ нихъ лучшаго?

— Не могъ!..

— Это Богъ знаетъ что! Вы говорите все какими-то загадками... Я не буду ѣсть, ни за что не буду... Слышите, буржуа, чистѣйшій буржуа, — я не буду!..

Но она ѣла... Когда подали, какъ теперь помню, зеленый супъ изъ щавеля, такой красивый и вкусный на видъ, она вновь вспыхнула, заворчала, колеблясь взяла ложку и, обзывая меня „буржуа“, все-таки не устояла и стала ѣсть... Съ каждой ложкой она ѣла все смѣлѣе и смѣлѣе, хотя ворчала и обзывала меня по прежнему... За супомъ также пошло другое, третье, и Машенька все ѣла и ѣла, ворча, негодуя, но не чувствуя, видимо, силъ справиться съ проснувшимся аппетитомъ... Плоть оказалась сильнѣе духа, и я, ликуя,

полный счастья, любовался ею, ея ворчаньемъ, негодованьемъ и аппетитомъ... Наконецъ, подали послѣднее — плохой маседуанъ изъ плохихъ засахаренныхъ фруктовъ въ стеклянныхъ чашкахъ, и Машенька всплеснула руками.

— Это преступленье, прямо преступленье, Павелъ!

Но и это „преступленье“ захрустѣло въ, свою очередь, на ея острыхъ, прекрасныхъ зубахъ... Когда всѣ „преступленья“ были уничтожены, за кофе я сталъ поддразнивать Машеньку...

— Ну, Машенька, теперь и вы „буржуа!“

— Какъ-такъ?!

— А рублевый обѣдъ?—Развѣ этого мало!..

— Да вѣдь это все вы! — искренно оправдывалась она, краснѣя и волнуясь. — Развѣ я хотѣла?..

— Да, все я!—съ дѣланной обидой въ тонѣ, ворчалъ я ей въ отвѣтъ.—Все я... Это самое удобное—сваливать все на другихъ.

Машенька сконфузилась до-нельзя и выглядѣла совсѣмъ виноватой, не зная, какъ отнестись къ моимъ словамъ. Я сталъ ее успокаивать и признался во всемъ... Никакого дѣла не было, а я просто хотѣлъ съ нею кутнуть на первый гонораръ... Она сначала какъ будто разсердилась, потомъ вспыхнула и кончила тѣмъ, что разсмѣялась.

— Ахъ, вы, буржуа... безсовѣстный буржуа!

Тутъ мнѣ подали сдачу со ста рублей.

— Вамъ дали цѣлыхъ сто рублей? — точно не вѣря своимъ глазамъ, спросила Машенька.

— Да...

— Далъ Некрасовъ? Неужели?

— Да.

— А говорятъ, что онъ...

— Мало-ли что, Машенька, говорятъ про великихъ людей дурные люди!..

Машенька замолчала, а я протянулъ ей всѣ деньги.

— Вотъ, Машенька,—я хотѣлъ съ вами кутнуть на этотъ первый гонораръ, а теперь остальное, кромѣ этой мелочи, которую я беру себѣ, я отдаю въ ваше распоряженіе для „несчастныхъ!“

Машенька вспыхнула отъ восхищенья, глазки блеснули, ручка протянулась къ деньгамъ — и вдругъ остановилась... Въ лицѣ ея промелькнуло что-то въ родѣ жалости.

— Что-же вы, Машенька?!

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорила она быстро, спѣша и все больше конфузясь: — нѣтъ, я не возьму,.. у васъ не возьму...

— Почему это?!— невольно удивился я.

— Нѣтъ, — не возьму... Вамъ самимъ надо... Вы теперь писатель, вамъ нужны знакомства, а у васъ ничего нѣтъ—ни бѣлья, ни платья... Нѣтъ, нельзя, Павелъ! Вы должны подумать и о себѣ... Не возьму!

— Это мое дѣло, а не ваше, Машенька! — обидѣлся я.—Имѣю же я право распоряжаться тѣмъ, что принадлежитъ мнѣ?!

Мы стали спорить, и Машенька согласилась, наконецъ, взять только часть... Конфузясь, она робко отсчитала 25 и остановилась...

— Будетъ, Павелъ!

— Нѣтъ, ни за что! Берите еще!

— Право, будетъ! — просто упрашивала она меня.

— Ну, хоть на половинѣ помиримся, Машенька!

Она согласилась и отсчитала половину, вся красная и кидая на меня добрый, благодарный и вмѣстѣ участливый взглядъ...

Мы вышли и по дорогѣ зашли въ небольшой скверъ, гдѣ, кромѣ насъ, не было ни души... Теперь уже безъ всякаго сопротивленія дала мнѣ Машенька свою руку и шла, прижавшись ко мнѣ. Мы что-то, смѣясь, говорили, но что—не помню, только знаю, что хорошее, потому что оба чувствовали себя какъ-то особенно хорошо... Вдругъ она вспомнила, что обѣщала навѣстить больную подругу.

— Ну, спасибо, Павелъ, и до свиданья!

Машенька остановилась и улыбнулась...

— А все-таки вы—буржуа!

Она улыбалась глазами, улыбалась вся, всѣми фибрами своего добраго красиваго лица... Изъ-за крѣпости поднималась, какъ-бы грозя, черная туча, погромыхивалъ уже далекій громъ, но надъ нами свѣтило еще солнце и обливало насъ потоками ласковаго, весенняго свѣта...

Это улыбающееся „буржуа“ прозвучало мнѣ какой-то особенной лаской... Я невольно поднялъ глаза, поймалъ взглядъ Машеньки, и тутъ только — наивный глупецъ — почувствовалъ я вдругъ и понялъ, что я ее люблю, давно, глубоко, сильно люблю и любимъ тоже ею.

— Машенька!

Задыхаясь отъ прилива самаго глубокаго счастья, я протянулъ руки... Она не сопротивлялась, только вспыхнула вся до своихъ крошечныхъ ушей... Я прижалъ ее къ себѣ и, весь дрожа, волнуясь, точно въ забытьи, шепталъ ей все одно и то-же слово: люблю, люблю, люблю... Она прильнула ко мнѣ и шептала то-же... Но вдругъ она вырвалась и выскользнула изъ моихъ рукъ.

— Ну, будетъ, дорогой! Довольно!

Лицо ея стало серьезно, брови нахмурились... Вся блѣдная, она тяжело дышала.

— Будетъ, Павелъ!.. Наши дороги разныя!..

— Что?!

— Наши дороги разныя...—повторила она.— Вы должны оставаться здѣсь, беречь себя, — должны стать писателемъ и служить всѣмъ людямъ словомъ своимъ, а я...

— А вы?!—крикнулъ я въ испугѣ, хватая ее за руку.

— А я пойду въ деревню... Я потону въ ней, Павелъ...

— Нѣтъ, Машенька! вы будете моей женой... Мы пойдемъ и потонемъ вмѣстѣ....

Въ безумномъ почти страхѣ за свое счастье, которое тутъ же разбивалось, я крѣпко, до боли сжалъ ея крошечныя рученки... Но она вырывалась, повторяя: пустите, пустите!.. Задыхаясь, я шепталъ ей, что она меня убиваетъ, что мнѣ больно...

— А мнѣ, Павелъ, развѣ сладко? — перебила она меня чуть слышно, и въ тонѣ ея вопроса я услышалъ готовыя вырваться слезы.

— Зачѣмъ же дѣлать такъ?!

— Потому, что всѣ эти „любви“ — одно баловство, мѣшающее дѣлу и работѣ. У васъ есть талантъ и вы должны беречь его, потому что онъ принадлежитъ не вамъ, а вашему народу... У меня—тоже свое дѣло, которому я хочу отдаться вся, безраздѣльно...

— Все это вздоръ, Машенька!..

Я сжималъ ея руки, тянулъ ее къ себѣ, но она вырывалась и шептала все одно и тоже... Она успокаивала меня, увѣряла, что я буду любить еще 20, даже 100 разъ, что ее я скоро забуду, что молодыя раны заживаютъ быстро, но на глазахъ ея дрожали слезки.

— Нѣтъ, нѣтъ, не правда! — говорили сами собою въ отвѣтъ мои безжизненныя, казалось, губы.

Туча изъ за крѣпости надвинулась совсѣмъ близко, грозная, темная, давящая... Громъ загрохоталъ, казалось, прямо надъ нами...

— Прощайте, Павелъ!.. Берегите свой талантъ и забудьте меня „монашку“, какой я и останусь.

Она вырвалась и скользнула отъ меня, какъ тѣнь...

Я стоялъ на мѣстѣ, готовый разрыдаться, какъ ребенокъ,—слезы сжимали мнѣ уже горло,—готовый броситься и силой, во что бы то ни стало, удержать ее...

Минута,—и я догналъ-бы ее... Но вдругъ она сама остановилась, обернулась, подошла ко мнѣ, обняла мою шею руками и я почувствовалъ на щекѣ ея поцѣлуй или слезы...

— Прощай, Павелъ, и не сердись... Я люблю тебя тоже,—но такъ будетъ лучше!—шептала она мнѣ, глотая слезы.—Если ты любишь меня, не ищи со мною встрѣчи,—черезъ два дня я уѣду!.. Нельзя служить вместѣ Богу и мамонѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?.. — говорилъ я, какъ въ чаду, прижимая ее къ себѣ и тоже глотая слезы. Я не зналъ, что дѣлать, что говорить ей, и только прижималъ ее все сильнѣе и сильнѣе... Она не сопротивлялась, прижималась ко мнѣ, положивъ голову на мое плечо, и тихо, беззвучно плакала... Но вдругъ она подняла голову и развела мои руки.

— Будетъ!

И она выскользнула снова, но остановилась на мгновенье, точно колеблясь и не рѣшаясь... Казалось, она еще что-то хочетъ сказать мнѣ, только не находитъ слова, ищетъ его или припоминаетъ... И вдругъ нашла... Она подняла на меня прямо въ упоръ свои добрые честные глаза, полные грустной мольбы.

— Павелъ, — прошептала она мнѣ:—милый Павелъ! — Оставайся всегда честнымъ и люби свой народъ!

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ... Много было пережито мною, во многомъ измѣнилась жизнь... Когда мнѣ подчасъ становится не подъ силу, когда и жизнь, и болѣзнь давятъ до того, что въ больной головѣ копошится преступная мысль: не покончить ли все разомъ? — я какъ-то невольно вспоминаю Машеньку... и благодатное тепло снова наполняетъ мою душу и кажется, будто незримый хранитель святымъ своимъ крыломъ осѣняетъ меня отъ зла... Гдѣ-же нибудь да живетъ Машенька на Руси, а гдѣ живетъ она — тамъ, конечно, живутъ и правда, и совѣсть!

Печатано на бумагѣ Т-ВА РЖЕВСКИХЪ писчебумажныхъ фабрикъ. Складъ—Кіевъ, Б-Владимірская № 49.

3 0112 043215299